

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЕ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ
И ЛИТЕРАТУР
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ:
ДОСТИЖЕНИЯ И
ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Информационные материалы и тезисы докладов
международной научной конференции**

21–22 октября 2003

**Под редакцией В. П. Гудкова, А. Г. Машковой,
С. С. Скорвида**

**Москва
2003**

УДК 800
ББК 81.2
И 89

***К 250-летию Московского университета
К 60-летию кафедры славянской филологии***

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*

Издание осуществлено за счет средств
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

**Электронная версия сборника, опубликованного в 2003 году.
Расположение текста на некоторых страницах электронной версии
может не совпадать с расположением того же текста книжного издания.
При цитировании ссылки на книжное издание обязательны.**

и 89 Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы: Информационные материалы и тезисы докладов международной научной конференции / Под ред. *В. П. Гудкова, А. Г. Машиковой, С. С. Скорвида.* – М., 2003. – 317 с.

Сборник содержит материалы международной научной конференции, посвященной изучению и преподаванию славянских языков и литератур в высших учебных заведениях России и сопредельных стран. Он приурочен к 60-летию основания современной кафедры славянской филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Предназначается для преподавателей и научных сотрудников, аспирантов и студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков.

УДК 800
ББК 81.2

© Филологический факультет
МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003

ПРОГРАММА

КОНФЕРЕНЦИИ «ИССЛЕДОВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

21 октября, 10.00–13.00

Конференц-зал

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председательствуют В. П. Гудков, Е. З. Цыбенко

I. Торжественная часть

Вступительное слово Председателя Оргкомитета конференции, декана филологического факультета МГУ проф. М. Л. Ремневой.

Приветствия почетных гостей конференции.

II. Доклады и сообщения

1. В. П. Гудков (Москва). Кафедра славянской филологии МГУ: 60 лет педагогического и научного творчества.
2. А. Г. Машкова (Москва). Основные аспекты научной деятельности литературоведов кафедры славянской филологии МГУ.
3. М. Ю. Котова (Санкт-Петербург). Деятельность и научно-исследовательская работа кафедры славянской филологии СПбГУ в 1998–2003 гг.
4. Н. К. Жакова (Санкт-Петербург). Основные направления литературоведческих исследований на кафедре славянской филологии СПбГУ.
5. Г. Ф. Ковалев (Воронеж). Изучение славянских языков в Воронежском университете.
6. Б. Ю. Норман, Н. В. Супрунчук (Минск). Проблемы грамматики славянских языков в исследованиях кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета.
7. В. А. Моторный (Львов). Современное состояние славистики во Львове
8. Н. Д. Григораш (Львов). Научные объединения в перспективе славистических исследований (из опыта деятельности объединения-семинара «Проблемы художественного времени, пространства, ритма»).

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

21 октября, 13.45–18.00

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Секция 1: История и диалектология славянских языков. Ауд. 1055

Председательствуют М. Вуйтович, В.П. Гудков

1. М. Вуйтович (Познань). Проблемы реконструкции первоначального состава древнейшего славянского алфавита.
2. А. С. Новикова (Москва). Из истории перевода с греческого языка первой славянской книги.
3. Е. С. Федоскина (Москва). Октоих Климента Охридского: историко-биографический аспект.
4. А. А. Хрущева (Москва). К вопросу о применении церковнославянского языка русской редакции в сербской литературе конца XVIII – начала XIX вв.
5. О. С. Плотникова (Москва). К проблеме морфологического варьирования в словенском литературном языке XVI века.
6. Н. А. Тупикова (Волгоград). Функционально-семантическая характеристика глагольной лексики в культурно-историческом аспекте (к проблеме лингвистического описания старопольских деловых текстов в составе архивных комплексов).
7. Г. Г. Тяпко (Москва). Имена качества в «Сербском словаре» Вука Караджича
8. В. О. Нечаевский (Москва). О немецких лексических заимствованиях в варминьском диалекте польского языка.
9. А. Н. Соболев (Санкт-Петербург – Марбург). О славянских заимствованиях в албанском языке.

Секция 2: Развитие славянских литературных языков в социолингвистическом аспекте. Ауд. 973

Председательствуют Р.П. Усикова, К.В. Лифанов

1. Р. П. Усикова (Москва). Некоторые сопоставления типологии македонского и русского литературных языков в аспекте истории литературноязыковых ситуаций.
2. О. А. Ржанникова (Москва). Вопросы социолингвистики и стилистики в «Грамматике болгарского языка для владеющих русским языком» Н. В. Котовой и М. Янакиева.
3. Е. А. Балашова (Пермь). Русские и словенцы: сопоставительный аспект обыденного восприятия лексических единиц.
4. И. Д. Макарова (Москва). Словенская языковая ситуация: литературный стандарт и вариативность разговорной речи (на материале разговорной речи Любляны).
5. К. В. Лифанов (Москва). Восточнословацкий диалект в публикациях конца XIX – начала XX вв. в США.

Секция 3: Грамматический строй славянских языков. Ауд. 1059

Председательствуют Н.С. Ковалев, А.И. Изотов

1. Н. С. Ковалев (Волгоград). Сербский информативный текст на электронной странице: грамматические и коммуникативные характеристики.
2. Л. М. Васильев (Уфа). Грамматические категории славянского глагола (время и вид)
3. Й. Дапчева (София). Зависимость лексического значения слова от его категориальной семантики (на материале слов-характеристик в болгарском языке).
4. А. И. Изотов (Москва). Аналитический императив в современном чешском языке
5. Е. В. Тимонина (Москва). Партиципиальные морфемы в болгарском языке.
6. М. Ю. Кагушева (Пермь). К вопросу о переводимости причастий с чешского языка на русский и с русского на чешский.
7. В. А. Минасова (Ростов-на-Дону). Место слов общего рода среди именных категорий польского и русского языков.
8. Н. В. Боронникова (Пермь). К вопросу о статусе лексемы «один» в болгарском и македонском языках.
9. В. Б. Попова (Челябинск). Функционально-семантический подход при изучении наречий времени в чешском и русском языках.

Секция 4: Лексика, фразеология и идиоматика славянских языков.

Ауд. 1052

Председательствуют В.Ф. Васильева, А.Р. Багдасаров

1. В. Ф. Васильева (Москва). Языковая объективация мыслительного содержания в ракурсе межъязыковой функциональной словообразовательной и морфологической асимметрии (на материале русского и западнославянских языков).
2. Е. В. Петрухина (Москва). Данные славянских языков для изучения русской языковой картины мира.
3. Ю. А. Каменькова (Москва). Абстрактные имена эмоционального и чувственного восприятия в ракурсе глагольной метафоризации (на материале чешского языка).
5. М. С. Хмелевский (Санкт-Петербург). К универсалиям формирования разряда наречий-интенсификаторов в славянских языках.
6. И. А. Прокофьева, Е. В. Рахилина (Москва). Глаголы колебательного движения: польский и русский.
7. А. Р. Багдасаров (Москва). Вариантность слова и некоторые проблемы стандартизации в современном хорватском языке (на лексикографическом материале).
8. Г. П. Тыртова (Москва). К вопросу о новейших заимствованиях в сербском языке.

9. Е. В. Розова (Донецк). Причины и условия появления инноваций в украинском языке конца XX – начала XXI веков (на материале отыменных существительных – названий лиц).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Изучение и преподавание славянских литератур Ауд. 972

Председательствуют А.Г. Машкова, А.И. Баранов

1. Е. З. Цыбенко (Москва). Основные тенденции развития польской прозы в 90-х гг. XX–XXI вв.
2. Э. Чаплеевич (Варшава). Эволюция польской поэзии в XX в.
3. Е. Н. Ковтун (Москва). Опыт реализации курса «История литератур западных и южных славян» для русистов.
4. Т. Е. Аникина, М. Л. Бершадская (Санкт-Петербург). Проблемы освещения постмодернизма в курсе зарубежных славянских литератур (на материале чешской и словацкой литератур и литератур югославянских народов).
5. А. Г. Шешкен (Москва). Македонская литература 1990-х годов и ее место в курсе истории национальной литературы.
6. А. И. Баранов (Вильнюс). С. Пшибышевский: творческое наследие. Актуальные проблемы изучения.
7. В. Г. Короткий (Минск). Контрреформация и «Контрправославие»: к вопросу о терминологической дефиниции в истории литературных эпох.
8. Н. В. Шведова (Москва). Словацкий надреализм: контуры изучения.
9. В. И. Оцхели (Кутаиси). Достижения и перспективы изучения творчества Владислава Станислава Реймонта.
10. Г. М. Лесная (Москва). Символизм как направление в украинской литературе начала XX в.: к постановке вопроса.

22 октября, 10.30–13.30

Секция 1: История и диалектология славянских языков Ауд. 971

Председательствуют Ж.Ж. Варбот, Г.А. Лилич

1. М. О. Мельниченко (Санкт-Петербург). У истоков сравнительно-сопоставительного изучения чешской и русской фонетики.
2. Г. А. Лилич (Санкт-Петербург). И.И. Срезневский и проблема поддельных глосс в средневековом чешском словаре «*Mater verborum*».
3. Ж. Ж. Варбот (Москва). О возможности реконструкции славянского этимологического гнезда с корнем *gud- ‘сгибать, хватать, сжимать’ (к проблеме полисемии / омонимии этимологических гнезд).
4. В. Е. Моисеенко (Львов – Сомбатхей). О коричневом цвете в русском и других славянских языках.

ного метода описания структурных особенностей синтаксически связанных словосочетаний.

9. А. И. Ковалев (Ростов-на-Дону). Семантика каузальных детерминантов в сербском языке.
10. К. Л. Цыганова (Саранск). Критерии разграничения присоединительных конструкций – членов предложения и неполных предложений (на материале сербохорватского языка).

Секция 4: Лексика, фразеология и идиоматика славянских языков **Ауд. 1052**

Председательствуют Г. П. Тыртова, Г. Ф. Ковалев

1. Э. М. Гукасова (Краснодар). Национальное и интернациональное в славянской фразеологии.
2. О. О. Лешкова (Москва). К вопросу о метафорической сочетаемости лексем (на материале польского языка).
3. И. В. Кузьмин (Нижний Новгород). Фразеологизмы с соматонимами как «культуроспецифичные» показатели (на материале русской и польской фразеосистем).
4. Л. А. Лебедева (Краснодар). Компаративные антропохарактеристики в чешском языке.
5. М. Ю. Котова (Санкт-Петербург). К понятию нормы в паремиологии (на материале славянских языков).
6. А. В. Семенова (Москва). К вопросу о модели построения статьи идеографического фразеологического словаря (на материале кашубской фразеологии).
7. Н. Р. Рыболовлев (Москва). Обращение в польском речевом этикете (польско-русское сопоставление).
8. В. Ушинскиене (Вильнюс). О некоторых особенностях выражения просьбы в речи поляков – жителей Вильнюса.
9. Г. Ф. Ковалев (Воронеж). Чацкий и... Польша.
10. И. Г. Овчинникова (Пермь). Освоение семантики глаголов *vediet'* / *znать* словацкими и русскими детьми.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сравнительное изучение славянских литератур **Ауд. 972**

Председательствуют С. В. Клементьев, Н. В. Шведова

1. Д. Подмакова (Братислава). Краткая характеристика взаимосвязей словацкой и русской драматургии и словацкого и русского театра.
2. Е. Ю. Рожкова (Москва). К проблеме словацко-венгерских литературных связей.
3. Е. В. Кузьмук (Москва). Становление украинского романа и романное творчество Ф. М. Достоевского.
4. И. В. Уваров (Москва). Проблема художественного мифологизма и славянские литературы второй половины XX века.

5. В. М. Шевцова (Могилев). «Три встречи» И. С. Тургенева и «Последняя встреча» Я. Брыля (жанрово-видовая специфика).
6. Н. Н. Старикова (Москва). Постмодернизм в славянских литературах (опыт комплексного исследования).
7. О. И. Цивкач (Ивано-Франковск). Из истории переписки Станислава Винченца и украинской писательницы Ольги Дучиминской.
8. А. Ю. Пескова (Москва). Гротеск в словацкой и венгерской литературах 50–70-х годов XX века (на примере прозы Петера Карваша и Иштвана Эркена).

22 октября, 14.00–17.00

Круглый стол «Проблемы методики преподавания славянских языков»

Ауд. 971

Председательствуют Н. Е. Ананьева, Л. П. Васильева

1. Н. Е. Ананьева (Москва). Изучение польской хремотонимии как составная часть культурологического и страноведческого образования полонистов.
2. Л. И. Байкова (Краснодар). Чешско-русская межкультурная коммуникация: лингвострановедческий аспект.
3. В. Н. Вагнер (Москва). Изучение близкородственного языка русистами – цели и задачи (на примере чешского языка).
4. Л. П. Васильева (Львов). Выявление различий в языковых фактах штокавской системы в стандартах сербского и хорватского языков в учебных целях.
5. К. Морита (Киото – Варшава). Обучение славянским языкам в японском высшем учебном заведении: современное состояние, проблемы и перспективы.
6. Г. П. Нещименко (Москва). Сопоставительное изучение славянских языков на факультете иностранных языков МГУ.

Круглый стол «Язык произведений художественной литературы и перевод»

Ауд. 1057

Председательствуют А. А. Горбачевский, С. С. Скорвид

1. Т. Е. Аникина, М. Б. Шулин (Санкт-Петербург). Двуязычная писательская лексикография в ряду филологических дисциплин.
2. А. А. Горбачевский, Ч. А. Горбачевский (Челябинск). Поэтический перевод и адаптация.
3. Е. Е. Бразговская (Пермь). Проблемы знака и именования в поэтической онтологии Чеслава Милоша.
4. А. В. Савченко (Санкт-Петербург). Интертекстуальные элементы в структуре художественного произведения как экспрессивно-выразительное средство (на материале романа Й. Шкворецкого «Танковый батальон»).

5. С. С. Скорвид (Москва). История и диалектология славянских языков в свете некоторых существенных аспектов художественного перевода (на чешско-русском материале).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Проблемы поэтики славянских литератур

Ауд. 972

Председательствуют Е. Н. Ковтун, С. Н. Мещеряков

1. В. Марчок (Братислава). Конец исторической поэтики?
2. В. Д. Петрова (Чебоксары). Внешность святого в славянской агиографии XIV в.
3. А. Е. Бобраков-Тимошкин (Москва). К вопросу о художественных особенностях чешской прозы 1910-х годов.
4. С. В. Клементьев (Москва). Гротеск в польской прозе 20–30-х годов XX века.
5. А. Г. Бодрова (Санкт-Петербург). Некоторые особенности автобиографической прозы Ивана Цанкара.
6. З. И. Карцева (Москва). ХАЙКУ в болгарской сетевой литературе.
7. М. В. Смирнова (Москва). Возможности метода системного анализа при исследовании жанрообразующей роли концепции личности в художественной прозе Богумила Райнова.
8. С. Н. Мещеряков (Москва). Роман-парабола с историческим сюжетом в сербской литературе 1970-х годов.
9. Е. А. Васильева (Москва). Эволюция поэтики Ладислава Мнячко.
10. А. Ф. Петрухина (Москва). Особенности постмодернизма в творчестве Павла Виликовского.
11. Н. В. Штакельберг (Санкт-Петербург). Некоторые структурно-композиционные особенности романа Я. Топола «Сестра».
12. Г. И. Нефагина (Минск). «Неоконченный стих о весне...» (судьба Федора Ильяшевича).

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Ауд. 1060

17.00 – Торжественное закрытие конференции
Совместная трапеза

Регламент: доклад на пленарном заседании – до 20 мин., доклад в секции – до 15 мин.

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

В. П. Гудков (Москва). КАФЕДРА СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ МГУ:
60 ЛЕТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО И НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

Славяноведение как широкая совокупность гуманитарных наук (славянское языкознание, история славянских литератур и фольклор, национальная история и культура славян) было введено в качестве учебной дисциплины в Московском университете уставом университетов России, утвержденным 26 июля 1835 г. В течение XIX и первых десятилетий XX в. кафедре истории и литературы славянских наречий, а затем славянской филологии занимал, как правило, один профессор (М. Т. Каченовский, О. М. Бодянский, А. Л. Дювернуа, Р. Ф. Брандт). Преподавание языков имело описательно-ознакомительный характер с преобладанием исторической интерпретации языковых фактов. История литературы славянских народов освещалась в лекциях и изучалась фрагментарно.

После Октябрьской революции и гражданской войны Московский университет пережил череду различных преобразований. В 30-х годах прошлого века филологическая славистика в нашей стране почти замерла. Многие слависты были репрессированы.

Вторая мировая война выявила пагубность проводившейся директивными органами СССР политики в отношении славяноведения и славянской филологии. Обнаружился дефицит специалистов, способных обеспечивать сношения со славянскими народами, ставшими вместе с СССР жертвами немецко-фашистской агрессии. В этих условиях на филологическом факультете МГУ в 1943 г. были открыты кафедра славянской филологии и учебное славянское отделение. В первые годы кафедру возглавлял акад. Н. С. Державин, но фактически создателем кафедры как коллектива преподавателей и ученых и многолетним ее руководителем стал С. Б. Бернштейн. Труды С. Б. Бернштейна и его заслуги в подготовке славистов широко известны.

Для функционирования кафедры и учебного отделения было необходимо, во-первых, создать учебный план и программы славистических курсов; во-вторых, организовать подготовку учебных пособий; в-третьих, развернуть научно-исследовательскую работу. Учебный план славянского отделения с самого начала имел и поныне содержит разумную комбинацию дисциплин общепилологического значения, предметов русистики, обширный набор дисциплин по специальности, разнообразные частные курсы по славянскому языкознанию и литературоведению.

Для обеспечения учебного процесса была создана и опубликована серия учебников и учебных пособий, издан ряд словарей. Исследова-

тельская работа профессоров и преподавателей кафедры вышла за рамки сравнительно-исторического языкознания, палеославистики и социально-исторической трактовки литературного процесса. Привлекательным и предпочтительным объектом исследований стали для многих лингвистов кафедры современные языки в их литературной форме и диалектном разнообразии с использованием системно-функционального и синхронно-сопоставительного подхода. Многие труды ученых кафедры, в частности, А. Г. Широковой, заведовавшей кафедрой в 1970–1990 гг., получили широкую известность и признание международной филологической общественности. История кафедры до 1990-х гг. изложена в целом ряде публикаций¹.

В 1990-х гг. кафедра славянской филологии работала и развивалась как гармоничный научно-педагогический коллектив, пополнялась новыми высококвалифицированными и талантливыми преподавателями. К четырем инославянским языкам, изучавшимся в первые годы существования славянского отделения – польскому, чешскому, сербохорватскому и болгарскому и прибавившимся к ним позже словацкому, словенскому и македонскому – присоединились как объект преподавания и научного исследования языки серболужицкой, украинский и белорусский с изучением соответствующих литератур. Введены и успешно читаются курсы истории культуры отдельных славянских народов (наряду с историей стран).

Научно-исследовательская деятельность кафедры многопланова и весьма активна. В последнее десятилетие опубликованы значительные труды (в частности, фундаментальная «Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком» Н. В. Котовой и Н. Янакиева), успешно защищен целый ряд кандидатских и четыре докторские диссертации.

Кафедра ежегодно проводит научные конференции, в большинстве своем международные. Иллюстрацией высокого уровня научной квалификации ее сотрудников является участие в международных съездах славистов. На последнем, XIII съезде в Любляне с докладами выступили Н. Е. Ананьева и Е. Н. Ковтун, а К. В. Лифанов, А. Г. Машкова, Т. С. Тихомирова и А. Г. Шешкен опубликовали свои исследования в сборниках, предваривших съезд и изданных национальным комитетом славистов.

---

¹ С.Б. Бернштейн. Становление славянского отделения на филологическом факультете Московского гос. университета им. М.В. Ломоносова // Актуальные проблемы славянской филологии (материалы научной конференции). М., 1993. С. 5-7; В.П. Гудков. К сорокалетию кафедры славянской филологии МГУ // Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационная бюллетень. Вып. 11. М., 1984. С. 5-8; В.П. Гудков. К 50-летию отделения славянской филологии: взгляд в прошлое и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1994. № 3. С. 44-48; В.П. Гудков, С. С. Скорвид, Е. З. Цыбенко. Кафедра славянской филологии // Филологический факультет Московского университета. Очерки истории. М., 2001. С. 183-220; В.П. Гудков. Александра Григорьевна Широкова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1998. № 6. С. 178-180.

В этом году кафедра возобновляет подготовку и выпуск серии научных сборников по проблемам славянских языков, литератур, фольклора, межславянских культурных связей. Таким образом возрождается кафедральное продолжающееся издание, ранее выходившее под названием «Славянская филология».

В свое седьмое десятилетие кафедра славянской филологии вступает с оптимизмом, основанным на сознании достигнутых успехов и ощущении реальности намеченных планов.

А.Г. Маишкова (Москва). ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ КАФЕДРЫ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ МГУ

Значительный вклад в развитие филологической науки, которая, как известно, представляет собой совокупность многих наук и дисциплин, вносят литературоведы кафедры славянской филологии, занимающиеся исследованием различных аспектов истории славянских литератур. И хотя в сравнении с лингвистической и исторической науками традиции в области изучения литератур западных и южных славян не столь богаты, тем не менее сегодня мы уже можем говорить о существовании университетской литературоведческой науки, что имеет большое значение для совершенствования учебного процесса. То есть направленность научной деятельности обусловлена не только научными интересами каждого, но в значительной мере и практической целесообразностью. Обширная и многоплановая педагогическая деятельность требует от литературоведов основательной научной подготовки, умения ориентироваться в самой разнообразной проблематике. Результаты научных изысканий активно используются ими в учебном процессе, в написании учебников, учебных программ, способствуют обогащению лекционных курсов, работы семинаров, помогают правильно сориентировать студентов в выборе тематики курсовых и дипломных сочинений.

Характер и тематика научных изысканий во многом определяется общим состоянием литературоведческой науки в стране. В связи с этим можно говорить об определенной динамике направленности научных исследований на протяжении истории существования кафедры, постепенном расширении и обогащении сферы научных интересов преподавателей. В частности, отказавшись от повышенного внимания к литературе соцреализма, что было свойственно литературоведам в предшествующие десятилетия, в том числе и многим ученым кафедры, в последние годы они все чаще обращают свой взор к таким до сих пор малоизученным явлениям, как символизм, экспрессионизм, натурализм, постмодернизм и т. п.

Основы литературоведческой кафедральной науки практически закладывались уже в первые годы существования кафедры и связаны с именами А. И. Павловича, М. А. Доланской, Н. П. Михальской, читавших курсы истории славянских литератур студентам-славистам. В конце 40-х

годов начали формироваться собственные научные и преподавательские кадры. Закончив аспирантуру и защитив кандидатские диссертации, подключились к преподавательской деятельности Р. Р. Кузнецова, Е. З. Цыбенко, А. М. Балакин, З. М. Холонина. Позже, в начале 60-х годов, к ним присоединился Н. И. Кравцов, который наряду с П. Г. Богатыревым и Н. И. Толстым, кроме литератур южных славян, читал курс фольклора славянских народов.

Значительная часть бывших выпускников и аспирантов кафедры проявила себя на поприще академической науки, став авторитетными учеными. Среди них: Н. К. Горский, С. В. Никольский, С. А. Шерлаимова, А. Г. Пиотровская, Г. Я. Ильина, А. П. Соловьева. Работая в Институте славяноведения РАН, они, однако, не порывали связи с кафедрой, читая лекционные курсы, консультируя студентов и аспирантов. Данная традиция была продолжена и в последующие десятилетия, когда для чтения общих и специальных лекционных курсов, а также для участия в написании учебников, учебных пособий, программ приглашались выпускники кафедры, составившие костяк современной славистической науки. Это В. А. Хорев, В. И. Злыднев, Л. Н. Будагова, Л. Н. Титова, А. В. Липатов, И. А. Богданова, Ю. В. Богданов, Р. Л. Филипчикова, И. И. Калиганов, О. Р. Медведева, Н. В. Шведова, Л. Ф. Широкова, С. В. Каськова, И. А. Андрияка и др.

Постепенно славянские литературы становились для литературоведов кафедры предметом систематического научного анализа. Его результаты отражены в диссертациях, монографиях, статьях, докладах – на университетских, общесоюзных (позже – общероссийских) и международных конференциях, а также в учебниках, учебных пособиях и программах. Тематика научных изысканий расширялась, ее отличало все большее многообразие. Начали вырисовываться основные направления научной деятельности: это проблемы поэтики, в первую очередь различные модификации романного жанра, сравнительного изучения литератур, сатиры, фантастики и др. Как правило, они исследовались на материале литературы XX века. Исключение составили труды Н. И. Кравцова, круг научных интересов которого лежал преимущественно в области славянского фольклора, и Е. З. Цыбенко, в течение многих лет отдававшей предпочтение польской литературе XIX века.

Исследованию поэтики прозы XX века, прежде всего различных модификаций романного жанра, посвящены докторская диссертация Р. Р. Кузнецовой, кандидатские диссертации З. И. Карцевой, Н. В. Масленниковой, А. Г. Машковой, С. Н. Мещерякова. Данные проблемы нашли свое отражение в целом ряде их публикаций. Сатирические тенденции в творчестве современных болгарских писателей, а также чешских писателей 30-х годов XX века стали предметом изучения в статьях З. И. Карцевой и А. Г. Машковой. Проблемы различных типов фантастики разработаны Е. Н. Ковтун в

кандидатской и докторской диссертациях на материале чешской и некоторых других европейских литератур, а также в ее публикациях.

Значительное внимание преподаватели кафедры уделяют сравнительному изучению литератур, основы которого были заложены Е. З. Цыбенко и Н. И. Кравцовым. Обращаясь к различным аспектам данной темы (контактные и типологические связи, проблемы влияния, перевода, популяризации отдельных славянских литератур в славянских и неславянских странах и т.п.), ученые привлекают обширный литературный материал, в том числе не только классические, но и малоизвестные образцы художественного творчества, что позволяет отчетливее увидеть основные тенденции развития отдельных славянских литератур, а также литературы всех славянских народов в их единстве, всесторонне осмыслить литературный процесс в философско-историческом плане в контексте развития западноевропейских литератур. Проблемам компаративистики посвящены кандидатские диссертации С. Н. Клементьева и А. Г. Шешкен и их публикации на данную тему. Систематически занимаются изучением славяно-русских литературных связей, а также литературных контактов между отдельными славянскими литературами и литературами западноевропейскими З. И. Карцева, Е. Н. Ковтун, А. Г. Машкова, С. Н. Мещеряков, Н. Н. Старикова, Е. З. Цыбенко, А. Г. Шешкен.

Положительным моментом в исследовательской деятельности литературоведов кафедры является значительный интерес к изучению состояния славянских литератур последнего десятилетия. В частности, в связи с активизацией позиций постмодернизма к данной проблеме обращаются З. И. Карцева, Е. Н. Ковтун, Н. Н. Старикова.

Таким образом, ученые-литературоведы кафедры славянской филологии вносят весьма весомый вклад в развитие славистической науки. Их научная деятельность объемна и многогранна. Значительный приток в последние годы молодых кадров вселяет надежду, что лучшие традиции кафедральной науки не только будут продолжены, но и будут реализованы многие задачи, связанные с расширением временных рамок исследования славянских литератур, а также с обогащением их проблематики в соответствии с достижениями современной литературоведческой науки.

М. Ю. Котова (Санкт-Петербург). Деятельность и научно-исследовательская работа кафедры славянской филологии СПбГУ в 1998–2003 гг.

Коллектив кафедры славянской филологии СПбГУ (более 40 штатных профессоров и преподавателей, совместителей, почасовиков и иностранных лекторов) обеспечивает обучение студентов на пяти отделениях (болгарском, польском, сербохорватском, словацком и чешском). С 2003/2004 учебного года кафедра совместно с кафедрой английской

филологии (зав. кафедрой – проф. А. В. Зеленщиков) открывает новое отделение «Чешский язык и литература, английский язык». А всего ведется преподавание одиннадцати славянских языков, в том числе белорусского, украинского, македонского и словенского (по программам второго и третьего славянского языка для студентов-славистов, славянского языка для студентов-русистов, для студентов-историков и для слушателей филологических специализаций «Балтистика» и «Палеославистика»).

Коллектив кафедры славянской филологии представляет собой петербургскую научную школу в области славянского языкознания и литературоведения, сформировавшуюся под руководством проф. П. А. Дмитриева (1928–1998) и проф. В. Д. Андреева (1929–2000). В настоящее время научным лидером кафедры является заслуженный работник высшей школы РФ проф. Г. А. Лилич. Основными направлениями научных исследований коллектива остаются общие вопросы грамматики, лексикологии и лексикографии, лингвистические вопросы перевода и история литературы славянских стран*.

За последние 2 года защищены 4 кандидатские диссертации (Т. А. Милютиной, А. В. Савченко, К. В. Яцевич – под научным руководством проф. Г. А. Лилич; Е. А. Невзоровой-Кмеч – под руководством доц. В. И. Ермолы). В 2003 г. успешно прошло обсуждение на кафедре двух докторских диссертаций – доц. Е. Ю. Ивановой «Логико-семантические типы предложений. Неполные речевые реализации (в русском и болгарском языках)» и доц. Р. Х. Тугушевой «Особенности исторического развития лексики чешского и словацкого языков».

В 1998–2002 гг. сотрудниками кафедры опубликовано более 300 научных статей, 1 монография (Н. К. Жаковой «Тютчев и славяне»), 5 учебных пособий («Антология болгарской литературной критики» В. Д. Андреева и Х. Трендафилова, «Польский язык: Учебное пособие по развитию речи» Г. К. Волошиной и Я. Ходеры, «Учебные задания по курсу фразеологии современного польского языка» В. И. Ермолы, «Конструкции экспрессивного синтаксиса в современном болгарском языке» Е. Ю. Ивановой, «Упражнения по грамматике сербского (сербохорватского) языка. Морфология» О. И. Трофимкиной и М. А. Милютиной), 3 сборника учебных программ, 2 словаря («Словарь поэзии Николы Вапцарова. Опыт лексикографического описания болгарского художественного текста. Вып. 1. А – дъщеря» Отв. ред. Г. В. Крылова. Авторы: Е. А. Захаревич, Е. Ю. Иванова, М. Ю. Котова, Г. В. Крылова, Е. В. Цуцкарева, З. К. Шанова; «Русско-славянский словарь словосочетаний с английскими соответствиями». Отв. ред. П. А. Дмитриев. Автор: М. Ю. Котова).

В 2003 готовятся к выходу в свет в издательстве СПбГУ шесть монографий (Н. К. Жаковой «История чешской литературы конца XVIII–XIX веков», Е. Ю. Ивановой «Логико-семантические типы предложения:

---

* Вопросам изучения литературы посвящается доклад Н. К. Жаковой.

неполные речевые реализации», Р. Х. Тугушевой «Очерки по сопоставительной лексикологии чешского и словацкого языков», И. М. Порочкиной «Т. Г. Масарик и славяне», С. И. Николаева «От Кохановского до Мицкевича», М. Ю. Котовой «Очерки по славянской паремиологии»), шесть учебных пособий (С. В. Зайцевой и М. А. Милютиной «Антология сербской поэзии и прозы XX века»; Е. И. Варюхиной «Сборник упражнений по грамматике польского языка»; Н. Е. Боевой «Белорусский язык»; В. В. Муцинской «Украинский язык», З. К. Шановой «К истории перевода с болгарского языка на русский [XIX – начало XX в.]», Г. К. Волошиной «Читаем польские стихи»), три словаря (В. И. Ермолы «Кашубско-русский фразеологический словарь»; О. И. Трофимкиной «Сербохорватско-русский фразеологический словарь»; «Словарь поэзии Н. Вапцарова (Е–Л). Вып. 2. Отв. редактор Г. В. Крылова).

Готовятся к публикации «Македонско-русский словарь» З. К. Шановой в соавторстве с Р. П. Усиковой; «Большой словарь библеизмов в современном русском литературном языке» Г. А. Лилич, О. И. Трофимкиной, В. М. Мокиенко; учебные пособия З. К. Шановой «История и архитектура Санкт-Петербурга (на болгарском языке)» и Р. Х. Тугушевой «Практическая сопоставительная фонетика чешского и словацкого языков».

Следует особо отметить лексикографическое творчество главы кафедральной фразеологической школы, нашего штатного сотрудника проф. В. М. Мокиенко, который с начала 90-х гг. работает в Германии. За последние пять лет В. М. Мокиенко, в соавторстве с российскими и зарубежными коллегами опубликовал 9 словарей: в соавторстве с Т. Г. Никитиной «Толковый словарь Совдепии» (1998) и «Большой словарь русского жаргона» (2000); в соавторстве с А. К. Бирихом и Л. И. Степановой «Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник» (1998); в соавторстве с К. П. Сидоренко «Словарь крылатых выражений Пушкина» (1999); в соавторстве с М. А. Грачевым «Историко-этимологический словарь воровского жаргона» (2000); в соавторстве с А. М. Мелерович «Фразеологизмы в русской речи» (2001, 2-е издание); в соавторстве с Х. Вальтером «Russisch – Deutsches Jargon – Wortebuch» (2001); в соавторстве с В. П. Фелицыной «Школьный фразеологический словарь русского языка» (2002); в соавторстве с Ю. А. Ермолаевой, А. А. Зайнульдиновым, Т. В. Кормилицыной, Е. И. Селиверстовой, Н. Е. Якименко «Школьный словарь живых русских пословиц» (2002).

По инициативе кафедры славянской филологии (зав. кафедрой – доц. М. Ю. Котова) и Галисийского центра СПбГУ (директор центра – доц. Е. С. Зернова) в г. Сантьяго-де-Компостела (Испания) вышли в свет две монографии В. М. Мокиенко в переводах на галисийский язык – «Славянская фразеология» и «Образы русской речи».

На кафедре совместно с МСК имени проф. Б. А. Ларина продолжается разработка плановой темы «Двуязычная писательская лексикография» (коллективом составителей болгарско-русского словаря поэзии Н. Вапцарова – руководитель доц. Г. В. Крылова и коллективом составителей чешско-русского объяснительного словаря к трилогии М. Пуймановой – руководитель проф. Г. А. Лилич).

В качестве отдельного научного направления кафедры оформляется и разработка темы «Отражение паремиологического минимума русского языка в славянских языках» (руководитель – доц. М. Ю. Котова)

В память профессоров П. А. Дмитриева (1928–1998) и Г. И. Сафронова (1924–1997), стоявших во главе кафедры славянской филологии ЛГУ (СПбГУ) около трех десятилетий, кафедра при поддержке руководства филологического факультета (декан – проф. С. И. Богданов) в 1999 году учредила ежегодную международную научную конференцию «Славистические чтения», которая уже в пятый раз будет проводиться в сентябре 2003 года (подано около 80 заявок).

Основные направления работы «Славистических чтений» сформулированы в названиях подразделений конференции: секции грамматики, лексикологии, фразеологии и паремиологии, лексикографии, истории славянских языков, теории и критики перевода, истории славистики, вопросов преподавания славянских языков, истории славянских литератур, культурных и литературных взаимосвязей. Опубликованы сборники материалов трех первых конференций «Славистические чтения», четвертый сдан в печать. (общее число докладов, материалы которых подготовлены к публикации в четырех сборниках, – более 300). За четыре года в чтениях приняли участие слависты многих российских вузов и институтов (Института славяноведения РАН, Казанского гос. университета, Красноярского гос. университета, МГУ им. М. В. Ломоносова, Петрозаводского гос. университета, Псковского педагогического института, Российского гос. педагогического университета им. А. И. Герцена, Саратовского гос. университета, Томского гос. университета и ряда других), а также ученые из славянских стран (Белоруссии, Украины, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Польши, Словении, Чехии, Югославии) и коллеги из Латвии, Литвы, Казахстана, Дании, Испании, Италии, Швеции.

Программа V Славистических чтений (11.09.–13.09.2003) составлена на основе поступивших заявок. Общая тематика основных секций определена оргкомитетом в соответствии с преобладающими научными интересами проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова. Программа чтений предусматривает 11 заседаний в секциях и 2 пленарных заседания.

Не менее важно для кафедры участие в традиционных научных факультетских конференциях – Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов (в 2003 году прошла XXXII мартовская конференция) и в Державинских чтениях, проходящих в

рамках мартовской факультетской конференции (в 2003 году прошли восьмые Державинские чтения).

Особо следует отметить роль круглого стола «Проблемы методики преподавания славистических дисциплин в вузах России», который состоялся 15–22 марта 1999г. на XXVIII Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов в секции славянской филологии совета по филологии УМО (руководитель – зам. председателя Совета по филологии УМО, зав. кафедрой славянской филологии МГУ доц. В. П. Гудков).

В 2002 году кафедра славянской филологии совместно с Центром международного обучения и ЦППК ФЛ СПбГУ начала осуществление нового проекта – Летней школы славистики для молодых славистов и студентов-старшекурсников других вузов. В соответствии с учебной программой, утвержденной кафедрой и Центром переподготовки кадров и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению СПбГУ (директор – д.ф.н. доц. А. С. Асиновский), кафедра завершает подготовку лекционного курса, охватывающего самые разные аспекты славистики в широком диапазоне. На кафедре работают научно-методические группы, задачей которых является подготовка лекций по славянской лексикографии (руководитель – доц. Г. В. Крылова), по сравнительному славянскому литературоведению (руководитель – доц. М. П. Мальков), по культурным и литературным связям славянских народов (руководитель – доц. Н. К. Жакова), по славянскому стихосложению (руководитель – доц. Г. К. Волошина) и другим темам.

В июле 2003 года молодые слависты из Польши, Словении, Сербии, Украины и Чехии примут участие во II Летней школе славистики. Цикл лекций «Российская славистика в петербургских традициях. Сопоставительное славянское языкознание» прочитают преподаватели кафедры проф. Г. А. Лилич, доц. Г. В. Крылова, доц. Т. Е. Аникина, доц. В. И. Ермола, доц. Н. К. Жакова и другие.

Хочется надеяться, что подъем научной и организационно-педагогической активности кафедры даст весомые позитивные результаты.

Н. К. Жакова (Санкт-Петербург). ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА КАФЕДРЕ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ СПбГУ

Преподавание славянских литератур в Санкт-Петербургском государственном университете имеет давние традиции. Первыми начали читать лекции по истории славянских литератур еще в XIX в. М. И. Касторский и П. И. Прейс. Целая эпоха развития петербургской славистики во второй половине XIX в. связана с именами И. И. Срезневского и В.И. Ламанского, которые рассматривали литературный процесс в славянских землях на широком историко-культурном фоне, особенно глубоко представляя древний период.

В XX веке петербургскую славистику возглавил профессор, а затем академик Н. С. Державин, читавший лекции по истории болгарской литературы. Проблемами литератур западных славян в 30-ые годы занимались профессора К. А. Пушкаревич, В. Г. Чернобаев, а после войны К. А. Копержинский и С. С. Советов. Их преподаванию был присущ широкий культурологический и общепилологический размах, блестящая эрудиция и тонкое чутье художественного слова.

Послевоенное геополитическое развитие дало толчок к углубленному изучению современной жизни и истории, культуры, языка и литератур славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы. В этот период происходит становление ленинградской славистической школы с ее приверженностью к комплексному рассмотрению историко-филологической проблематики, к исследованию литературы каждого славянского народа в полном объеме – от истоков до современности.

В эти годы начинают работать на кафедре те, кто на целых полвека определили характер ленинградского литературоведческого славяноведения: В. Д. Андреев, В. Б. Оболевич, И. М. Порочкина, Г. И. Сафронов. Они разрабатывали новые лекционные курсы по истории литератур Болгарии, Польши, Чехии и Югославии, популяризировали достижения славянских литератур, участвовали в подготовке и издании сочинений славянских классиков и современных славянских писателей. Они представляли ленинградскую школу славистов на международной арене. Ими было возвращено новое поколение специалистов по славянским литературам, которое вместе с ними способствовало поддержанию высокого уровня преподавательской и исследовательской работы на кафедре славянской филологии ЛГУ в области славянских литератур. Это М. Л. Бершадская, Н. К. Жакова, М. П. Мальков, О. И. Минин, Т. А. Аникина.

С середины 70-х годов XX в. наступает новый этап в развитии ленинградской литературоведческой славистики, которую объединило общее дело – создание коллективного учебника по сравнительной истории литератур западных и южных славян. Общими усилиями выработывалась единая концепция и общие подходы к периодизации истории славянских литератур, к освещению сложных и неоднозначных явлений. В основе всего лежал сравнительно-исторический метод и типологическое рассмотрение процессов, происходящих в родственных славянских литературах, что давало возможность выявить сходства и различия в их историческом развитии, показать роль литературных взаимосвязей и определить вклад той или иной славянской литературы в общемировую литературу.

Эти же принципы пронизывали всю систему преподавания славянских литератур на кафедре славянской филологии. Большую роль в расширении кругозора и выработке навыков научного исследования у будущих специалистов играют литературоведческие спецкурсы, количество которых на кафедре колеблется в разные годы от 10 до 15. Особого внимания заслуживают возникшие за последнее десятилетие

такие спецкурсы, как «Славянская этнокультурная общность» и «Сравнительное славянское стихосложение».

Ведущей темой литературоведческих исследований на филологическом факультете ЛГУ – СПбГУ в течение последних десятилетий стало изучение литературных взаимосвязей, лидером которого был проф. В. Д. Андреев. Это направление было необычайно плодотворным и дало путевку в жизнь ряду монографий и многочисленным статьям по взаимосвязям в области литературного творчества славян. Большим событием для литературоведов страны стала крупная международная конференция «Взаимосвязи и взаимовлияние русской и европейских литератур» с секцией «Русско-славянские литературные связи» (ноябрь 1997 г.). Идея и инициатива ее проведения принадлежали профессорам Г. И. Сафронову и В. Д. Андрееву.

Помимо проблематики взаимосвязей связей, каждый из литературоведов кафедры разрабатывает свою собственную тему, отражающую направленность его интересов.

В последние годы у петербургских славистов появилась новая традиция – отмечать 12 сентября – день памяти своих учителей и руководителей – профессоров П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова – проведением международной конференции «Славистические чтения». В этом году они пройдут в 5-й раз. Литературоведы России и других славянских (и не только славянских) стран принимают в них живое участие, обсуждая насущные вопросы развития славянских литератур. Особенный интерес к современному литературному процессу славян проявляет молодежь, пополняющая ряды литературоведов-славистов.

Г. Ф. Ковалев (Воронеж). ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ НА КАФЕДРЕ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Несмотря на сравнительно короткую, по сравнению с Ягеллонским (Краков) или Карловым (Прага) университетами, историю, Воронежский университет может гордиться своей славистической школой, которая представлена учеными мирового масштаба, в то или иное время преподававших в университете. Традиции славистики в Воронеже были заложены гораздо раньше основания университета. Это связано прежде всего с деятельностью в Воронеже ученого-энциклопедиста Е. Болховитинова, одного из основоположников отечественного лингвокраеведения, и уж действительно заложителя начал современной славянской антропонимики¹², а затем и с изданием здесь в XIX веке одного из лучших журналов того времени – «Филологические записки». На страницах именно этого журнала появлялись первые публикации

---

¹² Ковалев Г. Ф. Е.А.Болховитинов – отец российской антропонимики // Евфимий Алексеевич Болховитинов и его творческое наследие. Воронеж. С. 38–39.

гениального слависта А. А. Потебни, именно здесь целым рядом ученых разрабатывались этнолингвистические проблемы мифологии славян.

Современная кафедра славянской филологии является прямой преемницей лингвистических кафедр, переехавших из Юрьевского (Дерптского, сейчас – Тартуского) университета в Воронеж в 1918 г., и продолжает научно-педагогические традиции кафедры славянской филологии (1918–1921), заведующим которой был крупный российский славист профессор Г. А. Ильинский (1876–1938), автор не утратившей своего значения и до сих пор «Праславянской грамматики». Много в научном отношении шло и от другой кафедры – сравнительного языкознания и санскрита, возглавлявшейся профессором Д. Н. Кудрявским (1867–1920). В первые годы сербохорватский язык филологам преподавал профессор Г. Т. Чуич (1891–1941), будущий ректор ВГУ, серб по национальности.

После восстановления в ВГУ филологического факультета в 1941 г. была единственная кафедра русского языка, которой сначала руководил профессор В.Ф.Чистяков, а с 1951 г. – доцент, а затем профессор В.И. Собиинникова (1908–1999).

Основная тема современной кафедры славянской филологии: «Сравнительные исследования истории русского и других славянских языков и их диалектов». Научная работа на кафедре всегда велась и ведётся в полном соответствии как с учебными задачами, так и с индивидуальными интересами ученых. В настоящее время у кафедры славянской филологии сложилось два основных учебных направления: преподавание курсов, связанных с историей русского языка (русская диалектология, историческая грамматика русского языка, история русского литературного языка) и славянских языков (введение в славянскую филологию, старославянский язык, сравнительная грамматика славянских языков, славянская ономастика, практические курсы болгарского, македонского, польского, чешского и украинского языков). Поэтому основные направления исследований – это сравнительная грамматика, лексикология и синтаксис славянских языков, история русского языка, русская диалектология, а также ономастика славянских языков, что соответствует двум сложившимся основным школам-направлениям кафедры: историко-диалектологическое (проф. В. И. Собиинникова) и ономастическое (проф. Г. Ф. Ковалев).

Сейчас на кафедре работают два доктора филологических наук, защитившие диссертации по специальности «славянские языки» – 10.02.03: профессор Г.Ф. Ковалев, который ведет курс «Введение в славянскую филологию» и различные спецкурсы по славянской ономастике, и доц. В.Ф. Аскоченская, которая ведет курс польского языка и литературы, а также ряд спецкурсов по сравнительной грамматике славянских языков. Остальные доценты и преподаватели кафедры, ведущие занятия по славянским языкам проходили стажировку в странах преподаваемого ими славянского языка.

После окончания Второй мировой войны славянские языки на филологическом факультете почти не читались. Сначала велись занятия только по польскому языку (1945–1955 гг. – В. И. Собиинникова). Затем В. И. Собиинникова, воспитавшая практически всех воронежских русистов и славистов, стала читать большой спецкурс «Сравнительная грамматика славянских языков». Кстати, первое в нашей стране пособие по курсу «Введение в славянскую филологию» было подготовлено профессором В. И. Собиинниковой (Воронеж, 1979 г.). Имея прекрасную подготовку историка русского языка, В. И. Собиинникова использовала в своих научных исследованиях данные большинства славянских языков (болгарский, сербский, польский, чешский, украинский, белорусский).

Вторым языком, преподававшимся на кафедре, был украинский. Его начинала вести (уже после войны) Л. П. Комиссарова, затем выпускница кафедры Р. К. Кавецкая (Гусаченко). Сейчас украинский язык и литературу ведет доцент М. Т. Авдеева. Существует при кафедре также Центр украиноведения (рук. – доц. М. Т. Авдеева). Кроме преподавания украинского языка, в Центре ведутся исследования по функционированию украинского языка в нашем регионе, особенностям его взаимодействия с русскоязычными говорами, поскольку около половины говоров Воронежской области – украинские. Собрана большая Картоотека Словаря украинских говоров Воронежской области (около 50 тыс. карточек). Сейчас сложился прочный коллектив преподавателей и студентов, который трудится над подготовкой к изданию Словаря украинских говоров (ориентировочно в трех томах). Однако пока нет средств опубликовать такой словарь. Очень живо им заинтересовались Украина и Канада, которые готовы оплатить этот издательский проект. Однако не хотелось бы отдавать такой приоритет в чужие руки.

Преподавание чешского языка было связано с деятельностью на факультете крупного ученого-фольклориста профессора П. Г. Богатырева. В свое время он был одним из активных участников (вместе с Р. О. Якобсоном и Н. С. Трубецким) знаменитого Пражского лингвистического кружка. Прекрасно зная славянские языки, особенно чешский, он блестяще перевел на русский язык шедевр Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». П. Г. Богатырев подготовил смену будущих богемистов университета. Под его руководством защитили кандидатские диссертации Е. Б. Артеменко (сейчас профессор ВГПУ) и И. К. Зайцева, которая долго преподавала чешский язык на факультете. Сейчас чешский язык и литературу ведет ее ученица доцент Е. В. Давыдова.

Болгарский язык начинали преподавать студенты-болгары, учившиеся на факультете: Иван Иванов, Магдалена Ганчева, Диана Янакиева. С 1974 по 1991 годы занятия по болгарскому и македонскому языкам вела доцент А. С. Афанасьева. Затем три года занятия вел болгарский аспирант кафедры Георги Ненков. Потом два года болгарский язык и литературу преподавала выпускница Софийского университета Е. В. Полтева.

Сейчас занятия по болгарскому языку и литературе ведет преподаватель Ю. С. Мещерякова. Она же, после стажировки в г. Скопье, преподает также македонский язык и литературу.

Серболужицкий язык несколько лет на кафедре преподавали студенты из Германии, изучавшие русский язык, поскольку они были носителями серболужицкого языка как родного. Сейчас преподавание этого языка прекращено, поскольку нет специалистов. Не оказалось в последнее десятилетие преподавателя и по сербохорватскому языку, который на кафедре тоже преподавался на протяжении пяти лет.

Практически сразу же по окончании Второй мировой войны коллектив кафедры приступил к самому главному своему делу – составлению Словаря воронежских говоров. Организатором и вдохновителем этого начинания была ставшая потом маститым профессором В. И. Собинникова. Прошло почти 60 лет, и сейчас можно сказать: дело это в надежных руках молодых сотрудников кафедры, и есть уже довольно весомые результаты. Ежегодные экспедиции в воронежскую глубинку, через которые прошли все поколения студентов факультета и большинство преподавателей, дали возможность создать мощнейшую Картотеку Словаря воронежских говоров, о ничем не измеримой ценности которой для русской культуры и говорить страшно (около 100 тысяч карточек). На базе материалов этой Картотеки уже защищено несколько десятков кандидатских диссертаций, сейчас готовятся к защите еще несколько. Диссертанты уже давно преподают в вузах Воронежа, России, Украины и Казахстана, продолжая научные и этические традиции, заложенные патриархом воронежской филологии профессором В. И. Собинниковой.

Подготовлен к опубликованию (на уровне макета) первый том Словаря воронежских говоров. Он включает в себе следующие материалы: Краткий очерк истории исследования воронежских говоров (доц. В. И. Дьякова), Структура словарной статьи (доц. А. И. Чижик-Полейко), Список сокращений населенных пунктов Воронежской области, обследованные при подготовке Словаря (проф. Г.Ф.Ковалев), словарные статьи на литеры «А–В» (всего около 300 с.). Словарь воронежских говоров охватывает лексику и фразеологию говоров Воронежской области и тех частей Липецкой и Белгородской областей, которые до 1954 года входили в состав Воронежской области. Тысячи слов, зафиксированных в Словаре, впервые вводятся в научный обиход, что представляет значительный интерес для исторической лексикологии, диалектологии, истории и этнографии Воронежского края. Словарь воронежских говоров является толковым словарем дифференциального типа. В Словарь включены диалектные слова разных типов:

- 1) местные слова, имеющие эквиваленты в литературном языке;
- 2) местные слова, не имеющие эквивалентов в литературном языке;
- 3) слова, отличающиеся от литературных только значением;

4) слова, в словообразовательном отношении отличающиеся от тождественных слов литературного языка;

5) слова, отличающиеся грамматическими особенностями от соответствующих слов литературного языка.

Если будет финансирование, то этот труд многих поколений филологов нашего университета наконец-то увидит свет.

При кафедре существует лаборатория Воронежского лингвокраеведения имени профессора В.И.Собинниковой, заложившей основы региональных лингвистических и этнографических исследований. В лаборатории активно сотрудничают как преподаватели, так и аспиранты и студенты, прикрепленные к кафедре. Печатный орган лаборатории – межвузовский научный студенческий сборник «Край Воронежский», который насчитывает уже 4 выпуска (вып. 1 – 1996; вып. 2 – 1998; вып. 3 – 1999; вып. 4 – 2002).

В рамках лингвокраеведческих исследований защищены кандидатские диссертации по региональной лексике и ономастике: «Ойконимия Воронежской области: семантика и словообразование» (1998) – С. А. Попов; «Типология русских катойконимов на фоне германских языков» (1999) – В. П. Фролова; «Гидронимия Среднего Дона: номинационный и словообразовательный аспекты» (2000) – В. А. Семушкин; «Названия одежды в диалектах Воронежской области (2002) – М. В. Панова. Уже подготовлены к защите диссертации по микропонимии Воронежской области – Т. А. Толбина и по диалектным названиям пищи Воронежской области – Т. В. Карасева. Итоги этих и других региональных исследований не станут мертвым капиталом академической науки. Практически все достижения воронежских ономастов войдут в уникальное, доселе нигде не предпринимавшееся издание: «Ономастическая энциклопедия Воронежской области» (ойконимия – С. А. Попов, гидронимия – В. А. Семушкин, катойконимия – В. П. Фролова, микропонимия – Т. А. Толбина, народная астрономия и региональная антропонимия – Г. Ф. Ковалев).

Результатом усилий многих ученых факультета, но прежде всего профессора В.И.Собинниковой, стал выход в свет в 1963 г. первого выпуска, ставшего уже лицом кафедры, издания «Материалов по русско-славянскому языкознанию» (кстати, это название было дано профессором З.Д.Поповой). С тех пор «Материалы по русско-славянскому языкознанию» выходят более или менее регулярно. Только в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века была заминка с изданием из-за отсутствия финансирования. Тем не менее, вышло уже 26 выпусков. За многие годы, что прошли после выхода в свет 1-го выпуска в этом сборнике опубликовалось более 500 авторов со всех концов нашей страны и зарубежных (Болгария, Германия, Словакия, Польша, Италия и т. д.). «Материалы по русско-славянскому языкознанию» первое время выходили спорадически, по мере накопления материалов, без указания номера выпуска. Только с двадцатого сборника стал указываться номер выпуска, а уже в 21-м выпуске был опубликован полный указатель

статей, помещенных в первых двадцати выпусках². Первые сборники в основном были посвящены двум исследовательским направлениям: исторической грамматике русского языка и русской диалектологии. Затем тематика исследований, публикуемых в «Материалах по русско-славянскому языкознанию» значительно расширилась за счет работ по сравнительным аспектам грамматик славянских языков, а также этимологических исследований. В «Материалах» начали свою жизнь новые словари, которые печатались и пробными статьями и целыми выпусками. Это прежде всего Словарь географической лексики Воронежского края с историческими комментариями В. И. Дьяковой и В. И. Хитровой (1982, 1984, 1986, 1988, 1996–1999, 2003 гг.). Именно здесь начал публиковаться и Материалы к Словарю воронежских говоров (1996–2000). Кроме коллективных словарей начали появляться и авторские словари, это Словарь омонимов македонского языка с русскими толкованиями А. А. Кретьева (1998–2000) и Словарь этнических названий народов России Г. Ф. Ковалева (1996–1999).

В сборнике регулярно выходит рубрика «Студенческий дебют», в которой печатаются лучшие работы студентов по славистике. Эта рубрика стала прочной ступенью в большую науку: практически все будущие аспиранты публиковали свои лучшие работы именно в этой рубрике «Материалов по русско-славянскому языкознанию», а затем плавно начинали представлять сюда же статьи по материалам своих диссертационных исследований.

Последние выпуски «Материалов по русско-славянскому языкознанию» выдерживались в определенной тематике для каждого номера. Так, выпуск 20 (1994) был отдан под материалы Международной научной конференции «История и современное состояние славянских языков», посвященной 50-летию педагогической и научной деятельности профессора В.И.Собинниковой в Воронежском государственном университете. В 21 выпуске (1996) был подведен определенный итог сотрудничества ученых в «Материалах»: опубликован Указатель статей, опубликованных в двадцати предыдущих выпусках «Материалов» (сост. Т. П. Семенова, С. 134–157). Выпуск 22-й (1997) благодарными учениками и коллегами по науке был посвящен 90-летию профессора В.И.Собинниковой, здесь же была представлена полная библиография трудов юбиляра (сост. Т. П. Семенова, С. 8–19). 200-летию со дня рождения великого польского поэта и гражданина Адама Мицкевича был посвящен 23-й выпуск, который вышел в год Международного Съезда славистов в Кракове (1998). 24-й выпуск был посвящен 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина (1999). Жемчужине древнерусской литературы был посвящен 25-й выпуск, он был приурочен к 200-летию первой публикации «Слова о полку Игореве» (2000 г.). 26-й выпуск почти целиком был отдан под материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения В. И. Даля. Кроме того, выпуск был приурочен к Дням славянской письменности и

культуры в Воронеже (2003). К печати подготовлен 27-й выпуск, посвященный творческому наследию М. И. Цветаевой в связи со 100-летием со дня рождения поэта (ориентировочно – 2004 г.).

Кафедра имеет постоянные научные связи с целым рядом вузов России и зарубежья. Наиболее активны контакты с Болгарской Академией наук (Институт за български език), Ягеллонским университетом (Польша, Краков), Македонской Академией наук (Институт за македонски језик). Контакты заключаются в обмене книгами, поездками на международные конференции, участии ученых кафедры в зарубежных изданиях.

В последнее время благодаря усилиям М. Т. Авдеевой налазились хорошие контакты с Луганским пед. ун-том. Хорошие контакты традиционно у кафедры с Донецким университетом (Украина). Ученые кафедры регулярно публикуют итоги своих исследований в «Восточно-украинском лингвистическом сборнике», выпускаемом Донецким университетом. Преподаватели, аспиранты и студенты почти регулярно ездят на языковую практику в Украину (Луганск, Киев, Львов).

Налаживаются контакты с Елецким государственным университетом им. И. А. Бунина. По просьбе руководства филологического факультета этого университета наша кафедра взяла шефство по проблемам славистических дисциплин. Есть договоренность, что цикл обучения в Ельце и Курске по славянским языкам будет обеспечен учебными пособиями, подготовленными учеными нашей кафедры (украинский язык – М. Т. Авдеева, чешский язык – Е. В. Давыдова, польский язык – В. Ф. Аскоченская, македонский язык – Ю. С. Мещерякова). Пособия по украинскому, чешскому и польскому языкам уже подготовлены (в макетах), по македонскому языку идет процесс макетирования. Такое же предложение о славистической опеке поступило и от руководства Курского государственного университета.

Воспитательная работа кафедры проходит в рамках традиционного курирования студенческой группы при кафедре, индивидуальной работы научных руководителей. Особенно хочется выделить деятельность по работе со студентами преподавателя О. В. Дмитриной. Она очень активно работает как со студентами вечернего отделения, так и с китайскими студентами. Она регулярно проводит с ними внеаудиторные мероприятия, связанные с изучением старославянского и польского языков. В результате китайские студенты выступали с инсценировкой «Притчи о блудном сыне» (на старославянском языке!) в литературном музее в с.Новоживотинное и на славянских чтениях. Группа студентов вечернего отделения под руководством О. В. Дмитриной провела этнографический вечер «Польское Рождество» (в котором, кстати, принял участие весь факультет), а затем и вечер, посвященный Ф. Шопену (кстати, китайские студенты активно участвовали в обоих мероприятиях). Регулярно подготавливаются также большие стенные газеты, отражающие эти мероприятия.

Работа ученых кафедры регулярно получает освещение в местных газетах и на областном радио, где был подготовлен цикл радиопередач

по воронежскому лингвокраеведению, получивший положительные отклики среди широких слоев радиослушателей нашей области.

Б. Ю. Норман, Н.В. Супрунчук (Минск). ПРОБЛЕМЫ ГРАММАТИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ КАФЕДРЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ БЕЛГОСУНИВЕРСИТЕТА

Кафедра теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета (первоначально – кафедра общего и славянского языкознания) была образована в 1966 г. Организатором и душой кафедры (до самой своей смерти в 1999 г.) был доктор филологических и доктор педагогических наук профессор А. Е. Супрун. Сплотившиеся вокруг него сотрудники кафедры, наряду с преподаванием славянских языков (с 1993 г. кафедра обеспечивает преподавание студентам пяти зарубежных славянских языков как основных специализаций), активно занимались научно-исследовательской работой.

Одно из основных направлений научных исследований кафедры – это изучение грамматического строя славянских языков. За неполные четыре десятилетия на этом пути были достигнуты серьезные научные результаты, которые можно систематизировать следующим образом.

1. Вклад в развитие теории частей речи. В работах А. Е. Супруна, особенно в его монографии «Славянские числительные» (1969), а также в книге «Части речи в русском языке» (1971), продемонстрирован подход к частям речи как нечетко-множественным классам, формирующимся в результате взаимодействия различных факторов.

2. Разработка принципов динамической (креативной, психолингвистической) грамматики. В монографиях Б. Ю. Нормана «Синтаксис речевой деятельности» (1978) и «Грамматика говорящего» (1994) вскрываются механизмы речевой деятельности, в том числе действующие на синтаксическом уровне.

3. Описание процесса становления грамматической науки в славянском мире. В монографии Н. Б. Мечковской «Ранние восточнославянские грамматики» (1984) и ряде других ее публикаций показаны особенности формирования понятийного и терминологического аппарата лингвистики в славянских странах.

4. Вклад в развитие функционального и логико-семантического направления в современном славянском языкознании. В книге А. К. Киклевича «Язык и логика» (1998) на материале русского и польского языков рассматриваются общелингвистические проблемы категории квантификации, а в его же «Лекциях по функциональной грамматике» (1999) излагаются основы и перспективы функционального подхода к языку.

Важнейшим результатом коллективной научной работы кафедры, получившим высокую оценку не только отечественных, но и зарубежных ученых, явились три тома функционально-семантической

грамматики, созданные славистами Белгосуниверситета совместно с немецкими коллегами (с немецкой стороны данным проектом руководил проф. Х. Яхнов из Рурского университета в Бохуме). Тома эти посвящены соответственно категориям модальности (1994), персональности (1999) и количественности (2001). Каждый том, кроме теоретических и обобщающих разделов, содержит главы, посвященные конкретным славянским языкам. С белорусской стороны в коллективном проекте участвовали А. Е. Супрун, Б. Ю. Норман, Н. Б. Мечковская, Б. А. Плотников, А. К. Киклевич, Е. Н. Руденко, В. Б. Журавель, А. А. Кожина, Л. И. Соболева, А. В. Зинкевич, Е. С. Суркова и др.

Исследовательская работа членов кафедры всегда была внутренне связана с их преподавательской деятельностью. Многие научные идеи получили апробацию в изданных учебниках и учебных пособиях по болгарскому, польскому, чешскому, сербскохорватскому, старославянскому, полабскому, праславянскому языкам, а также по общему языкознанию и введению в языкознание. Высокую оценку научной и педагогической общественности получил подготовленный А. Е. Супруном учебник «Введение в славянскую филологию» (первое издание, совместно с А. М. Калютой, – 1981; второе – 1989).

Проблемы грамматики славянских языков в сопоставительно-типологическом и сравнительно-историческом аспектах нашли свое отражение также в подготовленных кафедрой (в сотрудничестве с иностранными партнерами) сборниках «Проблемы лингвистики текста» (1989, 1991), «Белорусско-болгарские языковые параллели» (1992), «Славяно-германские языковые параллели» (1996), в пяти выпусках ежегодника «Полонистика» (1998—2002), в опубликованных материалах I, II и III Супруновских чтений (2001, 2002, 2003) и многих других коллективных изданиях.

Начиная со второй половины 80-х годов, на кафедре постоянно работает не менее 4 докторов наук. В различное время с кафедрой сотрудничали такие известные белорусские ученые, как В. В. Мартынов, Г. А. Цыхун, В. В. Макаров и др.; в качестве приглашенных профессоров или лекторов читали спецкурсы Б. Блажев, Р. Русинов (Болгария), В.П. Гудков (Россия), Я. Мазур (Польша), А. Кречмер (Германия) и другие известные слависты. Накопленный исследовательский опыт и высокая квалификация позволяет сегодня минским славистам ставить и решать самые серьезные лингвистические задачи. В качестве приоритетных тем, связанных с изучением грамматического строя славянских языков, можно указать следующие.

Внутренняя структура грамматических категорий в славянских языках может, как известно, различаться. Это нетрудно показать на примере категорий времени, числа или рода. Однако такое своеобразие граммемного состава категории означает не только установление каждый раз особых отношений (оппозиций и корреляций) между входящими в нее граммемами, но и особенности ее функционирования

в качестве ядра соответствующей функционально-семантической категории (ФСК). Так, различия в болгарской и русской системе грамматических времен отражаются в разном устройстве ФСК темпоральности в данных языках. Здесь у временных форм развиваются специфические модальные значения, в рамках сложноподчиненного предложения формируются свои правила таксиса, в инвентарь темпоральности входят особые частицы и лексические средства и т.д. Тем самым собственно оппозиционная структура грамматической категории сталкивается с полевым (по принципу “больше – меньше”) принципом ее реализации в тексте.

Общая типология значения (таксономия, основанная на признаках “синтаксическое – несинтаксическое”, “обязательное – необязательное”, “регулярное – нерегулярное” и т.п.) позволяет исследовать любой семантический феномен на предмет степени его “грамматичности”. И оказывается, что некоторые значения в одном языке выражаются более регулярно и однозначно, чем в другом. В частности, побуждение к совместному действию в одних славянских языках (польском, чешском и др.) передается специальными глагольными аффиксами, а в других (русском, сербском и др.) выражается менее регулярно и строго, с помощью неморфологических, аналитических средств. Означает ли это, что сама природа значения остается при этом неизменной – или же она сдвигается на шкале семантики в сторону лексического “полюса”?

Неполнота или избыточность парадигмы, равно как и частотно-стилевая характеристика корпуса словоформ, может служить диагностирующим признаком при описании лексико-семантических классов слов. Это можно показать как на примере максимально общих классов слов (безличных или одновидовых глаголов, существительных, ограниченных в своем функционировании только одним числом – *singularia tantum* и *pluralia tantum*, прилагательных, не имеющих степеней сравнения, и т.п.), так и на примере более узких лексических группировок (типа “названия обуви” или “названия качеств, имеющих абсолютную ценность”). При этом, однако, встает теоретическая проблема объема (лексической базы) грамматической категории: сама природа грамматического значения требует, очевидно, максимальной широты охвата лексического материала.

Заслуживает дальнейшего исследования применительно к славянскому материалу понятие грамматической правильности (отмеченности) конструкций и внутриязыковые основания узуса и нормы. Особый интерес для исследователей представляют так называемые скрытые грамматические категории (термин был введен Б.Л. Уорфом). Судя по работам последних десятилетий, к таковым в славянских языках можно относить активность действия, неотчуждаемость признака, измеримость объекта и др. В славянских языках эти категории проявляются прежде всего через особенности управления и согласования, а также через

формы “явных” грамматических категорий – таких, как падеж или число.

Одни и те же, на первый взгляд, грамматические явления имеют в разных славянских языках различную типологическую ценность, поскольку они обусловлены другими элементами языковой системы. Так, неупотребительность деепричастий в некоторых языках (например, их редкость в белорусском) ведет к активизации иных способов выражения сложной мысли (вторичной предикации, сложного предложения и т.п.). Процесс анимизации неодушевленных существительных приобретает особую окраску в тех языках, в которых имеется граммема мужско-личного рода (как в польском). Функционирование указательных местоимений в болгарском и македонском обусловлено некоторыми ограничениями, связанными с наличием там категории определенности имени. Сохраняющееся в некоторых славянских языках (в частности, в словенском) двойственное число определенным образом влияет на трактовку в этих языках семантики множественного числа и т.д. Развитие класса относительных местоимений в одних языках (например, болгарском) активизирует их морфологический (словообразовательный) инвентарь, в других же (например, польском) предъявляет особые требования к порядку слов.

Существенную прикладную ценность имеет описание системы синтаксических моделей (формул предложения) славянских языков. Имеющиеся в настоящее время теоретические и практические наработки (главным образом в русской, чешской, польской лингвистике) позволяют ставить задачи не только сопоставительного описания этих синтаксических образцов (с выделением универсальных, общеславянских, и уникальных, специфических для каждого языка, моделей), но и изучения их коммуникативно-прагматической ценности, т.е. возможностей применения в тех или иных видах речевых актов. Естественно, грамматическая составляющая семантики этих моделей должна изучаться в тесном взаимодействии с их лексическим заполнением. Это открывает дополнительные перспективы для исследования славянского синтаксиса в динамическом аспекте. В таком случае структура фразы анализируется не как готовое целое, а как результат взаимодействия множества факторов в процессе создания или восприятия текста.

Все эти и многие другие проблемы, составляющие сегодняшний и завтрашний день исследований грамматического строя славянских языков, теснейшим образом связаны с практикой преподавания языков в Белорусском государственном университете. Они находят свое отражение в курсах теоретической грамматики славянского языка и в обязательном спецкурсе “Лингвистические аспекты перевода”. Вопросы структуры, функционирования, взаимодействия славянских языков освещаются также на спецсеминарах, существующих при кафедре: “Грамматика славянских языков в сопоставительном аспекте”

(руководитель – проф. Б.Ю. Норман), “Психоллингвистика и психология коммуникации” (проф. Н.Б. Мечковская), “Теоретическое и сопоставительное языкознание” (проф. Е.Н. Руденко, доцент Н.В. Ивашина), “Этнос, язык и культура. Болгаристика” (доцент К.И. Иванов) и др. Грамматическая проблематика присутствует и в темах кандидатских диссертаций, дипломных и курсовых работ, создаваемых на кафедре; при этом материал зарубежных славянских языков очень часто изучается на фоне двух братских языков, функционирующих в республике, – белорусского и русского.

Н.Д. Григораши (Львов). НАУЧНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ СЛАВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ИЗ ОПЫТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЪЕДИНЕНИЯ-СЕМИНАРА «ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ, ПРОСТРАНСТВА, РИТМА»)

Перспективы исследования славистических проблем тесно связаны с прошлым, настоящим и будущим в развитии науки. С прошлым – благодаря тем установившимся формам сотрудничества, которые удалось сохранить. Несмотря на существенные общественно-политические трансформации, не были разрушены укреплявшиеся десятилетиями личные связи между славистами, в основном сохранился накопленный в процессе их научного общения позитивный опыт, и, вопреки возникшим экономическим трудностям, не были забыты традиционные формы сотрудничества. Так, к разряду сохраненных форм можно отнести организацию взаимопосещений лекторов в рамках межкафедрального, факультетского, университетского сотрудничества, в том числе и исследователей из славянских стран, а также проведение конференций, так называемых «тематических чтений», «круглых столов», научных семинаров и т.п., затрагивающих вопросы изучения славянской проблематики.

В 90-ые годы XX в. и в начале XXI в. исследователи уже независимой Украины продолжают принимать активное участие в Международных съездах славистов (XI – 1993 г., Братислава; XII – 1998 г., Краков; XIII – 2003 г., Любляна). Есть все основания считать традиционным периодическое проведение с 1984 г. во Львовском университете имени Ивана Франко Международного сорабистического семинара (организатор – д. ф. н., профессор кафедры славянской филологии К.К.Трофимович), а с 1992 г. – Международного славистического коллоквиума (организатор – к. и. н., доцент кафедры истории славянских стран В.П.Чорний). Здесь же во Львове выходят сборники научных трудов «Проблеми слов'язнавства» и «Питання сорабістики», в Одесском университете – «Слов'янський збірник», в Киеве – «Слов'янський світ», на страницах которых печатаются статьи, рассматривающие вопросы истории, языка, литературы, культуры славянских народов, доклады и сообщения исследователей на

отдельных региональных и международных научных конференциях, а также обзоры славистической литературы.

К сожалению, на Украине не сохранена существовавшая ранее система обмена информацией и изданиями, межбиблиотечных абонементов, для нас стали недоступными и факультеты повышения квалификации в Москве и Санкт-Петербурге. Только благодаря личным контактам между исследователями, а иногда кафедрами и факультетами вузов, секторами академической науки удается организовать научную стажировку за границей, получить необходимую для исследований архивную или библиографическую справку.

Современная жизнь требует, сохранив или восстановив те формы связи, которые существовали, искать новые формы научного сотрудничества и, в частности, создавать нетрадиционные научные центры (локальные и международные), а также активнее использовать потенциальные технологические возможности для организации интернет-форумов и интернет-обсуждений.

Одной из перспективных форм научного общения могут стать междисциплинарные объединения для системной работы. Особое значение имеет создание таких объединений в университетских центрах, где есть возможность оперативно применять новейшие научные теории в педагогической практике, а также постоянно пополнять исследовательский коллектив талантливой молодежью с ее новыми идеями, тем самым создавая перспективу для многолетнего сотрудничества. Основопологающим принципом такого постоянного научного сотрудничества является объединение исследователей разных стран, возраста и ранга вокруг объемной и неисчерпаемой научной проблемы, изучение которой может способствовать сотрудничеству отдельных, так называемых «узких специалистов», и целых исследовательских коллективов. Это позволяет объединять методические и методологические усилия, ведет к теоретическому взаимообогащению исследователей, позволяет совершенствовать преподавание, в том числе и славистических курсов, в высших учебных заведениях. Таким является Международное междисциплинарное научно-методологическое объединение-семинар «Проблемы художественного времени, пространства, ритма», созданное в 1997 г. во Львовском университете имени Ивана Франко на факультете иностранных языков в сотрудничестве с филологическим факультетом и вычислительным центром (организатор – д. ф. н., профессор кафедры мировой литературы Н.Ф. Копыстьянская). Проблематика, исследуемая здесь, является актуальной, перспективной, неограниченно широкой, открытой для контактов с другими науками, в том числе и негуманитарными.

Общепризнанно, что ученые славянского мира были ведущими в изучении художественного времени и пространства. Благодаря теоретическим и терминологическим разработкам М.И. Бахтина, Д.С. Лихачева, С. Скварчинской, Р. Ингардена, Я. Мукаржовского и др.

К середине XX в. сформировалось новое системное литературоведческое направление, которое все больше расширяет свой полифункциональный спектр (подробнее об этом см. доклад Н.Ф. Копытянской и Н.Д. Григораш «Направления изучения времени и пространства в литературоведении славянского мира» на XIII Международном съезде славистов). Исследования, которые ведутся в этом направлении, влияют на развитие науки об истории литературы и ее теории, исторической, описательной и рецептивной поэтики, стилистики и лингвостилистики, герменевтики тесно связаны с теорией и практикой перевода, семиотикой, фольклористикой, изучением связей между отдельными видами искусства вносят свой вклад в общую культурологию и компаративистику.

Хронотоп как предмет научных изысканий в нашем объединении-семинаре рассматривается как фактор жанро- и стилеобразующий, а также как фактор видоизменения жанровой системы. Расширение время-пространственной проблематики существенно влияет на развитие генологии, на изучение смены и взаимодействия литературных направлений, связей литературы с другими видами искусства и разными науками. Начатое корифеями исследование зависимости между хронотопным мышлением и жанрами в последнее время развивается и охватывает уже цепочку: хронотоп – жанр – жанровая система – литературное направление.

В задачи нашего объединения-семинара входит сбор материала для библиографического указателя, проблемного рабочего терминологического словаря, для антологии переводов иноязычных трудов по данной проблематике на украинский язык, а также подготовка украинских материалов для перевода на другие языки. Члены объединения ставят своей целью специальные конференции и организацию «время-пространственных» секций в рамках различных научных мероприятий. Подготовлен к печати отображающий деятельность нашего объединения-семинара первый сборник научных трудов «Свое/чужое время, пространство, ритм» в создании принимали участие исследователи разных славянских стран. Структура сборника подчинена задачам объединения. Мы рассматриваем выход этого сборника в свет как начало периодического издания, поэтому мы очень заинтересованы в расширении географии его авторов и надеемся на плодотворное сотрудничество с теми, кто занимается проблемой художественного времени пространства и ритма в русле исторической и описательной поэтики и генологии.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Н.Е. Ананьева (Москва). ИЗУЧЕНИЕ ПОЛЬСКОЙ ХРЕМАТОНИМИИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО И СТРАНОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОЛОНИСТОВ

Хотя, как отмечал О. Есперсен, «с лингвистической точки зрения совершенно невозможно провести четкую демаркационную линию между именами собственными и именами нарицательными» [Есперсен, 1958: 76], о чем свидетельствует переход имен собственных в нарицательные и обратное явление, ономастика в последнее время не только выделилась в самостоятельную область лингвистической науки, но и расширила объект своих исследований. Так, появился такой ее раздел, как *хрематономия*, под которой понимается сфера изучения хрематономов – собственных имен продуктов целенаправленной человеческой деятельности (от греч. *chrēma* – «вещь; товар; событие»). В польской ономастической науке не существует общепринятого представления о границах хрематономии. Часть исследователей придерживается более широкого понимания термина «хрематономы», относя к ним также артиномы, т.е. наименования произведений изобразительного и музыкального искусства и художественного искусства слова (библионимы), и другие идеонимы (названия журналов и газет – гемеронимы, общественных и политических организаций – эргонимы, номинации праздников – геортонимы и др.). Некоторые ономасты (например, Ч. Косыль [Kosyl 1993:439]) определяют объект хрематономии более узко, причисляя к хрематономам собственные номинации только некоторых материальных результатов производственной или ремесленной деятельности человека, т.е. то, что в российской ономастике именуется «прагматономами».

Вне зависимости от того, какое из двух определений хрематономов выбирается исследователем, очевидным является тот факт, что изучение хрематономов, и в широком смысле этого термина и в более узком его значении, представляет неотъемлемую часть культурологического и страноведческого образования будущего полониста. Без знания эргонимов или гемеронимов полонист не может ориентироваться в современных политических реалиях Польши. Незнание прецедентных артиномов, составляющих культурное богатство поляков, вообще невозможно для полониста. Безусловно среди хрематономов, как и в других лексических пластах любого языка, существуют более *подвижная* и *стабильная* части. Так, названия разнообразных видов товарной продукции (пищевых продуктов, средств гигиены, косметиче-

ских изделий и т.п.), ассортимент которых постоянно обновляется в условиях рыночной конкуренции, вряд ли необходимо давать на практических занятиях польского языка. Примеры собственных наименований подобных изделий уместно приводить в спецкурсе «Польская ономастика». Тем не менее даже в этой группе онимов, относящихся чаще всего к «эфемерным однодневкам» (ср. определение «efemeryczne», употребленное по отношению к подобным онимам Э. Брезой [Breza, 1998:350]), есть более или менее стабильная часть, знание которой расширяет страноведческую и даже историко-культурологическую компетенцию учащегося. Например, название торуньских пряников «Katarzynki» восходит к нем. «Thorner Katharinenchen» (вид небольших пряников, производившихся и продававшихся в г. Торне – совр. Торунь в период между днем Св. Екатерины и Рождеством [Носова 2001:177]).

Необходимо, чтобы студенты-полонисты овладели основными собственными номинациями крупных промышленных и торговых предприятий, фабрик и т.п. Ср.: Zakłady Mechaniczne «Ursus» в Варшаве, Zakłady Przemysłu Metalowego «H. Cegielski» в Познани, кондитерские фабрики «E. Wedel» (в Варшаве) и «Goplana» (в Познани), Polskie Linie Lotnicze «Lot» и мн. др. При этом, если то или иное предприятие не существует в настоящее время, но играло в прошлом значительную (положительную или отрицательную) роль в экономической или политической жизни страны, знание данной номинации-историзма также относится к необходимым компонентам страноведческой подготовки студента (например, Huta im. Lenina под Краковом или Stocznia im. Lenina в Гданьске, с которой началось профсоюзно-политическое движение «Солидарность»).

Таким образом, в каждом из классов хремотонимов необходимо выделение *основной*, подлежащей практическому усвоению, части, которая, в свою очередь, подразделяется на 2 хронологических пласта: а) *синхронный* (онимы, номинирующие объекты, функционирующие в настоящее время); б) *исторический* (онимы, называющие реалии, не сохранившиеся до настоящего времени, но существенные для социальной истории и истории культуры Польши). Примеры эргонимов первой и второй групп: а) SLD (Sojusz Lewicy Demokratycznej) – «Союз демократических левых сил», SL (Stronnictwo Ludowe) – «Крестьянская партия», UW (Unia Wolności) «Союз свободы» и др.; б) Komisja Edukacji Narodowej «Комиссия национального образования», АК (Armia Krajowa) – «Армия Краева», Szare Szeregi «Серые ряды», Bataliony Chłopskie «Крестьянские батальоны», PZPR «ПОП» и мн. др.

При этом речь идет не только о существующих в Польше образованиях, но и о международных организациях, в которые Польша входила или входит или которые играют (или играли в прошлом) значительную роль в международной политической жизни. Ср. а) Unia

(Europejska) – «Евросоюз»; б) Święte Przymierze – «Священный союз», RWPГ «СЭВ».

Часть хремотонимического материала в широком смысле этого термина рассматривается в таких курсах, как «Польская литература», «Культура Польши», «История Польши» (ср. названия политических партий, исторических документов, исторических событий, в частности, названия восстаний или сражений – Powstanie Listopadowe, Odsiecz Wiedeńska и др.). Тем не менее в курсе «Современный польский язык» эти сведения систематизируются под другим углом зрения (лингвокультурологическим, например: грамматика онимов, аббревиатуры, явление трансонимизации и др.). В данном курсе наряду с центральными ономастическими компонентами, к которым относятся антропонимы (имена лиц и их модификации – ср. Katarzyna, Kasia, Kaśka, Kasisko и т.п., фамилии, индивидуальные и родовые прозвища, псевдонимы, геральдические и династические наименования, этнонимы) и географические названия (собственно топонимы, гидронимы, оронимы), а также наряду с другими бионимами (зоонимами – ср. традиционные польские номинации для лошади, собаки и кошки – Siwek / Łysek, Burek, Muczuś – и фитонимами – ср. дубы Czech, Lech и Rus в Рогалине под Познанью) хремотонимы формируют у студентов представление об ономастическом пространстве польского языка в его современном виде и его динамике.

В докладе подробнее рассматриваются некоторые классы польских хремотонимов (эргонимы, геортонимы, фалеронимы и др.).

Л и т е р а т у р а

- Есперсен 1958 – Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
Носова 2001 – Носова Е.Г. К проблеме связи номинативных средств языка с внеязыковой действительностью: немецкая традиционная рождественская выпечка как особый код описания мира и человека. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2001, № 6. С. 171 – 180.
Breza 1998 – Breza E. Nazwy obiektów i instytucji związanych z nowoczesną cywilizacją (chremonimy) // Polskie nazwy własne. Encyklopedia. Pod red. E. Rzetelskiej-Feleszko. Warszawa – Kraków, 1998. S. 343 – 361.
Kosyl 1993 – Kosyl Cz. Chremonimy // Współczesny język polski. Pod red. J. Bartmińskiego. Encyklopedia kultury polskiej. T. 2. Wrocław. S. 439 – 444.

Т.Е. Аникина, М.Б. Шулин (Санкт-Петербург). Двухязычная ПИСАТЕЛЬСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В РЯДУ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

В основе двухязычного толкового словаря лежат идеи Л.В. Щербы, который писал: «Радикальным решением вопроса [усовершенствования двухязычной лексикографии] явилось бы, по-моему... создание толковых иностранных словарей на родном языке учащихся, где, конечно, могли бы фигурировать и переводы слов во всех тех случаях, когда это упрощает толкование и нисколько не вредит познанию настоящей

природы иностранного слова... Но этот тип словаря надо еще выработать...»³.

Эта идея была подхвачена и стала реализовываться профессором Б.А. Лариным в Межкафедральном словарном кабинете филологического факультета Ленинградского – Санкт-Петербургского университета. Стали создаваться двуязычные толковые словари языка писателя на материале отдельных произведений. В шестидесятые годы в МСК была начата работа по созданию ряда таких словарей, в частности, чешско-русского объяснительного словаря трилогии Марии Пуймановой «Люди на перепутье», «Игра с огнем», «Жизнь против смерти». Руководитель группы – профессор Г.А. Лилич. В этом деле участвуют или участвовали Т.Е. Аникина (Бухаркина), Л.А. Атучина, Н.К. Жакова, З. Леоновичева, Г.А. Лилич, В.М. Мокиенко, В.И. Супрун, О.И. Трофимкина, Р.Х. Тугушева, М.Б. Шулин и другие.

Характеризуя значение и место в отечественной лексикографии двуязычного толкового словаря М.Пуймановой, важно отметить следующее:

1. Являясь словарем речи, этот словарь дает ценные сведения о чешском общелитературном языке, поскольку речевая система писателя, во-первых, отражает литературный язык определенной эпохи (в данном случае – Первой республики), во-вторых, в ней реализуются семантико-стилистические, словообразовательные и другие возможности общелитературной языковой системы.

2. Словарь дает представление о своеобразии авторской семантико-стилистической системы. Семантическая разработка слова имеет здесь не обобщающий характер, как в традиционных переводных словарях, а конкретизирующий. Большое внимание уделяется описанию контекстуальных оттенков значения, то есть приращений смысла, возникающих у слова при соединении с другими словами.

3. Такой словарь поможет переводчикам с чешского языка, а также учащимся лучше понять и усвоить особенности чешской лексической системы в сравнении с русской.

Со временем в активную работу над словарем включились студенты-богемисты. Для них открывается возможность, прослушав соответствующие спецкурсы, получить дополнительную специализацию «Лексикограф».

Первое знакомство с данным направлением лексикографии студенты чешского отделения получают в просеминаре на втором курсе. Ознакомившись с теоретическими основами писательской лексикографии, они приобретают навыки составления словарных статей. Каждый студент получает маленький авторский отрезок (5 – 7 слов) на определенную букву словоуказателя. Готовые словарные статьи обсуждаются на заседании авторов-составителей словаря. Такого рода

---

³ Шерба А.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 301.

работа чрезвычайно полезна для студентов и вызывает живой интерес. Трудность определения авторского значения, которое, не искажая существующее в языке значение, должно устранить посторонние для словоупотреблений признаки, а также помочь детально описать семантику слова, заставляет обращаться к различного рода толковым, историческим, этимологическим, переводным, энциклопедическим словарям чешского и русского языков, изучение которых входит в программу просеминара. В словаре языка писателя фиксируется вся лексика произведения, и ряд слов может быть непонятен читателю. Стиль языка писателя, как отмечал А.В. Федоров, «вписан в контекст эпохи». Выявление особых, специфических признаков этого контекста необходимо для внесения энциклопедических элементов в словарные статьи. В связи с этим иногда приходится проводить целое исследование, предполагающее поиск в библиотеках и консультации с носителями языка.

Правильный выбор цитаты из текста, проясняющий авторское значение, учит студентов вчитываться в ткань произведения. Здесь лексикографическая практика смыкается с аспектом «аналитическое чтение».

Словарная работа пересекается и с обучением перевода на русский язык и с лекционным курсом «Теория перевода».

Работа над двуязычным авторским словарем дает богатый материал для курсовых и дипломных работ, способствует разработке спецкурсов, затрагивающих как теоретические аспекты лексикографии, так и проблемы поэтики, стилистики, лексикологии, литературы XX века.

Составление чешско-русского толкового словаря языка писателя, задуманное как труд во многом экспериментальный, превратилось в составную часть развивающегося научно-методического направления.

А.Р. Багдасаров (Москва). ВАРИАНТНОСТЬ СЛОВА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

Норме хорватского литературного языка свойственна широкая вариантность. Вариантность нормы в пределах тождества слова проявляется на различных уровнях языковой структуры: 1) акцентные варианты слова, различающиеся как местом ударения, так и его типом: dijagram – d`ijagram, memòrija – mèmōrija – memôrija, Slavónija – Slāvōnija – Slavōnija, televízija – telèvizija – televîzija, dójam – dòjam, kálo – kâlo, `osoba – òsoba; 2) фонетико-орфографические варианты слова: а) связанные с рефлексам древнеславянского гласного [ě] в кратких слогах после так называемого прикрытого [r]: brežuljak – brježuljak, rogreška – rogrješka; б) связанные с преобразованием зубных [d] и [t] перед аффиксальными [c] и [č] у существительных на -tak, -dak, -tac, -

dac, -tka: podatak, им. п. мн. ч. podatci – podaci, mladac, mladci – mlaci, svetac, svetcí – sveci; 3) орфографические варианты слова, связанные с раздельным, слитным и дефисным написанием: general – bojník – general bojník, spomen – ploča – spomenploča, Svi sveti – Svisveti; 4) фонематические варианты слова, связанные, как правило, с особенностями вхождения и ассимиляции иноязычной лексики: Evropa – Europa, kasetá – kazeta, romanca – romansa, sport – šport; 5) морфологические варианты слова, различающиеся словообразовательными или словоизменительными аффиксами: а) словообразовательные (префиксальные, морфофонематические, суффиксальные) варианты: префиксальные – sačekati – počekati – pričekati – dočekati, teškoća – poteškoća, očale – naočale, tražnja – potražnja – potražba; суффиксальные – pomirenje – pomirba, izrada – izradba; nosilac – nositelj, izvjestilac – izvjestitelj, prevodilac – prevoditelj; arheološkinja – arheologica – arheologinja, psihološkinja – psihologica – psihologinja, biološkinja – biologica – biologinja; nutarnji – unutarnji – unutrašnji, svagdanji – svagdašnji – svakidani – svakidašnji, tadanji – tadašnji; pridjevni – pridjevski, konzonantni – konzonantski, priložni – priloški; iskopavati – iskapati, uspunjavati – ispunjati, pogledavati – pogledati, ograničavati – ograničivati, rasvjetljivati – rasvjetljivati, doznačavati – doznačivati (глаголы имперфективизации); б) родовые варианты: podbjel ж.р. – podbjel м.р., kino м.р. – kino ср.р., finale м.р. – finale ср.р.; в) формообразовательные варианты падежных форм у полных прилагательных и местоимений-прилагательных в род. п. ед. ч. м. и ср.р. -og(a)/-eg(a): velikog(a), tuđeg(a); в дат. и мест. п. ед. ч. м. и ср.р. -om(u/e)/-em(u): velikom(u/e), tuđem(u). При стандартизации и кодификации современного хорватского языка лингвисты-нормализаторы, как правило, отдают предпочтение отдельным вариантам слова с суффиксами -ba, -telj, -(log)inja, -nji, -ni, -iva и падежным формам у определённых прилагательных м. и ср.р. с полным окончанием в род. п. ед. ч. -oga/-ega, в дат. п. ед. ч. -omu/-emu, в мест. п. ед. ч. -ome.

Сопоставительный анализ современных одноязычных словарей [В.Анич «Словарь хорватского языка» (далее – Анич), «Словарь хорватского языка» под редакцией Ю.Шоне, разработанный в Лексикографическом институте им. Мирослава Крлежи (далее – Шоне), и «Хорватский языковой справочник» (далее – ХЯС), разработанный в Институте хорватского языка и языкознания] свидетельствует о некоторых нормативно-стилистических несовпадениях при отборе, описании и фиксации отдельных вариантно-синонимических единиц. Достаточно много различных предписаний и помет или противоположных, или практически исключающих одна другую. Так, например, находим:

- у Анича: dójam, pogreška, podatak, им. п. мн. ч. podaci, general-pukovnik, evropeizam, potražnja и tražnja, operni и operski, nosilac и nositelj, psihološkinja, osvjetljivati и osvjetljivati, podbjel ж.р.;

- у Шоне: *dòjam*, *pogreška*, *podatak*, им. п. мн. ч. *podatci*, *general pukovnik*, *europaizam*, *tražnja* (*potražnja* → *tražnja*), *operni*, *nositelj* (*nosilac* → *nositelj*), *psihologinja*, *osvjetljivati*, *podbjel* м.р.;
- в ХЯС: *dójam*, *pogreška* и *pogrješka*, *podatak*, им. п. мн. ч. *podatci* и *podaci*, *general-pukovnik*, *europaizam* (*evropaizam* > *europaizam*), *potražnja* и *potražba* (*tražnja* → *potražnja*), *operni* (*operski* → *operni*), *nositelj* (*nosilac* > *nositelj*), *psihologica* и *psihologinja* (*psihološkinja* > *psihologica*, *psihologinja*), *osvjetljavati* и *osvjetljivati*, *podbjel* м.р.

У Анича и в ХЯС пары *dvotočka* и *dvotočje* фиксируются как равноправные дублиеты, «Хорватский орфографический кодекс» отдаёт предпочтение термину *dvotočje*, Шоне – *dvotočka*, в академической «Хорватской грамматике» – *dvotočka*, в 11-м издании школьной «Грамматики хорватского языка» – *dvotočka*, а в 12-м издании той же грамматики – *dvotočje*. ХЯС отсылает пользователя к словам *Puležanin*, *Tunišanin* (*Puljanin* > *Puležanin*, *Tunižanin* → *Tunišanin*), а словарь Шоне наоборот приводит – *Puljanin*, *Tunižanin*.

Если у Анича вокабулы *bječva* ‘чулок’, *gubača* ‘рубашка’, *stolac* ‘стул’ отмечены как региональные, диалектные слова; *potpunoma* ‘полностью’ как архаизм; *đon* ‘подошва’, *gastava* ‘развод’ как разговорные, а *hiljada* ‘тысяча’ как разговорное и как употребляемое в языке литературы, то у Шоне вышеупомянутые слова представлены без стилистических помет как нейтральные.

Некоторые лингвисты пытаются семантически дифференцировать общее смысловое содержание отдельных слов, вариантов слова или однокорневых синонимов. Так, у Анича слово *bol* ‘боль’ обозначено м. и ж.р., ХЯС отдаёт предпочтение ж.р., а у Шоне оно представлено в виде частичного омонима, т.е. если слово *bol* м.р., то означает ‘ощущение физического страдания’, а если ж.р., то ‘чувство горя, нравственное страдание’ (С.90). У существительных с суффиксами *-ik*, *-jač* и *-ičar*, обозначающих представителей или последователей философских течений, прослеживается тенденция к их сознательному семантическому расщеплению, расподоблению. Ср. в ХЯС и у Шоне: *dogmatik* ‘тот, кто склонен к догматизму’, а *dogmatičar* ‘специалист по догматике’ (С. 95; С. 195), т.е. фиксируются как разные слова. У Анича только *dogmatik* в значении ‘тот, кто склонен к догматизму’, а *dogmatičar* 1. ‘специалист по догматике’ и 2. *dogmatik* ‘тот, кто склонен к догматизму’ (С. 174), т.е. приводятся как частичные, относительные однокорневые синонимы. Речь идёт скорее всего не о жёстком, строгом закреплении одной из форм за определённым содержанием, а лишь о тяготении отдельной формы к одному из значений. При естественном развитии языка семантическое расщепление и образование разных слов, как правило, более длительный процесс языковой эволюции. Многообразие, избыточность и расплывчатость отдельных вариантно-

синонимических реализаций литературных норм создаёт трудности при определении нормативного варианта.

Толковый словарь Анича (около 60 тыс. слов) следует отнести к регистрирующему, дескриптивному типу словаря; в нём широко представлена вариантность литературных норм, стремление автора как можно полнее отразить картину реального языкового многообразия. Помимо лексики литературного языка в него включены единицы территориальных и социальных диалекты, историзмы, архаизмы, деархаизмы («реанимированные» слова), неологизмы, вульгаризмы, окказиональные образования. Однако словарь Анича не отказывается полностью от своей нормализаторской роли (сам автор относит свой словарь к описательно-нормативному типу), и эта роль наглядно проявляется в отборе вокабул, и в использовании нормативно-стилистических помет, например, *razg.*, *općejez.*, *neutr.*, *v.*, *srp.*, *žarg.* И т.п., свидетельствующих о наличии нейтральной, нормативной лексемы или предостерегающих читателя от ошибочного стилистически маркированного употребления. Одноязычный словарь под редакцией Ю. Шоне (64 тыс. слов) и ХЯС (около 80 тыс. слов), в сопоставлении с трудом Анича, который менее строг по отношению к предписывающей норме, тяготеют к прескриптивному способу описания лексики. Некоторые лексемы в них помечаются «стрелкой» (→, >), отсылающей пользователя к нейтральному, нормативному эквиваленту.

Приведенный языковой материал свидетельствует, с одной стороны, о рассогласованности действий отдельных лексикографов при стандартизации и кодификации вариантных реализаций литературных норм и, с другой, о неустойчивости и нестабильности определённых нормативно-стилистических дифференциаций вариантов.

Л и т е р а т у р а

- Anić V. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 1998.
Hrvatski jezični savjetnik. Zagreb, 1999.
Rječnik hrvatskoga jezika/glavni urednik Jure Šonje. Zagreb, 2000.
Babić S., Finka B., Moguš M. Hrvatski pravopis. Zagreb, 2000.
Barić E., i dr. Hrvatska gramatika. Zagreb, 1995.
Težak S., Babić S. Gramatika hrvatskoga jezika: priručnik za osnovno jezično obrazovanje. Zagreb, 1996; 2000.

Л.И. Байкова (Краснодар). ЧЕШСКО-РУССКАЯ МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Как известно, межнациональная коммуникация представляет собой процесс взаимопонимания двух участников коммуникации, являющихся носителями двух разных национальных культур. Среди основных условий такой коммуникации обычно отмечается и владение одним и тем же языком. Однако изучение фонетических, лексических и

грамматических особенностей иностранного языка само по себе не может обеспечить надежность межнациональной коммуникации. В этой связи особое значение приобретают страноведческие аспекты в преподавании иностранных языков, учитывающие национальные традиции.

В практике страноведческого преподавания нашли применение самые различные методы: от аспектуальных (например, лингвострановедческий комментарий, лингвострановедческая зрительная семантизация, художественно-образное комментирование и т.д. [1]) до разработки специальных лингводидактических курсов, учитывающих в различной степени условия культурного развития участников межнациональной коммуникации. В этом контексте вопросы комплексного познания Чехии, ее истории, культуры, традиций и обычаев становятся неотъемлемой частью изучения чешского языка. Поэтому в одном ряду с понятием *лингвострановедение* оказываются новые понятия: культурология и изучение языка, культурологическое пространство языка, лингвокультурология и т.п. Причины новых подходов к изучению и преподаванию русского и чешского языков связаны с социально-политическими изменениями в мире и в Европе, в Чехии и в России.

Область языка как средства межнационального общения является чрезвычайно сложной, ибо вторгается в триаду «язык – нация – культура» [2] с бесконечным спектром переплетения субъективных и объективных оценок и отношений и может служить в одинаковой мере как контактам, т.е. конструктивному общению, так и конфликтам, т.е. деструктивному общению. Преподавание иностранного языка должно служить своей основной просветительской цели, т.е. конструктивной межнациональной коммуникации.

В каждой национальной среде функционируют свои комплексы оценок и представлений, которые относятся как к собственному этносу, так и к иным этносам. Такие комплексы представлений могут в различной степени соответствовать объективному состоянию [3] и в различной степени оказывать влияние на интерес к народу и его языку [4]. После Второй мировой войны получила распространение точка зрения, основанная на идее родства двух славянских культур: чешской и русской [5]. Однако, по нашему мнению, более рациональным является взгляд, который в полной мере учитывает и различия исторических условий формирования чешской и русской культур.

Культурологические и лингвострановедческие аспекты образуют очень сильный экстралингвистический фон языка, который во многом отражает и языковое общение. Лингвокультурологические функции языка, как, впрочем, и лингвострановедение, находятся в стадии первых научных наблюдений и первых теоретических обобщений.

Принято, например, выделять следующие лингвокультурологические функции языка: функцию объективно-исторического опыта, функцию хранения и передачи традиций культуры, эстетическую

функцию и т.д. Однако текстовому пространству языка здесь принадлежит особое место. Некоторые исследователи выделяют текстовую зону языка в равной степени с зоной этнической и социальной [6]. Это замечание особенно важно для лиц, изучающих иностранный язык в изоляции и поэтому, прежде всего, в его письменной форме.

В области лингводидактики исследование текстов в смысле их национально-культурной нагрузки и использование текстов для обучения иностранному языку приобретает большое значение. При этом более чем очевидно, что адекватное понимание текста иностранными обучающимися (получателями) возможно лишь при условии владения всем лингвокультурологическим фоном автора текста (отправителя). Текст, таким образом, становится важным атрибутом диалога культур и межъязыковой коммуникации. С другой стороны, на понимание текста на чешском языке оказывает влияние и собственный экстралингвистический лингвокультурологический фон получателя (например, русского обучающегося), где вышеупомянутые комплексы оценок и представлений получателя по-разному влияют на понимание текста и на возможность межнационального общения.

Соотношение между языком и его экстралингвистическим фоном, образуемым культурой, историей, традициями и обычаями, может быть различно и в различных языках. Поэтому культурологические аспекты понимания чешского текста можно рассматривать с самых различных точек зрения. Здесь отметим хотя бы некоторые возможности рассмотрения проблемы, основой для которых может послужить следующее представление о лингвокультурологических фонах:

- 1) объективный лингвокультурологический фон языка отправителя,
- 2) субъективный (личностный) лингвокультурологический фон отправителя,
- 3) объективный лингвокультурологический фон получателя,
- 4) субъективный лингвокультурологический фон получателя.

Каждый из перечисленных аспектов в обучении чешскому языку представляется существенным. Например, субъективный лингвокультурологический фон получателя учитывается в обучаемой аудитории (возрастные, социальные категории обучаемых). Столь же важно учитывать объективный лингвокультурологический фон получателя (например, русские культурные традиции, русский менталитет и т.п.)

Субъективный лингвокультурологический фон отправителя в области обучения иностранному языку чаще всего проявляется в различного рода модификациях и адаптациях текста. Это объективно необходимое условие обучения иностранным языкам входит в прямое противоречие с объективным лингвокультурологическим фоном языка. Именно в этом противоречии находятся основные перекрестные линии содержания, методов и целей обучения иностранным языкам.

Культурологические аспекты понимания чешского текста можно рассматривать с различных точек зрения. Так, например, известная классификация Г. Верещагина и В. Костомарова, выделяющая прагматичные и проективные тексты, в плане проникновения в лингвокультурологическое пространство отправителя оказывается нерелевантной, ибо «кульминацией» прагматичного текста в области обучения иностранным языкам является учебный текст, где довлеет субъективный культурологический фон отправителя, а «кульминацией» проективного текста является текст разговорный, публицистический и текст художественной литературы, который без лингвострановедческого комментария часто оказывается недоступным и сам по себе не может поэтому стать надежным средством межнациональной коммуникации.

На наш взгляд представляется целесообразным описать степень доступности текста следующим образом:

- 1) чем лучше изучен язык, тем более он доступен (под чем мы имеем в виду явления лексики, грамматики и т.д.),
- 2) необходимо отметить, что в богатом стилистическом спектре языка (в частности, чешского), когда язык изучается как иностранный, по практическим причинам изучается прежде всего язык нейтрального литературного стиля – при том, что чем шире представление о стилистических возможностях, тем более доступным оказывается текст,
- 3) исчерпывающее понимание текста связано очень тесно с историей народа – носителя языка,
- 4) предпосылкой правильного понимания языка является и достаточное знание реалий. При изучении иностранного языка определенный запас реалий обычно изучается аспектуально в рамках отдельных разговорных тем. Безусловно, такой подход весьма оправдан, изучение реалий облегчает понимание чешского языка, однако не может заменить комплексного познания страны изучаемого языка. Такая задача более доступна страноведению.

В заключение отметим, что и страноведение не может предоставить всеохватывающие сведения о богатстве жизни и о динамике ее развития, которая постоянно обогащает язык, перемещая таким образом вопросы межнационального общения в область непрерывной динамики.

Л и т е р а т у р а

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура (лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного). М., 1990.
2. Гумбольдт В. Характер языка и характер народа // Язык и философия культуры. М., 1985. С. 370–381.
3. Timofeyev Y. On the question of “mythology” in Czech-Russian relation // The legacy of the past as a factor of the transformation process in post communist countries of Central Europe. Prague, 1994.

4. Franěk Y. Rusové a Češi (Mýty a fakta) // Volné sdružení českých rusistů. Praha, 1990.
5. Dolanský J. Tisíc let milujeme ruštinu // Ruský jazyk, 1955.
6. Кудрявцева Т.С. К обоснованию культурологической типологии языков // Русский язык и литература в современном диалоге культур. Тезисы докладов ученых России. VIII Конгресс МАПРЯЛ. М., 1994.

Е.А. Балашова (Пермь). РУССКИЕ И СЛОВЕНЦЫ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОБЫДЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

«Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» (Гумбольдт, 1985, с. 349). Так В. фон Гумбольдт еще в н. 19 века обозначил актуальность многих современных исследований, посвященных изучению «иных» языков или сопоставлению разных языков. Он подчеркивал невозможность познания характера своей нации, ее духа и образа ее мыслей при изолированном рассмотрении, без изучения других наций, находящихся с ней в контакте. Ведь только при выявлении отличий мы можем говорить о специфических особенностях. «Только общественным путем человечество может достигнуть высочайших вершин, и объединение многих необходимо не только для того, чтобы посредством умножения сил осуществлять более значительные и долговечные начинания, но в первую очередь для того, чтобы посредством объединения многообразных способностей проявить собственную природу в ее подлинном богатстве и во всей широте» (Гумбольдт, 1985, с. 320).

Изучение характера славянских наций представляет в этом плане большой интерес, так как, с одной стороны, славянский мир – это уже особый мир, выделяемый в сопоставлении с неславянским миром. С другой стороны, он сам состоит из целостных, самостоятельных, уникальных наций. Таким образом, занимаясь сопоставительным анализом славянских языков, исследователь максимально приближается к познанию духа этих наций, обнаружению глубинных механизмов, определяющих их самобытность.

В этнографии с обыденным мировоззрением, обыденным сознанием связывают общее сознание этноса, так называемые модели мира, включающие основные стереотипы, фиксирующие типичные для членов этноса понятия, знания, умения, нормы поведения, на основе которых в каждом этносе формируются представления людей об окружающей действительности, самих себе, отношениях с действительностью и людьми и т.д.

Авторы книги «Обыденное мировоззрение» С.С. Гусев и Б.Я. Пушканский определяют обыденное сознание как «жизненно-практическое сознание (массовое и индивидуальное), выходящее за рамки любой узкоспециализированной профессиональной области и

являющееся основой повседневной познавательной деятельности и регулятором человеческого поведения и общения» (Гусев, Пушканский, 1994, с. 8).

Еще в 1978 г. в работе «Теоретическое и эмпирическое в научном познании» В.С. Швырев пытался «реабилитировать» эту форму сознания, обвиненную в поверхностности, противоречивости и неполноценности. Он писал о том, что «обыденное сознание является такой же естественной стадией общественного сознания, как и научное мышление. Развитие последнего не отменяло, не отменяет и не будет, по-видимому, отменять или изживать обыденное сознание. Обыденное сознание в жизнедеятельности человеческого общества решает свои задачи, и эти задачи не решаются средствами научного мышления» (Швырев, 1978, с. 27). В одной из ранних работ А.В. Брушлинского также находим: «научное понятие оказывается слабым и несовершенным там, где житейское обнаруживает свою силу и самостоятельность» (Брушлинский, 1968, с. 25).

Таким образом, обыденное сознание играет немаловажную роль в жизнедеятельности человека. Будучи регулятором повседневного человеческого общения, обыденное сознание представляет собой форму осмысления накопленных, но не всегда рационально освоенных знаний, которые могут быть итогом непосредственного жизненного опыта каждого и в целом не зависят от научно-теоретической мысли, хотя в чем-то и могут корректироваться опытом науки (например, научными рекомендациями по гигиене, здоровому образу жизни и т.п.). С другой стороны, обыденное сознание может быть и формой осмысления обыденных жизненно-практических знаний, имеющих в своей основе не индивидуальный, а коллективный опыт, накопленный многими поколениями и усвоенный индивидом в процессе его социализации. Именно этот обыденный опыт делает возможными совместные согласованные действия людей. И именно в обыденном сознании находят отражение все области реальности: природа, общество, человеческая жизнь во всех ее объективных и субъективных проявлениях. Обыденное сознание включает в себя всю совокупность нравственных, религиозных, правовых, политических, эстетических, философских представлений и ценностных ориентаций человека (Гусев, Пушканский, 1994, с. 11).

В связи с этим представляется актуальным изучение особенностей обыденного восприятия мира двумя нациями, принадлежащими к славянскому миру, а именно русскими и словенцами.

Поскольку толкование значения слова является собой внешнее (речевое) оформление знания, отраженного рефлектирующим сознанием, обыденное толкование значения слова, во-первых, отражает типовые связи, определяет тот стандарт, в котором зафиксированы наиболее актуальные для обыденного сознания семантические отношения и закономерности их осмысления, во-вторых, выявляет специфику

обыденного восприятия лексических единиц. Следовательно, метод обыденных толкований позволяет выявлять особенности присутствия значения слова в обыденном сознании носителей языка.

Необходимо отметить, что акты миропонимания осуществляются отдельными субъектами. Эти субъекты разительно отличаются друг от друга: они могут обладать различными природными способностями и склонностями и могут быть по-разному связаны с культурой своего времени. Так, исследователи выделяют четыре типа субъектов картины мира, смотрящих на мир и изображающих свое видение: 1) отдельный человек (эмпирический субъект); 2) отдельная группа людей (сообщество); 3) отдельный народ (народы); 4) человечество в целом (Роль человеческого фактора в языке, 1988, с. 32).

В данном случае нас интересует видение мира «отдельных народов» – русских и словенцев. Хотелось бы установить, находит ли отражение фактор принадлежности к той или другой нации в особенностях обыденного сознания носителей языка, а именно в особенностях обыденного восприятия лексических единиц.

Изучение особенностей обыденного восприятия лексических единиц проводилось на двух тематических группах: «Части человеческого тела» и «Жилище». В первую группу вошли названия частей тела, органов и атрибутов человеческого тела. Во вторую группу – названия частей квартиры, разновидности мебели, посуды и бытовые приборы. В анкетах слова расположены по тематическим группам (это исключает другие значения у многозначных слов), а внутри каждой группы – по алфавиту.

Материалом исследования послужили данные пилотажного эксперимента, в ходе которого русским и словенским информантам предлагалось письменно заполнить анкеты, дав определения 60 слов. Внимание информантов обращалось на то, что в толкованиях нужно отразить свое собственное понимание значений слов: «Как вы понимаете это слово?» / «Kaj Vam pomeni ta beseda?». Заполнявшие анкеты указывали пол, возраст, уровень образования и специальность.

Знания о мире – как накопленные предшествующими поколениями, так и формирующиеся в ходе непосредственного взаимодействия субъекта с окружающим его миром – усваиваются при посредстве коммуникации с другими членами социума. Следовательно, расширение и переорганизация этих знаний происходит постоянно. Безусловно, на особенности восприятия мира накладывают отпечаток индивидуальные и социальные характеристики говорящего. В связи с этим в докладе рассматривается специфика обыденного восприятия лексических единиц носителями русского и словенского языков, в том числе и представителями различных социальных групп, объединенных на основании таких социобиологических характеристик информантов, как пол, возраст, уровень образования и специальность.

Литература

1. Брушлинский А.В. Культурно – историческая теория мышления. М., 1968.
2. Гумбольдт В. фон Язык и философия культуры. М., 1985.
3. Гусев С.С. Пушкинский Б.Я. Обыденное мировоззрение: Структура и способ организации. Спб., 1994.
4. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А. Серебrenников. М., 1988.
5. Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.

М.В. Балко. СТРУКТУРА ЦІЛІСНИХ СЛОВОСПОЛУЧЕНЬ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ: ПРОБЛЕМА ВИЗНАЧЕННЯ ОПТИМАЛЬНОГО МЕТОДУ ОПИСУ СТРУКТУРНИХ ОСОБЛИВОСТЕЙ СИНТАКСИЧНО ЗВ'ЯЗАНИХ СЛОВОСПОЛУЧЕНЬ

Дослідження структури словосполучення як одиниці синтаксису неодноразово становило предмет розгляду багатьма дослідниками (див. праці І.Р.Вихованця, Л.П.Давидової, І.М.Іонової, І.І. Меншикова, Т.М. Молошної, М.М. Прокоповича, Т.А. Туліної, Г.М. Удовиченка та ін.), проте у всіх цих працях аналізувалися лише синтаксично вільні конструкції, цілісні словосполучення або взагалі не згадувалися, або не наголошувалось на специфіці цих синтаксичних одиниць порівняно з вільними утвореннями.

На наш погляд, для опису структури цілісних словосполучень оптимальним є метод моделювання, який передбачає абстрагування від семантики складових частин синтаксично зв'язаних сполук та зосередження уваги на різноманітних способах матеріального вираження таких синтаксичних одиниць. Оскільки цілісні словосполучення становлять особливу підкатегорію у межах категорії словосполучення, специфіка якої полягає у суто синтаксичному характері зв'язаності компонентів цілісної сполуки та функціонуванні їх як єдиного члена речення, стає можливим опис моделей утворення синтаксично зв'язаних словосполучень на найвищому ступені абстракції.

На першому етапі моделювання структури синтаксично зв'язаних словосполучень стає необхідним створення формально-структурних конститuentних моделей. Конститuentні лінгвістичні моделі традиційно відносять до власне структурних моделей, оскільки вони моделюють внутрішні структурні властивості складних об'єктів, відтворюючи їх сутність.

Найменшою одиницею цього різновиду структурних моделей є конститuent – “елементарний конструкт.., що моделює субстанцію в її функції” [Мороховская, 1975:44–45]. Для того, щоб правильно визначити конститuent моделі, треба провести операцію ототожнення конститuenta. Остання становить абстрагування субстанції в її функції. Внутрішню будову конститuenta репрезентують як

$f(x)$, або xR ,

де x – субстанція, f – функція, R – відношення.

Запропоноване позначення конститuenta наочно показує, що при ототоженні конститuenta встановлюється, чи наділена субстанція певною функцією, тобто зважається на факт перебування субстанції у певних відношеннях з іншими елементами.

Формально-структурні конститuentні моделі базуються на ідентифікації формальних репрезентацій конститuentів (формальних класів слів). Склад конститuentів виводиться ґрунтуючись на комбінаторних та валентних властивостях формально виражених елементів. Поняття конститuenta є надзвичайно корисним для опису структури саме цілісних словосполучень. Традиційно для відтворення структурних особливостей словосполучень користуються поняттями стрижневого та залежного слів. Щодо синтаксично зв'язаних словосполучень цей опис структури не можна застосовувати, оскільки такі утворення є специфічними одиницями, в яких неможливе визначити головне та залежне слова і, у більшості випадків, поставити питання від одного слова до іншого. Зв'язаність цілісних словосполучень зумовлена їх функціонуванням, пор.: Мати з Нимидорою порались у хаті, готували вечерю, а він усе сидів і слова не промовив (Нечуй – Левицький, 1977, с.129); Може, здибає батька-матір, розвідається тепер про них, може, кого хоч одного з своїх тодішніх людей побачить, зустріне (Кобилянська, 1977, с.533); В дорозі до мене не стріне її нічого злого, – обізвалася Мавра.., – перелетить біду стежку від млина до гори, до мене, мов сама та пташка, а в долину пурхне і буде знов у вас (Кобилянська, 1977, с.540); Три дні графиня бігас...зверху на поверх, у все заглядає, від усього жахається, всіх дратує, всім перешкоджає (Винниченко, 2000, с.16).

Зважаючи на специфіку цілісних словосполучень, можна твердити, що повноцінним конститuentом у складі моделі може бути й прийменник або співвідносні прийменники, що мають функціональну вагу у межах цілісної сполуки, пор.: На призьбі сиділа його мати, Маруся Джериха, вже немолода молодиця, бліда, з темними очима, з сухорлявим лицем (Нечуй – Левицький, 1977, с.107); А виходьте-но сюди та зробіть битву з бідним дідом Маркурою, та побачимо, хто з нас багатир! (Осьмачка, 1998, с.22); Перегорнувши таку книжку з початку до кінця і ще раз розкривши її, щоб саму себе перевірити, вона розчаровано каже: – Який ти справді, такий, дядю Комахо! (Домонтович, 2000, с.175).

Для створення формально-структурної конститuentної моделі цілісного словосполучення важливим є врахування таких факторів: а) приналежність конститuenta до того чи іншого формального класу слів; б) наявність категорії відмінка; в) наявність категорії числа; г) загальне (метафоричне або неметафоричне) значення синтаксично зв'язаної сполуки.

Розглянемо детально одну формально-структурну конституюнтну модель цілісних словосполучень, що має загальне неметафоричне кількісне значення.

У моделі $N_{1,4}^{s,pl} + N_{1,2}^{s,pl}$ перший конституюнт має кількісне

значення, а другий – предметне значення (семантику істоти чи неістоти). Перший і другий конституюнти можуть бути виражені відповідно 1) кількісним або неозначено-кількісним числівником та іменником (*три зошити, вісім автомобілів* тощо), пор.: *В крайнебі гасли просмуги янтарні, А проти нас крізь млу і далечінь Здіймалось дві зорі на солеварні* (Зеров, 1966, с.70); *Чорний камінь на сонці блищав, мов розпечена бронза, Ледве сунули десять верблюдів тягар той пекучий* (Леся Українка, 1977, с.146); *Перегорів я й перетлів, Як ті книжки Кумрана, Та це в мені багато слів Ти віднайдеш, кохана* (Павличко, 1975, с.367); *А ще мене вабить ця історія, бо розпочалася вона...на землі, якою я й сам сходив босоніж чимало стежок...* (Мушкетик, 1985, с.201); *Так вони розгубили кілька овець* (Коцюбинський, 1977, с.437); 2) іменником та іменником (*юрба народу, десяток зошитів, склянка води* тощо), пор.: – *А діти має?* – *Ані одного. Та зате сотки овець і стадо коней* (Кобилянська, 1977, с.525); *Дівчата наздогнали ще одну юрбу женців, повернули з левади на шлях, зайняли постать на панському лану* (Нечуй-Левицький, 1977, с.112); *У кінець його малахая було вплетено шматок олова, кажуть, з піпуда* (Осьмачка, 1998, с.21). У таких словосполученнях іменники у функції першого конституюнта мають значення, що закріпилося як мовний факт – значення невизначеної кількості, сукупності однорідних предметів, явищ. Збірні іменники при такому вживанні вступають у синонімічні відношення з неозначено-кількісними числівниками, пор.: *юрба женців – кілька женців – декілька женців – кільканадцять женців – кількадесять женців* і под.

3-поміж аналізованих цілісних словосполучень виокремлюються конструкції типу *отара овець, табун коней, анфілада кімнат, пасмо волосся* тощо, які характеризуються змістовою та інформативною надлишковістю (форму генітива мають іменники, що називають предмет, вказівка на який вже наявна у семантиці збірного іменника, пор., іменник *отара* вже містить поняття *вівці*, *табун* – поняття *коні*, *анфілада* – *кімнати* і т. д.). При абсолютному вживанні такі іменники мають ту саму семантику, що й у сполученні з генітивом, тобто, на відміну від інших цілісних словосполучень цієї моделі, можуть бути репрезентантом всієї конструкції, пор.: *Цей господар має отару овець.* – *Цей господар має отару.*; *Руде пасмо волосся впало їй на чоло.* – *Руде пасмо впало їй на чоло.*

Цілісні словосполучення аналізованої формально-структурної конституюнтної моделі можуть трансформуватися у сполучникові або безсполучникові синтаксично вільні словосполучення, пор.: а) *букет*

квітів – *букет з квітів*; *стадо корів* – *стадо з корів* (значення сукупності однорідних предметів); б) *літр води* – *води з літр*; *гектар землі* – *землі з гектар* (значення міри); в) *келих вина* – *келих з вином*; *кошик фруктів* – *кошик з фруктами* (значення вміщення певних предметів або речовини у тій чи іншій ємності); г) *шар криги* – *крижаний шар*; *шматок золота* – *золотий шматок* (значення форми, яку мають предмети, що не рахуються). Отже, комплетивні або комплетивно-атрибутивні відношення, репрезентовані цілісними словосполученнями, можуть трансформуватись у атрибутивні семантико-синтаксичні відношення з кількісним відтінком у значенні.

Ця модель цілісних словосполучень може містити різноманітні ускладнювачі, пор.: Підвівши очі, я побачив, що наді мною зовсім низько пропливає ціла зграя морських чайок (Збанацький, 1967, с.19); Щорічно прояви грипу, а головне, його ускладнення є причиною постгрипозної пневмонії, госпіталізації великої кількості людей (Освіта. 2003. №3); Зокрема, Україна готова направити до Перської затоки майже 500 військовослужбовців батальйону з хімічного, бактеріологічного та радіаційного захисту...(Молодь України. 2003. 28 лютого).

Ускладнення аналізованої формально-структурної моделі має свою специфіку. Перший конститuent ускладнюється одним чи кількома атрибутивними елементами лише за умови вираження його іменником (пор.: *юрба розбишак* – *гомінка юрба розбишак*; *десяток книжок* – *третій десяток книжок*; *отара овець* – *велика отара овець*; *шматок хліба* – *останній свіжий шматок хліба* і под., *але чотири олівця, двадцять п'ять студентів, декілька помилок, багато пригод, мало грошей* і под.). Другий конститuent може мати як атрибутивні, так і об'єктні ускладнювачі, при чому ступінь ускладнення іноді є досить високим. Характерною особливістю ускладнення другого конститuenta таких цілісних словосполучень є нанизування іменників у формі родового відмінка, пор.: *декілька представників* – *декілька нових представників* – *декілька нових представників відділення* – *декілька нових представників відділення графіки* – *декілька нових представників відділення графіки гуртка* – *декілька нових представників відділення графіки міського гуртка малювання* – *декілька нових представників відділення графіки міського гуртка малювання №3* – *декілька нових представників відділення графіки міського гуртка малювання №3 м. Харкова* – *декілька нових представників відділення графіки міського гуртка малювання для дітей №3 м. Харкова* – *декілька нових представників відділення графіки міського гуртка малювання для дітей і юнацтва №3 м. Харкова*. Максимально ускладнений другий конститuent досліджуваної моделі може містити 11 ускладнювачів. Таким чином, ця формально-структурна конститuentна модель цілісних

словосполучень у сучасній українській мові є досить гнучкою, що породжує велику кількість різноманітних ускладнених варіантів моделі.

Отже, ефективність використання формально-структурних конститuentних моделей для опису внутрішніх структурних властивостей цілісних словосполучень незаперечна, оскільки при побудові моделей цього типу враховуються „три основні фактори ефективності будь-якої синтаксичної моделі” [Меншиков, 1979: 48]. Моделі цього типу а) адекватно відображають, б) чітко описують мовне явище (а саме, структуру синтаксично зв'язаних словосполучень), а також в) дають певні знання про мову загалом.

Література

Меньшиков И.И. Модель предложения и его парадигма. Днепропетровск. 1979.
Мороховская Е.Я. Основные аспекты общей теории лингвистических моделей. К.: 1975.

Н.В. Боронникова (Пермь). К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ЛЕКСЕМЫ «ОДИН» В БОЛГАРСКОМ И МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКАХ

Статус лексемы “один” как показателя неопределенности именной группы в славянских языках является предметом многолетних лингвистических дискуссий. Особое внимание привлекает ситуация в болгарском и македонском языках, где эта лексема в оппозиции к определенному артиклю близка по значению и функции к неопределенному артиклю.

Традиционно неопределенными в грамматиках южнославянских языков аналитического типа считаются формы без артикля. Однако общая форма далеко не всегда выражает неопределенность. Поэтому «...возникает потребность в специальном служебном слове – неопределенном члене, который позволил бы подчеркнуть значение неопределенности, выразить его более отчетливо» (Маслов, 161). Правомерно ли считать лексему «один» неопределенным артиклем подобно неопределенному артиклю западноевропейских языков?

Попробуем определить основные характеристики «эталонного» неопределенного артикля и сравнить их со свойствами «неопределенного члена» болгарского и македонского языков.

1. Неопределенный артикль по своему происхождению – ослабленная, безударная форма числительного «один»: «Везде, где развивается неопределенный артикль, он всегда представляет собой неэмфатическую форму числительного *one* «один»: *uno, un, ein, en, an(a)...*» (Есперсен, 129). Происхождение неопределенного артикля до сих пор проявляется в том, что он, как правило, может стоять только при существительных в единственном числе.

В болгарском и македонском языках “один” омонимичен формам числительного и неопределенного местоимения и в отличие от них

характеризуется безударностью, полной (или почти полной) утратой лексического значения. Ср. *Шум на Африка и боја на шумовите на една џунгла, смарагдно зелена и зелена како едни очи* (Јаневски). – *Една смрт под негов нож и неколку спасени животи* (Јаневски) – *...издаде десетина една од друга поостри наредби* (Чашуле).

Специфика неопределенного члена в болгарском языке, по мнению Ю.С. Маслова, заключается в том, что, в отличие от немецкого и английского артиклей, болгарский неопределенный член употребляется и во мн.ч.: *Не ви ли е срам, какво искате от едни жени!* (Йовков).

2. Артикль выполняет функцию определителя при имени существительном и занимает фиксированную позицию в именной группе. «Неопределенный член» болгарского и македонского языков, как правило, удовлетворяет этому требованию и употребляется в препозиции к имени существительному. При наличии определений в именной группе находится перед первым из них. Инвертированный порядок слов также не влияет на позицию «один»: *Цветот сè повеќе ги шири своите латици, ножот сигурно патува во мека врелост и од соковите на еден живот црвен е до своето грло* (Јаневски).

Однако наш материал показал, что иногда «неопределенный член» не занимает позицию первого определителя имени существительного: *Од еден до дркг чекор на гонителите минуваше цела една вечност* (Јаневски).

При наличии ограничительных частиц и вставке слов, не относящихся к группе существительного, «один» выступает в качестве числительного: *...имам само една тврда надеж* (Конески). *Една бе в село Ралица девојка* (Славејков).

3. Можно выделить две основные функции неопределенного артикля. Это индивидуализация (при которой происходит указание на некую произвольно выбранную часть множества), и генерализация (при этом происходит обобщение, причисление какого-либо предмета к классу, множеству предметов, класс которых представлен дискретно).

В грамматиках восточной подгруппы южнославянских языков выделяют два вида неопределенности: конкретную (произвольный выбор единичного, конкретного предмета из класса предметов) и общую (общее понятие о предмете). Общая неопределенность выражается нечленной формой, а конкретная – формой с «один».

Однако лексема «один» может выступать как в функции маркированной индивидуализации, так и в функции генерализации: *Воскосано лице на еден мртовец* (Андоновски). *Стопанинът ни посрещна със всичкото радушие и гостоприемството на един славянин* (Пример Маслова).

4. Артикль выступает как маркер имени существительного на следующих уровнях языка: морфологическом, логико-семантическом, синтаксическом. В соответствии с этим можно говорить о таких

функциях артикля, как морфологическая, логико-семантическая и синтаксическая.

Семантическая функция артикля в морфологическом аспекте заключается в выражении предметности. Неопределенный артикль, как правило, является маркером исчисляемых имен нарицательных с конкретной семантикой.

Специфической чертой болгарского и македонского языков является употребление абстрактных существительных с «один» в функции генерализации: *Еве, вака, во сенка си, пак ќе те правам уште за една срамота* (Леов). Кроме того, «один» может сопровождать имя собственное в том случае, если последнее называет человека, одного в ряду многих ему подобных: *Един Пенчо Славейков никога не би написал таква стихотворение!* (Пример Маслова).

Употребление того или иного артикля или его отсутствие на логико-семантическом уровне связано с характером одного из компонентов значения слова, являющегося наиболее важным в данном случае. Мы имеем в виду *денотативное* (экстенциональное) или *сигнификативное* (интенциональное) значение. Неопределенный артикль указывает на то, что данное существительное употреблено в сигнификативном значении: *Тоа беше навистина крик, една длабока човечка поплака* (Бошковски).

Наиболее частотные синтаксические позиции местоимения «один»: подлежащее (чаще с экзистенциальным значением), сказуемое и обстоятельство с семантикой места и времени: *Од задкуките излезе една стуткана фигура* (Бошковски). – *Но има еден лош поглед у Петрета...* (Конески). – *Сиот – една отеловена болка, една тага без дно* (Бошковски). – *Едно време не излегуваше од дома* (Мацунков). – *Се видоа само еднаш и тоа во еден летен распуст* (Абациев).

5. Непосредственная реализация языковой категории определенности/ неопределенности происходит в акте коммуникации. На коммуникативном уровне (в отдельном высказывании и связанном дискурсе) основное назначение артикля состоит в различении темы и ремы. Неопределенный артикль в высказывании маркирует новую и/или актуальную информацию: *Тогаш го прашаа: како ти се отворија очите? Тој одговори и рече: еден Човек, Кој се вика Исус, направи кал, ми ги намачка очите и ми рече: отиди во бањата Силоам и измиј се* (Св. Јован).

На коммуникативном уровне говорящий при помощи «один» демонстрирует свои намерения: неопределенность неизвестности (здесь употребление «один» факультативно). Слабая определенность (обязательно): *Еден постар поет рече дека сите тие приказни се само препрдување на вистината* (Мацунков). – *Тогаш една наша родина рече кој го посеал цветето* (Мацунков).

Л и т е р а т у р а

Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
Маслов Ю.С. Грамматика болгарского языка. М., 1981.
Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 03-06-06045

Е.Е. Бразговская (Пермь). ПРОБЛЕМЫ ЗНАКА И ИМЕНОВАНИЯ В
ПОЭТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ ЧЕСЛАВА МИЛОША

*Топос теории определяет то, что будет видимым и наблюдаемым.
Мераб Мамардашвили*

Предметом исследования в настоящей работе является интерпретация основных вопросов семиотики, логической семантики и аналитической философии, представленная в поэтическом творчестве нашего современника – польского поэта Чеслава Милоша. Процессы означивания, именования, смыслопорождения и интерпретации смысла составляют важнейшие аспекты человеческого бытия в мире. Обсуждая их в контекстах различных научных и художественных систем, мы получаем возможность не только выявить многообразие этих вопросов, но и выразить себя по отношению к ним иначе. Неоднократно Милош отрицал свою причастность к «чистой» философии⁴, однако среди основных его тем – философский парадокс явленности мира (существование человеческой культуры) и невозможности абсолютной явленности. Бытие человека в мире сопряжено с *niewiedzą*, и поскольку именно *filozofia jest przyznaniem się do niewiedzy*, с точки зрения Милоша, совершенно естественно, что он *myśli wierszem* в контексте философии (*Spór o uniwersalia*). Мы будем исходить из положения, что любая интерпретация сопряжена не только с переводом на другой метаязык описания, но и с развитием-трансформацией исходного материала. Дает ли Милош какой-либо новый поворот в обсуждении проблем именования мира – это вопрос, к которому можно приближаться как к цели исследования.

Перефразируя название одного из текстов Милоша – *Ars Poetica*, без преувеличения можно говорить о том, что Чеслав Милош является автором и *Ars Semiotica*, – настолько вопрос означивания мира актуален для него как для поэта и настолько всесторонне он рассматривается. В классической семиотике и аналитической философии вопросы именования обсуждаются в связи с определенно очерченным кругом проблем: знак и процесс означивания; референция, значение и смысл; контекст функционирования знака, неадекватность означающего и означаемого; конвенциональность значения знака и др. В контексте этих

---

⁴ См., например, Fiut A. Rozmowy z Czesławem Miłoszem. Kraków, Wydawnictwo literackie, 1981.

же проблем, не отходя, в этом смысле, от «традиции», мыслит об означивании мира и Чеслав Милош.

Человек обретает мир только в **процессе означивания**. Мир не дан нам непосредственно, мы входим в мир уже после его знаковой явленности. Мир для Милоша – это, прежде всего, мир трансцендентных сущностей, определяющих его бытие. Познать – это *zobaczyć podszewkę świata, ...drugą stronę*. И только тогда *co było niepojęte, będzie pojęte (Sens)*. Явленность оказывается возможной только с помощью знаков, которые стоят между человеком и миром: *jestem człowiek tylko, więc potrzebuję widzialnych znaków (Veni Creator)* или в *To lubię – jedynym dowodem istnienia panny X jest moje pisanie*.

Говоря о процессе означивания, Чеслав Милош всегда мыслит о самых сложных семиотических образованиях – знаках для таких трансцендентных восприятию сущностей, как Бог, Гармония, Я, Вера. Согласно св. Августину, **знак** – это вещь (*verbum vocis*), заставляющая нас думать (*verbum mentis*) о чем-то, находящемся вне непосредственного восприятия (*res*). В *Veni Creator*, например, в качестве непознаваемого *res* выступает Бог, лежащий за границами нашего мира, но все же присутствующий в нем как представление, как *verbum mentis*, сигналом возникновения которого и служит *verbum vocis* – материальное «тело» знака, жест (*Prosiłem nieraz...żeby figura w kościele podniosła dla mnie rękę, raz jeden, jedyny*). В *Wiara* бытие как не данная в опыте сущность актуализируется через *listek, kroplę rosy, kamień, cień kwiatów*, создавая представление о многомерности мира. Из этих наиболее общих представлений о знаке Милош выводит его важнейшие признаки-атрибуты. Во-первых, знаком является материальный чувственно воспринимаемый объект: *kwiat nie płynie, ale zastyga w znak*. Во-вторых, обладающий формой объект наделяется нами способностью указывать на другой объект, трансцендентный акту коммуникации: *pozwól abym patrząc na niego podziwiać mógł Ciebie*. В-третьих, знак чего-либо немислим вне употребления и понимания, это обязательно и знак для кого-либо: *rozumiem, że znaki mogą być tylko ludzkie*.

Создать знак для какой-либо сущности бытия – это дать ей **имя**, которое будет в дальнейшем выступать в качестве воспроизводимого коммуникативного фрагмента. Дать имя – это актуализировать сущность для человека (*słowo z ciemności wyjawnione*), сделать так, *ażeby każdy kto usłyszy słowo widział jabłonie....* И одновременно ясное осознание того, что сущность *nie do nazwania jest przez prawodawcę, nie do wymówienia przez żaden głos... (Zapisane wczesnym rankiem), bo to jest poza wyrazami jakiegokolwiek języka, słowa ... z potrójnym sensem niczego nie obejmą (Heraklit), a nazywanie rzeczy, które nosi ziemia Byłoby niby bełkot albo płacz dziecinny* (ср. «онтологический зазор между творением мира и его продолжением» у М. Мамардашвили). Знак – всегда процессуальная сущность, и название мира происходит каждый раз

заново «автором» знака в моменте здесь и сейчас и для этого момента. Так *możemy śledzić los rzeczy (Modlitwa wigilijna)*.

Представление о семантической **структуре знака** (значение/смысл по Г. Фреге, экстенционал/интенционал по Р. Карнапу) – у Милоша дано, например, как соотношение *głos rozumu / głos namiętności (Dziecię Europy)*. Przez głos rozumu ... *słowa znaczą to co znaczą, przez głos namiętności ... słowa potrafią zmieniać dzieje* – изменять существующие положения вещей. В модусе (границах) содержательного плана знака для Милоша приоритетным оказывается *głos namiętności*, позволяющий «увидеть» мир *bez przyozdobienia*, а также *nieobecność* вещей, с которых *spada odzież mego imienia (Gdzie wschodzi słońce i kędy zapada)*. Функция знака – не пытаться «напрямую» означивать абсолютную целостность мира (такого знака просто не может существовать), а означивать наиболее существенные (с точки зрения автора и на данный момент) свойства, создавая интенциональное представление о мире (мир вторичный как единственный посредник между человеком и реальностью). В пространстве знака значение и смысл существуют как две стороны ленты Мебиуса, и нам не дано в опыте, когда мы переходим с одной «стороны» на другую. Однако именно смысл в интерпретации Милоша может быть отождествлен с «исчерпывающим обозначением» Ф. Расье, которое само, в то же время, не может быть исчерпано: *wróżyć umiemy z nieba, z drzew (Dytyramb)*.

Отсюда, Милош заключает о низкой **степени конвенциональности** текстов как знаков своих значений, о вариативном пространстве их интерпретаций и отсутствии атрибута «прозрачности»: *wymawiasz nazwiśko, ale nie jest znane nikomu (Oskarżyciel)*. Потому и форма текстов-знаков Милоша самоценна (важно, *jak to ma być opowiadane*): она не только инструмент коммуникации (*pozwoliłaby się porozumieć*), но и цель, источник и генератор смыслов: *Zawsze tęskniłem do formy bardziej pojemnej... (Ars Poetica?)*.

Знак существует в пространстве ссылающихся, опосредованно учитывающих друг друга знаков. Omne symbolum de symbolo – всякий символ говорит о символе, создавая **контекст** (по Моррису, семиозис), в котором знак обретает существование. Так, знаком стоящего на коленях перед огнем человека становится другой знак – тень, повторяющая (транслирующая) его движения (*Komin*). Контекст для поэта – это актуализация всеобщего онтологического принципа бытия-между: контекст не есть окружение, но семантическое «пересечение» (*powiązanie*) объектов, позволяющее им обрести смысл: *zmieni się zespól zdań najprostrzych, Gdy zmienisz punkt, z którego patrzysz (Traktat moralny)*. Однако *trzeba mieć wzrok pana Boga* (или Поэта?), *żeby te powiązania zrozumieć*. Пространство культуры, по Милошу, также создает контекст для вновь возникающих текстов, и в этом контексте (в *Dytyramb* – это *węzeł gordyjski*, обратная сторона процесса смыслопорождения) крайне трудно остаться «собой», сохранить

собственный взгляд на вещи: *Ten pożytek z poezji, że nam przypomina jak trudno pozostać tą samą osobą, bo dom nasz jest otwarty... (Ars Poetica?)*. И отсюда в культурном пространстве настолько незримы и прозрачны границы *pomiędzy przekładem, adaptacją i naśladownictwem (Mowa wiązana): O tak, nie cały zgine, zostanie po mnie wzmianka... (Oskarżyciel)* – так более чем через столетие Милош воспроизводит Александра Пушкина. Текст рождается как вариации на тему предшествующего во времени текста. Но постоянные семантические «удвоения», на которых построено пространство культуры, – это не абсолютные повторения или зеркальные отражения, а вариативное, прежде всего, развитие: *czy tym samym jest żąłdź i dąb oszroniały (Los)*, и далее – *myślałem że wszystko co mogłem będzie kiedyś lepiej wykonane (Na trąbach i na cytrze)*. Для культуры быть – возможно только как становиться.

Все семиотические «стратегии» Чеслава Милоша в концентрированном виде обнаруживаются в *Esse*. Каждый текст – это *próby nazywania świata*, попытка дать каждой сущности в процессе означивания имя. Цель означивания – *wciągnąć, wchłonąć, mieć* сущность – лицо незнакомки. Но *wzrok nie ma siły absolutnej*. Созданный знак – лишь *puszka formy idealnej*. И даже если мы пробуем «овладеть» сущностью в различных контекстах – *mieć ją na tle wszystkich gałęzi wiosennych... w płaczu, w śmiechu, w cofnięciu jej o piętnaście lat, w posunięciu naprzód o trzydzieści lat* – мы приходим все к той же мысли об «ускользании» смысла, о том, что *odbicia obłoków i drzew nie są obłokami i drzewami. Jest – единственный вербальный знак, говорящий о бытии, и tony, katedry stronic... nie dodały nic do tego dźwięku*.

Так дает ли Милош какой-либо новый поворот в обсуждении проблем именования мира? Милош как поэт, а часто как мыслящий стихами философ сконцентрирован на проблеме создания адекватных знаков для означивания мира, на поиске «истинного» языка, посредством которого мы могли бы говорить с миром. Милоша можно цитировать в качестве примеров ко всем положениям «классической» семиотики. Однако читая Милоша, мы приходим к мысли о том, что его неактуализированная в пространстве одного текста, но все-таки созданная *Arg Semiotica* оказывается, более масштабной, более всеохватывающей, чем, например, семиотики Морриса или даже У. Эко. Возьмем хотя бы многомерное понимание Милошем контекста (окружение знака; знак, актуализирующийся через знак; текст, ссылающийся на текст; контекст как становление; контекст как сущность бытия и т.д.). Поэт еще в большей, нежели философ, степени символизирует мир, он говорит о мире, скорее, на языке предикатов, чем имен. И потому поэт хотя бы в минуту я-здесь-сейчас приближается к сущности мира, разрешая средневековый парадокс об истинности символического именования. «Истинный», по Милошу, знак – это всегда знак *индивидуальный*, отражающий субъективное видение мира; знак *процессуальный*, каждый раз в минуту здесь-сейчас создаваемый

заново; *имманентный* как приуроченный к моменту создания; *эмоциональный*, говорящий о чувственном, нерациональном восприятии действительности.

Совершая семиотический путь от означающих к означаемым (а это есть процесс текстопорождения), автор получает возможность вхождения в смысл означиваемых событий: владение знаками конструирует мир и управляет им (возможно, именно так интерпретируется «наблюдение-участие» – метод, предложенный одним из ведущих физиков современности Дж. Уилером). Через текст, как через созданное (случившееся) событие, человек входит в со-бытие с миром. Сам мир при этом каждый раз создается заново и имеет возможность длиться: *i wszystko tutaj trwa, choć nic nie mija (Siena)*.

В.М. Вагнер (Москва). ИЗУЧЕНИЕ БЛИЗКОРОДСТВЕННОГО ЯЗЫКА РУСИСТАМИ – ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА)

Во многих вузах нашей страны кафедра русского ввели курсы близкородственных славянских языков: Петербургский университет – чешского языка, Московский Государственный Педагогический университет – сербохорватского, Российский Университет Дружбы Народов – чешского.

Можно выделить три круга задач, которые выполняют данные курсы.

1. Способствование более глубокому познанию русского языка, уяснению путей его развития. Явления русского языка нередко осмысливаются именно в сравнении с другим языком, в особенности близкородственным. Это относится как к грамматическому, так и к лексическому уровню. Приведем несколько примеров.

Непродуктивные формы множественного числа *сыновья, сыновей* с точки зрения современного русского языка воспринимаются как исключения. В чешском же языке, как и в старославянском, морф –*ové* – окончание только им. п. мн. ч. одуш. сущ. наравне с *i: ránové, synové, Rusové, Arabové, filologové, filozofové*. Компонент сослагательного наклонения *by* рассматривается как частица, сливающаяся далее с союзом *что-чтобы*. В чешском языке в сослагательном наклонении сохранились соответствующие формы глагола *bít*, ср. *bych, abych, kdybych*.

На лексическом уровне становятся понятными «обрывки» лексических подсистем, ср. рус. *нелепый*. В чешском языке эта подсистема сохранилась в более полном виде: *lépe, lepší, nejlepší*.

В сравнении с чешским языком происходит понимание различного у отдельных языковых этносов восприятия картины мира, различного содержания понятий и их отношений, проявляющихся в лексической и грамматической системах. Примером такого различия является отличие в употреблении глагольного вида, имеющегося в обоих языках.

Расхождения имеются в употреблении глагольного вида в значении повторяющегося действия: в русском языке – несовершенный вид, в чешском языке – оба вида: *Často přijde k nám večer. Он часто приходит к нам вечером; Otec se málokdy usmál. Отец редко улыбался.* В русском языке при указании на повторяемость действия нивелируется выражение его предельности. В чешском языке при обозначении повторяющихся действий дифференцируется завершенность – совершенный вид и акцентируется продолжительность – несовершенный вид: *často přicházel, málokdy se usmíval.*

Известна русско-чешская антонимия: *čerstvý* «свежий», «черствый» *suchý*. Антонимия иногда осложняется наличием или отсутствием родового понятия: «запах», «аромат», «вонь» – *vůně / zápach*. Оба языка отражают одно членение реальной действительности. Имеются и другие случаи отсутствия в чешском языке родовых слов: эквивалента словосочетания *головной убор* при наличии слова *obuv*, как и в русском языке.

На фоне чешского языка нагляднее выступают тенденции развития русского языка: слияние парадигм именного склонения унификация падежных окончаний в формах множественного числа.

Чешский язык способствует также осмыслению существительных латинского и греческого происхождения благодаря роли латыни в чешской культуре. В современном чешском литературном языке ощущается состав этих слов, сохраняются изменения в основе с употреблением чешских окончаний: *Cicero – Cicerona; Socrates – Socrata; Pythagoras – Pythagora; Gaius Iulius Caesar – Gaia Julia Caesara; minimum – minima.* В русском же языке слова латинского и греческого происхождения полностью подчинились системе русского склонения, окончания им. п. утратились или превратились в суффиксы: *Сократ – Сократа, Гай – Гайя, минимум – минимума,* форманты косвенных падежей вошли и в форму им.п.: *Цицерон.*

Чешский язык помогает студентам осознать пути исторического развития русского языка. Так, становятся понятными и запоминаемыми и старицизмы русского языка (напр., написание *жи, ши*).

Говоря о роли чешского языка для осмысления системы русского языка, необходимо отметить также важность фактов словацкого и украинского языков, в которых имеются черты, сближающие их как с русским, так и с чешским и польским языками. В лексике интересно, например, употребление чешских слов *záležet* «зависеть», *záležitost* «дело» и украинскими *залежати, незалежність* (но чешск. *nezávislost* «независимость»).

2. Получение знаний, умений, информации, связанных с изучением иностранного языка. Предусматривается знакомство с системой чешского языка, культурой и цивилизацией его носителей, речевым этикетом, приобретение определенных навыков практического и устного владения языком. Несмотря на небольшое количество учебных

часов (30 часов в течение одного семестра удастся сделать довольно много с учетом не только аудиторной, но и внеаудиторной работы).

3. Социально-политическая роль. Изучение чешского языка – это знакомство на основе языка с родственной славянской культурой. С первой трети XX в. в России происходило чувство общей славянской принадлежности, причем общеславянская идея была заменена идеей пролетарского интернационализма. С другой стороны, в Чехословакии популярность общеславянской идеи нарушила насильственное введение в школах русского языка и диктат Москвы.

Курсы близкородственных языков должны послужить вкладом для восстановления духовных общеславянских вкладов. Освещение же близкородственных языков на фоне русского призвано сыграть важную лингвистическую роль.

Ж.Ж. Варбот (Москва). О ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ СЛАВЯНСКОГО ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ГНЕЗДА С КОРНЕМ *gud- ‘СГИБАТЬ, ХВАТАТЬ, СЖИМАТЬ’ (К ПРОБЛЕМЕ ПОЛИСЕМИИ/ОМОНИМИИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ГНЕЗД)

Одним из наиболее трудно преодолимых препятствий при реконструкции праславянской генетической организации лексики является смешение, слияние этимологических гнезд, корни которых на определенном этапе исторического развития стали омонимами. При появлении в подобных гнездах параллельных структурно тождественных производных (что вполне реально для продуктивных словообразовательных моделей) эти производные постепенно превращаются в языковом (а затем и в научном) сознании из гетерогенных омонимов в многозначные слова, сочетание значений в которых толкуется нередко как модель весьма оригинальных семантических переходов.

Представляется, что сама уникальность сочетания значений должна рассматриваться в этимологии прежде всего как знак возможного гетерогенного происхождения (то есть омонимии исходных гнезд). Это тем более существенно, что производящие, опорные лексемы в подобных случаях могли утратиться или существенно измениться семантически.

Одним из случаев такого рода является, как нам кажется, происхождение группы славянских лексем с корнем *gud-.

Рус. диал. *угуд* и *угудь* м.р. ‘огородная ботва, обычно о дынях, арбузах, огурцах’, укр. *огуд* ‘то же’ толкуются преимущественно как генетически тождественные с рус. диал. *огэда* ‘клевета, оговор’, укр. *угуда* ‘хула, поношение’ и возводятся к гнезду *guditi / *gyditi ‘хулить, порицать’ (Фасмер III, 119; ЕСУМ 4, 156). На базе этого гнезда объясняются также как гомогенные образования чеш. диал. *rozhuda* ‘толстуха’ и ‘болтун, брюзга’ (Machek² 520). Семантика разрастания, тучности рассматривается, следовательно, как производная от

семантики хулы, порицания, негативной оценки. Однако к упомянутым лексемам, характеризующимся семантикой разрастания, тучности, присоединяются именно по этому признаку еще несколько: чеш. диал. *rozhuda* ‘творог, смешанный с молоком или сметаной’, *rozhudnouti se* ‘сесть широко, развалившись’ (Machek² 520), для которых первичность негативной оценки более сомнительна. Сюда же можно добавить рус. диал. курск. *огудАть* ‘съесть’ (=‘смешать’? – ср. выше чеш. *rozhuda*) и пск. *огэдать* ‘осилить, одолеть’ (как следствие крепости, роста, ср. и чеш. *rozhudnouti*), предполагающие исходную семантику физического действия, движения. Очевидно, приходится допустить значительное отдаление всех этих образований от первичной семантики их корня, но, отделив их от сферы хулы и негативной оценки, можно предположить в качестве общего источника слав. **gud-* < и.-е. **goud-*, которое является расширением корня и.-е. **goцъ* ‘хватать’. Возводимый к этому **goud-* балтийский глагол – лит. *gáudyti* ‘ловить’, лтш. *gaudit* ‘хватать’ (Рокорны I, 404; Karulis I, 328) структурно точно соответствует рус. *(о)гудить* ‘съесть’, да и семантическая близость достаточно явна. Сопоставимы также значения рус. *огудеть* ‘одолеть’ и лтш. *gīvejs* ‘победитель’; из семантики ‘хватать’ выводимы значения рус., укр. *огуд* ‘ботва, обычно бахчевых культур и огурцов’ (плети!) и ‘смешивать’ – в чеш. *rozhuda* ‘творог, смешанный с молоком или сметаной’. Существенно также, что и.-е. **goцъ* ‘хватать’ толкуется как производное от и.-е. **gēu-*, ‘гнуть’, с развитием значения ‘хватать’ на базе ситуации контакта ‘некоего искривленного, выгнутого орудия с объектом с целью его приближения, захвата, усвоения’ (Топоров II, 177). Первичная семантика ‘гнуть, сгибать’ может просматриваться в значениях ‘плети бахчевых культур и огурцов’ и ‘толстуха’ (‘сгибать’ → ‘округлять’, ‘уплотнять’, ср. возводимые к и.-е. **gēu-* ‘сгибать’ др.-инд. *gudam* ‘кишка’, англ. диал. *kyte* ‘живот’ – Рокорны I, 323, и чеш. *hutný* ‘плотный’ – Топоров II, 177). Соответственно представляется возможной реконструкция славянского этимологического гнезда с корнем **gud-* ‘сгибать, хватать, сжимать’ (В.Н. Топоров включил в гнездо и.-е. **gēu-* рус. *гудить* без указания значения и источника лексемы, см. Топоров II, 177).

Сокращения

- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови / Гол. ред. О.С. Мельничук. Т.1–4. Київ, 1982–2003.
Топоров – Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. А–Д (I), Е–Н (II), I–K (III), K–L (IV), L (V). М., 1975–1990.
Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева. т. I–IV. М., 1964–1973.
Karulis – K. Karulis. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. S. I–II. Rīga, 1992.
Machek² – V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
Pokorny – J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. B. I–II. Bern, 1949–1959.

Слово в народной речи осложнено различными ассоциациями. Все исследователи языка фольклора, народной фразеологии, народной культуры отмечают семиотичность народного слова, то есть его способность стать культурным знаком, в семантике которого пересекаются, накладываются друг на друга, сосуществуют разные культурные пласты, возникают символические приращения смысла.

Слова и выражения, восходящие к библейским текстам, – принадлежность в первую очередь литературного языка, но они не чужды и народной речи, органично входят в нее и отражают особенности народного восприятия мира и его ценностей. Библизмы в народной речи, “национальные вариации на библейскую тему”, как их называет польский фразеолог Войцех Хлебда (1), относятся к периферии библейской фразеологии, редко попадают в словари библизмов. Между тем, тема эта необычайно интересна. Народная традиционная культура пересекается с христианской традицией и вызывает ее фольклоризацию (можно говорить и о христианизации фольклора)(2). Библизмы заимствуются народной речью не механически – они переосмыслиются, подвергаются различным изменениям.

Славянские народные взгляды на устройство мира сохраняют черты древних представлений, с которыми переплетаются христианские мотивы.

Так, потусторонний мир, куда попадают души после смерти, где находится рай, чаще всего оказывается расположен на небе: там живет Бог и святые. Млечный путь – это дорога, проезженная повозками богов, протоптанная святыми и праведными душами, следующими по нему в рай. Отсюда и народные названия Млечного Пути: польские – droga do raju, Droga Betlejemska, droga świętych i Boga, Boże wrota (3); русские – тропа душ, птичья дорога (птица – древнеславянский символ душ умерших), Иерусалимская дорога (Иерусалим часто ассоциируется с центром мира, раем), Моисеева дорога (по ней Моисей шел в Землю Обетованную) (4).

После смерти души праведников отправляются вдоль Млечного пути в рай, метафорическое название которого, восходящее к притче о бедном Лазаре из Евангелия от Луки, *лоно Авраама*. В польском языке существует библизм *pójść, przenieść się do (przed, na łono) Abrahama* со значением ‘умереть’. Это один из самых древних библизмов польского языка. Уже в 16 веке он был отмечен в латинско-польском словаре Яна Мончиньского (1564). Выражение с тем же значением известно в польском языке и в другой форме: *pójść do Abrahama na (kwaśne, ciepłe) piwo*. Вероятно, истоки преобразования этого библизма следует искать в древних мифологических представлениях, следы которых до сих пор сохраняются в обрядах, в частности, в похоронном, на котором важное

значение отводилось погребальному пиру. Это предположение подтверждается материалом русских диалектов.

Если небесный свод по народным представлениям был связан с раем, то под землей часто помещали ад, преисподнюю. Сюда попадали души неправедно живших людей, здесь обитали демонические и полудемонические существа, некоторые из них носили имена библейского происхождения. Приведем лишь несколько примеров: “адамовы дети” называют на Печоре нечистую силу вообще, это наименование восходит к апокрифической легенде о детях Адама и Евы, рожденных после грехопадения и утаенных от Бога, за что они были наказаны и остались жить в тех местах, где прятались (5), “фараоны” – фантастические существа, в которых превратились египтяне, преследовавшие иудеев, источник возникновения этого наименования – апокрифическая легенда о переходе Моисея через Красное море (6). “12 Иродовых дочерей-лихорадок” или “Девы-Иродиады” персонификация болезней, персонажи из русских заговоров (7). Мамонтаро, русский сказочный персонаж, имя которого возможно связано с омонимичными словами: евангельским “мамона” сокровище, богатство, воспринимающееся часто как имя некоего божества, др.-русск. книжн. «мамона» – обезьяна (8). В сербохорватском языке в значении ‘черт, дьявол’ отмечено слово *мајмун*, которое Петар Скок считает вариантом библейского *мамон* (*мамона*), омонимичным тюркскому *мајтун* – обезьяна. Примеры подтверждают это мнение: *Lakomac jurve je službenik djavla Majmuna koji veće nego žedan jelin vode želi blago i koristi tilesne.* (J. Vanovac) (9). В польской мифологии мамоны – злые духи в образе женщин, которые похищают новорожденных младенцев, обманывают, «водят» людей (10). Кашубские предания рассказывают о чертях-мамонах, сторожащих укрытые клады (11).

Ад в народных представлениях часто бывает связан с образом огромного змея (например, в болгарской мифологии) (12). Образ змея, «червя неумирающего» и в Библии был связан с адскими муками и наказанием грешников (Исайя, 66,24; Марк 9, 44, 46, 48). Возможно, из этого библейского образа и развилось в древнерусском языке у слова *червь* значение ‘геенна, ад’ (13). Слово же *ад* в русских диалектах имеет значение ‘пасть, горло, глотка’ (14). В польском языке слово *czeluść* (устаревшее значение ‘пасть, челюсть’) приобрело значение ‘отверстие, яма, пропасть’ и входит в устойчивое сочетание *czeluście piekelne* – ‘ад’ (15). Сочетание “челюсти ада” встречается в русских заговорах (16). В культуре европейского средневековья вход в ад часто ассоциировался с пастью библейского чудовища Левиафана (17), а Земля согласно русским легендам покоится на огненной реке, в которой живет огнеродный кит, змей елеафам (18). У западных славян существовало представление о Млечном пути как холодной реке, текущей под землей (19), а *Lewiatan* – одно из польских названий Млечного Пути (20).

Согласно народным представлениям порядок земной жизни отражает всеобщий космический порядок. В микрокосмосе человек сознательно отражал макрокосмос, включая себя во Вселенную. Так крестьянский дом повторяет в миниатюре образ Вселенной, структуру космоса. Центр жилища, его основная опора ассоциирующаяся с центром мира, символизирует опору неба, мировой столб или мировое дерево (21). Поэтому неслучайным представляется то, что в польских диалектах печной столб, поддерживающий матицу, центральная опора крыши, а в семиотическом плане ритуальный центр дома, называется *адам* (22).

В народной культуре религиозное видение и понимание мира христиан сталкивается с языческим мировоззрением, часто оба эти видения смешиваются так, что их уже нельзя отделить друг от друга.

Примечания

- 1) Хлеба В. Библия в языке – язык в Библии // *Frazeologia a religia*. Opole, 1996. S. 143.
- 2) Jerzy Bartmiński, S. Niebrzegowska. *Językowy obraz polskiego nieba i piekła// Tysiąc lat polskiego słownictwa religijnego*. Gdańsk, 1999. S. 198; J.Treder. *Święci w polskiej frazeologii// Tysiąc lat polskiego słownictwa religijnego*. S.213.
- 3) Gładyszowa M. *Wiedza ludowa o gwiazdach*. Wrocław, 1960. S. 79–81.
- 4) Щапов А.П. Сочинения. Т.1. СПб, 1906. С. 139; Словарь русских народных говоров. Т.19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.2.
- 5) Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983. С. 68.
- 6) Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии. Этнографическое обозрение. 1914. N 3–4. С. 102. Черепанова О.А. Ук.соч. С. 98.
- 7) Великорусские заклинания. Сборник Л.Н.Майкова. СПб, 1994, с. 105, 106.
- 8) Черепанова О.А. Ук.соч. С. 43, 92.
- 9) Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knj.2. Zagreb, 1972. Ср.: Budmani P., Maretić T. *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Dio VI. Zagreb, 1904–1910. S. 391.
- 10) Karłowicz J. *Słownik gwar polskich*. T. 3. Kraków, 1903. S. 109–110. Sumcow M. *Boginki-mamuny// Wisła*, 1891. T.5. S. 582. Moszyński K. *Op.cit*. S. 691.
- 11) Sychta B. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. Wrocław etc. 1967–1976. T.3. S.46, T.4. S.251.
- 12) Георгиева И. *Българска народна митология*. София, 1983. С. 58.
- 13) Срезневский И.И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 3, дополнения, стлб.272.
- 14) Словарь русских народных говоров. Т.1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1.
- 15) *Słownik języka polskiego/ red. W. Doroszewski*. T. 1–11. Warszawa, 1958–1969.
- 16) Великорусские заклинания. Сборник Л.Н.Майкова. СПб, 1994. С. 90.
- 17) Sokolski J. *Staropolskie zaświaty*. Wrocław, 1994. S.122; ср. изображение входа в ад как пасти змея на древнерусских иконах.
- 18) Щапов А.П. Ук. Соч. С. 111.
- 19) Gładyszowa M. *Op.cit*. S. 88.
- 20) E.K. *Gwiazdy i grzyby w podaniach ludu*. Lud, 1895. T.1, Lwów. S. 176.
- 21) Крапп Э.К. *Легенды и предания о Солнце, Луне, звездах и планетах*. М., 2000. С. 550.
- 22) *Słownik gwar polskich / red. M. Karaś*. T. 1, Wrocław, 1977.

Хорошо известно, что грамматические категории времени и вида в славянских языках тесно взаимосвязаны. Не вполне ясны, однако, причины и механизмы этой взаимосвязи. В чем их главная суть?

Праславянская система времен в большинстве славянских языков значительно преобразовалась, особенно система грамматических форм прошедшего времени. Аорист и имперфект сохранились лишь в болгарском, сербскохорватском, лужицком и в резьянских говорах словенского языка [9, с. 315; 14, с.45–73]. При этом только в болгарском они являются “живыми, строго разграниченными по смыслу глагольными категориями” [8, с. 191]. В сербскохорватском аорист и имперфект архаизируются и активно вытесняются перфектом [11, с. 118–120; 4, с. 77–78]. В обоих лужицких языках формы аориста и имперфекта стали грамматическими дублетами, употребляются преимущественно в книжных повествовательных текстах, в разговорной же речи (не без влияния, видимо, немецкого языка) заменяются обычно перфектом [13, с. 45–49; 15, с. 77–80; 5, с. 256]. Перфект в той или иной форме сохранился во всех славянских языках: в восточнославянских языках в виде изменяющегося по родам и числам причастия прошедшего времени (спрягаемые формы глагола **быть** здесь утратились), в польском языке в виде спрягаемых форм (*pisalem / ~am, pisales / ~aś* и т.д.), явившихся результатом слияния причастия с формами вспомогательного глагола **być**), в остальных славянских языках перфект сохранился как сложное прошедшее время (в некоторых языках с пропуском вспомогательного глагола в 3-ем лице ед. и мн. ч.): болг. *писал съм* и *пишел съм*, с.-х. *писао сам*, слн. *pisal sem*, чеш. *psal jsem*, слц. *prišiel som*, в.-л. *pił sum* и т.д.). В восточнославянских, чешском, словацком, польском и словенском языках он стал единственной формой прошедшего времени, многозначной по своим функциям. В болгарском, сербскохорватском, словенском и польском перфект входит также в состав форм будущего предварительного: болг. *ще съм чел*, *щях да съм чел* (будущее предварительное в прошедшем), с.-х. *будем носио*, слн. *bot pisal*, пол. *będzie niósł*. Формы плюсквамперфекта (давнопрошедшего) дошли до нашего времени в болгарском, сербскохорватском, словенском, чешском, лужицком и польском языках. Но активно они употребляются лишь в болгарском, а в остальных из этих языков формы плюсквамперфекта встречаются, главным образом, в книжных текстах, в разговорном языке они заменяются, как правило, перфектом [2, с. 180–183; 7, с. 223–225, 240–242; 3, с.187; 10, с. 142; 5, с. 226; 14, с. 91–92].

Таким образом, самой сильной формой в системе славянских времен оказался перфект. В чем же причина того, что именно перфект вытеснил или вытесняет другие формы прошедшего времени в

славянских языках? Дело, видимо, в том, что характеристику способа протекания действия взяли на себя грамматические формы вида, поскольку они издревле близки по своей семантике, с одной стороны, к аористу (сов. вид), а с другой – к имперфекту (несов. вид): формы совершенного вида согласно концепции Ю.С.Маслова (а это наиболее глубокая концепция категории вида) обозначают целостное, не расчлененное на фазы действие (или состояние, процесс), но такое же примерно значение имели и формы славянского аориста; формы несовершенного вида не маркированы таким или противоположным семантическим признаком, но чаще всего они обозначают, как и формы имперфекта, длительное или повторяющееся действие, в том числе расчлененное на фазы. Следовательно, с развитием категории вида, обогащенной к тому же во всех славянских языках многообразными формами способов действия (см. об этом, например, в работах [6], [1], а также в трудах А.В.Бондарко, М.А.Шелякина и др.), отпала необходимость в формах аориста и имперфекта, дублирующих семантику видовых форм. А формы перфекта очень удобны тем, что они выражают не только основное (дейктическое) значение грамматической категории времени (“отношение действия к моменту речи”), но и основные видовые значения (с помощью причастного компонента): рус. *читал, прочитал, читывал, читывал*; болг. *съм чел, съм прочел*; чеш. *jsem četl, jsem přečetl* и т.д. Иначе говоря, формы перфекта синтезируют значения категории времени и категории вида.

Перфект оказался, между прочим, самой сильной категорией (грамматической формой) и во многих неславянских европейских языках (напр., в немецком, французском, итальянском, испанском, да и в английском, особенно в британском его варианте): в разговорной речи он и здесь вытесняет простые формы прошедшего времени (напр., *passato remoto* и *passato imperfetto* в итальянском, *passé simple* и *passé imparfait* во французском и под.). Кстати, значения *passato remoto* и *passé simple* эквивалентны по значению славянскому аористу (ср. Colombo scopri l’America “Колумб открыл Америку” и Passarano giorni e settimane... “Проходили дни и недели...”).

Категория славянского вида оказала сильное воздействие и на формы будущего времени в славянских языках (ср. простое и сложное будущее в русском, сербскохорватском, чешском, польском и верхнелужицком). Только в болгарском и словенском сложное будущее образуют обе видовые формы: болг. *ще чета, ще съм чел* и *ще дойда, ще съм дошъл*; слн. *bodo govorili* и *bodo rēkli* [12, с. 211–212] (ср. также идентичные по значению формы типа *будем прочитао* и *прочитам* в сербскохорватском).

В докладе не рассматриваются новообразования в системах славянских времен, например пересказывательные формы (категория очевидности) в болгарском языке, возникшие под влиянием турецкого [2, с. 197–229; 7, с. 248–255], варианты будущего времени, образовав-

шиеся в связи с тенденцией к утрате инфинитива и в процессе слияния основного и вспомогательного компонентов в сербскохорватском (*ћу певати / ћу да певам, певат ћу / певаћу* и под.), а также некоторые другие.

Литература

1. *Ананьева Н.Е.* История и диалектология польского языка. Изд-во МГУ, 1994.
2. *Андрейчин Л.* Грамматика болгарского языка. М., 1949.
3. *Арбузова И.В., Дмитриев П.А., Сокаль Н.И.* Сербохорватский язык. Изд-во ЛГУ, 1965.
4. *Дмитриев П.А., Сафронов Г.И.* Сербохорватский язык. Изд-во ЛГУ, 1975.
5. *Ермакова М.И.* Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. М., 1973.
6. *Иванова К.* Начини на глаголногo действиe в съвременниja бългaрски език. София, 1974.
7. *Маслов Ю.С.* Очерк болгарской грамматики. М., 1956.
8. *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1963.
9. *Нахтигал Р.* Славянские языки. М., 1963.
10. *Широкова А.* Очерк грамматики чешского языка. М., 1952.
11. *Brabec I, Hraste M, Živković S.* Grammatika hrvatskosrpskoga jezika. Zagreb, 1961.
12. *Jurančič J.* Slovenački jezik Ljubljana, 1965.
13. *Šwela B.* Grammatik der niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1952.
14. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. Tome III. Le verbe. Paris, 1966.
15. *Wowčerck P.* Kurzgefasste obersorbische Grammatik. Berlin, 1955.

В.Ф. Васильева (Москва). ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ МЫСЛИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ В РАКУРСЕ МЕЖЪЗЫКОВОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ АСИММЕТРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

1. В докладе рассматриваются вопросы диалектической взаимосвязи языка и мышления с точки зрения проблемы языковой интерпретации процессов познания. Подход к языку как способу выражения мышления дает основание для определения существующих между логическими и языковыми структурами взаимосвязей в качестве изоморфных, соотносящихся друг с другом как план содержания и выражения. Это исходная теоретическая посылка доклада.

2. Собственно языковая интерпретация логических форм познания, в частности, видов понятий, являющихся в докладе отправным пунктом исследования, анализируется в рамках так называемых семантических форм мышления (термин В.П. Чеснокова). Последние понимаются как структуры, отражающие национальную специфику конкретного языка.

3. Анализ взаимосвязи между логическими и семантическими (языковыми) формами мышления требует ответа на один из кардинальных вопросов семиотики языка: в чем заключаются сходства и различия в информации, содержащейся в логическом понятии и в интерпретации его содержания языковым знаком. В докладе излагаются наиболее распространенные концепции рассматриваемой проблемы.

4. Анализ языковых особенностей реализации мыслительного содержания представлен в докладе материалом родственных славянских языков, а именно русского и западнославянских. Сопоставительный план исследования позволяет расширить представление о механизмах взаимодействия общего (логического) и частного (семантического) начал и дает возможность глубже, чем это возможно при монолингвальном исследовании, проникнуть в суть этого явления, вскрыв его специфику.

5. Сопоставление родственных языков в сравнении с контрастивным описанием языков, генетически отдаленных, имеет не только свою специфику, но отличается и по результатам исследования. Различия в особенностях интерпретации идентичного мыслительного содержания оказываются тем более значимыми, что они часто «вырастают» из некогда общего начала. Историческая непрерывность развития языковых систем родственных языков, таким образом, демонстрирует реализацию оппозиции конвергентность : дивергентность.

6. Существующие между родственными славянскими языками различия в интерпретации идентичного мыслительного содержания чаще всего являются результатом неодинаковой функциональной нагрузки системно соотносительных структур, в частности, словообразовательных и морфологических.

В докладе излагаются результаты проведенных сопоставительных исследований деривационных процессов и морфологических категорий имени и глагола в славянских языках с проекцией на объективацию субстанции и ее статических и динамических признаков.

7. Для ответа на вопрос, какого рода сущности воспроизводятся предметным знаком, представляется целесообразным учитывать релевантные признаки языковой предметности. В докладе дается определение предметности и проводится классификация предметных знаков с учетом национальной специфики, обусловленной межъязыковой функциональной асимметрией системно соотносительных структур.

8. Считая справедливым, что функция сегментации пространства является одной из главных функций имени существительного, автор в своем докладе наиболее подробно анализирует результаты сопоставительных исследований словообразовательных и морфологических категорий имени. Предлагаемый для обсуждения конкретный языковой материал показывает, что именно наличие межъязыковой функциональной асимметрии является причиной разной степени лексической «атомарности» сопоставляемых языков, неодинаковой лексической плотности познавательных (семантических) пространств, различий в трактовке количественных отношений и т.д.

9. Различия в интерпретации динамических признаков в субстанции родственными языками со всей очевидностью демонстрирует общеславянская категория глагольного вида. Проявление функциональной асимметрии в этой области связаны с эксплицитно-

стью/имплицитностью таких свойств динамического признака, как актуальность действия, его конкретность, узуальность и т.п.

10. Проведенный сопоставительный анализ родственных языков позволяет заключить, что наличие межъязыковой асимметрии есть проявление национальной языковой специфики.

Л.П. Васильева (Львов). ВЫЯВЛЕНИЕ РАЗЛИЧИЙ В ЯЗЫКОВЫХ ФАКТАХ ШТОКАВСКОЙ СИСТЕМЫ В СТАНДАРТАХ СЕРБСКОГО И ХОРВАТСКОГО ЯЗЫКОВ В УЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ

Одной из актуальных задач лингвистического описания сербского и хорватского языков в учебных целях является выявление различий в этих языках. Теоретический вопрос об их разграничении приобретает особое значение в связи с тем, что длительное время в вузах Украины и за рубежом преподавался объединенный сербохорватский язык, речь шла лишь о его вариантных проявлениях.

Сербский и хорватский литературные языки принадлежат к штокавской языковой системе. Специфические условия их формирования и развития обусловили появление ряда особенностей, которые в наше время проявляются в языковых стандартах.

В недалеком прошлом коррелятивные варианты, а с начала 90-х гг. XX в. отдельные стандарты – сербский и хорватский – имеют особенности, определяющие их специфику на всех языковых уровнях. Поскольку стандарты определенное время являлись вариантами одного языка, их взаимовлияние на лексическом уровне прослеживается и сегодня, проявляясь в так называемых «сербизмах» и «хорватизмах». Отношение носителей сербского языка к хорватским словам толерантное. Неприемлемыми являются лишь хорватские формы тех же слов и словообразовательных формантов.

Хорваты не принимают ни слов, ни их компонентов на сербской основе. Иногда вследствие неадекватной пресупозиционной оценки они избегают даже таких слов, которые на протяжении истории употреблялись параллельно в их разговорной традиции.

Для хорватской лексики характерным является возвращение в активное употребление слов, которые вышли из обращения во времена двух Югославий. Это заимствования из чакавского и кайкавского диалектов, исконные и калькированные языковые средства, образованные на хорватской основе. Хорватской языковой практике опять стал свойственен пуризм: при существовании полноправной замены предпочтение имеют исконные, а не заимствование лексемы (*ravnatelj:direktor*). В связи с этим положения, касающиеся употребления заимствованных слов, четко определены в хорватском стандарте.

Среди фонетических особенностей двух стандартов отметим различия в просодии, а также оппозиции: h:v(j) глуп : gluh, сув : suh; št:šć: општина, свештеник, општи: općina, svećenik, opći; t:ć (ć:t) sretan:

срећан, čistoća: чистота; Ø:l stol : сто, в заимствованиях: s:c, s:z, ev:eu, v:b, h:k, k:c, đ:g, er:ar, e:a, av:au: financ: финанс, kozmetika: косметика, eunuh : евнух, labirint : лабиринт, kaos: хаос, ocean: океан, mađija: мађија, funkcionar : функционер, aktualan: актуелан, что в частности в европеизмах связано с традицией византийско-греческого произношения у сербов и латинского и классического греческого – у хорватов. Существуют и графические особенности оформления имен согласно сербской и хорватской нормам: Шарл Бодлер, Мериме, Шекспир: Charles Baudelaire, Mérimée, Shakespeare.

На словообразовательном уровне оппозиции проявляются в употреблении суффиксов: в инфинитиве глаголов латинского –*irati*, который избирает хорватская норма, и греческого –*isati*, а также –*ovati* согласно сербской норме: *grupirati reagirati* : *груписати, реаговати*; –*ost*:-*stvo* – при образовании абстрактных существительных: *odsutnost*, *prisutnost*, –*in*:-*an* – при образовании прилагательных: : *непобедан* : *непобедљив*, *непогрешан*: *непогрешљив*. Особенности двух норм выражаются и в частоте употребления суффиксов *telj*: –*lac* *čitatelj*, *gledatelj*: *читалац*, *гледалац*, в различном выборе того или иного форманта из системы, что иногда отображается на роде существительных: *arhiv*:*архива*. Отличия имеются в образовании при помощи различных суффиксов уменьшительно ласкательных форм, собирательных числительных, в адаптации иноязычных суффиксов, использовании различных соединительных гласных при образовании сложных слов.

В префиксальном образовании отличия выражаются в противопоставлении приставок *ot*-, *pre*-, *pro*:- *iz*-/*is*-, глагольных *pre*-, *iz*-, *od*:- *preo*-, *u*-, *otpo*-; именных и приставок для образования прилагательных: *su*:-*sa*-, *protu*:-*protiv*(*u*)-, *izvan*:-*van*-, *isto*:-*jedno*- (*jednako*-), *ne*:-*bez*-.

На морфологическом и синтаксическом уровнях особенности двух стандартов проявляются в частных особенностях склонения существительных, местоимений и прилагательных, словосочетаний, использовании некоторых времен, наклонений и охватывают фактически все грамматические категории.

В морфологии – это различные типы склонения личных имен: *Ivo* – *Ive*: *Ivo* – *Iva*; *Mile* – *Mile* (в сербской норме иначе), в использовании согласно хорватской норме окончания –*i* в творительном падеже единственного числа существительных типа *младост*, в выпадении –*e*– в суффиксе –*ec* в топонимах, антропонимах согласно хорватской норме (явление беглого –*e*– в для сербской нормы нехарактерно): *Medimorec* – *Medimorca*. Различия имеются в склонении числительных и местоимений, в синтаксических конструкциях со славянским родительным и с другими падежами.

Среди различий стандартов в спряжении категориальными являются: отличия в использовании инфинитива, в образовании форм будущего времени, в активе и пассиве, в употреблении условного

наклонения II, усеченного инфинитива и др. Существуют и разные подходы к образованию вопросительных конструкций, к использованию в двух нормах различных союзов для образования того же типа подчиненных предложений, к использованию неодинаковых синтаксических конструкций под влиянием различных исконных диалектов и иностранных языков: *Nema ništa za jesti, za piti* и др.

Эти и другие особенности хорватского языка мы считали целесообразным отобразить в учебнике, опубликованном в 2000 году и активно используемом в преподавании (*Васильева Л., Пешорда Д. Хорватська мова для українців. Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2000. 238 с.*).

М. Вуйтович (Познань). ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО СОСТАВА ДРЕВНЕЙШЕГО СЛАВЯНСКОГО АЛФАВИТА

Исследователи, занимающиеся историей славянского письма, неоднократно предпринимали попытки решить проблему возникновения глаголицы. С самого начала существования славянской филологии они интересовались главным образом внешней, графической стороной глаголицы, стараясь объяснить ее происхождение и форму отдельных букв. В связи с этим было выдвинуто немало различного рода гипотез. Однако ни одна из них не позволяет удовлетворительно объяснить происхождение древнейшего славянского алфавита. Они подтверждают лишь предположение, что глаголицу нельзя полностью вывести из какой-либо другой системы письма.

В настоящее время нет необходимости доказывать, что успешное изучение глаголицы зависит прежде всего от применения точных и эффективных методов реконструкции. Не менее важной проблемой является углубленное изучение и использование в реконструкции материала древнейших глаголических рукописей, документов и текстов, сохранившихся в славянских и неславянских рукописях, которые дошли до нас в поздних списках. Многие из них, например, древние абецедарии, азбучные акростиhi и надписи требуют тщательного анализа, а иногда восстановления их исходной структуры.

Глаголицу можно рассматривать, с одной стороны, как систему графических знаков, предназначенную для записи языка, который подвергался изменениям в пространстве и времени, с другой стороны, как продукт творческого процесса широко образованного и очень талантливого человека. Такой подход дает возможность реконструировать не только состояние системы, но и определенные этапы создания глаголического алфавита. Глубокое знание греческой письменной культуры, языковой традиции, системы знаков и символов христианского мира позволили творцу глаголицы Константину-Философу за короткий срок составить совершенно новый алфавит и создать книжно-литературный язык. Для того, чтобы создать славянский алфавит было

необходимо установить системную основу, затем определить его графическую основу, изобрести новые, оригинальные буквы и, наконец, дать им названия.

Системной основой первоначальной глаголицы послужил классический алфавит из 27 графических знаков, сложившийся ок. IV в. н.э., в котором каждая буква имела свое название и цифровое значение. Приспособлению греческой основы к славянской системе предшествовало сопоставление состава фонем обоих языков, которое было необходимо для выделения совпадающих фонем, группы исключительно греческих фонем и типично славянских фонем. После исключения лишних знаков ζ- 6 (*стигма*), ϑ - 9 (*тема*), ξ- 60 (*кси*), ϙ- 90 (*коппа*), ψ- 700 (*пси*), α- 900 (*сампи*) в основе появились пустые места, которые заполнила лишь часть букв для типично славянских звуков. В связи с этим произошло перемещение группы букв от ν (3) до ρ (90) по направлению к концу алфавита, а конечная буква ο₂ (700) – ω (*омега*) передвинулась на место, занимаемое греческой буквой *пси*. Остальные славянские буквы, согласно греческой традиции, заняли свои места в конце алфавита, после буквы ο₂. Состав и порядок расположения конечных букв, цифровые значения которых в древнейших источниках не указаны, были восстановлены на основании азбуки из Сказания черноризца Храбра, акростихов, глаголической части мюнхенского алфавитария и хорватской глаголической азбуки из Роча. На начальном этапе работы над алфавитом, когда новых графических знаков еще не было (ниже они заменены буквами латиницы), основа глаголицы может быть представлена следующим образом:

a-1, b-2, v-3, g-4, d-5, e-6, ž-7, z-8, z-9, I-10, i₂-20, g'-30, k-40, l-50, m-60, n-70, o₁-80, p-90, r-100, s-200, t-300, u-400, f-500, x-600, o₂-700, ѡ-800, c-900, ċ, ȳ, ь, ě, o, ju, e.

Графическую основу глаголицы невозможно объяснить с помощью палеографических методов. Она не является продуктом эволюции, но представляет собой результат творческого процесса. Из анализа глаголических букв вытекает, что их конструкция основывается на тех буквах греческого уставного письма, которые в христианской религии имеют символическое значение (Α, Ρ, Χ, Ω – альфа и омега в сочетании с монограммой имени Христа). Эти буквы наряду с другими символическими знаками, различными типами креста – главного символа христианства, образуют графическую основу глаголической азбуки. На греческих буквах основаны следующие буквы глаголицы: Α – Δ; Ω – Ш · Ξ; Χ – ⚡ · ⚡ · ⚡; Ρ – Ъ; ϙ = ϑ – ϑ; ϙ = ο, ϙ = Ω – Ω, а на диграфе ου – ⚡. Угловатый характер греческих букв встречается, например, в надписях на территории Болгарии. Равноконечный «греческий» крест (сгυχ quadrata) составляет основу букв: †, ‡, ¶, ⚡, ⚡, ⚡, ⚡. Монограмматический крест (сгυχ monogrammatica) с вертикальной перекладиной, изображающей греческую букву ρο, стал

основой букв: Ѡ, ѡ, Ѣ, Ѥ, ѥ. Равноконечный крест с вписанной греческой буквой X послужил основой букв: Ѧ, ѧ, Ѩ, ѩ, Ѫ, ѫ, Ѭ, ѭ, Ѯ, ѯ, Ѱ, ѱ, Ѳ, ѳ.

На последнем этапе работы над алфавитом глаголические буквы получили, по греческому образцу, свои названия. Названия букв первоначальной глаголицы могут быть восстановлены с достаточной степенью точности на основании древних абецедариев, перечней названий букв, сохранившихся в латинских и греческих рукописях, записей названий букв из хорватских глаголических алфавитов XIV–XV вв. и алфавитных акростихов. Большинство составляют первичные названия букв. Однако в составе реконструированных названий находятся и более поздние образования, заменившие названия, созданные Константином. Некоторые первичные названия могли получить новую форму под влиянием широко распространенных у славян азбучных акростихов.

Итак, реконструированная на основе материала древнейших источников по истории славянского письма, первоначальная глаголица имела в своем составе 34 буквы, расположенные в следующем порядке: †- *azъ* (1), Ѡ - *boukъvi* (2), ѡ - *vědě* (3), Ѣ - *glagoli* (4), Ѥ - *dobro* (5), ѥ - *estъ* (6), Ѧ - *živěte* (7), ѧ - *zělo* (8), Ѩ - *zemja* (9), ѩ - *iže* (10), Ѫ - *i* (20), ѫ - *ge* (30), Ѭ - *kako* (40), ѭ - *ljudije* (50), Ѯ - *myslite* (60), ѯ - *našъ* (70), Ѱ - *onъ* (80), ѱ - *poкоjъ* (90), Ѳ - *rъci* (100), ѳ - *slovo* (200), Ѵ - *tvrdо* (300), ѵ - *ukъ* (400), Ѷ - *frъtъ* (500), ѷ - *xěrbъ* (600), Ѹ - *otъ* (700), ѹ - *ša* (800), Ѻ - *ci* (900), ѻ - *črъvъ*, Ѽ - *jerъ*, ѽ - *jerъ*, Ѿ - *jatъ*, ѿ - *o* (*jo*), ѿ - *jusъ*, ѿ - *ε* (*je*). Глаголица является оригинальной и своеобразной графической системой, результатом самостоятельного творчества Константина-Философа, соединяющей в одно целое элементы греческой системы письма и христианской символики.

Л и т е р а т у р а

- Дурново Н.Н. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов // *Byzantinoslavica* I, 1929. С. 48–85.
- Ягич В.И. Глаголическое письмо // *Энциклопедия славянской филологии*. Вып. 3. С.-Петербург, 1911.
- Mareš F.V. Hlaholice na Moravě a v Čechách // *Slovo* 21, 1971. С. 133–200.
- Marti R. Slavische Alphabete in nicht-slavischen Handschriften // Кирило-Методиевски студии, кн. 8. София, 1991. С. 139–164.
- Mošin V. Još o Hrabru, slavenskím azbukama i azbučnim molitvama // *Slovo* 23, 1973. С. 5–73.
- Tkadlečík V. Systém hlaholské abecedy // *Studia palaeoslovenica*. Praha, 1971. С. 357–377.
- Trubetzkoy N.S. *Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem*. Wien, 1954.
- Vajs J. *Rukověť hlaholské paleografie*. Praha, 1932.
- Vrana J. O postanku i karakteru staroslovjenskich azbukvara i azbučnich molitava // *Filologija* 1963, 4. С. 191–20.
- Wójtowicz M. *Początki pisma słowiańskiego*. Poznań 2000.

1. Полноценный или адекватный перевод предполагает «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника» [Федоров, 15]. Степень полноты отражения в переводе смысла оригинала зависит от типа информации – денотативной, или предметной, и художественной, или поэтической, по-разному соотносимых с однозначностью или многозначностью толкования как отдельного фрагмента, так и того или иного текста в целом [см. Горбачевский, 10].

Полнота воспроизводимых смыслов оригинала является не единственным условием, определяющим достоинство перевода. Попытки решить эту задачу в рамках буквального перевода, как правило, не приводили к желаемым результатам. Только в исключительных случаях в буквальном переводе совмещается, казалось бы, несовместимое – поэтическая форма оригинала и полнота его смыслов, разумеется, не исчерпывающая, но в большей или меньшей степени приближающаяся к этому идеалу. Важной предпосылкой успешного функционирования перевода в контексте принимающей литературы является его способность адаптироваться к новым условиям.

2. Термин «адаптация» в филологической литературе употребляется в нескольких значениях. В нашей работе мы опираемся на интерпретацию этого понятия чешскими и словацкими филологами: адаптация есть «такое отношение к оригиналу, при котором в замыслы переводчика не входит неукоснительно сохранять особенности оригинала» [Дюришин, 168], или «обработка переводчиком текста с целью приблизить его к новому читательскому восприятию» [Vlašín, 11]; обработка эта включает «тему и ее элементы (персонажи, реалии)» [Попович, 180].

Понятие адаптации охватывает явления, которые сопровождают процесс включения иноязычного текста в новый литературный контекст. В результате оригинал подвергается трансформациям, в разной степени меняющим его смысл. Поскольку процесс адаптации является одним из факторов, способствующих варьированию поэтического текста, то вполне естественно возникает вопрос о том пределе варьирования формы и содержания оригинала, после которого адекватный перевод теряет релевантные признаки.

3. Богатый материал для выявления разных способов адаптации предоставляют переводы А. Мицкевича – одного из наиболее переводимых в России XIX и XX вв. польских поэтов. Особый интерес представляют переводы одних и тех же произведений, выполненные в разные периоды истории русской литературы. Сравнение нескольких переводов позволяет, во-первых, выявить специфику адаптации поэтического текста к конкретным условиям литературного процесса, а

во-вторых, проследить движение этого процесса на таком, казалось бы, периферийном материале, как перевод.

В докладе общетеоретические положения иллюстрируются примерами перевода сонетов Мицкевича, которые образуют цикл из 40 текстов, включающих любовные (22 сонета) и «Крымские сонеты» (18). Почти все они существуют на русском языке в нескольких переводах. Особенно часто переводились «Крымские сонеты», некоторые из них известны в двадцати и большем числе вариантов.

4. Первые переводы сонетов Мицкевича, выполненные П. Вяземским (1827) и И. Козловым (1827 – 1828), дают более или менее полное представление о реальном содержании поэтических текстов, но не отражают поэтического новаторства их автора. Перевод Вяземского прозаический. Кроме того, он перенасыщен архаизмами, что совершенно не свойственно оригиналу, но вполне соответствует представлению русского читателя того времени о том, каким должен быть язык поэтического произведения. По сути это перевод с языка одной поэтики на язык другой.

Переводы Козлова отмечены несомненными поэтическими достоинствами, но они соответствуют поэтике переводчика, а не автора оригинала. Форма сонета сохранена только в трех из двадцати переводов. Остальные представляют собой произведения, состоящие из разного количества стихотворных строк – от 16 до 26.

Козлов, как и его современники, поэты-романтики, не ставил своей целью передать особенности подлинника. Для романтиков оригинал был всего лишь точкой опоры, отталкиваясь от которой, поэт-переводчик создавал произведение, соответствующее его эстетическому идеалу. С оригиналом переводчик обращался как с собственным черновиком.

Примером такого свободного обращения с оригиналом служат многочисленные эпитеты, которые добавлены Козловым в тексты переводов. Вот один из фрагментов, подтверждающих сказанное:

Tam na północ ku Polsce świecą gwiazd gromady,
Dlaczegoż na tej drodze błyszczą się ich tyle?
Czy wzrok twój ognia pełen, nim zgasnął w mogile,
Tam wiecznie lecać jasne powypalał ślady?

Что ж Север так горит над Польшею любимой?
Зачем небесный свод так блещет там в звездах?
Иль взор твой пламенной, стремясь к стране родимой,
Огнистую стезю прожег на небесах?

К двум эпитетам оригинала, jasne «светлые, отчетливые (следы)» и ognia pełen «полный огня (взгляд)», переданным в переводе как «огнистая стезя» и «взор пламенной», добавлены еще три: «над Польшею любимой», «небесный свод», «к стране родимой».

Эпитетам в оригинале и переводе отводится разная роль. В оригинале они выполняют денотативную функцию. В переводе, кроме денотативной, значительная часть эпитетов выполняет дейктическую функцию, указывая на принадлежность текста к определенной литературной традиции.

Благодаря формальным и смысловым заменам в переводах Козлова и Вяземского, оригинал трансформировался в сторону его сближения с текстами принимающей литературы. Адаптация в переводах Козлова доведена до крайней степени – в сонете «Утро и вечер» даже имя Лаура заменено именем Людмила. Аналогичный пример встречается у Н. Берга в одной из ранних редакций перевода сонета «К Неману»: О Волга-матушка, родимая река!.. (в оригинале: *Niemnie, domowa rzeka moja!*). Еще более показателен фрагмент его же перевода сонета «Странник»:

Litwo! piały mi wdzięczniej tve szumiące lasy
Niż słowiki Bajdaru, Salhiry dziewice;
I weselszy deptałem twoje trzęsawice,
Niż rubinowe morwy, złote ananasy.

Но снятся мне родимые метели...
О Русь! Леса дремучие твои
Отраднее и слаще сердцу пели,
Чем звонкие Байдары соловьи!

5. Адаптация – функциональная замена культурологически маркированного, текстообразующего компонента в системе языка оригинала сходным по смыслу компонентом в системе языка перевода. Адаптация по-разному влияет на степень адекватности поэтического перевода. С одной стороны, возможны случаи, когда поэтическое произведение полностью теряет свою индивидуальность, как в большинстве переводов Козлова, во многих переводах В. Бенедиктова, Н. Берга, в лермонтовском переводе сонета «Вид гор из степей Козлова». С другой стороны, адаптация может передавать смысл подлинника, его индивидуальную неповторимость, в форме, более доступной для читателя принимающей литературы, чем некоторые скрупулезные переводы. Примером могут служить переводы В. Левика из Мицкевича (1946 – 1955), воспринимаемые как поэтические тексты пушкинской эпохи. Этому способствуют языковые средства, благодаря которым в сознании читателя возникают ассоциации, связанные с текстами Пушкина или его современников. Так, перевод отрывка из сонета «К Лауре»

Ledwiem ciebie zobaczył, jużem się zapłonił,
W nieznanem oku dawnej znajomości pytał.

Едва явилась ты – я был тобой пленен.

Знакомый взор искал я в незнакомом взоре...

вызывает в памяти пушкинское «Передо мной явилась ты» и лермонтовское «В твоих глазах ищу черты другие». Если первая строка не меняет существенно смысл оригинала, то вторая не соответствует ему по содержанию. Она заключает смысл, который выражен в приведенном фрагменте из стихотворения Лермонтова.

6. Перевод художественного произведения является процессом двухступенчатым, предполагающим, во-первых, воспроизведение собственно лингвистической информации – реального содержания и его основных прагматических смыслов, а во-вторых, адаптацию, приведение к некоему «общему знаменателю» поэтической информации оригинала и перевода, включение текста перевода в другой литературный контекст.

Л и т е р а т у р а

1. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1968.
2. Горбачевский А.А. Оригинал и его отражение в тексте перевода. Челябинск, 2001.
3. Vlašín Ā. (Red.). Slovník literární teorie. Praha, 1977.
4. Попович А. Проблемы художественного перевода. М., 1980.
5. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979.

Э.М. Гукасова (Краснодар). НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Интерес современной лингвистики к взаимоотношению между языком и культурой обусловил необходимость изучения вопроса о сочетании во фразеологии национального и интернационального.

Язык – это зеркало народной культуры, народной психологии и философии. Национально-культурная специфика языков возникает в результате того, что объективная действительность в разных странах сегментируется по-разному. Национально-культурная специфика фразеологии может быть обусловлена или экстралингвистическими особенностями или особенностями интралингвистическими.

Национально-культурный фразеологический фон формируется совокупностью сведений историко-культурного характера, относящейся к данному фразеологизму.

Изучение фразеологических моделей на материале разных языков и источников заимствования фразеологических образов позволяет выявить как типологически сходное, так и национальное, обусловленное особенностями исторического развития нации, ее традициями и обычаями, спецификой народного менталитета. Национальное и интернациональное настолько диалектически связаны между собой, что чем более четкой является выстраиваемая на материале нескольких языков общая фразеологическая модель, тем ярче и своеобразнее на ее

фоне проявляется неповторимость ее национально-образного наполнения.

Например, фразеологизм *заморить червячка* впервые лексикографически был зафиксирован в двух значениях еще в прошлом веке: «слегка закусить»; «перекусить на голодуху», «выпить или закусить на голод».

Сейчас он употребляется исключительно в значении «перекусить, слегка утолить голод». В этом значении данный оборот фиксируется в восточнославянских языках лишь с XX века: бел. *замарыць чарвяка* (*чарвячка*), укр. *заморити черв'яка* (*черв'ячка*) (Мокиенко 1999, 445). Абсолютное тождество структуры и значения, отсутствие вариантов, поздняя фиксация словарями позволяют предположить, что белорусские и украинские фразеологизмы – заимствования из русского.

Выражения с аналогичной мотивировкой известны и западноевропейским языкам. В южнославянских языках фразеологизмы, близкие по форме и образности к *заморить червячка*, отсутствуют. В романских же языках аналогичный оборот распространен очень широко. Показательно единство значения и синтаксической конструкции этого оборота: фр. *tuer le ver* «выпить натошак рюмочку водки или белого вина» (букв.: убить червя), исп. *matar el gusanillo* (*gusano*) «выпить стопочку водки перед завтраком» (букв.: убить червя) и др. При возможных вариациях лексического состава, однако, романские фразеологизмы о червяке имеют исключительно стабильное значение – «выпить натошак спиртного». В связи с этим французские историки языка уверенно связывают оборот *tuer le ver* со старинным народным поверьем, согласно которому от глистов можно избавиться, выпив натошак водки или белого вина (Назарян 1968, 273).

Учитывая приведенные факты, можно заключить, что славянские выражения, в том числе, и русское *заморить червячка*, – заимствования из романской фразеологии. Это калька французского выражения *tuer le ver*. Следует подчеркнуть, что выбор глагола *заморить* в данном контексте неслучаен: он был подготовлен длительной традицией русского употребления. Важной оказалась тесная привязка глагола *заморить* к понятию «голод», а не «желание выпить спиртного», «жажда». Немалую роль сыграло и то, что в русской народной речи имеется оборот *заморить выть* «утолить голод, перекусить» (выть – «чувство голода, аппетита») и др. фразеологизмы, например, пск. *заморить комара*, омск. *кишки затравить*, перм. *заманивать голод* «легко перекусить», «перекусывать», которые усиливали притяжение нового фразеологического заимствования к «пищевым», а не «питьевым» ассоциациям.

Наконец, семантическое преобразование фразеологизма *заморить червячка* на русской почве объясняется как ассоциативно-метафорической связью «червь» – «кишки» – «желудок», так и благодаря созвучию разных по происхождению, но схожих по форме

слов червь и чрево, череву «внутренности живота», «живот», «потроха», «желудок» и др. А представления о кишках и желудке во фразеологии русского и других языков сопрягается не с желанием выпить спиртного, а с чувством голода: рус. *кишки марш играют*, болг. *червата ми свирят рамазан* (*у меня кишки, желудок играют рамазан*) и т.д.

Ряд сочетаний глагола *заморить*, связанных с представлениями о голоде, и привычные для русских ассоциации привели к тому, что это значение исчезло из употребления. Итак, фразеологизм *заморить червячка* утратил семантическую связь со своим французским прототипом и стал специфичной, национально окрашенной русской идиомой. Национальное и интернациональное здесь слилось в единое целое.

Обороты *заморить червячка*, *взять быка за рога*, *птичье молоко* и др. показывают, как много в нашем языке фразеологических интернационализмов, различимых при сопоставлении с другими языками.

Исследования последних лет убедительно показали, что процесс интернационализации глубоко пронизывает не только лексические, но и фразеологические фонды современных языков. Ее истоки и источники – античная история, литература, мифология, Библия, научно-технические, культурные, а следовательно, и языковые контакты, которые стали в нашу эпоху особенно интенсивны (Солодухо 1982, 133–135; Солодухо 1989; Солодуб 1984). Масса устойчивых оборотов оказывается интернационализмами, которые уже давно вросли в ткань русского языка.

Таким образом, изучение фразеологических моделей на материале родных языков позволяет, с одной стороны, сделать вывод о том, что основные значения в системе любого языка обязательно универсальны, что объясняется общечеловеческими законами мышления и познания, с другой стороны, о том, что существует особый языковой мир представлений о реальности. Язык обладает определенным набором основных значений, присущих только данному языку, выступающих как отражение неповторимых особенностей культуры народа-носителя данного языка, и языковыми средствами, служащими для реализации общечеловеческих универсальных значений. Эти общие значения адекватно и полностью передаются в каждом языке, но расчленяются, выражаются, фиксируются в нем по-разному.

Л и т е р а т у р а

1. Мокшенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологический очерк фразеологии. СПб., 1999.
2. Назарян А.Г. Почему так говорят по-французски. М., 1968.
3. Солодуб Ю.П. Лексикология и фразеология современного русского литературного языка. М., 1984.
4. Солодухо Э.М. Проблемы интернационализации фразеологии. Казань, 1982.

5. *Солодухо Э.М.* Теория языкового сближения (на материале языков славянской, германской и романской групп). Казань, 1989.

Й. Данчева (Болгария). ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ВРЕМЕН В СОВРЕМЕННЫХ БОЛГАРСКИХ ГАЗЕТАХ (ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

После 1989 года в языке болгарской прессы произошли существенные изменения. Тенденция демократизации, особенно в языке ежедневных газет, связана главным образом со снижением стиля на уровне лексики и грамматики (Ницолова 1994:12). Специфическим новым явлением стало использование пересказывательных форм в заголовках. Поскольку эти инновации появились во время бурных событий в политической, социальной и экономической жизни общества, можно было бы ожидать их уменьшения в период относительной политической стабильности. Однако наблюдения показывают устойчивость в их использовании.

Проблема пересказывательных форм вызывает много споров. Существуют многочисленные определения категории пересказывания и различные точки зрения относительно значений, выражаемых этой категорией (Андрейчин 1962, Маслов 1981, Герджиков 1984, Куцаров 1999 и др.). Мы оставляем в стороне теоретическое освещение проблемы, наша задача – исследовать функционирование пересказывательных форм в современных газетах.

В академической «Грамматике болгарского языка» отмечается, что пересказывательные формы употребляются в том случае, когда «говорящий сообщает о действии со слов другого лица» (Грамматика 1983:351). В этом аспекте данные формы следует рассматривать в качестве члена оппозиции свидетельское/несвидетельское отношение к сообщению. Однако возможны и другие оппозиции: предвзятое / непредвзятое личное мнение, личная осведомленность / неосведомленность, уверенность/неуверенность в истинности утверждения, нейтральное / эмоциональное отношение к действию, неоспоримый / спорный факт и др. При этом эмоциональное отношение предполагает широкую гамму чувств: сожаление, иронию, радость, восхищение, разочарование и др.

Итак, основное значение «пересказа», указанное в «Грамматике», может быть дополнено и другими оттенками. Эти оттенки выявляются не только на основании формальных и структурных показателей. Необходимо иметь в виду метаязыковые, семантические и контекстуальные маркеры и факторы, которые способствуют полному пониманию значений рассматриваемых форм.

Метаязыковой фактор связан с новой системой общества, обеспечивающей большую свободу слова, что на языковом уровне проявляется в повышенной вариативности в использовании средств. Таким

фактором является, например, отношение к политической элите, к болгарской действительности, которое может вызывать употребление пересказывательных форм для выражения несогласия или сомнения («Петър Стоянов не помагал на брат си», Монитор, 20.10.2001). Семантический маркер указывает на употребление пересказывательных форм не только для передачи чужих слов, а, например, для выражения сомнения или иронии («Сили на мрака атакували Шляшки», 24 часа, 23.01.2001). Контекстуальный маркер может быть установлен после ознакомления с публикацией в целом.

В исследовании представлен анализ только заголовков, поскольку они, во-первых, с наибольшей ясностью указывают на новые тенденции в языке газетной публицистики, во-вторых, определяют позицию газеты, и, в третьих, привлекают внимание читателя. Сам текст публикации рассматривается лишь в качестве контекстуального маркера. Нужно отметить, что очень часто пересказывательные формы употребляются только в заголовке, а в тексте используется изъяснительное наклонение («Цените паднали през юли», Труд, 12.07.2001; «НДСВ и СДС изхарчили по 1,5 млн. в кампанията», Сега, 18.07.2001). В указанных публикациях источником информации журналистов являются официальные справки и заявления. Следовательно, авторы должны были сообщить о данных фактах формами изъяснительного наклонения. Однако, употребляя пересказывательные формы в заголовках, они (или редакторы) стремятся внушить сомнение в правдивости информации.

Проведенный нами анализ показал, что преобладающим оттенком значений пересказывательных форм в заголовках является сомнение. Оно выявляется преимущественно на основе метаязыковых факторов и контекстуальных маркеров («Сивата икономика напълни борда», Монитор, 14.01.2001).

Менее часто используются пересказывательные формы в значении неожиданности. Затем следуют случаи употребления, раскрывающие эмоциональное отношение: сожаление, иронию. Реже всего встречаются формы, выражающие несогласие. Преобладание оттенка «сомнение», по сравнению с «несогласием», приводит к выводу, что использование рассматриваемых форм является показателем нечетко выраженной позиции журналиста.

Для получения более объективных данных мы провели анкетирование 15 студентов. Информантам предоставили 60 заголовков с использованием пересказывательных форм и предложили определить значение каждого из них (список оттенков значений был дан заранее).

Результаты анкетирования показали, что распределение главных оттенков в основном совпадает с данными нашего анализа: наибольшее количество заголовков выражают сомнение, меньше всего – несогласие. Однако информанты указали на более широкую гамму эмоциональных

оттенков. Они отметили случаи удивления («Кабинетът Костов скрил 50 млн. дълг на болниците», 24 часа, 1.11.2001), нашли больше случаев иронии («България била спяща красавица», Труд, 25.09.2001), сожаления («Биотероризъм грозил САЩ», Труд, 12.07.2001).

Результаты анкетирования подтверждают значение контекстуальных маркеров. Например публикация под заголовком «Сибир» имала и българска връзка» (Труд, 6.10.2001) сообщает вполне достоверные сведения об участии болгарской авиакомпании в «Сибир ерлайнз», и пересказывательная форма в заголовке означает «неожиданность». Но информанты, которые не знали о содержании статьи, считали, что она выражает сомнение (11 информантов).

Анкетирование подтвердило и значение экстралингвистического фактора, например, информированности и интереса к событиям в мире. Для иллюстрации приведем неожиданный ответ двух информантов по поводу заголовка «Осама и молла Омар били живи и здрави» (Труд, 16.10.2001). По их мнению, он выражает радость. Мы не думаем, что информанты поддерживают террористов или что у них нет информации о предполагаемом организаторе теракта 11 сентября. Ответ скорее указывает на недостаточный интерес к событию, из-за чего имя Осамы не связывается ими с бен Ладеном.

Последний ответ, как и результаты всего анкетирования показывают, что использование пересказывательных форм в заголовках газет является не только стилистическим приемом, свидетельствующим о снижении норм или «свободе» журналиста в выборе языковых средств. Пересказывательные формы могут служить орудием политического манипулирования, воздействуя, в частности, на малоинформированных или молодых людей, которые обычно в меньшей степени интересуются политикой.

Языковые явления в СМИ нельзя рассматривать изолированно от общественного мнения. Исследования необходимо проводить в свете философии языка, социолингвистики и психолингвистики.

Л и т е р а т у р а

1. *Андрейчин Л.* Още по въпроса за преизказното наклонение. Български език, кн.1–2, 1962. С. 91–99.
2. *Бояджиев Т., Куцаров Ив., Пенчев Й.* Съвременен български език. София, 1999. С. 398–431.
3. *Герджиков Г.* Преизказването на глаголно действие в българския език. София, 1984.
4. Граматика на съвременния български книжовен език. София, 1983.
5. *Маслов Ю.* Грамматика болгарского языка. Москва, 1981.
6. *Ницолова Р.* За някои прояви на тенденцията към демократизация в езика на българския печат след 10.11.1989г. Годишник на ИЧС. Т. 9.София, 1994.

Л.В. Дюсупова (Оренбург). Лингвоэтнические связи польского и русского языков и их отражение в поэзии А. Мицкевича и ее переводах

Когда говорят о воздействии личности на развитие языка, то обращаются к таким примерам, как Данте Алигьери в Италии, Мартин Лютер в Германии, Адам Мицкевич в Польше.

Именно в поэзии А. Мицкевича лингвоэтнические связи польского и русского языков отразились наиболее наглядно. Существование лингвистических связей польского и русского языков обусловлено долгим общим историческим прошлым.

Для анализа избраны несколько стихотворных текстов из поздних произведений А. Мицкевича: *Nad wodą wielką i czystą, Gdy tu mój trup, Polały się łsy, Snuć miłość.*

Изучение этнических связей на основе языка и его данных является чрезвычайно плодотворным, поскольку именно язык отражает всю совокупность культуры народа... «Каждый язык – жемчужина на ковче цивилизации» (Ф. Искандер). «Язык умнее нас, – говорил Н.И. Толстой, – он знает и помнит больше, чем мы». Именно эта древняя память славянства ощущается при чтении стихов А. Мицкевича.

*«Над вольным простором широким
Построились скалы, рядами,
И их отраженья глубоко
В заливе кристальном застыли»
(Перевод В. Короленко)*

Современник А. Мицкевича А.Х. Востоков утверждал, что каждый из славянских языков и диалектов сохраняет в себе какие-то особенности, утраченные другими языками, и поэтому, сравнив все существующие славянские языки и диалекты, можно восстановить Древнейший славянский праязык, его исконные праформы.

Вместе с тем каждому народу свойственна собственная языковая картина мира, которая складывается в течение веков в результате формирования неповторимой внутренней формы, основанной на индивидуальном восприятии.

*«I k nam z gor jako jutrzeńka świeci»
«Встает на взгорье утренней звездой...»
(Перевод А. Гелескула)*

Сопоставление текстов стихов А. Мицкевича с текстами их переводов на русский язык позволяет еще раз убедиться, что при всей общности истории и культуры польского и русского народов каждый из них обладает собственным менталитетом. Так, традиции польской культуры и религиозного мировоззрения создают типичные образы – *ангел, безоблачное детство, пейзаж морской с прибрежными скалами* – эти слова переводятся на русский язык с помощью семантических

эквивалентов: *anielskie* – безгрешное детство, *sielskie* – сельское, *bliskawica* — молния, *jutrzenka* – утренняя звезда.

Анализ даже небольшого числа стихотворений А. Мицкевича позволяет убедиться, какой неповторимый своеобразный внутренний мир поэта кроется за строками его стихов. И так велика их философская глубина, что и через двести лет они звучат современно и позволяют проследить исторические корни лингвоэтнических связей польского и русского языков.

Е.Ю.Иванова (Санкт-Петербург). ЛОГИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В БОЛГАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Логико-синтаксическая классификация предложений Н.Д.Арутюновой, учитывающая особенности человеческого мышления и отражающая способ формирования пропозиции, обладает универсальным характером и может быть применена к различным языкам. При общности логико-семантических отношений (бытия, идентификации, именованности и характеристики) будут наблюдаться расхождения в области моделей, реально реализующих эти отношения. На уровне конкретных логико-синтаксических структур вступают в действие те особенности болгарского и русского языков, которые традиционно изучаются в рамках сопоставительного анализа.

Особого внимания потребуют **бытийные** предложения. Поле экзистенциальности как в русском, так и в болгарском языке представлено центральными и периферийными логико-синтаксическими структурами, в которых находят отражение несколько важных грамматических межъязыковых отличий. Болгарский язык, как известно, относится к группе языков, в которых для выражения обладания используется субъектно-предикатная модель (с личным глаголом *имам/ням*), отличная от сообщений о существовании, ср. *Имам куче*; *Нямат кола*; *Имаш ли температура?* и *В гората има вълци*; *Тук няма стол*; *Наоколо е зеленина* (П.Тущков). В современном русском языке и для тех, и для других сообщений используется одна и та же модель с локативным оформлением области бытия, в том числе и посессора. Ср. рус. *У меня есть собака*; *У нее нет температуры*; *В лесу есть волки*; *Вокруг тишина*. Второе отличие болгарских и русских бытийных предложений также связано с активностью глагола *имам*, который не только захватил сферу выражения посессивности, но и (в виде безличного глагола *има/няма*) значительно потеснил глагол *съм* и в сфере экзистенциальных значений. Таким образом, в предложениях о существовании встречаются структуры как с безличным глаголом *има*, так и с глаголом *съм*, напр.: *На нефтовата печка имаше кибрит и тя го сложи върху вестниците...* (Х.Калчев); *И все пак имаше някаква преграда между нас, която преди това не съзнавах* (П.Вежинов); *Тук*

имаше умивалник, а тоя тип го е махнал! (В.Цонев); *По-скоро отваряй, защото вън е страшен студ* (В.Цонев); *Добре, че е Киро да ви оправя* (В.Пасков). Различия в конструкциях с *има* и *съм* связаны не только с особенностями категориально-лексических групп слов и референциальной соотнесенностью объекта бытия, но и с онтологическими ограничениями, а также с прагматическими особенностями сообщения, ср. *Около Пловдив има тепета* и *От двете страни са тепетата*. С глаголом *има* будут употребляться все варианты исходной модели, составляющие ядро поля бытийности, т.е. коммуникативно-нейтральные структуры, в которых значение бытийности входит в коммуникативный фокус высказывания (в рему), и те коммуникативные трансформации, в которых бытийный глагол отмечен акцентным выделением как подчеркнутый или контрастный элемент. Предложения с глаголом *съм* относятся к периферии поля бытийности. Многие из особенностей предметных предложений с *има* и *съм* напоминают оппозицию глагольных и безглагольных бытийных предложений в русском языке, но полный параллелизм отсутствует.

Способы формирования предложений **идентификации** обнаруживают значительное сходство в обоих языках. Предпочитаются бисубстантивные предложения: болг. *Яким е човекът, с който излягах на първия си полет* (Х.Калчев); *Потърпевшият бях аз* (В.Пасков); *...предпазливо повдигам главата на мъртвия. Това е дебелият с прошарената брадичка от буика* (Б.Райнов); рус. *Надя была та самая подруга, с которой девочки вместе фотографировались* (В.Панова); *Костя обернулся: кто-то вошел. А, это Надюша* (И.Грекова). Здесь сопоставительный анализ может идти на уровне морфолого-синтаксических различий, напр. в русском – значение падежных вариантов (творительный или именительный), в болгарском – обязательность связки, а также возможная реализация модели с опущением первой именной группы (ИГ) при сохранении глагола: *Жената, която беше на кормилото, свали тъмните очила. **Беше Виолета*** (С.Чернишев); *Минута или две по-късно на вратата се почука и човекът отвън влезе, без да дочака отговор. **Беше хазаинът*** (А.Мандаджиев); *Един профил е жестоко познат. Мъжки. Около него се кипрят три женски същества. **Той е*** (Д.Стоилов).

При семантической интерпретации бисубстантивного предложения необходимо учитывать неоднозначность артиклевой маркированности послесвязочного именного комплекса в болгарском. Предложения идентификации всегда предполагают конкретную референтность второй ИГ, но морфологическая детерминированность не полностью отражает семантико-прагматические установки говорящего. Постановка определенного артикля не всегда маркирует идентифицирующее употребление, ср. определенную форму ИГ в предложениях характеристики: *Ели беше най-старателното момиче в цялата английска гимназия* (З.Евтимова); *Големия Жан е моят шивач*

(П.Вежинов); *Папа е първият ѝ съпруг* (П.Антоу). Здесь сообщается новая, дополнительная информация о субъекте, в то время как смыслом идентифицирующих предложений является «возведение к известному» (Д.Вайс).

В рамках бисубстантивных предложений имеются и особые (различающиеся и семантикой) построения в обоих языках: рус. *Тот мальчик с ведром и удочками я и есть*, болг. *Аз ли съм този, който го направи?* (В.Пасков). Для установления идентифицирующего значения болгарских моделей с рестриктивным придаточным важны показатели определенности в рамках глагольных категорий, ср. характеризующее употребление: *Не съм аз тази, която ще се откаже* (В.Голев).

Идентифицирующее значение может быть передано с помощью предикатов отождествления и узнавания: болг. *В красивата млада жена, която ми маха с ръка, трудно познавам Мима Борисова* (Х.Калчев); рус. *За накрытым белой скатертью столом сидела женщина, в которой он узнал свою бывшую учительницу Прасковью Гавриловну* (Е.Долгопят), а также рематическим выделением именного компонента в составе разных по структуре предложений: рус. *Супермаркета разбих аз!* (В.Пасков); *Малката фигура на екрана се показа за няколко секунди, но аз изтръпнах... Фигурата беше на Невена* (В.Голев), рус. *Когда он приоткрыл глаза и еще не сообразил, а почувствовал чье-то присутствие, он подумал: «Неужели Дина?» А пришла эта девчонка, которая весь день крутится вокруг, высматривает...* (Г.Щербакова). В связи с этим круг синтаксических конструкций, которыми может быть выражено идентифицирующее значение, оказывается неограниченным, однако исчислимы способы его формирования. Именно это и должно изучаться в сопоставительном аспекте.

Именующие предложения могут использовать бисубстантивные конструкции и небольшой круг глагольных структур с предикатами именованья: болг. *Тя се казва Ада, а той – мъжът с белия каскет – е просто Папа* (П.Антоу); *Дебелият с четинестата глава се вика Гаро – Гаро Немския* (В.Даверов), рус. *Участкового звали Витей. Нет, конечно, он был Виктором Ивановичем Кравченко, а на самом деле все-таки – Витя, даже скорее Витёк* (Г.Щербакова).

Связь предмета с понятием, формирующая отношения **характеризации**, выражается самыми разнообразными моделями в обоих языках. Сопоставительный анализ здесь должен учитывать семантический тип предиката и морфологические способы его выражения.

А. И. Изотов (Москва). АНАЛИТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Функционально-семантическая категория побуждения в современном чешском языке может быть представлена как конгломерат

подкатегорий, вычленяемых на основе актантной рамки предиката, при этом наиболее значимыми являются три подкатегории, выделяемые на основе следующих категориальных ситуаций: **категориальная ситуация 1** – Прескриптор побуждения равен Говорящему, Агенс равен Слушающему / Слушающим («побуждение второго лица»); **категориальная ситуация 2** – Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Слушающему / Слушающим + Говорящему («инклюзивное побуждение»); **категориальная ситуация 3**: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Лицу / Лицам, не являющимся ни Говорящим, ни Слушающим («побуждение третьего лица»).

Каждая их трех названных подкатегорий имеет ядро, образуемое конвенционализированными в языке конструкциями, формируемыми иллокутивно универсальные и иллокутивно специализированные побудительные высказывания в условиях минимального дискурсного окружения, и периферию, образуемую конструкциями, формирующими побудительные высказывания через тематизацию того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания (через тематизацию каузируемого действия или его последствий, тематизацию возможности этого действия, его необходимости или полезности, тематизацию волеизъявления Говорящего, Слушающего или иного Лица / Лиц), при этом центр подкатегории, выделяемой на основе *категориальной ситуации 1*, совпадает с центром всей функционально-семантической категории побуждения.

В качестве основного средства выражения побуждения в современном чешском языке (как, впрочем, и в современном русском) выступают конструкции с формами синтетического императива, обозначая наиболее характерную с прагматической точки зрения директивную ситуацию. Однотипность морфологической структуры и семантическая однородность подобных форм позволяет считать побудительные высказывания с ними эталонными повелительными предложениями. Не будучи осложнены никакими дополнительными коннотациями, не сигнализируя ни о наличии, ни об отсутствии тех признаков, которые дифференцируют различные социально значимые разновидности побуждения (*приказ, совет, просьба* и т. д.), конструкции с синтетическими императивными формами наиболее универсальны, а потому и наиболее употребительны. Дифференциация же различных оттенков побуждения легко осуществляется с помощью соответствующего просодического оформления, а также лексико-синтаксических средств, которые сужают его коммуникативный потенциал, уточняя его иллокутивное предназначение.

Именно конструкции с формами синтетического императива мы находим в высказываниях, формирующих центр названной выше первой подкатегории (а тем самым и всей функционально-семантической категории побуждения в современном чешском языке), а также высказываний, формирующих центр второй подкатегории. Что же

касается центра третьей подкатегории, то он образуется конструкциями *a'* + 3 *лицо* *индикатива*, высказывания с которыми по своим формальным свойствам весьма близки эталонным повелительным высказываниям с императивными формами 2-го лица.

Кроме того, можно говорить о целом ряде неизмеримо менее употребительных, однако все же возможных в составе побудительных высказываний образований с не столь очевидным статусом. Это конструкции *necht'* + 3 *лицо* *индикатива*, *a'* + 1 или 2 *лицо* *индикатива*, *pojd'(te)* + *инфинитив*, *koukej(te)* / *hled'(te)* / *běž(te)* / *chraň(te) se* / *opovaž(te) se* / *rač(te)* + *инфинитив*, *buď(iž)* / *buďte(ž)* + *краткое страдательное причастие*.

Доклад посвящен функционированию подобных императивных аналитических образований в современном чешском языке (прежде всего на основе данных электронного корпуса, подготовленного сотрудниками «Института чешского национального корпуса» при философском факультете Карлова университета в Праге: <http://ucnk.ff.cuni.cz/>).

М.Ю. Кагушева (Пермь). К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДИМОСТИ ПРИЧАСТИЙ С ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ И С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ЧЕШСКИЙ

Материалом исследования является сравнение синтаксиса причастных конструкций в художественных текстах, переведенных с русского языка на чешский и с чешского на русский: 1. J. Našek «Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války» и перевод на русский язык, выполненный П. Богатыревым (первые три главы); 2. В. Аксенов «Катапульта» и перевод на чешский язык, выполненный переводчиком *veb-* (псевдоним).

Нашей целью является исследование того, каким образом переводится причастие с чешского языка на русский язык и обратно, сохраняется ли при этом смысл оригинального текста и изменяется ли при этом синтаксическая функция причастия (либо его эквивалента). Особо интересными с исследовательской точки зрения представляют случаи несовпадения в переводе причастий: когда причастие переводится глагольной конструкцией либо чем-то иным. Нас интересуют, изменяется ли при этом синтаксическая функция эквивалента причастия и влечет ли это за собой изменения смысла, имеющегося в первоначальном тексте. Кроме того, в процессе перевода причастие может быть опущено (заменено иными формами или вообще ничем не заменено), или добавлено (например, конструкция с личным глаголом исходного текста переводится причастием или причастие появляется без какого-либо явного повода).

Под причастием в данной работе понимаются не только сами причастия как грамматический класс глаголов, но и деепричастия. При этом в исследовании не было целью устанавливать зависимости между

синтаксисом причастий и их грамматической формой – такая цель будет поставлена при большем количестве исследованного материала.

Существует несколько вариантов перевода причастных конструкций:

Вариант 1 (калькирование): причастие переводится причастием с теми же грамматическими характеристиками, смысл высказывания при этом не меняется.

Вариант 2 (пропуск): при переводе причастие опускается (не заменяется никакой частью речи или конструкцией). Об изменении или сохранении синтаксической функции причастия в таком случае говорить не приходится. Очевидно, что опущение причастия ведет к утрате смысла. Например: *Кулечки были свернуты из листков школьной тетрадки в косую клетку.* – *Koupili jsme si jahody v kornoutku ze školního sešitu se šiknými čtverečky.* (Дословно: *Мы купили себе землянику в кулечке из школьной тетради с косыми клетками*). В чешском варианте вообще не сказано, что кулечки были свернуты. Данный перевод не очень искажает смысл оригинала, однако в некоторых случаях опущение причастия при переводе приводит к потере смысла.

Вариант 3 (эквивалентные замены): причастие переводится другой частью речи или конструкцией (например, конструкцией с личным глаголом или конструкцией с глаголом *mít*). При этом происходят определенные функциональные сдвиги; что же касается смысла, то он может оставаться прежним, а может искажаться. Пример: *Зина сидела, положив подбородок на кулачок, и смотрела вдаль на реку, залитую солнцем, и тихие лесистые берега.* – *Zina seděla a opírala si bradu o pěstičku, dívala se do dálky na řeku zalitou sluncem a na tiché lesnaté břehy.*

Вариант 4 (добавление причастия): *Мне казалось, что размахиваюсь я не хуже Скачкова и накручиваю точно, как он...* – *Zdávalo se mi, že se dokážu rozmáchnout jako Skačkov, a byl jsem přesvědčen, že navijím přesně jako on.* Русская вводно-модальная конструкция *мне казалось*, подчиняющая два придаточных предложения (*что размахиваюсь* и *что накручиваю*), в чешском варианте текста заменена двумя вводно-модальными конструкциями – *zdávalo se mi* и *byl jsem přesvědčen*, вторая из которых (*byl jsem přesvědčen* = *был уверен, убежден*), является конструкцией со страдательным причастием. Здесь любопытно не столько появление дополнительного оборота, сколько то, что этот оборот имеет иное модальное значение, исходным текстом, как кажется, не обусловленное, что привело к некоторому искажению смысла оригинала.

Интересно отметить, что «добавление» причастий встречалось больше при переводе на русский язык, а замена причастий чаще наблюдается при переводе на чешский язык. Думается, что это явление связано не только с особенностями индивидуального стиля и языковой компетенцией переводчиков, но и с грамматическими свойствами

руског и чешког језика. Так, ако у руском језику система причастај је више развијена, него у чешком, онда ће при преводу руског текста слободно или неслободно бити «изрязати» број причастај, а руски, наоброт, увеличавати. У цјелоу датое истраживање показао, да при преводу опће број причастај у текстима умањшава. Любопытно, да при преводу с руског језика сачувања 50% причастај (т.е. преводчики слиш в пятидесяти процентах случаев полностью сохраняют грамматическую и синтаксическую функцию причастия оригинального текста при переводе – происходит калькирование), онда како при преводу с чешког калкирујења 70% причастај.

S. Kadić (Zagreb). KAJKAVSKI GOVOR ZAGREBA TE NARJEČJA HRVATSKOGA JEZIKA U NASTAVI HRVATSKIH DIJALEKATA

Прије свога доласка на данашње просторе Хрвати су почели развијати језичне особине по којима се у хрватском језику могу разликовати три нарјеђја: каякавско, штаякавско и ђакавско. Темеком прошлих стољеђа разлике између тих нарјеђја постојале су све веђе. Сувремена дијалектологија на подручју хрватског те српског језика препознаје ђетире нарјеђја: ђакавско и каякавско којим говоре само Хрвати, штаякавско, којим говоре Хрвати, Срби, Црногорци и Бошњаци те торлачко којим говоре само Срби. Називи за наведена нарјеђја потјеку од упитно-односних замяеница кај, што и ђа. Назив торлачки потјеке од Торлак (земљописно име краја у јужној Србији).

Језични развој у урбаном сређинама Хрватске врло је специфичан и лингвистички занимљив. Посебиче је занимљив с глеђишта дијалектологије, социјалингвистике и психалингвистике. Многе специфичности језичног развоја узроковане су интензивном присутношћу стандардног језика у свим слојевима друштва, без обзира на наобразбу, доб, занимање или друге индивидуалне факторе. Такође, експлозивни раст градова (посебича Загреба као метрополе) и усељавање становника носилаца других дијалекатских идиома узроковао је специфичност. Најстарије генерације аутоhtonих грађана говоре типолошки ђист нестандардни урбани говор са знатном количином структуралних и лексићких ознака које су другим носитељима тога урбаног говора *архаизми*, ђесто тек пасивно разумљиви, али и са знатним бројем иновациса, карактеристичних за све генерације носитеља градског говора. Загреб је средиште опће хрватских, господарских, умјетничких, знанственних, књижевних те других збивања веђ готово два стољеђа. Тај главни хрватски град се све више приближава приградским насељима која постојају његов саставни дио. У задњем се десетљеђу становништво све више насељава па Загреб постојаје сјечиште разних говора из разних подручја Хрватске. О градском каякавском говору (вјеројатно изворишту каякавског књижевног језика у прошлости) рађена су бројна истраживања. Загребачка градска каякавштина била је основича каякавског књижевног језика којим је било написано многу текстова старе каякавске књижевности од 17. до сређине 18. стољеђа. На цијелоу тадашњем

prostoru područja glavnoga grada, postojao je sredinom ovoga stoljeća jedinstveni gradski kajkavski govor, ali i s nekim razlikama i posebnostima.

Najbitnija razlika je pojava dvonaglasnog prozodijskoga sustava kao faze prijelaza tronaglasnih govora u jednonaglasni gradski kajkavski govor. Zagrebačka se urbana kajkavština, kao društveno prestižni idiom, snažno nametala i u prigradskim naseljima koja su tada preko njihovih stanovnika s gradskim zanimanjima pripadala gradu (posebno preko mlađih i školovanih naraštaja, «zatirući mnoge karakteristike organskih govora pripadnika zagorske (I.) i turopoljsko-posavske (III.) grupe kajkavskih govora (prema Ivšićevoj podjeli kajkavskoga narječja), odnosno samoborsko-medvedničkih, turopoljskih i vokomeričko-pokupskih govora (prema: Lončarić 1990). Istu sudbinu doživljavaju i organski govori prigradskih seoskih naselja koja su postala dijelom grada u najnovije vrijeme – ako nisu i potpuno nestala izgradnjom golemih stambenih zgrada na njihovu području. Autohtoni se seoski govori u relativno kratkim razdobljima ubrzano gube, čuvaju ih ponajčešće tek stariji stanovnici, koji se još živo sjećaju seoskoga načina života i njegovih materijalnih i kulturnih oznaka».

Bez obzira na teritorijalno širenje i nagli porast stanovništva te doseljavanja velikoga broja nositelja govora svih triju hrvatskih narječja (posebice štokavaca), najvećem je broju starosjedilačkih Zagrepčana kajkavština još uvijek društveno vrlo ugledan govor – oznaka građanina Zagreba kao metropola što povremeno izaziva porugu stanovnika drugih regija. «Pitam se uporno zašto volim Zagreb...Volim njegov ritam i posebnost. Volim se voziti tramvajem i slušati kajkavski govor...» Riječi su to jedne od zaljubljenica u Zagreb, akademske slikarice Cvijete Job. Slično razmišljaju i drugi poznati Zagrepčani poput poznatog odvjetnika Silvija Degena te mnogih drugih. Kajkavski Zagrebu daje posebnu boju, posebno ozračje i posebnost. Isto kao što se Split ne može zamisliti bez čakavskoga govora. Općenito, narječja obogaćuju standardni jezik.

Međutim, uz gradsku kajkavštinu, društvenu oznaku uglednoga zagrebačkoga govore sve više preuzima i zagrebačka štokavština koja se u govoru rođenih Zagrepčana bilo kojeg uzrasta miješa s posebnostima zagrebačke kajkavštine. Danas je teško čuti duži tekst na kajkavštini, osobito u školovanih ljudi (srednje škole i fakulteti), a i u manje školovanim sredinama. Uglavnom bude isprekidan štokavštinom. Postoji i zagrebačka inačica književnoga jezika na visokoj razini poznavanja književnojezičnih normi koja je slična onoj u visokoškolorovanih čakavaca i kajkavaca, ali i štokavaca koji su pod utjecajem školovanja i višegodišnjeg života u Zagrebu. Vjerojatno je samoglasnički inventar staroga zagrebačkoga gradskoga govora imao u kratkim i dugim slogovima 6 fonema (i, u, e, en, o, a), za razliku od sadašnjeg peterosamoglasničkog sustava (i, u, e, o, a) zagrebačke gradske kajkavštine. Ovdje treba pribrojiti i silabem ř, premda se na njegovu mjestu u staroj kajkavskoj književnosti bilježio slijed er. U toj je književnosti u golemom broju potvrda slovo e ispred r u slogotvornom položaju označeno ponajčešće prelomljenim cirkumfleksom, ali u pravopisnoj, a ne prozodijskoj

funkciji. I danas se u zagrebačkoj gradskoj kajkavštini ostvaruje slogotvorno r (nije zamijenjeno slijedom er kao u nekim zagorskim govorima, a možda i u nekim supstratnim, tada seoskim govorima današnjega Zagreba). Stari zagrebački govor vjerojatno je krasio kajkavski tronaglasni sustav s fonološkom funkcijom naglaska. U suvremenoj zagrebačkoj gradskoj kajkavštini sva tri naglasna (˘ ˘ ˘) stopila u jedan, irelevantne intonacije, poluduge kvantitete s ponekim tragovima starijega stanja. Sudeći prema morfološkim osobinama kajkavskoga književnoga jezika u djelima autora koji su izričito tvrdili da pišu jezikom kakav se govori u Zagrebu i usporedbom njihova jezika s tekstovima drugih kajkavskih pisaca do kraja postojanja stare kajkavske književnosti, moramo zaključiti da je u to doba morfologija urbanoga zagrebačkoga govora bila izrazito kajkavska.

Literatura

- Babić S., Finka B., Moguš M. Hrvatski pravopis. Zagreb, 1996.
- Barić E., Lončarić, Malić D. i dr. Gramatika hrvatskoga književnoga jezika. – Zagreb: Školska knjiga, 1990.
- Zečević V., Hrvatski dijalekti u kontaktu, Zagreb, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2000.
- Grupa autora: Zagrebački kaj, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb 1998.
- Vjesnik ON-LINE, 6.5.2000. Subotom: Zašto volim Zagreb, Stanujem na Trešnjevci koju ne bih mijenjala ni za Pantovčak, razgovor s akademskom slikaricom, dugogodišnjom Zagrepčankom
- Grupa autora: Zagrebački kaj, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb 1998.
- Rasprave Zavoda za jezik, knjiga 4–5, Zagreb, 1979., Lončarić, Mijo: Naglasni tipovi u kajkavskom narječju (iz skraćene verzije referata za VIII međunarodni slavistički kongres)
- Junković, Z., Parante et Affinite en Dialectologie, Extrait des Annales de la Faculte des Lettres et Sciences Humaines de Nice, No. 28–1977, 9–22.
- Lexicon latinum interpretatione illyrica, germanica et hungarica locuples..., list +7, prijevod Vladimira Vratovića u pretisku tog rječnika. Čakovec 1992., str. LXIV
- A Zagreb Kajkavian Dialect, Pennsylvania State University, Pennsylvania 1966.

Ю.А. Каменькова (Москва). АБСТРАКТНЫЕ ИМЕНА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ В РАКУРСЕ ГЛАГОЛЬНОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА)

1. В докладе рассматривается вопрос, связанный с характером языковой объективации эмоционально–чувственных концептов. Сложность данного процесса обусловлена спецификой абстрактных существительных, за которыми не просматриваются конкретные фрагменты действительности. Поведение таких имен проявляется в языке в тесном взаимодействии с метафоризаторами, которые открывают путь к постижению более глубинного слоя, скрытого за внешней оболочкой абстрактного имени.

2. Проблема метафорической предикации подразумевает исследование метафоры как таковой. В докладе излагаются некоторые концепции этого понятия (как гносеологические, так и лингвистиче-

ские). Факт наличия чрезвычайно обширной литературы по проблемам метафоры, с одной стороны, позволяет составить о ней богатое представление, а с другой – порождает новые вопросы, касающиеся ее функционального потенциала. Затрагивается вопрос, связанный с динамикой статуса самого феномена: от конкретно-чувственного до абстрактного сравнения, от стилистического приема до одной из ключевых характеристик культурного процесса. Актуальной для современных концепций является трактовка рассматриваемого феномена как когнитивного средства воплощения в языковой действительности идей, стоящих за абстрактным именем.

3. В центре нашего внимания оказывается та роль метафоры, благодаря которой осуществляется механизм «приближения» абстрактных имен к реалиям, доступным человеческому восприятию (т.е. процесс концептуализации чувств и эмоций в языке). В научной литературе неоднократно отмечалось, что сложная многоуровневая структура эмоций и чувств предопределила сложность механизма их языковой категоризации. *Внешние импульсы* порождают *внутренние психофизические процессы*, которые в свою очередь зачастую обнаруживают *внешние проявления разнообразного характера*, а затем весь этот комплекс подвергается когнитивной интерпретации.

4. Проблема метафорической предикации как способа интерпретации семантики абстрактного имени предполагает рассмотрение вопроса ассоциативных связей, который нельзя осветить, ограничиваясь лишь каким-то определенным набором постулатов. Здесь вряд ли уместны аксиомы, однозначные суждения, заключения универсального порядка, поскольку все, что связано с психо-ментальной деятельностью человека, подразумевает много разноплановых вопросов, а также много различных вариантов объяснения и ответов. Основная роль ассоциативных связей заключается в том, что они могут раскрыть характер экспликации эмоций и чувств в языке, тем самым воспроизводя картину языковой реализации того или иного концепта.

5. В докладе обращается особое внимание на свойства абстрактных имен (мифологичность, отсутствие независимого от языковой материи бытия, глубокий ассоциативный потенциал, метафизичность, наличие «обобщенного» значения в противовес «вещественному», нереферентность, неденотативность). Эти характеристики требуют конкретного взгляда в преломлении к эмоциям и чувствам, которые сами по себе не существуют, однако воспринимаются через доступный нашему пониманию «акустический образ» абстрактных имен, воплощающих эти концепты.

6. В докладе дается общая характеристика эмоций и чувств в психологическом ракурсе. Игнорирование этого аспекта делает рассмотрение указанной проблематики ущербным. Эмоции и чувства обладают рядом определенных свойств, которые в значительной мере помогают

понять специфику метафорической репрезентации соответствующих абстрактных имен.

7. В докладе рассматриваются некоторые группы эмоционально–чувственных концептов, которые ярко и многопланово представлены в чешских поэтических текстах XX века и которые являются сложными психические и аффективно–когнитивные комплексы. Анализируются способы метафорической предикации, «семантические сферы», открывающие вакансии для участия глаголов при метафорическом осмыслении эмоций и чувств. Интересными представляются «предпочтения» языка, служащие своего рода базой для создания обязательной образности абстрактных имен, а также с целью опредмечивания и овеществления. Принципы моделирования ненаблюдаемого внутреннего мира базируется на глаголах конкретной семантики широкого тематического спектра. Безусловно, очевиден момент субъективно авторского восприятия той или иной сущности, однако это не выходит за пределы существующей языковой системы. Более того, выявление разнообразных специфических особенностей того или иного эмоционально–чувственного концепта только богаче демонстрирует возможности языка.

8. Метафорические предикаты – это не только мера абстрактной сущности, это сам способ существования в языке абстрактных имен указанной семантики. Анализ эмоционально–чувственных концептов требует выявления их свойств, которые наиболее ярко могут быть представлены через глагол. Чувственно–эмоциональные состояния имеют определенные стадии развития: они могут быть мгновенными, а могут иметь продолжительный или затяжной характер протекания, возникновения или затухания. Без глагольной предикации эти имена не полностью раскрывают свою семантику. При взаимодействии с глагольным метафоризатором имена эмоций и чувств принимают свою законченную в содержательном плане форму.

Л и т е р а т у р а

- Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия академии наук СССР. Сер. Язык и литература. 1978 Б, т. 37, №4.
Арутюнова Н.Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика М., 1979.
Арутюнова Н.Д. Метафора в языке чувств // Язык и мир человека. М., 1999.
Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. СПб., 2000.
Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.
Чернейко Л.О. Лингво–философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
Шкапенко Т.М. К вопросу о языковой категоризации эмоций // Исследования в области когнитивной лингвистики. Калининград, 2000.

1. Проблема детерминантов в синтаксисе сербского языка требует тщательного исследования. В аспекте выражения причинности детерминанты выступают в роли семантических распространителей предикативного ядра предложения, обладая при этом независимым имманентным синтаксическим значением как элементы вторичного коммуникативного центра предложения, подчиняясь закону семантического согласования. Детерминанты представляют собой свернутую структуру и поэтому легко заменяются придаточными предложениями или полупредикативными конструкциями. Но как элементы синтаксической формы детерминанты зависимы от предикативного ядра предложения. Их зависимость можно установить исходя не из семантики определенного слова, а из коммуникативного задания, смысла предложения, и они связываются с остальной частью текста посредством свободного присоединения. Основная коммуникативная задача каузальных детерминантов – сформировать семантическую структуру предложения с инвариантным значением – мотивация определенного события, факта и ситуации или их порождение. Несмотря на синтаксическую завершенность предикативного ядра, смысл высказывания определяется каузальным детерминантом (например, *Због сталног бомбардовања а обустављ ен је по дану сваки већи саобраћај*. Смысл предложения определяет детерминант «због сталног бомбардовања», мотивируя реальную ситуацию).

2. Среди семантических групп ядерных предикатов. Действия которых порождены детерминантами, выделяются конструкции с глаголами движения, перемещения. Например: *Од стида побеже, Од невоље путује, Од пенушаваг вина стално ишао накриво*. В ряде случаев сема «движение» получила метафорическое осмысление: *Од греха све то долази, Од те мисли долази сласт*. Предикаты движения согласно формуле синтаксической сочетаемости предполагают пространственный распространитель, каузальные детерминанты занимают периферийную синтаксическую позицию, лишая при этом предложение линейной проективности. Основными факторами, способствующими «непроективности», являются актуальное членение предложения и увеличение «глубины» предложения. Детерминанты, выраженные отвлеченными существительными, реже конкретными, наделены такими признаками, как автосемантичность, самостоятельность, препозитивность, эксплицитность, неосознанность. В том случае, если детерминант выражен существительным конкретной семантики (*од вина*), причина носит имплицитный характер, и ее интерпретация опирается на фоновые знания: причиной является не вино, а его воздействие на психику человека. Внутренняя причина обозначает

психическое состояние (*стид, страх*), покаяние (*грех*), физическое состояние (*невоља*), понятие (*мисао*).

3. Конкретное физическое состояние выражено в конструкциях типа: *Од страха виче, По гласу и држању осети, Од те муке и nelaгодности пробудим се, Од умора је задремала, Од такве мисли се рђаво спава*. Предикаты состояния *викати, осетити, задремати, спавати* согласно формуле синтаксической сочетаемости не требуют каузальных распространителей и вступают с ними в периферийную синтаксическую связь. Причинная ситуация порождается или психическим состоянием субъекта (*страх, мука, nelaгодност*), или понятием (*мисао*). Синтаксическая проективность предложения нарушена коммуникативными целями пояснения, дополнительной информации. Лексической базой субъекта выступают одушевленные имена. Причина является эксплицитной, порождающей, неосознанной и направлена к субъекту. Причину-основание выражает детерминант – *по гласу и држању*, обозначая способ получения информации или посредством закономерности (*држање*), или конкретного явления (*глас*).

4. Изменение и проявление психического состояния выражено в конструкциях типа: *Због те жене страдам и губим живот, Од среће, раздраганости трепери, Од силне мржње, пакости и злобе сав се тресао и дрхтао, Од њеног бола тугује*. Предикаты психического состояния (*страдати, треперити, трести се, дрхтати, туговати*) не обладают валентными свойствами, и их лексическое содержание требует обоснования или порождающей причиной со значением состояния (*срећа, раздраганост, мржња, пакост, злоба, бол*), или мотивирующей причиной со значением логического основания (*логика*) и понятий (*мана, особина*). Конкретная причина носит имплицитный характер (*због те жене*) и интерпретируется с опорой на фоновые знания: страдает из-за любви к женщине. Лексической базой субъекта являются одушевленные имена, и причина состояния всегда направлена к субъекту. В конструкции *Од духана све ми се глава занови* причина направлена к объекту.

5. Конкретное действие, процесс выражены в конструкциях: *Од беса је пљувала, Од топлоте збацила покривач, Од радости, среће гладио је чело, Од кише је одронила земља испод пута, Од жалости косе постригле*. Предикаты с конкретной семантикой (*пљувати, збацивати, гладити, одронити, пострићи*) обладают валентными свойствами и согласно формуле синтаксической сочетаемости предполагают синтаксему с объективной семантикой. В результате разрыва линейной синтаксической цепи детерминанты со значением порождающей причины, вызванные коммуникативными целями, занимают факультативную препозицию. Причина носит эсплицитный, неосознанный характер и обозначает состояние (*радост, срећа, жеалост, бес*), качество (*топлота*), конкретное природное явление

(*киша*), которое метафорически переосмыслено (*одронила земља*) в конструкции с неодушевленным субъектом. Причина направлена к субъекту действия.

6. Эмоциональное и социальное отношение выражено в конструкциях: *Због своје бујне маште често шкоде у себи, Због његове вредноће и попутне равнодушности према новцу сви су га волели, Тако се од зла бранили, Због нездраве радозналости за странце корили су га често*. Предикаты отношения (*шкодити, волети, бранити, корити*) являются валентными, и при них обязательную синтаксическую позицию занимают объектные синтаксемы. Причинные детерминанты в разрывной линейной цепи занимают периферийную синтаксическую позицию и вызваны целями мотивации. Причина носит мотивирующий, эксплицитный, осознанный характер и направлена к объекту отношения. Мотивирующая причина обозначает различные внутренние качества (*вредноћа, равнодушност, радозналост*), состояния (*машта*), порождающая причина эксплицитна, неосознанна и имеет значение эмоционально-психического состояния (*зло*). Лексической базой субъекта выступают одушевленные имена.

7. Как показывают приведенные примеры, каузальные предикаты в разорванной линейной цепи приобрели способность, благодаря препозиции, вступать в свободную синтаксическую связь с предикативным ядром и тем самым увеличивать свою смысловую нагрузку. Причина носит порождающий и мотивирующий эксплицитный характер, в редких случаях обозначая конкретную имплицитную ситуацию. Каузальные детерминанты непредсказуемы со стороны предикативного ядра и представляют собой структурно завершенный минимум предложения или свернутую пропозицию.

Г.Ф. Ковалев (Воронеж). Чацкий и ... Польша

Полагают, что главный герой комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума» назван Чацким в честь русского мыслителя П.Я.Чаадаева (Эльзон 1981, с.182–183). Так поначалу думал и современник Грибоедова А.С.Пушкин. С досадой и иронией он писал из Одессы П.А.Вяземскому: «Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чаадаева; в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благородно с его стороны» (декабрь 1823 г.). Правда, и сам А.С.Пушкин находил определенное сходство между П.Я.Чаадаевым и Чацким: «В этом отношении он немножко Чацкий, он путешествовал в то время, как другие не двигались с места; он путешествовал больше других и в области книг» (Смирнова-Россет 1999, с.258–259). Н.Анциферов писал по этому поводу: «Безумным прославили Чацкого «всем хором». Безумным объявил потом Чаадаева император Николай I» (Анциферов 1946, с. 168). Интересно, что писатель и сослуживец А.С.Грибоедова по полку Д.И.Бегичев в своем романе «Семейство

Холмских» (Москва, 1832), используя ряд имен из «Горя от ума» (Молчалин, Софья, графиня Хлестова и др.), фамилию *Чацкий* передал как *Чадский*.

Проницательный и тонкий исследователь литературных текстов Ю.Н.Тынянов (со ссылкой на Н.И. Греча) намекнул, что прототип Чацкого можно было бы считать и В.К.Кюхельбекера (Тынянов 1946, с. 154). Далее Ю.Н.Тынянов развивает эту мысль: «Эта черта фотографически близка к Кюхельбекеру. Странность, притом смешная, грозный взгляд и резкий тон и даже «эти особенности» близки к Кюхельбекеру и толкам вокруг него» (там же, с. 173). Он же отмечает множество биографических совпадений у Кюхельбекера и Чацкого, например: «Кюхельбекер путешествовал по Западной Европе с сентября 1820 г. до августа 1821 г., а в сентябре уже принужден был уехать в Тифлис. Таким образом, свидетель создания и первый слушатель «Горя от ума» прибыл к Грибоедову из Европы, как прибывает Чацкий» (там же, с. 175). Ю.Н.Тынянов, конечно же, не столько настаивал на прототипности Кюхельбекера, сколько показывал типичность многих ситуаций и персонажей, отраженных в комедии А.С. Грибоедова. М.О. Гершензон, напротив, пишет: «В известном смысле «Горе от ума» – эпизод из жизни самого Грибоедова, и сам автор – прототип Чацкого» (Гершензон 1989, с. 63). Поэтому в данном случае необходимо автономно рассматривать проблемы прототипа и прототипности главного героя.

А.А. Кунарев в недавней заметке в журнале «Русский язык в школе», перечислив прошлые попытки семантизации и реконструкции фамилии грибоедовского героя, отверг все предыдущие (*чад* – дым, *чадо* – ребенок и т.д.). Сам же он предложил весьма оригинальную версию фамилии, в которой якобы зашифрован эпитет Гамлета – принц *Датский* (фонетически – с разницей лишь в первом звуке: *Чацкий* – *Дацкий*) (Кунарев 2000, с.89–91). Это решение очень заманчиво, но абсурдно и никак не подтверждается ни материалом комедии, ни данными биографии А.С.Грибоедова.

Различие в структуре антропонимов *Чацкий* и *Чадский* (сформированный на базе *Чаадаев*) говорит не в пользу того, что фамилия *Чацкий* – русского происхождения, а в пользу отнесения фамилии *Чацкий* к заимствованиям из польского языка (точно так же, как фамилия *Pilsudski* не может быть признана польской) (Język Polski, 1926, N 1, s.61). Мы писали об этом еще в 1993 г. (Ковалев 1993, с. 21–22).

Поэтому мы склоняемся к предложенному еще П.Я.Черных решению: «...Грибоедов переделал эту фамилию (Чаадаев – Г.К.) в окончательной редакции «Горя от ума» и замаскировал ее этимологию. С буквой *ц* эта фамилия получила польский облик» (Черных 1948, с.47).

Откуда же взялась «польская линия» у русского писателя? А он и был по происхождению поляком. Б.Унбегаун писал: «...предок А.С.Грибоедова, Ян Гржибовский, в начале XVII в. переселился из Польши в Россию. Его сын Федор Иванович стал писаться Грибоедо-

вым; при царе Алексее Михайловиче он был разрядным дьяком и одним из пяти составителей «Уложения», т.е. свода законов (см.: Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. СПб., 1895, т. 1, с. 165)» (Унбегаун 1995, с. 340). Сам же А.С. Грибоедов вышел на «польскую» линию во время службы в Брест-Литовске (1813–1814 гг.), где состоял адъютантом при генерале А.С. Кологривове. Исследователь биографии драматурга А.А. Шаховского А.А. Ярцев свидетельствует о пребывании А.С. Грибоедова в столице Польши Варшаве: «С Грибоедовым Шаховской встретился в Польше, где автор «Горя от ума» служил в гусарах. Это случилось в конце 1812 года...» (Ярцев 1896, с. 76). Затем польская линия продолжилась и через П.А. Вяземского, с которым летом 1823 г. он сочинял водевиль «Кто брат, кто сестра» для бенефиса актрисы М.Д. Львово-Синицкой. Вот как описал это впоследствии сам П.А. Вяземский: «Незадолго перед тем возвратился я из Варшавы. В память пребывания моего в Польше предложил я Грибоедову перенести место моего действия в Польшу и дать вообще лицам польский колорит» (Вяземский 1882, с.336–337). И в Петербурге Грибоедов часто встречался с поляками, в частности с А. Мицкевичем. Наиболее точное свидетельство их встречи находим в письме П.А. Вяземского (17 мая 1828 г.): «Вчера Пушкин читал свою трагедию у Лаваль: в слушателях были две княгини Michel, Одоевская-Ланская, Грибоедов, Мицкевич...» (Литературное наследство. М., 1952, т. 58, с. 79). Да и другая весьма колоритная фигура – Тадеуш Булгарин – была связана с Грибоедовым узами дружбы. А ведь Фаддей Булгарин был природным поляком.

Ко всему прочему А.С.Грибоедов, по мнению С.В.Свердлиной, владел польским языком. Свое мнение она подтверждает фрагментом из письма Грибоедова к А.Н.Верстовскому: «Да нельзя ли *бар и красавиц* приспособить к известной польской песне: «*Обещала даць, С собою поиграць*» (Свердлина 1977, с.230).

Поэтому не так уж бесперспективным выглядит сближение «Горя от ума» с комедией польского автора Ю.Немцевича «Возвращение депутата» (Niemcewicz J. Powrot posla. Warszawa, 1790), приведенное в статье Н.М.Петровского (1917) и раскритикованное Н.К.Пиксановым (1934, с.215–217).

При этом мы полагаем, что А.С.Грибоедов не просто полонизировал фамилию Чацкого, а взял за образец конкретную фамилию известного в его время польского и российского просветителя Фаддея (Тадеуша) Чацкого (1765–1813), который, кстати, по кругу своих интересов, особенно в области ориенталистики, во многом был близок самому А.С. Грибоедову (Encyklopedia powszechna PWN. Warszawa, 1973, t.I, s.515). Интересно, что характеристика Чацкого, данная М. Здзеховским, в равной степени может быть отнесена и к Т. Чацкому. М. Здзеховский полагал, что Чацкий стоит на твердой почве, его идеалом было распространение образования и наук в России при необходимом

условии уважения к этому образованию и наукам и непоколебимой вере в благотворное их влияние на общество (Zdziechowski 1897, s.240–258).

Впрочем, возможна в качестве протоимени, правда, с меньшей достоверностью, и фамилия другого человека, современника А.С.Грибоедова. Это Феликс Чацкий (1789–1862) – литератор, историк, изучавший эпоху французской революции 1789 г.

Л и т е р а т у р а

- Анциферов Н. Грибоедовская Москва // А.С.Грибоедов. М., 1946.
Вяземский П.А. Полн. собр. соч. СПб., 1882, т.VII.
Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. П.Я.Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989.
Ковалев Г.Ф. Роль ономастического материала в изучении русского языка студентами-славянами // Ономастика на уроке русского языка как иностранного. Волгоград, 1993.
Кунарев А.А. «Фамилии известной...» (К вопросу о происхождении антропонима *Чацкий*) // Русский язык в школе, 2000, №5.
Петровский Н.М. Грибоедов и Немцевич // Русский филологический вестник, 1917, №1.
Пиксанов Н.К. Грибоедов. Исследования и характеристики. Л., 1934.
Свердлина С.В. Грибоедов и ссыльные поляки // А.С.Грибоедов. Творчество. Биография. Традиция. Л., 1977.
Смирнова-Россет А.О. Записки, М., 1999.
Тынянов Ю. Сюжет «Горя от ума» // Литературное наследство. М., 1946, №47–48.
Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. М., 1995.
Черных П.Я. Заметки о фамилиях в «Горе от ума» // Докл. и сообщ. филологич. ф-та МГУ, 1948, вып.6.
Эльзон М.Д. «Чад» или «чаять»? // Русская литература, 1981, №2.
Ярцев А.А. Князь Александр Александрович Шаховской. (Опыт биографии). СПб., 1896.
Zdziechowski M. Byton i jego wiek. Studya porownawczo-literacki. W Krakowie, 1897, t.II.

Н.С. Ковалев (Волгоград). СЕРБСКИЙ ИНФОРМАТИВНЫЙ ТЕКСТ НА ЭЛЕКТРОННОЙ СТРАНИЦЕ: ГРАММАТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Знакомство с текстами на сербском языке, размещенными на сайтах, дает основание рассмотреть их грамматические и коммуникативные свойства, в которых отражаются тенденции формирования данной разновидности речевых произведений. В архивных материалах (страница В92.NET, март 2003 г.) представлены тексты информативного типа, которые представляет собой сжатые сообщения о новых фактах (событиях), актуальных для коммуникантов в определенный отрезок времени (до обновления материалов на сайте). Информативные тексты, публикуемые в печати, электронных СМИ и на радио, характеризуются сопряжением признаков трех составляющих: денотативной ситуации, жанра оперативного сообщения и соответствующих жанру принципов отбора языковых средств. Ведущим фактором образования электронных версий таких текстов следует признать целеустановку адресанта на передачу фактуальной информации и ограничение концептуальной и подтекстной информации. Доминированием данной целеустановки

обусловливается ориентация на стилистически нейтральные ресурсы сербского языка (в не прямой речи), официальную тональность, объективность изложения и другие категориальные свойства информативных текстов, значимые для адекватного восприятия материала широким кругом пользователей сети. Кроме того, часть общих черт текстов указывает на особенности формата общения: ограниченность пространства и времени контакта, возможность быстрого доступа к материалу через гипертекст, сопоставимость разновременных текстов адресанта на одну и ту же тему в рамках сайта и др. Закономерности функционирования языковых единиц в рассматриваемых речевых произведениях представляются отражением взаимодействия внешних и внутренних факторов текстообразования.

Как показано Г.А.Золотовой на материале русского языка, грамматические характеристики компонентов информативного текста (словоформ, словосочетаний, фразеологизмов, устойчивых синтаксических конструкций, предложений), эксплицируются при сопоставлении со свойствами текстов изобразительного типа (в печатных материалах это жанры репортажа, очерка и др.). Выделим, в частности, те характеристики, которые относят в сербской грамматике к проявлениям вариантности. Полагаем, что закрепление тех или иных вариантов в структурах данных текстов может быть признаком тенденции их формирования.

Одно из таких явлений – синтаксическая обусловленность места энклитики глагола *biti* в независимом предложении. Анализ текстов показывает, что группа подлежащего включает от одной до 16 словоформ (в том числе однородных членов), причем такие многочленные подлежащие преобладают в нашем материале, что, вероятно, связано с установкой адресанта на концентрацию информативных единиц в инициальной позиции, которая для имен деятелей и обозначений фактов является “сильной” позицией (компонентом модели сообщения “кто?”, “что?”). Вследствие преобладания многочленных подлежащих в независимых предложениях устойчивым признаком их структуры оказывается **препозиция** семантически значимого компонента сказуемого, выраженного формой перфекта: *Ministarstvo unutrašnjih poslova objavilo je fotografiju osobe...* Препозиция *l*-причастия наблюдается в основном после трехчленного или более усложненного подлежащего, но иногда и после двучленного: *Ova hapšenja omogućila su...* Отклонения в пользу препозиции энклитики вызваны, как правило, вставкой обстоятельств (компонентов модели “где?” и “когда?”) в группы субъекта и/или предиката: *Šefovi diplomatija Evropske unije u utorak su naglasili...; Sekretarijat unutrašnjih poslova u Pančevu je u utorak saopštio...*

Другим фактом вариантности в структуре сербского простого предложения является связь между некоторыми типами подлежащих и сказуемых (см., например, их анализ в работах М.Стевановича). На

электронной странице это свойство синтаксиса последовательно отражается во всех текстах. К ним относится, среди прочих, **отсутствие согласования в роде и числе** между подлежащим и сказуемым, выраженным глаголом *trebati* в форме *bi trebalo* (условное накл., 3 л., ед.ч., ср.р.): *Među onima koji bi trebalo da budu razrešeni...*; *Skupština Srbije bi trebalo da se izjasni...* Ср. пример согласования: *A to bi (...) trebalo da se obavi vrlo brzo.* Вариант связи без согласования актуализируется здесь вследствие того, что значение формы *bi trebalo* включает семантические компоненты долженствования и предположения (рус. *должно быть, как ожидается*), что соответствует целеустановке текста на электронной странице, а именно ориентированию адресата на момент передачи информации (дату, час, минуты) и предполагаемые, ожидаемые (по логике событий) действия или состояния субъекта. Таким образом, форма *bi trebalo* имеет синтаксические признаки предикатива: она не согласуется в лице, роде и числе со словоформой, обозначающей субъект; связью с *da*-конструкцией обусловлена проекция семантики формы *bi trebalo* в план будущего времени (данный факт грамматики отмечен в одной из первых работ В.П.Гудкова). Перевод предложений с формой *bi trebalo* на русский язык может быть приемом экспликации ее предикативного значения и доминирующей модальности, напр.: ‘Скупшине Сербии предстоит (нужно будет) принять свое решение’. Ср. предикатив *treba* в другом тексте на ту же тему: *Među onima kojii treba da budu razrešeni...*

Варианты согласования свойственны также отношениям количественно-именного словосочетания (подлежащего) и глагольных форм, различающих род, число (сказуемого). В рассматриваемых текстах представлено большое число предложений, грамматические основы в которых включают **согласуемые в ср.р. ед.ч. компоненты**: *...da je 30 zemalja podržalo akciju; njih 396 je glasalo; ...dok je 217 poslanika bilо protiv; više ljudi bude zaposljeno.* Устойчивость этого варианта объясняется парадигматическими связями подобных подлежащих с наречиями *mного, мало, koliko*, которым присуще согласование с формами глагола в ср.р. ед.ч., напр.: *Koliko je glasalo za? – Njih 396 je glasalo za.* При замене числительного на существительное актуализируется признак согласования в соответствующем роде: *...pošto je većina poslanika glasala za.*

Обилие заимствованной лексики на электронной странице заслуживает специального изучения как факт иноязычного влияния (его отражением, бесспорно, является и использование латиницы). Из заметных черт отметим включенность новых заимствований в словообразовательные и морфологические парадигмы: *Havijer Solana, u Solaninom* (прилагательное) *saopštenju; involvirati, involvirane* (страд. причастие); *UN-a* (форма род.п.муж.р.); (множ.ч.) *integracije, dezintegracije, aktivnostе, diplomatije, informacije, medije, televizije* (соответствующие русские слова не имеют формы мн.ч.).

Среди особенностей коммуникативного плана следует выделить несколько устойчивых способов группировки и разграничения тематических и рематических компонентов высказывания. Повторяясь в пределах текста, они придают ему определенную информативную направленность и очерчивают параметры адресата. Выделим в связи с этим тенденцию переноса темпоральных указателей и локализаторов уже известных событий в группу темы (после субъекта), в результате чего в “сильной” финальной части высказывания занимают место обозначения нового (сведения об источниках информации, приведенные в конце сообщения, отделяются от него в таком случае запятой): *Suđenje bivšem predsedniku Srbije Slobodanu Miloševiću u Haškom tribunalu* (тема) *neće biti nastavljeno danas zbog bolesti optuženog* (рема), *saopšteno je u Hagu. To je sedmi prekid suđenja Miloševiću*. При таком распределении компонентов тема значительно обогащается дополнительной информацией отсылочного, уточняющего и иного характера: *Policija u Nišu uhapsila je, od proglašavanja vanrednog stanja, 21 osobu koje su «bezbedonosno interesantne u ovom trenutku», izjavio je načelnik niške policije Radisav Gvozdenović*. Характеристика тематических компонентов осуществляется также с помощью причастных оборотов, частотность которых достаточно высока.

В комплексе все перечисленные средства составляют коммуникативно-прагматическую характеристику информативного текста в его электронном варианте.

Л и т е р а т у р а

Гудков В.П. Употребление инфинитива и конструкции с “да” в сербском языке (сочетания с глаголами) // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. М., 1958. С. 111.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. С. 348–356.

Стевановић М. Облици другог дела сложеног предиката као допуне безлично употребљеног глагола *треба*ти // Наш језик, 1967. Књ. 17. Свеска 4. С. 239.

В. Короткий (Минск). Контрреформация и Контрправославие: к вопросу о терминологической дефиниции в истории литературных эпох

Историки культуры, как правило, рассматривают движение духовной цивилизации человечества сквозь призму определенных понятий стилей и направлений, сводя их терминологическое наполнение к универсализму. При такой постановке вопроса мы, с одной стороны, приближаемся к неким общим критериям оценки, понимания тех или иных эпохальных художественных явлений, с другой – ищем детерминанты, которые дали бы возможность более рельефного видения религиозно-национально-государственных особенностей, которые,

несомненно, накладывают свой отпечаток на статику того или иного стиля.

Ученые разных времен и разных народов стремились создать схему движений различных эпох, стилей и всегда сталкивались при этом с извечной проблемой универсализации применения определенных терминов; сами же термины нередко приобретали двойной смысл (стиль – эпоха), как, скажем, барокко. Ученые XIX–XX вв. по-своему ставили и решали проблемы универсализации и теоретической формализации «эпохально-стилевых проблем».

В середине XX века Д.Чижевский предложил универсальную схему развития славянских литератур от раннего средневековья к символизму. Эта схема предусматривала наличие и функционирование двух типов литературных направлений:

- 1 тип – раннее средневековье, ренессанс, классицизм, реализм;
- 2 тип – позднее средневековье, барокко, романтизм, символизм (1, р.10–11).

Эта публикация и подобное видение развития славянских литератур совершенно не удовлетворили Д.Лихачева: «... эта схема, выработанная Д.Чижевским для всех славянских литератур, не может быть применена к русской литературе: русская литература не знала ренессанса; барокко и классицизм вовсе не определялись как направления двух противоположных типов, символизм не сменил собой реализма и т.д. Менее всего применима эта схема к древней русской литературе» (4, с.4).

Белорусская литература конца XVI – XVII веков погружена в главную жизненную проблему – проблему выбора. Протестантские религии не стали и не могли стать национальными религиями белорусов по той простой причине, что они отбросили главный лозунг Реформации – развитие национального языка, литературы на ней при патронате элитарных слоёв общества. Отдельные издания С.Будного, В.Тяпинского на белорусском языке были спорадическими и не имели широкого общественно-политического резонанса. Контрреформация в Белоруссии протекала в русле борьбы польского католицизма с польским и литовским протестантизмом. Деятельность белорусских реформаторов целиком вписывается в систему польской и литовской реформации.

Виленские русины Речи Посполитой Литовской были такими же далекими от идей реформации и Контрреформации, как и киевские русины в Речи Посполитой Польской. Перед Речью Посполитой Литовской обоих народов (Виленской Руси и Литвы) и перед Речью Посполитой Польской также обоих народов (Киевской Руси и Польской Короны) во второй половине XVI века встала другая проблема идейно-вероисповедального и культурного значения: сохранение православия как одной из равноправных государственных религий. Преимущественно православные Виленская и Киевская Русь

столкнулись не с идеями Контрреформации, которые менее всего их касались, а с идеями Контрправославия. Сразу же отмечу, что не всякое оппозиционное православное движение я понимаю как Контрправославие. Poleмика между православными и католиками велась с XI века и может квалифицироваться не более, как обычная межконфессиональная идейная борьба разных вероисповедальных направлений. Контрправославие как вероисповедальный феномен имеет смысл только для православных стран (в частности, для Белоруссии и Украины), в которых накануне и после Брестской церковной унии (1596) проводилась идея реформирования православной церкви и имела в виду полную ее замену на иной вероисповедально-догматической основе. Контрправославие, как Реформация и Контрреформация, – по своей сути религиозное движение, поэтому и литература той эпохи проникнута религиозной проблематикой; церковно-религиозные идеалы становятся оценочной мерой поведения светского человека. Эти тенденции уже на первых порах Контрправославия определили до этого неизвестные белорусской литературе проблемы выбора, отступничества, ренегатства; обостренно ощущалась и такая вечностная проблема, как проблема отцов и детей. Космическая драма грехопадения трансформируется в своеобразный барочный антропоцентризм, в котором Божественное создание человек стоит перед выбором следования или, наоборот, отхода от Божественных заповедей, причем христианский долг напрямую связан с православным, реформаторским или католическим представлением о спасении души.

Таким образом, если Контрреформация затрагивала в большей степени проблемы религиозно-созерцательного характера, то Контрправославие заключало в себе ярко выраженный социально-культурный аспект. Отсюда становится понятным, что «барочно ориентированными» прежде всего стали представители элитарных классов, шляхты, которые смогли не только усвоить западноевропейские традиции, но и адаптировать их на восточнославянской почве. Еще 50 лет тому назад известный немецкий историк А.Хаузер, анализируя разные социальные направления в европейском барокко, выделил прежде всего придворно-католическое и буржуазно-протестантское (2, s.467–511). Продолжая классификацию А.Хаузера, можна логически добавить к этой схеме и шляхетско-православный, и шляхетско-униатский тип, идейными вдохновителями которого была купеческо-ремесленническая среда белорусских городов.

Ориентированные на идеологию Контрправославия средние слои общества Белоруссии конца XVI–XVII вв. выработали и «средний» барочный стиль в рамках соответствующих жанров публицистики, панегирическо-эмблематической поэзии, школьного театра. Наши замечания не носят эстетически-оценочного характера, поскольку «высокий», «средний» и «низкий» стили любого из художественных направлений определяют, скорее всего, социально-функциональные

сферы их бытования. Поэтому нельзя идеологию противопоставлять художественности, как это, например, в своё время сделал Д.Лихачев: «... барокко... в отдельных своих разновидностях выражает идеологию Контрреформации (иезуитское барокко, например), а в других – прогрессивные явления эпохи» (3, с.21). Как известно, ни католицизм, ни православие и их производные – Контрреформация и Контрправославие – сами по себе как явления религиозно-культурной жизни не могут быть ни прогрессивными, ни регрессивными, поэтому стиль «не выражает идеологию», а, скорее всего, является формой ее выражения. Отсюда становится понятным, что дисгармония религиозно-духовного, вероисповедального существования потребовала особого стиля, который стремился бы гармонизировать несовместимое, противоположное, экзальтированно-контрастное.

Вопрос об эпохе Контрправославия как о феномене национальной и культурно-религиозной жизни, тесно связанным с художественным стилем барокко, ставит перед исследователями ряд других проблем, связанных с географическими и хронологическими рамками этой эпохи. С термином «Контрправославие» можно соглашаться или не соглашаться, но нельзя отказываться в существовании целой эпохи, которая в значительной степени предопределила дальнейшее развитие национальной литературы, культуры в целом.

Л и т е р а т у р а

1. *Dmitry Cizevsky*. Outline of Comparative Slavic Literatures. Survey of Slavic civilization. American Academy of Arts and Sciences. Boston Massachusetts, 1952. Vol.1. P. 10–11.
2. *Hauser A.* Sozialgeschichte der Kunst und Literatur. Munchen, 1953. Bd.1. S.467–511.
3. *Лихачев Д.С.* Барокко и его русский вариант 17 века // Русская литература, 1969. № 2. С.21.
4. *Лихачев Д.* К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе // Русская литература, 1958. № 2. С.4.

М.Ю. Котова (Санкт-Петербург). К ПОНЯТИЮ НОРМЫ В ПАРЕМИОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Вопрос о паремиологической норме является одним из наименее изученных в паремиологии.

Несмотря на значительное количество работ в отечественном и зарубежном языкознании, посвященных языковой норме, пока не созданы теоретические основы установления нормы для паремиологического уровня языка.

В исследованиях представителей Пражского лингвистического кружка был заложен теоретический фундамент нормативности языка. Под языковой нормой они понимали языковые средства, которые регулярно используются коллективом говорящих на определенном

языке, включающие и традиционные, и новые элементы (Б. Гавранек, В. Матезиус, А. Едличка, В. Барнет и др.)

В отечественном языкознании существует как минимум два понимания нормы: норма – это общепринятое употребление, и норма – это правило употребления (Д.Н. Ушаков, Л.В. Щерба, С.П. Обнорский, В.В. Виноградов, Л.П. Якубинский, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, Ф.П. Филин, Л.И. Скворцов, Ю.С. Степанов, В.А. Ицкович, А.А. Леонтьев, В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин, К.С. Горбачевич и др.).

Вопрос о паремиологической норме присутствует пока больше имплицитно в отечественных и зарубежных трудах по паремиологии и паремиографии (А. Тейлор, М. Кууси, Г.Л. Пермяков, З.К. Тарланов, Ю. Кшижановский, С. Свирко, Й. Млацек, З. Профантова, Д. Биттнерова и Ф. Шиндлер, В. Мидер и др.).

Несколько работ посвящены норме во фразеологии на фоне фразеографической традиции (Б.С. Шварцкопф, А.И. Молотков, А.Я. Лепешев, Э.Х. Жураев). Процесс становления теоретического понятия фразеологической нормы нельзя пока признать завершенным.

Постановка проблемы нормы в паремиологии на фоне паремиографической традиции представляется также особо актуальной в свете неослабевающего интереса к пословицам, крылатым словам, афоризмам и их лексикографическому описанию.

При рассмотрении критериев определения нормативности языковых единиц исследователи указывают на употребительность, моделируемость, распространенность, раздельнооформленность, воспроизводимость лексических (фразеологических) единиц. Каждый из этих критериев существенен и при определении нормативности паремии.

Славянская паремиографическая традиция представлена в многочисленных сборниках и словарях пословиц (одноязычных – С. Адальберг, В. Караджич и др., двуязычных – Р. Стыпула, С. Влахов и др. и многоязычных – Ф.Л. Челаковский, С. Влахов и др.). Сборники пословиц в некоторых случаях включают и поговорки (то есть фразеологизмы), которые либо вынесены в самостоятельный раздел (как у Ф.Л. Челаковского), либо входят в корпус сборника вместе с пословицами (как у А.П. Затурецкого).

Очень немногие паремиологические словари приводят в словарных статьях дефиниции пословиц и иллюстрации к ним из письменной и устной речи (Ю. Кшижановский, В.П. Жуков и др.).

Классификации паремиологического материала в словарях бывают, в основном, трех видов: алфавитная (по первому компоненту пословицы) – болгарские пословицы в сборнике П.Р. Славейкова, словацкие пословицы в сборнике А. Мелихерчика и Е. Паулини и др., тематическая (пословица может включаться сразу в несколько разделов) – русские пословицы в двухтомнике В.И. Даля, польские пословицы в сборнике Д. Шверчинской, классификация по опорному слову (часто в сочетании с тематической) – словацкие пословицы в словаре А.П. Затурецкого.

Авторы пословичных словарей XVIII–XIX столетий создавали свои сборники, руководствуясь стремлением к энциклопедичности: пословицы, поговорки, скороговорки, загадки, праностики – всевозможные паремии как малые жанры фольклора включались в такие собрания как бесценные жемчужины народного творчества. В последующие периоды эти паремии изучались и продолжают изучаться паремиологами-фольклористами (см. книги В.Я. Проппа и др.).

Паремиологи-лингвисты изучают паремии как единицы паремиологического уровня языка, правомерность выделения которого была убедительно доказана в трудах Г.Л. Пермякова и его единомышленников. Лингвистический подход к изучению паремии имеет много общего с теорией и практикой фразеологии XX века, ведущей свою историю от работ Ш. Балли. Однако паремии-пословицы, в отличие от фразеологизмов (поговорок), обозначающих понятия, являются знаками ситуаций, иносказательно закрепленных в определенных высказываниях, а по своей структуре всегда представляют собой замкнутые предложения.

Еще один важный признак, отличающий пословицу от фразеологизма (поговорки), – ее афористичность. Афоризм становится единицей паремиологического уровня только при условии наличия такого критерия как воспроизводимость. Г. Л. Пермяков обозначал воспроизводимость термином «общезнаемость», которую он относил ко всем паремиям, выделенным им в паремиологический минимум русского языка в середине 70-х гг. XX в.

Пятьсот русских паремий, вошедших в паремиологический минимум Г. Л. Пермякова, впоследствии послужили основой для создания словарей общеупотребительных, а следовательно нормативных для русского языка пословиц, например, двуязычного русско-болгарского словаря пословиц С. Влахова или многоязычного словаря пословиц М. Ю. Котовой.

Чешский паремиолог Д. Биттнерова и немецкий ученый Ф. Шиндлер творчески использовали теорию паремиологического минимума Г. Л. Пермякова и, во многом отталкиваясь от понятия языковой нормы, заложенного Пражским лингвистическим кружком, провели социолингвистический эксперимент на материале чешского языка с привлечением многих информантов-носителей, в результате которого опубликовали список пословиц, входящих в паремиологический минимум чешского языка.

На материале других славянских языков работа в подобных масштабах пока не проводилась.

На развитие паремиографии как науки продолжает оказывать влияние теория паремиологического минимума языка, которая, по сути, формирует понятие языковой нормы в паремиологии. Общеупотребительные, общеизвестные и воспроизводимые пословицы и афоризмы, выявляемые при помощи информантов в ходе многоступенчатого социолингвистиче-

ского эксперимента для определения паремиологического минимума языка, составляют нормативный паремиологический корпус языка и становятся основным объектом для паремиографического описания во всех типах пословичных словарей.

В качестве примера подобной интерпретации паремиологического минимума может служить русско-славянский словарь пословиц М.Ю. Котовой, где подбор иноязычных пословичных эквивалентов к русским паремиям осуществлялся на основе нормативности использования пословиц в соответствующих языках (см. предисловие к словарю).

После выхода словаря в свет нормативность отобранных иноязычных пословиц уточняется на основе социолингвистического эксперимента на материале всех описываемых в словаре славянских языков (белорусского, болгарского, польского, сербского, словацкого, украинского и чешского). Объективность результатов, использованных при подготовке многоязычного пословичного словаря, таким образом, уточняется. Это особенно важно для подтверждения выделения нормативных славянских пословиц, которые на славянском материале отражают русские пословицы из паремиологического минимума Г.Л. Пермякова. По нашим предположениям, эти нормативные славянские пословицы, являющиеся параллелями нормативных русских пословиц, войдут в паремиологические минимумы славянских языков, определение которых во всей целостности еще ждет своих исследователей.

О. Кровицкая. УКРАИНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Языковая картина мира каждого народа, его прошлое и настоящее воплощается в исторических словарях. Эти лексикографические работы по-своему интерпретируют историю слова, развитие его семантической структуры, его формы: по-своему показывают развитие познавательной, мыслительной, культурной и языковой деятельности каждого народа. Как отмечает проф. В. В. Виноградов, при изучении конкретной истории отдельных слов и выражений обнаруживаются те разнообразные ручьи и потоки, которые с разных сторон – из глубины народной стихии и устного народного творчества, из быта и культуры разных специальных слоев общества, из областей профессионального труда – несут новые формы выражения и выразительности, новые мысли и предметы, новые слова и значения в море литературного языка (1, 200).

Общие тенденции развития филологической науки, основные национально-культурные ориентиры общества отображены в исторических словарях украинского языка: Е. Тымченко «Материалы для словаря письменной и книжной южнорусской речи XV–XVIII вв.» (рукопись; 1904), «Історичний словник українського язика» под ред. Е. Тымченко (Киев; Харьков, 1930–1932, т. I); «Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.» под. ред. проф. Л. Гумецкой (Киев, 1977–1978, т. 1–2); «Словник

української мови XVI – першої половини XVII ст.» под ред. Д. Гринчишина (Львов, 1994–2002, вып. 1–9, издание продолжается) (см. 2). Кроме того, в исторических словарях воплощается традиционность языкового сознания, которая тесно связана с современным состоянием и функционированием украинского языка.

Новый этап в развитии украинского языка характеризуется следующими чертами: расширяется функциональное использование украинского литературного языка; лексический состав постоянно обогащается новыми словами, новыми заимствованиями; ускоряется процесс терминообразования; наблюдается возвращение некоторых запрещенных языковых явлений, понятий; активизируется процесс стандартизации, кодификации украинского языка; постепенно возрастает интерес к украинскому языку как средству межнационального общения и др. (3). Динамика этих языковых изменений обусловлена, в первую очередь, воздействием социальных, общественных, политических и культурных факторов.

Среди актуальных проблем современного функционирования языка особое место занимает языковая нормативность, которая демонстрирует реализацию языковых законов, правил в конкретно-исторических условиях. Языковая деятельность общества предполагает такой путь осуществления нормативного процесса: 1) выбор нормы; 2) кодификация нормы; 3) ее внедрение; 4) ее разработка и усовершенствование (4, 147).

Процесс кодификации украинского языка тесно связан с общественными и политическими преобразованиями. В современных условиях существуют два взгляда на сущность кодификации украинского языка: 1) в правописании современного литературного языка не следует ничего менять; 2) поскольку украинский язык стал государственным, его правописание нужно изменить путем возрождения некоторых системных явлений, указывающих на самобытный и национальный колорит. В связи с этим возрастает роль исторических словарей. Материалы этих словарей можно использовать для раскрытия таких аспектов: история языка и морфологические нормы; история языка и развитие терминологии; история языка и орфография; история языка и иноязычная лексика и др.

Л и т е р а т у р а

1. Виноградов В.В. Вопрос об историческом словаре русского литературного языка XVIII–XX вв. // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва, 1977. С. 192–205.
2. Гринчишин Д. Г. З історії створення історичного словника української мови // Українська лексика в історичному та ареальному аспектах. Київ, 1991. С. 5–18.
3. Масенко Л. Мова і політика. Київ, 1999.
4. Яворська Г.М. Прескриптивна лінгвістика як дискурс: Мова, культура, влада. Київ, 2000.

И.В. Кузьмин (Нижний Новгород). ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С СОМАТОНИМАМИ КАК «КУЛЬТУРОСПЕЦИФИЧНЫЕ» ПОКАЗАТЕЛИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ФРАЗЕОСИСТЕМ)

Уже давно замечено, что среди унаследованных еще из праславянского языка общеславянских фразеологизмов основную часть занимают ФЕ с соматическими компонентами в составе; в подавляющем большинстве они известны во всех языках и сейчас. Соматонимы, слова-понятия, без которых не обходилось и не обходится ни одно человеческое общество, можно включить в круг «культуроспецифичных» (в терминологии А. Вежицкой) слов, т. е. таких слов, которые «...отражают и передают не только образ жизни, характерный для некоторого данного общества, но также и образ мышления <...> и представляют собою понятийные орудия, отражающие прошлый опыт общества касательно действий и размышлений о различных вещах определенными способами...» [3, с.270].

Соматические фразеологизмы представляют собой рефлексы периода чувственного мышления, так как непосредственное восприятие мира всегда осуществлялось теми или иными рецепторами. Согласно издревле сложившимся понятиям «наивной анатомии», с конкретными частями человеческого тела связана локализация определенных физиологических и психических процессов, а также реалий интроспективной психической жизни. Так, *голова* – средоточие ума-разума; *сердце* – вместилище «тонких» чувств, движений души; с *ногами* и *руками* связаны такие характеристики, как быстрота и ловкость и т.п. С развитием общества расширяется круг номинаций, указывающих на различные стороны и характер социальных отношений, однако соматонимы по-прежнему остаются основным компонентом многих обозначений. Таким образом, в указанной системе координат соматонимы являются своеобразными точками отсчета для антропоцентрически ориентированного пространства внешнего мира.

Коллективное сознание, «общественный разум» вырабатывает эталоны, модели поведения, которые закрепляются, отражаются в языке; следовательно, по тому, каким образом конкретный этноязык сегментирует действительность, можно судить об основных принципах национального восприятия, реалий внешнего мира и общекультурных установок. Фразеосистема конкретного языка отражает результаты названной сегментации действительности наиболее ярко.

Фразеологические обороты являются своеобразными «культуроспецифичными» показателями; их анализ позволяет понять особенности мироощущения и образа жизни конкретного народа. При этом нередко межъязыковые фразеологические эквиваленты и аналогии вызывают весьма устойчивые ассоциации с определёнными жизненными образами и тем самым способствуют пониманию происхождения как «иноязыковых» реалий, так и единиц родного языка.

Фразеологизмы, построенные по сходным или одинаковым моделям, могут иметь разные образные основы. Различия в первичных денотациях фразеологизмов однотипной структуры представляются наиболее интересными, поскольку указывают на собственно национальный компонент, неповторимость фразеологических единиц в разных славянских языках и, как следствие, на различия в «культурных установках».

Так, например, совершенно очевидны параллели в особенности сегментации ментального пространства фразеологизмами русского и польского языков с компонентом *голова* в составе. Однако анализ одного из аспектов – «воздействие на разум», включающего семы «доводить до сознания: объяснять – внушать» и «...объяснять – обучать» – показывает различия, связанные с «глубинными психологическими установками», характерными для представителей той или иной нации. По фразеологизмам этой группы можно судить о характере «воспитательного процесса», практикующегося с обеих сторон. По-польски «обучать», «объяснять нужное содержание, доводить информацию» – *do głowy* следует делать аккуратно: *kłaść, wkładać, pakować* или *kłaść (wkładać, pakować) jak łopatą do głowy*. По-русски, как убеждать, так и обучать можно по другой схеме, а именно – частым повторением *вбивая* или *вколачивая* содержание в голову. Если это не помогает, можно знания в голову *вдолбить* или вообще *втемяшить*.

Оригинальность и неповторимость выражений нередко обусловлены историческими фактами жизни соответствующих народов. Например, в польском массиве ФЕ с компонентом *голова* среди фразеологизмов группы «оценка умственных способностей», обозначающих глупость, глупого человека, имеется единица *zakuta głowa* – (букв.) ‘закованная голова’. Отсутствие аналогов в русском массиве указанных ФЕ объясняется просто: основа этого образа – представление, связанное с неблизкой для Руси реалией – с рыцарями, облаченными в тяжелые доспехи.

По информации, которую представляет та или иная фразеосистема, можно судить о различиях в материальных условиях жизни народов. Так, польская фразеосистема допускает в качестве «несерьезного содержания» в голове сено, а русская – только солому или мякину: пол. *mieć siano w głowie* соответствует русс. *голова соломой (мякиной) набита*. Безусловно, сено в качестве набивочного материала гораздо лучше соломы, так как оно мягче, однако *сено* – продукт, изначально специально заготавливаемый, а *солома* (и *мякина*) – отходы, полые стебли злаков (и части колосьев, листьев), остающиеся после обмолота. Таким образом, факты языка указывают на бывшее различие в материальной культуре двух народов: в Польше в качестве набивочного материала использовался более дорогой продукт – сено, а не солома, как на Руси.

Что касается конструируемых “соматонимосодержащими” фразеологизмами номинаций, указывающих на разнообразные стороны и характер

социальных отношений, то тут гораздо больше сходства, нежели различий. Так, одна хорошо знакомая любому социуму реалья по-русски выглядит как *дать в руку*, *дать на лапу* или *подмазать*, что пересекается с польскими ФЕ ***posmarować rękę*** (*помазать/намазать руку*) и ***posmarować łapę***.

Итак, результаты предварительного анализа показывают, что фразеологизмы, включающие в качестве лексического компонента соматонимы, служат объективным свидетельством социально-исторических и материальных условий, образа жизни, а также показателями особенности мышления и мироощущения конкретного народа.

Л и т е р а т у р а

- Skorupka S.* Idiomaticzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza // Славянская филология. Сб. 3. М., 1958.
- Skorupka S.* Słownik frazeologiczny języka polskiego. Т. 1–2. Warszawa, 1967–1969.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Глухов В.М.* К методике аспектуально-сопоставительного исследования славянских фразеологических систем // Филологические науки. 1987. № 3.
- Каминский В.* Фразеологические единицы, обладающие функционально-смысловой соотнесённостью (на материале русского и польского языков) // Acta Polono-Ruthenica. Olsztyn, 1999.
- Комарова Е.В.* Фразеологизмы, выражающие различные формы отношений к людям, в русском, болгарском и польском языках // Филологические науки. 1994. № 4.
- Концептосфера русского языка. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1993. № 1.
- Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М., 1996.
- Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М., 1989.
- Мокиенко В.М., Бирих А.К., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб, 1998.
- Никитин А.В.* [Рец. на кн.: D.Rosental, S.Michalkiewicz. Wybór idiomów i zwrotów gosyjskich. Warszawa, 1974] // Исследования и материалы по русской и древнеславянской языковой истории. Вып. 1. Горький, 1975.
- Плунгян В.А.* К описанию африканской «наивной картины мира» (локализация ощущений и понимание в языке догон) // Логический анализ языка. Культурные концепты, М., 1991.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. М., 1996.
- Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. Т. 1–2. М., 1997.
- Черданцева Т.З.* Язык и его образы. М., 1977.
- Шанаева Р.Р.* Роль грамматических форм соматонимов в формировании фразеологизмов (на материале языка сказок) // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы третьей международной конференции. Владимир, 1999.

Г. В. Кутняя (Львов). СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДИКАТНЫХ СВОЙСТВ ДИНАМИЧНОСТИ И ФАЗОВОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДИКАТОВ ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ)

Формирование целостного концепта новой научной парадигмы предполагает два основных подхода к изучению содержания языковых явлений.

Семантика предиката, являющегося главным звеном структуры предложения, организуется в виде двух сфер: сигнификативной (интенциональной) и денотативной (экстенциональной). Соответственно, анализ предикатной единицы предусматривает два аспекта – структурно-семантический и функционально-коммуникативный [7]. Первый характеризует системные инварианты предиката и их реализацию. При этом каждый класс предикатов в качестве единиц семантико-синтаксического уровня должен иметь такие семантические свойства, которые четко обрисовывают сферу действия отдельных грамматических явлений и фигурируют в синтаксических правилах [2:11].

Выделение предиката процесса в отдельный тип (наряду с предикатами действия, состояния, качества) имеет семантические основания [5], [8], [6]. При этом лингвисты не всегда единогласны в объяснении критериев, используемых для разграничения отдельных классов. Предикат процесса подразумевает семантический тип предикатной синтаксемы, которая отображает динамическую неконтролируемую ситуацию [4:481]: *Парубок міцнішає. Козеня підросло. Листя багрянє. Ставок замерз.*

Важными семантическими характеристиками предикатов процесса являются: временная локализованность в широком значении (=часовая привязанность), пассивность субъекта и неконтролируемость ситуации в целом, динамичность и фазовость. Языковеды, отстаивающие позицию выделения предикатов процесса в отдельный класс, указывают на эти признаки, но не подвергают их тщательному анализу.

Категориальный признак динамичности – значимый семантический параметр предиката. Он выделяется еще на лексическом уровне предикатного слова. В украинском языке, как и в других славянских языках, глаголы лексикализированы по этому признаку. Носители языка определяют степень активности глагола-предиката априорно, исходя из знания семантики единицы, поскольку оппозиция динамичности/статичности не имеет морфологических показателей, что и дает основания считать ее скрытой категорией [1].

Предикатные единицы со значением процесса характеризуются умеренной степенью динамизма. Динамический процесс здесь является саморазвивающимся, даже стихийным. Данная особенность определяется отсутствием активного начала в ситуации, отображаемой предикатом процесса. Это могут быть внешние и внутренние изменения, воспринимаемые рецепторами зрения, слуха, осязания, и связанные с некими свойствами окружающего мира: развитием растений и животных, физическим и физиологическим состояниями людей и т. д. (*Вже надворі вечоріло, вже й смеркалось (І. Нечуй-Левицький). Вигон і цвинтар спустів (І. Нечуй-Левицький). Була-бо весна, листя тільки проросло... (В. Шевчук). Обличчя його ще більше почорніло (В. Шевчук).*) В структуре динамичности предикатов процесса есть элемент пассивности, степень проявления которого может быть разной.

В качестве критериев разграничения динамических и статических свойств предикатов используются методы тестирования единиц: 1) «Правила зачеркивания». Они базируются на логическом исключении и дают возможность удостовериться в природе того или другого предиката: процесс требует вопроса *Что случилось/ происходит с N?*, тогда как действие его исключает [9:119]. 2) Наличие в динамическом событии сем «развитие» или «движение» накладывает контекстные ограничения на сочетание с обстоятельственными детерминантами. Чем «концентрированной» в предикате признак динамичности, тем более вероятно его семантико-синтаксическая связь с временными конкретизаторами. 3) Среди методов семантического моделирования действительным является перефразирование высказываний. Динамические предикаты действия, направленные на объект, могут быть трансформированы в пассив: *Мати зварила куліш* → *Куліш зварений*. Предикаты процесса, ориентированные на субъект, не имеют такой особенности: *Дерево розцвіло*.

В общее понятие фазовости, как известно, входит представление о сегментированности действия. Эта категория находится в основании одноименного функционально-семантического поля, ядро которого составляет глагол. Поэтому категориальный признак фазовости релевантен прежде всего для анализа глагольных предикатов – действия, процесса, состояния. Для субстантивных предикатов качества анализ этого признака тоже актуален, поскольку помогает выяснять коррелятивную связь с динамическими предикатами процесса, фиксируя диалектику сфер статики и динамики. С точки зрения анализируемой категории процесс – это протекание фаз с разнородными свойствами, а состояние – с однородными [10:502]. Фазовые отличия структуры динамических и статических предикатов относятся прежде всего к процессам и глагольным состояниям, которые часто объединяются в один класс как по признакам пассивности субъекта, так и по одинаковому грамматическому (процессуальному) выражению. Словоформы *глибшати, гіркнути, дерев'яніти, дрібнішати, жилавіти, крацати* на уровне предикатной единицы оцениваются как предикаты процесса, поскольку в их структуре присутствует смена разнородных фаз. Так, *Жаріти, пахнути, світити, мерзнути, яснитися* тощо рассматриваются как состояния, так как они характеризуются сменой идентичных фаз. Фазовая детерминация глагольных процессов не связана с активным действием на объект. Она является следствием спонтанного развития: *Олеся неначе зацвіла, розчервонілась, як квітка...* (І. Н.-Левіцький). Результат развития процесса является условием для существования статического признака: *Сніги заіскрилися* → *Сніги іскряться. Дівчина покрасивішала.* → *Дівчина красива*. Таким образом, достижение, как конечная фаза процесса, всегда соотносится с началом состояния или качества субъекта. Эта особенность передает коррелятивный характер предикатов процесса с качеством (*веселішати*

→ *ставати веселішим*), и с состоянием (*зажеврітися* → *жеврітися*). Названные соотношения можно объяснить через аккумулятивную и генеративную функции актантов в предложении: приобретение признака и его выявление [9].

Проявление фазовости в речи соотносится с анализом временной локализованности как ситуативного признака высказывания. Коррекция фазовой константы соразмерна с общими семными процессами (актуализацией, модификацией, нейтрализацией) и актуальна для исследований с точки зрения референции и коммуникативных заданий высказывания. Абстрагирование предикатов процесса («классы процесса» [8:93], [3:12]): *Суниці дозрівають у червні. У травні трава росте найшвидше*) кроме потери признака «часовой привязанности» сопровождается и «погашением» фазовости. Этот закономерный процесс подчиняется логике вещей: потеря общих временных признаков предусматривает нейтрализацию частных, которыми являются семы фазовости.

Применительно к признакам динамичности и фазовости данные особенности глагольных предикатов процесса в современном украинском языке существенны для создания системы отдельных предикатных значений, а также их взаимосвязи и реализации в речи.

Л и т е р а т у р а

1. *Бацевич Ф. С.* Функціональна типологія прихованих семантичних категорій дієслівної дії // *Мовознавство*. 1990. № 5. С.24–29.
2. *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов* / Отв. редактор О. Н. Селиверстова. М., 1982. С. 7–85.
3. *Бондар О.І.* Система і структура функціонально-семантичних полів темпоральності в сучасній українській літературній мові: Функціонально-онимасіологічний аспект: Автореф. дис. ... д-ра філолог. наук: 10.02.01. Київ, 1998.
4. *Вихованець І. Р.* Предикат // *Енциклопедія “Українська мова”*. Київ, 2000. С.480–481.
5. *Вихованець І. Р., Городенська К. Г., Русанівський В. М.* Семантико-синтаксична структура речення. Київ, 1983.
6. *Володина Г.И.* Описание семантических классов предикатов в целях преподавания русского языка как неродного. М., 1989.
7. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М., 2000.
8. *Селиверстова О.Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // *Семантические типы предикатов*. М., 1982.
9. *Соколов О. М.* Актантная распределенность семантики русских глаголов в мотивационно-словообразовательном аспекте // *Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках*. Томск, 1991. С. 11–16.
10. *Чейф У.* Значение и структура языка. М., 1975.
11. *Miller I.E.* Stative verbs in Russian // *Foundations of Language*. Vol.6 №4. 1970. P. 488–504.

Среди образных средств языка, отражающих менталитет народа и его духовную культуру, особое место занимают компаративные фразеологические единицы – устойчивые сравнения (УС), оформленные обычно по формуле (субъект сравнения)⁵ – основание сравнения – сравнительный оборот: рус. *(дождь) льет как из ведра, (комната) узкая как пенал, красный как кумач, отражаться как в зеркале, нужен как прошлогодний снег, жить как кошка с собакой, горячий как кипяток, кудахтать как курица, светло как днем, знать как таблицу умножения* и т.п.

УС в любом языке имеют антропоцентрический характер, т.е. они охватывают те фрагменты языковой картины мира, которые связаны с человеком и его жизнедеятельностью. Сопоставление компаративных фразеологизмов, характеризующих человека в русском и чешском языках, позволяет сделать вывод о специфике национального менталитета, понимаемого как мирозерцание и мировосприятие, отраженные в языке: формирование системы эталонных образов и образная оценка действительности связаны с выделением тех фрагментов «картины мира», которые представляются особенно важными для носителей конкретного языка.

Особенности национально-культурного мировидения и миропонимания и специфика их отражения во фразеологии наиболее очевидны при сопоставительном описании фразеологических массивов в их идеографическом представлении.

Идеографическая «сетка», покрывающая чешские компаративные антропохарактеристики, может быть «сплетена» по основаниям сравнения, т.е. с учетом значений прилагательных и глаголов, выполняющих эту структурно-семантическую функцию. При этом прилагательное само называет признак, приписываемый человеку как живому существу и носителю духовных, моральных, деловых и других качеств. Сравнительный оборот в таком случае выполняет роль интенсификатора или образного интерпретатора признака, приписываемого субъекту, т.е. оборот несет не столько информативную, сколько эмотивную нагрузку (рус. *голодный как волк* можно истолковать как ‘очень голодный’, а *белый как слоновая кость* – ‘цвета слоновой кости’). Что касается сравнений с глагольным основанием, то сравнительный оборот выступает в роли актанта глагольного действия и образно характеризует это действие (рус. *ходить как пьяный* ‘ходить покачиваясь’, *ходить как слон* ‘ходить тяжело, неуклюже’, *ходить как утка* ‘ходить переваливаясь с бока на бок’, *ходить как зверь в клетке*

---

⁵ Субъект устойчивого сравнения может обладать достаточной свободой варьирования, но может также иметь лексически ограниченное выражение.

‘ходить из стороны в сторону, из угла в угол’ и т.д.), а субъект сравнения, таким образом, характеризуется не прямо, а опосредованно, через характеристику глагольного действия, производимого субъектом.

Предлагаемая ниже идеографическая систематизация чешских УС основана на индуктивном подходе к анализируемому материалу, хотя в известной мере использует принимаемую в отечественной идеографии тематическую рубрику фразеологии (см., например, [1]). Идеографические объединения УС представляют собой иерархическую структуру: синонимические ряды УС формируют семантические группы, далее группы образуют идеографический разряд, разряды входят в идеографические поля, поля образуют идеографические сферы. Идеографические разряды чешских УС, входящих в идеографическую сферу «Человек», в целом дают представление как об аспектах характеристики человека, так и о тех его качествах, которые попали в поле зрения носителей языка и заняли свое место в системе образных средств. Это можно проиллюстрировать с помощью тех УС, которые вошли в наиболее объемное идеографическое поле «Человек как живое существо»⁶.

1. Возрастная характеристика человека: *starý (jako Abraham, jako Metuzalém)*.

2. Внешность.

2.1. **Волосы:** **světlé** ‘светлые’ (jako len, jako sláma), **černé** ‘черные’ (jako eben, jako havran), **husté** ‘густые’ (jako hřiva), **šedivé** ‘седые’ (jako popel, jako stříbro), **řidké** ‘редкие’ (jako chmýří), **rzavé** ‘рыжие’ (jako plamen, jako oheň); být **kudrnatý** ‘быть кудрявым’ (jako beránek, jako ovce, jako pudl), být **chlupatý** ‘быть волосатым’ (jako medvěd, jako tarzan).

2.2. Части тела.

Голова: **velká** ‘большая’ (jako konev, jako meloun), **kulatá** ‘круглая’ (jako koule, jako meloun), být **holý** ‘быть лысым’ (jako koleno).

Глаза: **černé** ‘черные’ (jako nos, jako trnky, jako uhel), **modré** ‘синие’ (jako čekanka, jako len, jako nebe), **malé** ‘маленькие’ (jako koralky), **velké** ‘большие’ (jako blumy, jako mlýnské kameny).

Лицо: **kulatý** ‘круглое’ (jako lívanec, jako měsíc v úplňku), **bledý** ‘бледное’ (jako křída, jako papír), **bílý/neopálený** ‘белое’ (jako sejra, jako tvaroh).

Нос: **malý** ‘маленький’ (jako knoflík, jako ředkvička), **velký** ‘большой’ (jako bakuli, jako brambora).

Рот: mít hubu <**velkou**> ‘большой’ (jako vrata od stodoly).

Зубы: <**bílé**> ‘белые’ (jako perličky).

Ноги: mít **dlouhé** ‘длинные’ (jako čáp), **tlusté** ‘толстые’ (jako džbany, jako od piána).

---

⁶ Выборка чешских УС произведена по [4]; приводится не весь ряд УС, зафиксированных в словаре, а лишь отдельные примеры.

Руки, пальцы: **hubené** 'худые' (jako sirky, jako špejle, jako tyčky), **tlusté** 'толстые' (jako buchtíčky, jako válečky).

2.3. **Фигура, тело:** **dlouhý** 'длинный' (jako bidlo, jako čára, jako štangle), **hubený** 'худой' (jako bič, jako bidlo), **kulatý** 'круглый' (jako meloun, jako soudek), **snědý** 'смуглый' (jako cikán, jako čokoláda), **tlustý** 'толстый' (jako basa, jako bečka), **zkroucený** 'скрюченный' (jako paragraf).

2.4. **Общая характеристика внешности:** **krásný** 'красивый' (jako anděl, jako antický bůh, jako malovaný), **děvče hezké** 'красивая' (jako jahoda, jako z růže květ, jako malina), **ošklivý** 'страшный' (jako čert, jako nos).

3. Физические качества.

3.1. **Здоровье, сила:** **zdravý** 'здоровый' (jako buk, jako ryba), **silný** 'сильный' (jako Bivoj, jako býk).

3.2. **Слабость:** **být choulostivý** 'нежный' (jako z cukru, jako skleníková květinka), **slabý** (jako hnilička, jako mátoha).

3.3. **Болезненность:** **být** (jako stín, jako bez života).

3.4. **Усталость:** **být <utahaný>** 'быть усталым, измотанным' (jako pes, jako štěně, jako drožkářská kobyla).

3.5. **Бодрость:** **být energický** 'быть энергичным' (jako jiskra, jako čert.)

3.6. **Подвижность:** **čilý** 'подвижный' (jako čiperka, jako oheň, jako rtuť).

4. **Физиологические состояния:** **hladový** 'голодный' (jako čokl, jako pes, jako vlk), **opilý** 'пьяный' (jako čuně, jako dělo).

5. Естественные потребности.

5.1. **Еда:** **jíst <hodně 'много'>** (jako bezedný, jako čtyři), **pravidelně hodně** 'обычно много' (jako kobyłka, jako nenažraný), **hltavě, pehezky** 'быстро, не прожевывая; некрасиво' (jako čuně, jako prase), **málo** 'мало' (jako vřabec).

5.2. **Сон:** **spát tvrdě** 'крепко' (jako buk, jako dudek), **blaženě** 'спокойно' (jako andělíček, jako dítě), **zlehka** 'чутко' (jako na vodě, jako zajíc), **dlouho** 'долго' (jako do důchodu, jako sysel).

6. Восприятие окружающего мира.

6.1. **Зрение:** **slepy** 'слепой' (jako kotě, jako krtek), **mít oči** 'иметь глаза' (jako jehly, jako jestřáb, jako kočka).

6.2. **Слух:** **hluchý** 'глухой' (jako dřevo, jako pařez, jako poleno).

6.3. **Температурные ощущения:** **být studený** 'быть холодным' (jako psí čumák, jako kus ledu), **být horký** 'быть горячим' (jako kamna, jako oheň).

7. Речь, голос.

7.1. **Говорение; голос:** **mít hlas** 'иметь голос' **chraptivý** 'хриплый' (jako nakřáplý hrnc), **mluvit** 'говорить' **hodně** 'много' (jako blázen, jako bába na trhu), **moudře** 'мудро, рассудительно' (jako bible, jako kniha), **plynně** 'быстро' (jako z partesu), **nepřítomně** 'бессознательно' (jako náměsíčník, jako ve snu), **naivně** 'наивно' (jako když spadl z jahody).

7.2. Крик: křičet/řvát ‘кричать/орать’ (jako blázen, jako kráva).

7.3. Молчание: mlčet ‘молчать’ (jako dub, jako hrob).

Идеографическая классификация позволяет более наглядно представить лакуны в образном описании человека. Так, например, ни в русском, ни в чешском языках нет УС с основаниями, называющими такие положительные качества человека, как веселый, находчивый, счастливый, удачливый, великодушный, щедрый, бескорыстный, зато много сравнений, негативно характеризующих человека. Показательно, что Ю. Е. Стемковская, анализируя лексико-семантические классы и группы чешских существительных со значением лица, также отмечает преобладание в них слов с негативными коннотациями, объясняя это тем, что «в языке фиксируются прежде всего такие качества и свойства человека, которые выходят за рамки существующей нормы, стандарта» [2. С. 99].

Безусловно, хотя круг УС достаточно широк (например, [3] содержит более 4000 словарных статей), УС не в состоянии исчерпывающе охарактеризовать человека и все стороны его бытия, так что образную характеристику человека, представленную в УС, можно считать лишь составной частью национальной самохарактеристики. Вместе с тем образный «портрет» человека в разных языках позволяет сделать вывод об универсальности основных характеристик и средств, используемых при описании человека, а также о совпадении идеографических полей, в пространстве которых производится оценка внутренних и внешних качеств личности (внешность, физические качества, физиологические состояния, физические действия, черты характера, моральные и деловые качества, поведение, умение вести себя в обществе, отношение к другим людям, умственные способности, речевая деятельность, настроение, образ жизни, жизненные условия и др.).

Л и т е р а т у р а

1. Никитина Т. Г. К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря // *Вопр. языкознания*, 1995, № 2.
2. Стемковская Ю. Е. *Образ человека в чешской культуре // Язык как средство трансляции культуры*. М., 2000.
3. *Slovník české frazeologie a idiomatiky: Přirovnání* // Věd. red. J. Filippec. Praha, 1983.

Лешкова О. О. (Москва). К ВОПРОСУ О МЕТАФОРИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ ЛЕКСЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА)

1. Изучение сочетаемости слов за последние двадцать-двадцать пять лет из дисциплины вспомогательной, имеющей часто чисто прикладной характер, постепенно превратилось в один из основных объектов лингвистического анализа. Сочетаемость лексем стала рассматриваться не только и не столько как сфера действия языковой традиции и узуальных ограничений, которые должны задаваться

списком, а как область пересечения, взаимодействия разных языковых уровней, чрезвычайно важная с точки зрения семантического функционирования основной языковой единицы – слова, лексемы.

В современной лингвистике утвердился подход, согласно которому значение слова можно охарактеризовать только через его сочетаемость. Такой подход явился результатом последовательной реализации системной трактовки лексики. Слово нельзя рассматривать имманентно, в отрыве от его связей с другими лексическими элементами. Именно через исследование сочетаемости можно раскрыть семантическую структуру лексического значения, иерархию входящих в него сем, специфику формирования синонимических рядов, выявление отличающих их члены семантических признаков (см., в частности, Новый объяснительный словарь синонимов русского языка), особенности антонимических отношений и др. По словам А. Вежбицкой, сочетаемость становится мощным лингвистическим инструментом семантического описания. Результаты анализа и систематизации сочетаемости лексем имеют огромное значение при изучении иностранных языков, проведении стилистических исследований, для совершенствования машинного перевода.

2. В основе системного подхода к сочетаемости лежит признание существования определенной общей закономерности соединения слов, определенных, доступных лингвистическому описанию механизмов возникновения сочетаний слов. Вслед за Ю. Д. Апресяном, принято разграничивать семантическую сочетаемость и лексическую, семантически мотивированную и немотивированную (Д. Буттлер предлагает эти типы сочетаемости определять как системную и нормативную; в определенном смысле эти термины представляются более удачными). Обусловленность сочетаемости слов имеет сложный характер, семантические зависимости в словосочетании имеют двусторонний характер, важен «принцип синсемичности», взаимной готовности обоих компонентов словосочетания к соединению. Сильно влияние прагматических факторов и интенции говорящего.

Из положения о семантическом согласовании элементов словосочетания иногда делается вывод о том, что несовместимость слов означает, сигнализирует несовместимость понятий.

3. В этом контексте изучение метафорических сочетаний приобретает особую значимость. Традиционно метафора относится к кругу явлений, в рамках которых правила сочетаемости лексем не действуют или нарушаются, и оказывается среди выражений, определяемых как «неправильные», «асемантические» (S. Karolak, 1984).

Но очевидным фактом является то, что метафора не представляет собой явления редкого в языке и не может рассматриваться как языковая ошибка. Многочисленные исследования метафоры (имеющие еще античные традиции) подчеркивают, что метафора является необходимым условием жизни языка как инструмента, способного

выражать неограниченные смыслы. Т. о. получается, что отступление от нормы самой этой нормой санкционировано (M. Głowiński, 1983). Метафора – это один из базовых механизмов образования новых значений из элементов, заключенных в самой системе (наряду с деривацией, неосемантизацией, композицией).

4. Представляется весьма обоснованным и плодотворным предложение рассматривать метафоры, а точнее метафорические сочетания, как интегральную, неотъемлемую часть изучения сочетаемости слов, что позволяет выявить взаимосвязи между механизмами возникновения неметафорических и метафорических сочетаний. Этот подход на материале польского языка реализуется, в частности, в монографии П. Врублевского. При данном подходе метафора рассматривается как словосочетание, а не метафорическое значение слова. Интерпретация метафоры осуществляется на основе различия нескольких конвенций восприятия действительности (реальная – метафорическая – квазиреальная – фантастическая – ироническая). И выявленные, описанные, апробированные нормой языка правила сочетаемости являются обязательными лишь в конвенции реальной (Р), с опорой на наивную картину мира: *marzą – ludzie; płaczą – istoty żywe; dojrzewają – zboża, owoce*. Воспринимая сочетания *drzewa, kwiaty, domu – marzą; drzewa, ziemia, skrzypce – płaczą*, носитель языка осознает их противоречие с реальностью, но на основе определенной условности может этот смысл принять. Признание метафорической конвенции (М) позволяет отбросить обязательные в конвенции Р ограничения семантической сочетаемости лексем. Между Р и М существует постоянная связь: только через отнесенность к Р можно интерпретировать сочетания в конвенции М (чтобы интерпретировать метафорическое сочетание *dziewczyna zgasiła twarz*, его необходимо соотнести с Р: *dziewczyna zgasiła lampę*).

Метафорические сочетания, таким образом, не рассматриваются как нарушения правил языковой системы, а как сообщение, предлагающее изменение конвенции видения, восприятия мира. Возможность создания метафорических сочетаний заключена в языковой системе как потенциальная, это и обеспечивает открытость лексической подсистемы (P. Wróblewski, 1998).

Предложенный подход позволяет описать механизм возникновения метафорических сочетаний с опорой на компонентный анализ не как изменение значения слов, а как возникновение конструкции, комбинации семантических компонентов, входящих в состав значений членов этого словосочетания. Первым условием возникновения метафоры (как и любого сочетания слов) является общность или сходство сем формирующих ее слов. Но условием столь же важным, как синсемичность, и обязательным при создании метафорических сочетаний является антисемичность, иными словами, противоречивость, взаимоисключение семантических черт, входящих в семантическую

структуру темы и модификатора метафоры (например, в сочетании *wiatry śpiewają* такими чертами будет положительная или отрицательная трактовка значения «личности»).

Четкое соблюдение лингвистического уровня анализа метафорических сочетаний реализуется в детальной классификации метафор по способам выражения темы и модификатора (Субстантивные: *maliny – rosałunki; myśli me, stado spłoszonych gołębi; wodospad szyb, huragan barw; lasowi moknie broda; krynolina z astralu i tęczy* заstrzyk finansowy. Глагольные: *zamarza cisza; ptaki pogasły; las patrzył na tve dzieła; świat krwią zmył twarz.* Адъективные: *bibułkowy miesiąc; maj bladolicy; nasze prawo jest chore.* Адвербиальные: *Słowiczki kłaskały złoto; księżyc pogardliwie świecił*). И что особенно важно, рассмотрены условия и механизмы метафорической сочетаемости, выявлены зоны, обладающие большей или меньшей метафорической потенцией (т.н. «метафорогенные зоны»). Метафорический потенциал лексем зависит от их семантической сочетаемости в обратной пропорции: она тем больше, чем уже семантическая сочетаемость данной лексемы. Важными факторами при определении метафорической потенции оказываются частеречная принадлежность и лексико-грамматические характеристики компонентов метафорического сочетания (например, конкретность – абстрактность, личность – одушевленность – предметность и др).

5. Анализ семантических компонентов лексем, выступающих в качестве темы и модификатора в метафорическом сочетании, дает возможность охарактеризовать тип метафоризации, специфический для данного текста, стиля, автора, оценить их с точки зрения статистики, что дает неоценимую лингвистическую опору литературно-стилистическим описаниям. Так, анализ метафорики Б. Шульца выявил подавляющее преобладание конкретных метафор – более 80%: *ulewa gwiazd; powódź obrazów; laguny snu; strumienie ognia*, а также индивидуальные предпочтения к модификаторам определенных семантических групп, в частности: названия болезней – *pryszczce pąków; liszaj świtów; strupy ciemności; wysypka nocy letnich; zaraza zmierzchu*; названия меха, меховой одежды – *kośuch traw; futro nocy; sierść zarośli; plusz parków* и др.

6. Для польской лингвистической традиции (в русле которой лежит и рассмотренный подход к метафоре) характерна большая степень открытости для восприятия и освоения достижений мировой лингвистики. Но процесс этого освоения часто подчинен весьма ценной (как теоретически, так и дидактически) ориентации на выработку, построение гомогенного, гомопланового описания языковой системы в целом, что выражается в стремлении дать общие принципы анализа языковых явлений разных языковых подсистем (например, номинация, словообразование и синтаксис; фразематика как объединение разных типов сочетаемости – от фразеологической до шаблонной – в одной научной дисциплине; неосемантизация и деривация как единый механизм порождения новых лексических единиц). В представленной теории

метафоры также хотелось бы обратить внимание на дидактически релевантные составляющие: поиск общих принципов организации и функционирования единиц различных языковых подсистем, а также рассмотрение диалектического взаимодействия противоположных явлений (синсемичность и антисемичность) как стимула запуска механизма метафоры.

Изучение, освоение и усвоение так ориентированной лингвистической теории в процессе обучения польскому языку и изучения его системы создает единый стержень, который обеспечивает интегрированную и непротиворечивое изложение материала разных лингвистических дисциплин.

Л и т е р а т у р а

1. Buttler D. Typy łączliwości leksykalnej wyrazów//Prace Filologiczne, 1975.
2. Karolak S. Składnia wyrażeń predykatawnych//Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia, pod red. Z. Topolińskiej. Warszawa, 1984
3. Głowiński M. Metafora, demetaforyzacja, konteksty//Studia o metaforze II. Wrocław, 1983.
4. Wróblewski P. Struktura, topologia i frekwencja polskich metafor. Białystok, 1998.

Г. А. Лилич (Санкт-Петербург). И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ И ПРОБЛЕМА ПОДДЕЛЬНЫХ ГЛОСС В СРЕДНЕВЕКОВОМ СЛОВАРЕ MATER VERBORUM

Поистине безбрежное научное наследие И. И. Срезневского не перестает привлекать пристальное внимание славистов – филологов, историков, лексикографов, специалистов в области методики преподавания языковедческих дисциплин. Его новаторские для своего времени идеи легли в основу сравнительно-исторического изучения славянских языков, в первую очередь русского. «Величественным памятником русской исторической лексикографии» назвал С. Г. Бархударов «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского. В течение последнего столетия возникают все новые и новые работы, посвященные изучению научного творчества Срезневского. Однако многое еще предстоит сделать, в том числе и для более полного освещения вклада выдающегося русского ученого в развитие славяноведения в других странах, в частности, в Чехии где он в 1839–1842 гг. изучал чешский язык и его древние памятники. С этого времени ведут свое начало многолетние творческие связи И. И. Срезневского с чешскими друзьями. Особое место среди них занимал Вацлав Ганка (1791–1861), ученик Й. Добровского, литератор, один из наиболее горячих приверженцев идеи славянского единства.

С именем В. Ганки связана известная проблема так называемых Краледворской и Зеленогорской рукописей (далее РКЗ) – литературных фальсификаций начала XIX в. (1817, 1818 гг.). Тексты такого рода («патриотические подделки национальных древностей», по выражению В. М. Жирмунского) возникали в это время и в других европейских

культурах (ср., например, «Сочинения Оссиана» Дж. Макферсона), но только в Чехии они сыграли роль своеобразного катализатора общественно-политических противостояний в XIX в.

Сомнения в подлинности РКЗ возникли уже вскоре после их обнаружения В. Ганкой; И. Добровский даже прозрачно намекнул на неблагоприятную роль в этом деле В. Ганки. В статье 1824 г. Добровский пишет: «Авторов я знаю, они учились у меня читать по-старославянски и по-русски и бесстыдным образом послали анонимно свою стряпню Музею»⁷ В дальнейшем споры о подлинности РКЗ уже не прекращались, а только набирали силу. Особенную остроту они приобрели в 80–90-е годы XIX в., в период активных общественно-политических процессов в чешском обществе⁸ и идейной борьбы «старочехов», находивших в РКЗ опору для своих патриотических представлений о славном прошлом чешского народа, и «младочехов», стоявших за объективные исторические оценки. Подлинность РКЗ со строго научных позиций отрицал наиболее авторитетный историк-языковед Ян Гебауэр, политическую поддержку которому оказывал Т. Г. Масарик⁹ В настоящее время поддельность РКЗ считается доказанной¹⁰.

Несколько в тени РКЗ оказался другой памятник: средневековый энциклопедический словарь *Mater verborum*, созданный в конце IX в. в Швейцарии. В Чехию копия этого словаря (с немецкими глоссами) попала примерно в XII в.; в нее были вписаны и чешские глоссы. В 1827 г., то есть в пору оживленных дискуссий о подлинности РКЗ, тот же В. Ганка, главный библиотекарь Чешского национального музея, «обнаружил» большое количество чешских глосс, многие из которых совпадали с лексикой РКЗ. В 1833 г. Ганка издал чешские глоссы *Mater verborum* в алфавитном порядке; глоссы стали входить в научный оборот, они могли рассматриваться и как некое подкрепление подлинности РКЗ. В России они стали известны из сообщений П. И. Прейса (1840 г.) и И. И. Срезневского (1859 г.).

В 1877 г. в Праге вышел труд глубокого знатока и издателя древних чешских текстов Адольфа Патеры (1836–1912), в котором убедительно доказывалось, что из общего числа чешских глосс в *Mater verborum* только 339 можно считать подлинно древними, а все другие (950 единиц) нужно рассматривать как позднейшие подделки¹¹.

Не может не возникнуть вопроса о том, как относились русские ученые, в первую очередь, И. И. Срезневский, к сомнениям в подлинности чешских глосс указанного памятника. В литературе можно

⁷ Dobrovský J. Spisy a projevy. Sv. VI. Praha 1974. S. 152.

⁸ Urban O. Česká společnost 1848–1918. Praha, 1982. S. 328–400.

⁹ Лилуч Г. А. Т. Г. Масарик и Я. Гебауэр в борьбе за научную истину // Т. Г. Масарик. К. 150-годовшине со дня рождения. СПб, 2000. С. 22–26.

¹⁰ Komárek M. Jazykovědná problematika RKZ // Rukopisy Královédvorský a Zelenohorský: Dnešní stav poznání. Praha, 1969. S. 197–74.

¹¹ Patera A. České glossy v «Mater verborum». Praha, 1877.

встретить совершенно определенные высказывания на этот счет. Так, Н. А. Кондрашов писал: «Срезневский не сомневался в подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописи, а также других фальсифицированных памятников древнечешской литературы. <...> Научная слепота и вера Срезневского в моральную чистоту Ганки, обязанный впечатлениям молодости, доходила до того, что он отстаивал подлинность многих чешских глосс в средневековом словаре *Mater verborum*, во что после исследований А. Патеры уже никто не верил»¹². В этом высказывании формулировка «научная слепота Срезневского» вызывает внутренний протест как противоречащая всем нашим представлениям о глубочайшей славистической эрудиции и проницательности этого ученого.

Нисколько не претендуя на решение довольно загадочного вопроса об отношении Срезневского к подделкам чешских древностей, в том числе глосс в словаре *Mater verborum*, позволим себе лишь привести некоторые материалы, могущие, как нам кажется, пролить дополнительный свет на этот вопрос.

Знаменательным представляется тот факт, что в 1878 г., ровно через год после появления в Праге труда А. Патеры, И. И. Срезневский публикует его в России в своем переводе на русский язык и со своими «дополнительными замечаниями»¹³. Раздел «дополнительных замечаний» Срезневского занимает почти полкниги А. Патеры (70 страниц из 152) и представляет собой развернутый лингвистический анализ и классификацию чешских глосс памятника. Срезневский дает оценку труду А. Патеры: «Будь исполнен такой труд за пятьдесят лет перед этим, — пишет он, — и ни один из писателей, пользовавшихся чешскими глоссами в *Mater verborum*, ни сам бы не впал, ни других бы не ввел в те жалкие ошибки, которыми <...> наполнились многие и многие замечательные произведения ума и знания <...>»¹⁴. Из этих слов следует, что вряд ли можно так однозначно, как это сделал Н. А. Кондрашов, утверждать, что Срезневский «отстаивал» подлинность чешских глосс.

Вместе с тем анализ глосс, содержащихся в «дополнительных замечаниях» И. И. Срезневского все же вызывает ряд вопросов. Прежде всего, обращает на себя внимание общий эмоциональный тон рассуждений ученого. Местами они походят на панегирик «поддельщику», который превосходно знал древнее состояние не только чешского, но и других славянских языков, особенно русского и старославянского. Срезневский отмечал, что за небольшим исключением все «подозревае-

---

¹² Кондрашов Н. А. Лингвистическое и методическое наследие И. И. Срезневского. М., 1979. С. 14–15.

¹³ Чешские глоссы в *Mater verborum*. Разбор А. О. Патеры и дополнительные замечания И. И. Срезневского. Приложение к XXX-му тому Записок Императорской Академии Наук №4 Санкт-Петербург, 1878.

¹⁴ Там же. С. 83.

мые» слова и формы «не могут быть рассматриваемы как невозможные в древнемчешском языке» (разрядка наша – Г. Л.)¹⁵. В этом смысле характерно, в частности, что среди поддельных глосс приведены не сохранившиеся в славянских языках формы им. п. ед. ч. существительных ж. р. с основой на –г: *neti* (ср. чеш. **neteř* ‘племянница’ и **sesti* ‘сестра’), которые теоретически вполне возводимы к образцу *máti, dci*.

И. И. Срезневский восхищается «умом, знанием, чутьем поддельщика»¹⁶ и приходит к выводу, что если речь идет о подделках начала XIX в., то это «ясное, неопровержимое указание, что одновременно с Добровским был у чехов такой ученый знаток древности чешской и вообще славянской, который по крайней мере о некоторых предметах этой древности знал более и лучше, исследовал и судил осторожнее самого Добровского»¹⁷.

Если эта лестная оценка относилась именно к В. Ганке, то ее можно, как кажется, считать попыткой как-то смягчить резкую критику глоссатора, которого в это время уже не было в живых.

Конечно, нельзя ни с какой долей уверенности судить о том, знал ли Срезневский о подделке глосс от самого В. Ганки или только мог догадываться об этом. Гораздо важнее ответить на вопрос о моральной стороне дела: почему же Срезневский, сам будучи предельно точным в обращении с языковым материалом и требующий такой же точности от своих учеников, не осудил глоссатора?

Можно предположить, что он верил в пользу, которым принесут чешским будителям «патриотические подделки национальных древностей», а также в то, что глоссы из *Mater verborum* не противоречат законам исторического развития чешского языка.

В этом смысле представляется весьма значимой следующая мысль И. И. Срезневского: «Кто бы не был составитель глосс, оказывающихся поддельными, он составлял их не зря, не с надеждою, что его незнание и легкомыслие никогда не обнаружатся, а вооруженный полным знанием и чутьем своего родного языка, не могшими его допустить до ошибок <...> Такой поддельщик должен был понимать и чувствовать, что он трудится не для одного часа, не для прельщения людей малознающих, а для долгого будущего <...>».

Время показало, что старинный спор вокруг проблемы чешских поддельных рукописей XIX в. в конечном итоге пошел на благо чешской науке и культуре. Бескомпромиссная борьба за научную истину заметно повлияла на развитие научно-критических подходов в изучении прошлого, а сами рукописи послужили источником обогаще-

---

¹⁵ Там же. С. 111.

¹⁶ Там же. С. 150.

¹⁷ Там же. С. 151.

ния лексики литературного чешского языка и нашли широкое отражение в литературе и искусстве.

К. В. Лифанов (Москва). ВОСТОЧНОСЛОВАЦКИЙ ДИАЛЕКТ В ПУБЛИКАЦИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. В США

В истории языка словацкой письменности хорошо известна “боковая” ветвь его развития, связанная с широким использованием в письменном языке восточнословацких диалектных элементов. Уже давно внимание лингвистов привлекают такого рода книги и периодические издания, опубликованные непосредственно в Словакии (Czambel 1906, Bálint 1944, Király 1953 и др.). Вместе с тем целый корпус текстов, имеющих отношение к восточнословацкому диалекту и изданных в конце XIX – начале XX вв. в США, до настоящего времени с лингвистической точки зрения специально не изучался. Тем не менее существует устойчивое мнение, что данные тексты написаны либо на восточнословацком диалекте, либо на шаришском или спишском говорах восточнословацкого диалекта, либо на смеси различных говоров этого диалекта. В связи с этим представляется чрезвычайно актуальным выяснение языковой структуры данного идиома и определение механизма его возникновения.

Уже беглого взгляда на язык названных печатных текстов достаточно, чтобы установить, что он представляет собой конгломерат элементов восточнословацкого диалекта и словацкого литературного языка. При этом восточнословацкие элементы и элементы литературного языка, как правило, не вытесняют друг друга, а функционируют параллельно, хотя какие-то из них могут преобладать.

В качестве примера приведем отражение так называемой восточнословацкой ассибиляции¹⁸, т. е. изменения мягких *t'* и *d'* соответственно в *s* и *dz*. Во всех рассмотренных текстах представлены как слова, в огласовке которых ассибиляция отражена, так и примеры без нее, причем часто в одних и тех же корнях или аналогичных грамматических формах. Ср.: *To še v živoce obyčajne*¹⁹ *vypoveda – šicke druhe osoby su podobne ku peršej osobe v jednotnym počte* («Американский переводчик»).

Аналогичная ситуация наблюдается и в отражении многих морфологических форм, различающихся в восточнословацком диалекте и литературном языке. Так, для первого характерно неразличение форм им. пад. множественного числа адъективалий, согласующихся с одушевленными и неодушевленными существительными, вопреки состоянию в словацком литературном языке, напр.: *Dvomi čínski mandaríni a dvomi*

---

¹⁸ Она представлена также и в некоторых говорах западнословацкого диалекта, однако в меньшем числе позиций, чем в восточнословацком диалекте (Pauliny 1963, 191-197).

¹⁹ В «Американском переводчике» букве *ň*, представленной в литературном языке, соответствует буква *ñ*.

anglické inžinýri prišli... do ruskej to pevnosci (zámku) v Sibírii, polnočno od Číny na samom brehu Cichého Oceánu («Словак в Америке»).

Взаимодействие восточнословацкого диалекта и литературного языка, однако, проявляется не только в форме непосредственной конкуренции реально существующих форм. Иногда оно может иметь более сложный характер. Так, например, в изученных текстах фиксируются и формы род. пад. множественного числа существительных с флексией *-och* независимо от их рода, что отражает ситуацию в западных говорах восточнословацкого диалекта, и формы с нулевой флексией и флексией *-í* у существительных женского и среднего рода или с флексией *-ov* у существительных мужского рода²⁰, как в словацком литературном языке, напр.: ...*lebo ona vyšvetlí nám tvorene všických vecoch, calého sveta, neba a žeme, svetla a povetria, hviezdach, dňa a noci, suchej žeme a mora, dolín a verchoch, bylinoch každého druhu, ptáctva, ryboch a všických štvornohých žvirat* («Католицке Новины»).

Влияние восточнословацкого диалекта на словацкий литературный язык проявляется также в том, что, хотя в целом в изученных текстах соблюдаются принципы сочетаемости фонем литературного языка, регистрируются и их нарушения. Прежде всего это относится к случаям появления гласных *á* и *é* в позиции после функционально мягкого согласного, что практически невозможно, за крайне редкими исключениями, в словацком литературном языке, где указанные долгие гласные подвергаются дифтонгизации. Ср. примеры из газеты «Американский Русский Вестник»: *Príčinou samovraždy boli terajšé podlé časi, nežnalí jak využiť.*

Также весьма примечательны случаи, когда формант в словоформе восточнословацкого слова, аналогично соответствующим формантам в литературном языке, приобретает количественную характеристику, которая отсутствует в восточнословацком диалекте, напр.: *Kumpfellová hutóri* (ср. лит. *vrať*), *že dala dňa 3. aprila Blumbergovi \$ 50 s tým, aby jej kúpil prieplavný lístok (šif kartu) do Nemecka* («Словак в Америке»). Это явление свидетельствует о том, что диалектное слово, оказавшись в контексте рассматриваемого идиома, подчиняется его правилам, восходящим к литературному языку.

В процессе взаимодействия восточнословацкого диалекта со словацким литературным языком, по нашему мнению, в качестве первичного выступает литературный язык. Иными словами, рассматриваемый идиом возник в результате видоизменения последнего путем включения в него диалектных элементов. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что словацкий литературный язык в этом процессе выступает как монолит, тогда как восточнословацкий диалект – в виде некоторого множества говоров, имеющих отличия на разных языковых

---

²⁰ Единичные существительные мужского рода могут также иметь названные формы с нулевой флексией или флексией *-í*.

уровнях. В результате в языковой структуре изучаемого идиома оказываются фонетические элементы и грамматические формы, восходящие к разным говорам восточнословацкого диалекта. Так, например, в формах род. (и аналогично дат.) пад. единственного числа адъективалий мужского и среднего рода в языке «Американского Русского Вестника» преобладают флексии с гласным -о-, характерные для восточных говоров восточнословацкого диалекта, однако фиксируются также формы с флексиями, содержащими гласный -е- и представленными в западных говорах восточнословацкого диалекта. Ср.: *Koguna rumunskoho kraľa je z bronzu; a keľo naroda zastalo bez žadnoho probuša, strach aj i podumač! – Zo sameho miesta strajku neprichadzaju žadne novše zpravy, ľem to, že strajkeri trimaju še svorne nepohnutelno aj d'alej.*

Анализ языкового материала, по нашему убеждению, показывает, что язык так называемых восточнословацких публикаций в США являлся довольно хаотичным смешением литературных и восточнословацких элементов, причем словацкий литературный язык представлял собой базу этого идиома, которая была видоизменена путем его приближения к восточнословацкому диалекту. Причиной этого было стремление сделать язык печатных текстов более понятным носителям этого диалекта, не владевшим нормами литературного языка.

Л и т е р а т у р а

Báľent B. Prvý pokus o spisovnú slovenčinu. Turčiansky sv. Martin 1944.

Czambel S. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Turčiansky sv. Martin 1906.

Kiráľy P. A kelet szlovák nyelvjárás nyomtatott emlékei. Budapest 1953.

Pauliny E. Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava 1963.

Е. Н. Лучинская (Краснодар). НОВЕЙШИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Современный болгарский язык, как и другие славянские языки, испытывает сильное влияние западноевропейских языков, в частности, английского, немецкого и других.

При заимствовании лексической единицы в языке проходит несколько стадий приспособления к системе, в каждой из которых она предстает как новый лингвистический феномен: номинативная стадия, грамматическая, речевая. Результаты воздействия системы на язык отражаются в словарях, которые пытаются описать слова наиболее полно и детально. Исследователи выделяют несколько стадий лексикографического усвоения лексического заимствования: переход – слова данной стадии обычно представлены в специальных словарях; вхождение – в словарях иностранных слов; интеграция – слова этой стадии заимствования можно найти в обычных толковых словарях.

Приспособившись к системе нового языка, иноязычные слова подчиняются закономерностям этого языка, и, естественно, в их семантике происходят определенные изменения.

Следует отметить своеобразие иноязычных синонимов по сравнению с их особенностями в лексической системе языка-источника. Иноязычный синоним имеет определенные преимущества по сравнению с исконным. Он, как правило, моносемантичен, в то время как синонимичное ему слово почти всегда, благодаря длительному бытованию в языке, обрывает различными дополнительными значениями.

Другой особенностью иноязычных синонимов можно считать их проникновение в лексику заимствующего языка с одними, и только вторичными (в большинстве случаев переносными), значениями. Вводятся они обычно из необходимости в более образном, экспрессивном или эвфемистическом выражении и соответствующей стилистической окраской противопоставляются исконным лексемам. Если же иноязычное слово заимствуется и с прямым, и с переносным или специальным техническим значением, то в его семантической структуре происходит обычно перестановка; переносное или специальное становится главным, а основное – вторичным, как бы производным от первого. Вступая в синонимические отношения с исконными лексемами, слова иноязычного происхождения способствуют обогащению лексики языка, но об этом можно говорить в том случае, когда заимствование не отягощает синонимические ряды ненужными повторениями.

Анализ лексики современного болгарского языка показал, что в нем присутствует большое количество заимствований из английского языка, например: *тим (team)*, *халф (half)*, *аутсайдер (outsider)*, *мобифон (mobile phone)*, *рецепция (reception)*, *екшън (action)*, *компютър (computer)*, *офис (office)*, *дистрибутор (distributor)*, *стикер (sticker)*, *пилинг (peeling)*, *стрес (stress)*, *сна (spa)*, *целулит (cellulate)*, *хидробаланс (hydrobalance)* и многие другие.

Анализ языка болгарских газет показал, что процесс заимствования характеризуется следующими признаками:

- 1) англицизмы играют все более важную роль в современном болгарском языке с лингвокультурологической точки зрения;
- 2) англицизмы более частотны по сравнению со словами из других языков;
- 3) заимствуются в основном имена существительные (84 %), реже глаголы, имена прилагательные и наречия.

Укоренившись в новой для себя языковой системе, освоившись фонетически, обретя семантическую самостоятельность, слово становится потенциальным родоначальником новых слов. Пройдя ассимиляцию, оно приобретает способность к деривации (например: *аларм – алармира (бить тревогу)*, *релаксация-релаксира*, *психосензитивен, мобифон (mobile phone)*, *стрес – стресирани*). Дериваты,

образованные от англицизмов, являются оригинальными порождениями болгарского языка и составляют особую группу среди его исконных слов, несмотря на содержащиеся в них иноязычные элементы.

Англоязычные заимствования в болгарском языке отражают различные национальные, социальные и бытовые темы. Однако процесс заимствования не является прямым показателем актуальности культурных контактов. Следует учитывать возможность различного взаимодействия лингвистического и поэтико-культурологического планов. Итак, заимствование – это не только простая передача новых элементов одним языком во владение другого языка, это вместе с тем процесс их органического освоения системой данного языка, их приспособления к его собственным нуждам, их преобразования формального и семантического в условиях этой системы. Процесс заимствования в болгарском языке продолжается весьма интенсивно.

В. М. Ляшук (Минск). БЕЛАРУСКИ ФАЛЬКЛОРНЫ ТЭКСТ У ПАРАЎНАЛЬНЫМ АСПЕКЦЕ

Феномен фальклорнага тэксту як носьбіта культурнай інфармацыі шырока вывучаецца класічнымі філалагічнымі навукамі і на іх базе разнастайнымі інтэгрэтыўнымі дысцыплінамі. Лінгвістычны погляд на вусную народную творчасць, гэту важную сферу калектыўнай дзейнасці ў вербальнай і невербальнай праяве, звязаны з дынамічным развіццём навуковай думкі – у залежнасці ад практычных патрэб пісьмовай фіксацыі фальклорных тэкстаў, ад асэнсавання свайго фальклорнага вопыту і да супастаўлення фальклорных тэкстаў ў адной ці некалькіх мовах. Такая скіраванасць мае дачыненне да славянскага адраджэння XIX стагоддзя, якое для беларусаў, а таксама для іншых народаў, што адчулі перапынак у пісьмовай традыцыі, вызначыла сталы погляд на фальклорную сферу як на ўзор моўнай спецыфікі і патэнцыі, а ў далейшым (на падставе высокай сацыяльнай значнасці, функцыянальнай палівалентнасці, камунікатыўнай скіраванасці, творчага карыстання мовай) як на адну з крыніц сучасных літаратурных моў, якія характарызуюцца як мовы позняга фарміравання.

Мова фальклорнага тэксту, калі прыстасаваць да гэтай сферы словы Ф.-В. фон Хермана, “выяўляе сябе да таго, як мы пачынаем навукова або па-філасофску пра яе пытаць” [Херман, с. 19]. Яна функцыянуе ў адзінстве з жыццёвымі патрэбамі людзей у традыцыйным грамадстве, узнаўляючыся ў тэкстах з адзнакамі ўстойлівасці і дынамічнасці, суадносіны паміж якімі залежаць ад моўнай свядомасці і моўных здольнасцей канкрэтных носьбітаў фальклорных традыцый. Наяўнасць фальклорных стандартаў уплывае на моўную генералізацыю, моўны выбар і на кадзіфікацыю. Як адзначае М. І. Талстой, “Паколькі ўсякая літаратурная мова – з’ява штучная і наддыялектная... істотную ролю ў яе фарміраванні ў асобных выпадках можа адыграваць

наддыялектнае народна-паэтычнае кайнэ” [Толстой 1988, с. 155], што актуальна ў дачыненні да беларускай мовы.

Ступень і формы ўплыву беларускіх фальклорных тэкстаў на сферу літаратурнага выказвання яшчэ патрабуе высвятлення. Аднак літаратурна-моўныя працэсы ў часе беларускага адраджэння суадносяцца з перыядам станаўлення нацыянальнай літаратурнай мовы і маюць набор прымет, выяўленых М. І. Талстым [Толстой 1988, с. 158] у іншых славянаў, бо характарызаваліся росквітам у першую чаргу паэтычных літаратурных форм, што ўласціва сербам і харватам, а перыяд фарміравання беларускай літаратурнай мовы суадносіцца з пераходам ад рамантызму да рэалізму, адзначаным у славенцаў і балгар. Пры гэтым аб’ёмны масіў беларускіх фальклорных тэкстаў прадстаўлены развітай сістэмай жанраў, вялікай колькасцю праяўлена тэкстаў, якія, паводле назіранняў збіральнікаў, змяшчаюць “скарб куды багацейшы, чым кароценькія песенькі” [Чачот, с. 227]. Я. Карскі ўказвае на значны сінтэтызм у інтэрпрэтацыі беларусамі сваіх казак: “Увогуле вобласць казак вельмі вялікая: усё, што не песні, не прыказкі і загадкі, а таксама не замовы, народ адносіць да казак” [Карский, с. 498].

Беларускія збіральнікі і фалькларысты пашыралі масіў фальклорных тэкстаў калектыўнымі намаганнямі, у сербаў гэта сфера выявіла асобу Вука Караджыча: “Нястомны збіральнік твораў вуснай народнай творчасці, ён апублікаваў больш за тысячу лірычных і гераічных песень, выдаў зборы казак, прыказак і загадак... Дзейнасць Вука Караджыча аказалася сугучнай актуальным каштоўнасцям і прыярытэтам еўрапейскай культуры і навукі першай паловы XIX ст. Яго кнігі, асабліва выданні народных песень, набылі шырокую вядомасць і славу” [Гудков, с. 87–90]. На Беларусі, дзе “на працягу ўсяго XIX ст. беларуская літаратурная мова, па сутнасці, не выходзіла за межы мастацкай літаратуры” [Шакун, с. 92], большы грамадскі рэзананс выклікалі зборнікі казак, найперш у запісах М. Федароўскага, Е. Н. Раманава, П. В. Шэйна і А. К. Сержпутоўскага (XIX – пачатак XX ст.), якія неаднаразова перавыдаваліся.

Шматлікія лексічныя сродкі беларускіх фальклорных тэкстаў кадыфікаваны як стылістычна нейтральныя або размоўныя. На іншых узроўнях кадыфікацыя адлюстроўваецца не так выразна, аднак бясспрэчнай з’яўляецца сувязь паміж літаратурнай і фальклорнай сферамі, калі казаць пра беларускую і славацкую мовы. Такая спецыфіка карэлюе з тыпалагічнай прыметай сучасных літаратурных славянскіх моў у падыходзе М. І. Талстога, сфармуляванай як *Блізкасць/аддаленасць літаратурнай мовы і народна-паэтычнага кайнэ* [Толстой 1985, с. 17]. Вялікая колькасць зафіксаваных беларускіх фальклорных тэкстаў (у ранейшых і сучасных запісах), іх высокая варыятыўнасць, значныя аб’ёмы многіх з іх указваюць на яшчэ адну тыпалагічную прымету, першую ў сфармуляванай М. І. Талстым

апазіцыі – *Моцная / слабая развітасць народна-паэтычнага кайнэ* [тамсама].

Развітасць беларускага народна-паэтычнага кайнэ вызначаецца не толькі ўстойлівасцю, але і дынамічнасцю, мае сінхронныя праявы, прычым у камунікатыўна значных кантэкстах. На функцыянальнасць беларускіх фальклорных тэкстаў звяртаюць увагу сучасныя збіральнікі, падкрэсліваючы распаўсюджанасць фальклору на Беларусі да цяперашняга часу. Гэты фактар адыграў значную ролю ў станаўленні моўнай і творчай асобы многіх беларускіх пісьменнікаў. Фальклорныя тэксты былі вымяральнікам і крыніцай культуры мовы ў заснавальнікаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы Янкі Купалы і Якуба Коласа. Многія іх паслядоўнікі таксама фарміраваліся ў натуральных умовах функцыянавання беларускага фальклору ў тэкстах, несупрацьпастаўленых паўсядзённаму жыццю. Аналагічная спецыфіка выяўляецца ў тэкстах славацкага фальклору, адрозным большай рэпрэзентаванасцю разбойнічых песень (пра Яношыка).

На свой фальклорны вопыт неаднаразова ўказвалі прызнаныя беларускія класікі Янка Брыль, Рыгор Барадулін, Ніл Гілевіч і інш. Збіранне і публікацыя фальклорных тэкстаў была адной з галін дзейнасці Максіма Гарэцкага (запісаў тэксты ад сваёй маці). Ніл Гілевіч, аўтарытэтны фалькларыст, які апублікаваў шматлікія фальклорныя тэксты, указвае на сувязь фальклорных ведаў з уласным стылем пісьменніка: «...Чытач даўно ўжо заўважыў, што ў нашай беларускай літаратуры беднай, сухой, канцылярскай мовай вызначаюцца, як правіла, творы менавіта тых аўтараў, якія “не грашаць” асабліва любоўю да фальклору, да народнай песні, прыказкі, прымаўкі. Затое якая багатая, сакавітая, шматфарбная мова тых пісьменнікаў, якія... з’яўляюцца дасканалымі знаўцамі нацыянальнага быту і фальклору...» [Гілевіч, с. 124].

Асобым спосабам гаворыць пра функцыянальнасць і сітуацыйную матываванасць фальклорных тэкстаў мовазнаўца (прафесар) і адначасова творца (заснавальнік жанру лінгвістычнага абразка) Ф. М. Янкоўскі – у даволі складанай для ўспрымання асацыятыўна-аўтабіяграфічнай прозе, скіраванай на апісанне і інтэрпрэтацыю жывой мовы ва ўзнаўленні яе носбітамі: *...Мама задрэмала. Але толькі на хвілінку-часінку. Мама ачнулася, нешта сказала сама сабе ціха (ці не свай) “А няхай цябе, няхай!”; “Ах, каб яго каб!”*) і павяла далей сваю, здавалася, на векі вечныя несканчоную нітку.

Прала і незабыўна, непаўторна заспявала:

Вочкі ж мае чарнявыя,

Вы хочаце спаць.

Спявала, каб прагнаць дрымоту, сон.

Не ведаю, ці бачыў бацька, як сон спыняў самапрадку, як мама кльонула, як прахпілася і схмянулася, як пачала спяваць. Але як толькі праспявала другі радок песні, ласкава і няголосна (мне здалася: каб не вельмі пачулі мы) бацька сказаў:

– *То няхай бы ж вочкі твае чарнявыя заснулі. Прыляж вазьмі.
Мама нібы і не драмала... нібы і не чула, што сказаў тата. Вяла
сваю нітку і песню:*

*Хоць хочаце – не хочаце,
Трэба ж дапрадаць [Янкоўскі, с. 10].*

Працэс запісвання таксама перададзены Ф. М. Янкоўскім – ужо як аповед пра свайго бацьку, указанне на працягласць і ўнутраныя рэзервы памяці:

– *А ці запісаў ты сабе такое слова? (Дарэчы, у таты ўсё было
слова: і прыказка, і кароткі дыялог, і жарт)...*

Надчэкваючы, каб усё было запісана, ён настройваўся сказаць яшчэ нешта – прыказку, кленіч, ласкавае і далікатнае прывітанне... Ці яшчэ:

– *А чаго там? Не ішкадуй, рана ажаніўшыся й рана ўстаўшы...
Каб у навуцы проста было, то й казлы б у настаўнікі выходзілі... І бога
ашукае, і чорта адхопіць... Кажуць, што й масла хлебам мажуць...
Дачакалася Знаяда (клічка) помачы: сама ляжыць, а дзеткі,
сабачаняты, брэшуць... [Янкоўскі, с. 12].*

Спецыфіка фальклорных тэкстаў, створаных для ўзнаўлення ў вуснай форме і звязаных з традыцыйнай культурай народа, вызначае іх шырокае выкарыстанне пры навучанні беларускай мове іншаземцаў. Народныя песні пры іх выкананні з'яўляюцца натуральным сродкам засваення мелодыкі маўлення, паўтарэння многіх частотных і для беларускай літаратурнай мовы мадэляў. Празаічныя тэксты (казкі ў літаратурнай апрацоўцы), маючы ў сваім складзе шмат агульнаславянскай лексікі і вызначаючыся некаторымі універсальнымі тэмамі і агульнымі героямі, ствараюць матывацыю для навучэнцаў высокім узроўнем разумення зместу. Кампазіцыйныя асаблівасці казак, наяўнасць у іх паўтораў і тэматычнай лексікі, дыялагічных адзінстваў, ацэначных сродкаў спрыяюць фарміраванню камунікатыўнай і культурнай кампетэнцыі, засваенню формул маўленчага этыкету ў сувязі з камунікатыўнымі (у тым ліку і антыэтыкетнымі) сітуацыямі. Мадэляванне беларускім фальклорным тэкстам маўленчых стымуляў і рэакцый закранае таксама эстэтычны аспект у моўным функцыянаванні (рыфма, гукапіс, рытм і інш.). Параўнанне гэтых якасцей у фальклорных тэкстах розных славянскіх моў дае ўяўленне пра моўную мілагучнасць як істотную характарыстыку беларускага жывога маўлення, якому ўласціва эмацыянальнасць, дынамізм, ацэначнасць і шырокае, матываванае культурнымі стандартамі, інтэртэкстуальнае выкарыстанне рознаўзроўневых моўных сродкаў з фальклорных тэкстаў.

Філалагічная і лінгваметадычная інтэрпрэтацыя беларускіх фальклорных тэкстаў у сістэме іншых тэкстаў і іншых славянскіх моў дазваляе вырашаць актуальныя тэарэтычныя і прыкладныя праблемы беларусістыкі ў ракурсе моўнага антрапацэнтрызму і моўнай тыпалогіі, у сувязі з актуалізацыяй выкладання беларускай мовы славістам у славянскіх і неславянскіх краінах.

Літаратура

- Гілевіч Н. Любоў прасветляя: Роздумы ў вершах і прозе аб роднай мове. Лірыка-публіцыстычная хроніка: 1947–1995. Мінск, 1996.
- Гудков В. П. Славистика. Сербистика: Сб. статей. М., 1999.
- Карскі Я. Беларусь. Мінск, 2001.
- Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
- Толстой Н. И. Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам) (Опыт сравнительного рассмотрения) // Функциональная стратификация языка. М., 1980.
- Херрманн Ф.-В. фон. Фундаментальная онтология языка. Минск, 2001.
- Чачот Я. Выбраныя творы. Мінск, 1996.
- Шакун Л. М. Карані роднай мовы: Выбраныя працы па гісторыі беларускай мовы. Мінск, 2001.
- Янкоўскі Ф. Само слова гаворыць: Філалагічныя эцюды, абразкі, артыкулы. Мінск, 1986.

И. Д. Макарова (Москва). СЛОВЕНСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ: ЛИТЕРАТУРНЫЙ СТАНДАРТ И ВАРИАТИВНОСТЬ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ЛЮБЛЯНЫ)

Под языковой ситуацией традиционно понимается характеристика состава и функционального распределения разговорных формаций и литературного стандарта в процессе обеспечения коммуникации определенного языкового сообщества.

В целом специфические особенности словенской языковой ситуации можно представить следующим образом: а) сильная диалектная дифференциация (2 миллиона словенцев, около 50 словенских говоров); б) значительная языковая удаленность диалектов от литературного стандарта, выражающаяся в заметных различиях на фонетическом, просодическом, морфологическом и лексическом уровнях; с) дистанцированность диалектов от литературной нормы наследуется, хотя и в несколько редуцированном виде, региональными разговорными языками (и городскими койне), интердиалектными по своему характеру; d) искусственный характер нормы литературного языка, сознательно дистанцированной от всех живых словенских говоров и диалектов с целью создания единой общесловенской литературной формации; e) затрудненность функционирования словенского литературного языка в сферах (неформального) повседневного общения; f) отсутствие на настоящий момент единого устойчивого общесловенского разговорного идиома, который бы использовался в сферах неформального повседневного общения (в качестве альтернативы литературному языку).

Согласно общепринятому толкованию²¹ словенской языковой ситуации, можно говорить о следующем составе языковых формаций: литературный язык, имеющий строгую форму реализации («коллективную») и менее строгую – разговорную. Далее следуют нелитературные

---

²¹ Jože Toporišič „Slovenska slovnica“, Maribor, 2000, „Enciklopedija slovenskega jezika“, Ljubljana, 1992. „Slovenski pravopis“, ZRC SAZU, Ljubljana, 2001.

”разнокодовых“ говорящих. Основным механизмом, предпосылкой образования разговорных формаций является речевое приспособление, стратегия сближения речевых особенностей в сторону большего языкового подобия (или в сторону уменьшения языковых различий) партнеров коммуникации. В такой ситуации перед говорящим возникает несколько вариантов поведения. Первый – использовать свой первичный код без изменений $L_1^{(1)}$, второй – модифицировать свой первичный код в направлении совмещения своих региональных особенностей с региональными особенностями речи своего собеседника, использующего иную нелитературную разговорную модель $L_1^{(2)}$, третий путь – модифицировать свой первичный код в направлении сближения с литературной (разговорной) нормой, в случае общения с собеседником, речь которого также приближается к литературной, или же согласно требованиям ситуации (выраженная официальность общения, тактика языковой дивергенции) $L_1^{(3)}$.

Словенскоязычный говорящий по порядку освоения сначала овладевает речью своего ближайшего социального окружения (семьи, родной деревни или города), одновременно относящегося к конкретному словенскому региону. Это может быть диалект – $L_1^{(1)}$ (**region A**), может быть разговорное образование более высокого уровня (городское койне, локальный интердиалект, региональный разговорный язык) $L_1^{(1)2}$. В отдельных случаях в зависимости от речевой разновидности, используемой в семье, в качестве первичного кода может быть освоена культивируемая, литературная речь (культивируемое городское койне, литературная речь с узнаваемым региональным акцентом) $L_1^{(1)3}$.

В современной Любляне языковая ситуация наиболее сложна, поскольку в ней смешиваются первичные языковые коды разного уровня и различной диалектной отнесенности. Полагаем, что с помощью механизма языкового приспособления можно пояснить различные модификации одного примарного языкового кода, в нашем случае люблянского городского койне, в зависимости от уровня речи собеседника (-ов) и в зависимости от ситуации общения.

В. А. Минасова (Ростов-на-Дону). МЕСТО СЛОВ ОБЩЕГО РОДА СРЕДИ ИМЕННЫХ КАТЕГОРИЙ ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

При изучении польского языка в курсе современного славянского для студентов-русистов много внимания уделяется сравнительно-сопоставительному аспекту. Чтобы углубить знания о русском языке, сделать их более разносторонними, необходим анализ фактов разных языков, т. к. именно он является решающим фактором в систематизации знаний о языке. Нужно дать понятие о родственном славянском языке как о целостной системе, отличной от системы русского языка.

Наиболее ярко отличия проявляются в несовпадении места в этих системах тех явлений, которые свойственны обоим языкам.

Имена существительные, названные в русской грамматической традиции словами общего рода – одно из таких явлений. Речь идёт о традиционном, не расширенном понимании этого термина: имеются в виду экспрессивные наименования лиц обоего пола на –а, в лексическое значение которых не входит сема «биологический пол». «Эта сема выражается у них синтагматически – грамматическим родом согласуемых с ними слов или специальными лексемами»²³. Такие слова в восточнославянских языках образуют достаточно цельную и заметную семантико-грамматическую группу. Исследователи отмечают их и в других славянских языках. Соотношение именно таких слов с агентивными существительными мужского рода на –а вызывает вопрос о месте тех и других в польском языке.

Словам общего рода в русском языке и в близкородственных восточнославянских уделяется немало внимания и в учебной литературе, и в научной: в работах Э. А. Вольтера, А. И. Соболевского, В. В. Виноградова, А. А. Зализняка, И. П. Мучника и Н. Ф. Янко-Триницкой, Ю. С. Азарх, И. Ф. Молдавана, Р. В. Тарасенко, В. Васченко и др., проанализированы особенности этой категории существительных и история их возникновения. Несмотря на это вопрос о словах этой группы, о её границах остаётся сложным, не до конца решённым.

Что касается польского языка, то в учебниках и пособиях по польскому языку о существительных категории в лучшем случае кратко упоминают, ограничиваясь несколькими примерами. Польские описательные грамматики отмечают наличие «двуродовых» (dwupłciowych) существительных только в разделах, посвящённых описанию групп существительных мужского рода, т.е. как особый разряд эти слова не рассматриваются²⁴. В русской грамматической традиции, наоборот, была тенденция включить немногочисленные слова м.р. на –а общеславянского происхождения (*воевода, рубака, юноша* и т.п.) в рамки слов общего рода (В. В. Виноградов). Такая разница в освещении аналогичных явлений отчасти объяснима различным лексическим объёмом этого явления. При сплошной выборке из польско-русских и русско-польских словарей и нормативных грамматик выяснилось, что существительных, отмеченных как имеющие два рода в польском языке (56) более чем в 5 раз меньше, чем в русском (257) при аналогичных семантических, грамматических и стилистических признаках.

К различиям между русскими словами общего рода и польскими двуродовыми относится также несовпадение их словоизменительных

²³ Азарх Ю.С. К истории слов общего рода в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования, 1984 год. М., 1988. С. 223.

²⁴ Szober St. Gramatyka języka polskiego. Warszawa., 1953; Lehr-Splawinski T., Kubiński R. Gramatyka języka polskiego. Wrocław-Kraków., 1957; Armand K. Gramatyka języka polskiego dla austriackich szkół ludowych pospolicitych.

показателей (окончания мн. числа). Но в обоих языках по этому признаку рассматриваемые слова совпадают с существительными, имеющими один род: в русском – с существительными ж. рода на *-а*, в польском – с существительными м. рода на *-а*. Т.е. они не составляют отдельного грамматического рода²⁵.

Словообразовательный анализ слов рассматриваемой группы подтверждает мнение, что «славянские языки различаются не столько инвентарём словообразовательных единиц, сколько их дистрибуцией, правилами пользования»²⁶. Обращает на себя внимание наглядное сходство польских и русских образований типа: *gęgała* (гнусавый человек, *донск.* гунда, гунтяпа) – *задавала*, *lamaga* (уродина, недотёпа) – *выжига*, *plaksa* -*плакса*, *gdera* – *брюзга* и т.д. С другой стороны праславянский субстантивный суффикс *-ц(a)*, в русском языке свойственный только существительным общего рода (*убийца*, *кровопийца*, *пропойца*), в польском является одним из продуктивных для существительных м. рода на *-а*, имеющих коррелятивные пары ж. рода с суффиксом *-yn(i)*: *zbyjca* – *zbyjczyni* (убийца), *obrońca* – *obrończyni* (защитник, защитница) и т. д.

Исследователи отмечают колебания в отнесении ряда русских слов к мужскому, женскому или общему роду. В польском языке спорных случаев – по данным словарей – ещё больше: несоответствия в родовой принадлежности отмечены для половины слов исследуемой группы. Кроме того целый ряд существительных на *-а*, представляющих собой экспрессивную характеристику лица и свойственных разговорной речи и просторечию, единодушно относятся словарями к м. роду: *paliwoda* (сорвиголова), *szalawila* (гуляка), *źminda* (скряга) и т. д.

Это говорит о сложности дифференциации в живой речи слов общего рода и слов м. рода на *-а*, которые в польском языке составляют продуктивную группу со специфическими чертами словообразования и словоизменения. Существительные общего рода не имеют отличительных словоизменительных и словообразовательных черт, они не составляют такой заметной группы, как в русском языке. Границы её размываются, т. к. польскому языку больше свойственно называть деятеля-мужчину существительными на *-а*.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ польского и русского языков подтверждает, что в славянских языках сохранилась тенденция именовать деятеля словами склонения на *-а*, восходящая к индоевропейскому праязыку эпохи группировки имён не по родам, а по классам. Существительные м. рода такой структуры, если они имели эмоциональную окраску и употреблялись в роли экспрессивно-оценочных наименований, столь необходимых в повседневной речи,

²⁵ Молдаван И.Ф. Типологический анализ категории общего рода в восточнославянских языках // Тыпалогія і ўзаемодзеянне славянскіх моў і літаратур. Мінск: 1973.

²⁶ Вендина Т.И. К вопросу о создании единой функциональной классификации славянских словообразовательных средств // *Philologia slavica*. М., 1993. С.255.

при нейтрализации семы «биологический пол» составили основу группы слов общего рода.

В итоге можно сказать, что сопоставление родственных языков не только помогает дифференцировать в них сходные явления и показать своеобразие изучаемого инославянского языка, но и даёт материал для ответа на вопросы о природе и происхождении многих языковых категорий.

В. Е. Моисеенко (Львов). О КОРИЧНЕВОМ ЦВЕТЕ В РУССКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В индоевропейских языках коричневый цвет и его оттенки всегда имели универсально низкий ранг по сравнению с основными цветами спектра. Показательно, что наличие в языке основного наименования для коричневого цвета предполагает хронологически более раннее существование в нём слов для обозначения чёрного, белого, красного, жёлтого, синего и зелёного (*Kau, McDaniel 1978*). “С диахронической точки зрения эта универсальная иерархия цветов предполагает, что прилагательные, обозначающие тона более низкого ранга с большей вероятностью *могут быть новообразованиями, кальками или заимствованиями* [курсив наш – В. М.], чем прилагательные, называющие тона более высокого ранга” (*Андерсен 1996*).

В родственных славянских языках нет слова с общим корнем для обобщающего обозначения коричневого цвета. В то же время в этих языках обнаруживаем немало наименований для коричневого цвета и его оттенков. Среди них русск. *коричневый*, укр. *коричневий* и белор. *карычневы* – общее только для восточных славян. В русских письменных текстах оно известно с XVIII века (*Черных 1994, 1, с.429*).

Подчинительное положение коричневого цвета в языковой иерархии является отражением глубинных генетических свето-цветовых характеристик наименований, входящих в состав коричневого цветового ряда. Его синонимическими предшественниками можно считать близкие по спектральной гамме и освещённости праславянские прилагательные **gnědъ(jь)*, **tьrkъ(jь)* и **směd(jь)*, которые отражали широкий, но достаточно неопределённый “тёмный” оттеночный ряд. Они и в древности, и в наши дни передавали и передают не столько собственно цветовые впечатления, сколько характеризуют интенсивность светового излучения. В древнюю эпоху эти славянские прилагательные обладали значениями “тёмный; сумрачный; грязный”. Цветовая номинация у древних славян не была систематизирована – цвета имели названия, но различались очень плохо, “сбивчиво”. Одно слово, обладая специфическими колористическими характеристиками, могло называть несколько цветов. Считается, что наряду с другими индоевропейцами, древние славяне понимали цвет в неотрывности от самого предмета, т.е. их больше интересовала интенсивность, яркость, нежели оттенки

красок. Древняя слав. (микро)система цветоименований содержала лексемы, маркированные не по хроматическому, а по другим дифференциальным признакам. Этой системе была присуща иная, архаичная когнитивная модель реагирования на цвет как символ.

В современных славянских языках есть немало наименований цвета, которые можно условно выстроить в коричневый цветоряд и которые восходят к разным источникам и словообразовательным моделям. Они отличаются по характеру словообразовательной семантики. Назовём наиболее характерные группы: а) неспектральные, которые варьируются в пределах дефиниций: «тёмный, сумрачный; покрытый копотью, сажей; неяркий; грязный», с добавлением цветового компонента «коричневый» или иных цветов и оттенков красного-коричневого ряда. В целях экономии приведём примеры из одного славянского языка, сербского: *гарав, мрк, мрколаст, мркушаст, чађав, рђав, смеђ, сур, загасан, загасит, тмаст, галаст, галоњаст, опальен, црномањаст, црмпураст, препланут, сумрк, таман* и др. Расширенный ряд подобных цветоименований можно составить и для всех других славянских языков; б) в отдельных случаях затруднительно передать цвет словом, не используя общепринятых образцов – цветовых эталонов. В славянских языках большинство цветовых атрибутов выражают признак цвета как относительный через эталонные объекты, которые чаще всего образуются из названий минералов, цветных металлов, драгоценных камней, растений, других объектов и предметов окружающего мира. Для коричневого в слав. языках наиболее распространёнными, образованными от эталонов, становятся «бронза», «глина, терракота», «каштан», «шоколад, какао, кофе», «кора, корица», а также характерные красители типа «охра», «сангина», «сурик», «умбра» и др. Сравн. подобные наименования в сербском: *бакрен(и), глинаст, кестењаст, каваст, циметан, окер, чоколадаст, кестенова(боја), костањаст, костањев* и в русском языке: *бронзовый, грибной, каштановый, коньячный, кофейный, шоколадный, ореховый, охряный, охристый, сангиновый, соломенный, суриковый, терракотовый, умбровый, цвета какао, кофейного цвета, цвет шерсти оленя, цвет шерсти серны (шамуа)* и др.;

в) в новое время в словарный состав всех слав. языков, помимо исконных наименований, вошло также определённое число однотипных по перечню и структуре «цветовых интернационализмов», например, сербских неизменяемых прилагательных *беж, браон, каки, лила, окер* или русских: *беж, блонд, индиго, малага, маренго, махагони, сепия, сомон, сольферино, хаки, шамуа* и других.

Прилагательное *коричневый* в литературном и обиходном словоупотреблении у восточных славян уже два столетия является своеобразным «обобщающим» абстрактным цветовым обозначением для всего «коричневого ряда» цветообозначений (таких как, например, *бурый, гнедой, карий, каштановый, кофейный, терракотовый* и др.).

Этимология слова – «*коричневый* – цвета корицы» остаётся общепринятой, т.к. её до сих пор никто не оспорил. Эта трактовка (*коричневый* от *корица*), которую впервые предложил Ф. Миклошич и поддержал Е. Бернекер, по нашему убеждению, ошибочна. Рассматривая этот случай, исследователи чаще всего ссылаются на М. Фасмера, в словаре которого нет отдельной словарной статьи *коричневый*, но есть толкование этого слова в статье *корица* (Фасмер, 2, с.328). Однако в его дефиниции кроется очевидное противоречие. Ср.: „**корица** – др.-рус. *корица* (Афан. Никит.) ... . Уменьш. от *ко́ра*. Отсюда (?! – В. М.) *коричневый*, букв. „цвета корицы“ (?! – В. М.) (т.2, с.328). Логически должно означать: „цвета коры“ (от деминут. др.-рус. *корица*). Далее: если от *корицы*, то от какой? *Корицы* – др.-рус. деминутива от **кора** (ср. болг. *кора*, *корица*; серб. *кѡра*, *кѡрица* и др.) или *корицы* – ботанического термина, названия пряности?

П. Я. Черных также определяет *коричневый* как „цвета корицы“, но стремится уточнить и расширить дефиницию эталонным образцом (*цвета кофе*), дополняя её явно неинформативной цветовой характеристикой (*тёмного буро-жёлтого цвета*). И констатирует: “От *корица*. Ср. *коричный* (с XVIII в.) – „относящийся к корице“. Основа *коричн-* осложнена суф. *-ев-(ый)*“ (Черных, I, с.429).

Л. А. Булаховский, говоря о деэтимологизации фонетически прозрачного по составу слова *корица*, заключает: “Ясных причин разрыва между *кора* и *корица* не видим, но сам факт не вызывает сомнения” (Булаховский 1978, 2, с.348)

Вариант происхождения восточнославянского *коричневый* от *корица* приемлем лишь отчасти, лишь в плане формального словопроизводства. В остальном он не соответствует материальным, бытовым и культурным реалиям восточных славян эпохи позднего средневековья. Впервые на это обратил внимание проницательный В. Даль, отметив, что: „**коричневый**, *неправильно вместо **коричный**, к корице относящийся*“ (Даль, т.2, с.161). А правильно, по его мнению: **коричневый** – „коряного цвета, цвета коры, корицы, бурый, рыжебурый“.

Наши аргументы в пользу этимологии *коричневый* от *кора* следующие: а) это прилагательное, восходящее к общеслав. существительному *кога, в качестве характерного эталонного цветоименования выступает только у восточных славян. Украинские формы *коричневий* и *коричньовий* от *кора*, известные с конца XVII века, всегда чётко дифференцируются по смыслу с формой *коричний* – «коричный, относящийся к корице (пряности)». Сходная ситуация и с белорусским *карычневы*, также образованным от существительного *кара*; б) восточные славяне, издревле заселявшие лесные и лесостепные территории, для номинации коричневого использовали характерный, бывший всегда «под рукой» прототипический эталон *кора* – понятное и

обыденное слово, в отличие от диковинной и дорогой в ту пору заморской пряности *корицы* (*Cinnamomum*).

В древнерусских письменных текстах название этой экзотической пряности встречается уже в XV веке (ещё до «Путешествия» Афанасия Никитина). Показательно, что звучит оно не по-церковнославянски, а по-иному: «...и овощи имуть смоквы, стапиды, **корку** (! – В. М.), шафран, гвозды, мушкат, сахар...» (цит. по изд.: Зиновий Отенский. «Истины показание к вопросившим о новом учении». Казань, 1863. С. 58).

Настой или отвар коры любой консистенции, широко используемый в народе для разных целей, имеет характерный «коричневый» стойкий цвет, и представляет легко узнаваемый цветовой эталон – *коричневый*. Корица же, используемая нередко в толчёном и сухом виде как пряность, как пищевая добавка сразу же узнаваема (и эталонна) прежде всего по своим оригинальным и ярко выраженным органолептическим характеристикам (вкусовым и запаховым), а не по цветовым. Имеющее место *совпадение по цвету* коры и корицы и *изначальная близость звучания и смыслов* двух этих слов – собственно славянского образования и заимствования, образованных по разным моделям (*кора* – от общеслав. корня **kor-*, а *корица* – от новонемецкого *Kork* через польское *korek*) сослужили учёным недобрую службу.

В отстаиваемом нами варианте не нарушена и логика русского исторического словообразования. От корня *кор-* можно образовать ещё одно относительно «благозвучное» качественное прилагательное с суф. *-ан/-ян*. Ср.: (рус.) *кор-ян-ой*, (укр.) *кор-ян-ий*, (белор.) *кор-ан-ой*. Гипотетически можно даже попытаться создать форму «*кор-ов-ый*», по аналогии, например, с польск.: *kor-ow-*у тоже от *kor-a*. Но она заведомо будет не «в духе русского языка».

В нашем случае отражён принцип языковой гармонии, в соответствии с которым ещё в поздний древнерусский период при образовании *коричневый* в основу деривационной модели была положена «благозвучная» деминутивная форма *кор-иц-а*. В результате этого имеем: *кора* – *корица* – *коричневый*.

Л и т е р а т у р а

- Андерсен Х. Взгляд на славянскую прародину: доисторические изменения в экологии и культуре // ВЯ, 1996, № 5.
- Булаховский Л. А. Избранные труды в пяти томах. Т.2, Киев: «Наукова думка», 1978.
- Даль В. Словарь живого великорусского языка. Т.2, М., 1955.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II, М.:»Прогресс», 1967.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т.1, М., 1994.
- Kay P., McDaniel Ch.K. The linguistic significance of the meanings of basic color terms. – Language, 1978. Vol.54.

Кодзи Морита (Варшава – Киото). ОБУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИМ ЯЗЫКАМ В ЯПОНСКОМ ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В научной среде Европы и Америки славистика имеет многолетнюю традицию, зато в японских университетах до сих пор даже не существовало такое понятие [Kimura 1953, 349]. Можно даже сказать, что в среде японских научных сотрудников славистика считается только что родившейся научной дисциплиной.

В области славистики в Японии с конца XIX века долгое время доминирующую позицию занимала русистика. После Второй мировой войны среди славистов появился Сёити Кимура (1915–1986), который, занимаясь исследованиями русского языка и русской литературы, одновременно приобрел огромные знания по другим славянским языкам и сумел воспитать круг славистов, специализирующихся в других славянских языках²⁷. Некоторые из них вышли также на международную арену, издавая славистические журналы на иностранных языках: *Japanese Slavic and East European Studies* (Киото, 1980–), *Comparative and Contrastive Studies in Slavic Languages and Literatures* (Токио, 1983–), *Acta Slavica Iaponica* (Саппоро, 1983–). Несмотря на это, славистика долго не существовала в качестве самостоятельной научной специальности в японских высших учебных заведениях. Она скрывалась под общей вывеской «русистика», или «лингвистика». После распада Советского Союза, эта тенденция постепенно стала меняться. В девяностые годы XX века в Токийском институте иностранных языков были созданы кафедры польской и чешской филологии, а потом последовательно в Токийском университете и Университете Киото возникли новые кафедры: славянской филологии. Главной целью настоящего доклада является представление только что созданных в японских университетах новых научных специальностей в области славистики, а также их проблем и перспектив.

В результате решения о создании кафедр польской и чешской филологии, принятого в 1990 году Министерством просвещения, в 1991 году в Токийском институте иностранных языков (Tokyo University of Foreign Studies, основанный в 1873 г.) по инициативе в основном двух профессоров, м.др. Эинти Тино, языковеда и слависта, а также Такуя Хара, тогдашнего ректора и русиста, были созданы кафедры польской и чешской филологии [Sekiguchi 1997, 211]. В настоящее время кафедра польской филологии имеет двух штатных сотрудников (Тэцусиро Исии, Токимаса Секигучи), кафедра чешской филологии – также двух штатных сотрудников (Таку Синохара, Кумико Каназаси).

---

²⁷ Об истории и положении русистики и славистики в Японии написали на иностранных языках японские слависты, см. Ито 1980; Kimura 1953; Morita 2001; Сато 1983; Сато 1985.

Несколькими годами позднее похожие тенденции к расширению славистических исследований за пределы русистики стали заметны также в других университетах: в Токийском университете и Университете Киото. На Литературном факультете Токийского университета (The University of Tokyo, основанный в 1877 г.) в 1994 году научная специальность «славистика» возникла путем переименования существующей до сих пор русистики, которой с 1972 года до сих пор руководили несколько выдающихся японских славистов (Сёити Кимура, Каори Кавабата, Сигэо Курихара, Фумики Ёнесигэ). Теперь эта славистика располагает 4 штатами (Казуо Хасэми, Митико Канадзава, Мицуёси Нумано, Митико Симидзу). Ученые в основном занимаются русской или польской филологией. Они руководят этой кафедрой, наследуя традицию существующей прежде Кафедры русистики.

На Литературном факультете (основанном в 1906 г.) Университета Киото (Kyoto University, основанный в 1897 г.) до сих пор не было ни славистики, ни русистики. Лишь в 1996 году (после организационной реформы факультета) была создана новая научная специальность – славянская филология. До возникновения этой специальности студентам, которые хотели получать образование в области славистики, предоставлялась только одна кафедра: лингвистика. Не существовало никакой другой соответствующей кафедры для лиц, заинтересованных изучением славянской литературы. Руководителем и одновременно единственным штатным сотрудником славистики является Акихиро Сато, который с 1975 года три года стажировался на Факультете польской филологии Варшавского университета. Преподают там также профессора с других факультетов, а также научные сотрудники, работающие по договору.

Возникновение кафедр польской и чешской филологии, а также славистики в вышеупомянутых высших учебных заведениях в Токио и Киото можем считать симптомом роста тенденции к изучению в Японии славистики, а не только русистики. Несмотря на возникновение славистики в двух университетах, учебу осложняет отсутствие соответствующих учебников и словарей для изучения других славянских языков, кроме русского языка, начинающим студентам. Например, кроме карманных словарей, содержащих немного словарных статей, имеется только несколько небольших настольных словарей: Сёити Кимура et al., *Небольшой польско-японский словарь* (Токио 1981: около 22 тыс. словарных статей); Масанари Коваяси, Фумико Кувахара, *Чешско-японский словарь* (Киото 1995, Токио 2001: около 20 тыс. словарных статей); Рокуя Мацунага, *Болгарско-японский словарь* (Токио 1995: около 20 тыс. словарных статей); Масао Кикичи, *Чешско-японский словарь* (Токио 1998: более 10 тыс. словарных статей), а также Кэйко Митани, *Верхнелужицко-японский словарь* (Токио 2003: около 17 тыс. словарных статей). В целях обеспечения свободного развития обучения славянским языкам в Японии надо создать соответствующие словари и

учебники для преподавания славянских языков, предназначенные для японцев.

В девяностых годах XX века последовательно были открыты кафедры славистики в двух главных государственных университетах (Токийский университет, Университет Киото). Благодаря тому увеличилась возможность обучения славянским языкам. Итак, в перечисленных университетах уже существуют «славистики», однако предметом их исследования по-прежнему остается в основном русистика. Причина данного явления – это отсутствие соответствующих организационных структур, которые позволили бы расширить круг изучаемых славянских языков. Например, оба высшие учебные заведения не принимают на работу никаких штатных сотрудников-специалистов по южнославянской филологии, вероятнее всего из-за отсутствия популярности этой научной специальности и недостатка заинтересованных студентов. Нельзя также сказать, что число ученых славистов и студентов, занимающихся западнославянской и восточнославянской филологиями, является достаточным. Японскую славистику ждут еще многие трудные задачи. Одной из самых срочных является создание института изучения славистики, который будет вести систематическое обучение южнославянским языкам. Не подлежит сомнению факт, что политическое и экономическое положение данного государства оказывает существенное влияние на популярность его языка. Перемена политической конъюнктуры, вызванная планируемыми в 2004 году присоединением некоторых славянских стран к Европейскому Союзу, может также повлиять на положение японской славистики. Предполагаю, что будет увеличиваться роль японских славистов, передающих знания по языку и культуре славянских стран. Дальнейшее распространение обучения славянским языкам в японских высших учебных заведениях необходимо для того, чтобы японская славистика стала настоящей славистикой, в полном значении этого слова.

Л и т е р а т у р а

- Ито 1980 – Такаюки И т о , Славяноведение в Японии : История, учреждения и проблемы // *Slavic Studies*, No. 25, Sapporo 1980, p. 127–147.
- Kimura 1953 – Shoichi K i m u r a , The Study of Russian in Japan // *Word, Journal of the Linguistic Circle of New York*, Vol. 9, No. 4 (Slavic Word 2), New York 1953, p. 349–353.
- Morita 2001 – Koji M o r i t a , Sławistyka w Japonii – krótki zarys historii i stan dzisiejszy // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 37, Warszawa 2001, s. 267–278.
- Сато 1983 – Дзюн-ити С а т о , Славистика в Японии, // *Comparative and Contrastive Studies in Slavic Languages and Literatures. Japanese Contributions to the Ninth International Congress of Slavists*, Tokyo 1983, p. 97–102.
- Сато 1985 – Дзюн-ити С а т о , Славистика в Японии, // *Beiträge zur Geschichte der Slawistik in nichtslawischen Ländern* (Schriften der Balkankommission. Linguistische Abteilung XXX), Wien 1985, p. 549–559.
- Sekiguchi 1997 – Tokimasa S e k i g u c h i , Polonistyka w Japonii // *Język polski w kraju i za granicą*, tom II, Warszawa 1997, s. 209–217.

Вопрос о восточнославянских лингвонимах рассматривался в научной литературе, как правило, в общем контексте исследований по истории языка. Первое, на что следует обратить внимание, – это тесная связь лингвонимов с этнонимами, что связано, в первую очередь, с многозначностью слова «язык» в древних восточнославянских памятниках. Понятие «язык» («речь») в восточнославянском ареале было синонимично понятию «народ». Следовательно, в определении членов оппозиции «МЫ – ОНИ» принципиальное значение имела общность или различие в языке.

В средние века в ареале *Slavia Orthodoxa* мощным объединяющим фактором восточных славян было наличие общего литературного языка – «словенского», или «славенского». Именно этот лингвоним вплоть до середины 18 века (а иногда и позже) определял литературный язык Московской Руси (довольно редко, по сведениям профессора Мечковской, церковнославянский язык назывался «русским»). Церковнославянский язык был представлен в литературе Московской Руси в варьирующем облике, однако именно он признавался единственно возможным для создания письменных памятников в большинстве жанров, особенно канонического и служебного характера. На протяжении нескольких столетий активного литературного использования церковнославянский язык настолько прижился в культурном сознании москвитов, что иногда именно он представлялся языком повседневного общения. Так, Ф. Поликарпов в предисловии к «Лексикону трехязычному» (1704) писал: «Что пользуют намъ языци иностраннии; не доволенъ ли единъ нашъ славенскій ко глаголанію...» (цит. по: 6, с. 141). Народно-разговорный язык, хотя и проникал постепенно в сферу письменности, никогда не получал, однако, официального статуса литературного языка.

Иначе обстояло дело в Великом княжестве Литовском. Здесь на основе белорусских говоров вокруг Вильни постепенно сложился новый литературный язык – «проста мова». Именно этот язык стал «средством наддиалектного письменного общения на всей территории княжества, включая буковино-молдавские и перемышльские земли» (7, с. 11). В памятниках отражены также такие обозначения этого языка, как «русский языкъ», реже – «простый языкъ», «русский діялектъ», «русская мова». Статут Великого княжества Литовского 1566 года содержал специальный пункт об употреблении в делопроизводстве этого языка: «А писар земски по руску маеть литэрами и словы рускими вси листы и позвы писати а не инъшымъ языкомъ и словы» (цит. по: 5, с. 350). Лингвонимы выше названного синонимического ряда встречаются и в памятниках украинской литературы. Так, например, в уставе братской Львовской школы 1586 года находим запись: «во училищи сем, в нем же

учащим писанию словенску и руску...». В связи с этим вполне оправданными следует считать применяемые в настоящее время лингвистические дефиниции «старобелорусский язык» и «староукраинский язык», поскольку и та, и другая вполне точно передают содержание приведенного выше лингвонима 16–17 веков.

В культурном регионе Великого княжества Литовского начиная с 16 века важное значение приобретает латинский язык. В связи с утверждением концепции о происхождении великих князей и магнатов Великого княжества Литовского от римских патрициев «проста мова» литовцев признавалась родственной латыни, ее, так сказать, упрощенным, простонародным вариантом.

В памятниках древнебелорусской литературы «руски» язык, как правило, противопоставляется «словенскому» по принципу «учености». Так, в предисловии к «Евангелию учительному» (Евье, 1616) читаем: «А затым тот, который тых часов в зацнейшом, пенкнейшом, звязнейшом, суптелнейшом и достаточнейшом языку словенском, пре неспособность слухачов не многим пожиточен был, тепер хот в подлейшом и простейшом языку, многим, албо рачей и всем руского языка якоколвек уместным, потребен и пожиточен быти может» (8, с.74). Высокопарная характеристика церковнославянского языка, зафиксированная в приведенном памятнике, отражает то место этого языка, которое он занимал в православном мире Белоруссии и Украины: по выражению П. И. Житецкого, он осознавался здесь в качестве «объединяющего начала умственной жизни» (4; с.14).

Следует думать, однако, что иногда термины «словенский» и «русский» использовались для характеристики системы письма (графики), а не языка. Использование лингвонима в качестве, так сказать, графони-ма, представлено в известном памятнике белорусской латиноязычной поэзии – поэме «Песня о зубре» Николая Гусовского. Здесь был употреблен известный в средние века эпитет “Roxanus”, которым называли славян западноевропейские писатели. В памятниках украинской литературы был представлен вариант этого определения – “Roxolanus” (так, поэма известного украинского латиниста конца 16 века Себастьяна Кленовича, посвященная Украине, называется «Roxolania»).

Таким образом, в памятниках древнебелорусской и древнеукраинской литературы нашли отражение лингвонимы «язык словенский» и «язык русский» как обозначения двух литературных языков, используемых в Виленской и Киевской Руси 16 – 17 веков. «Язык словенский» признавался «учоным», «пожиточным», и в православном мире воспринимался как знак борьбы за православие, против ополячивания и окатоличивания. Однако сфера употребления этого языка редко выходила за рамки церковной литературы, в отличие от Руси Московской, где влияние церковнославянского языка ощущалось в самых разных жанрах литературы практически до Пушкинской эпохи. В

Великом княжестве Литовском «язык русский» поначалу использовался наравне с польским, как сказано об этом в «Статуте» 1588 года; однако с течением времени постепенно был вытеснен польским и утратил значение литературного языка. Интересно, что белорусский просветитель Франциск Скорина попытался создать особый книжный язык, совмещающий в себе церковнославянское наследие с элементами живого разговорного языка. Именно так следует, на наш взгляд, понимать его слова «повелел есми Псалтырю тиснути рускыми словами, а словенским языком» (9, с.18). Очевидно, задача языковой консолидации восточных славян всё же была в то время актуальной. Однако «разная политическая история 14 – 16 веков и процессы собственного этноформирования у русских, украинцев и белорусов обусловили их определенную дифференциацию на уровне самосознания» (11, с.14), в том числе и языкового. В связи с различием в культурной ситуации Виленской, Киевской и Московской Руси, языковая картина восточнославянского региона в 16–17 веках была весьма пестрой и во многом противоречивой.

Л и т е р а т у р а

1. Belli Pruteni tres libelli per Joannem Vislicensem editi... // Pauli Crosnensis Rutheni atque Joannis Vislicensis carmina edidit... Dr. Bronislavus Kruczkiewicz. Cracoviae, 1887. S.173–215.
2. Nicolai Hussoviani carmina edidit... Joannes Pelczar. Cracoviae, 1894.
3. *Грушевський М.* Історія української літератури. Т. VI. Київ, 1995.
4. *Житецкий П. И.* Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке. Киев, 1889.
5. *Жураўскі А.І.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Т.1. Мн., 1967.
6. *Ковалевская Е. Г.* История русского литературного языка. М., 1978.
7. *Мечковская Н. Б.* Ранние восточнославянские грамматики. Мн., 1984.
8. Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны / Уклад. У. Кароткага. Мн., 1991.
9. *Скарына Ф.* Творы. Мн., 1990.
10. Статут Вялікага княства літоўскага 1588. Мн., 1989.
11. *Чаквін І.У.* Да пытання аб этнічнай самасвядомасці беларусаў у часы Скарыны // Спадчына Скарыны / Уклад. А.І.Мальдзіс. Мн., 1989. С.39–49.
12. Belli Pruteni tres libelli per Joannem Vislicensem editi... // Pauli Crosnensis Rutheni atque Joannis Vislicensis carmina edidit... Dr. Bronislavus Kruczkiewicz. Cracoviae, 1887. S.173–215.
13. Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków, 1906.
14. Nicolai Hussoviani carmina edidit... Joannes Pelczar. Cracoviae, 1894.
15. *Грушевський М.* Історія української літератури. Т. VI. Київ, 1995.
16. *Жураўскі А.І.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Т.1. Мн., 1967.
17. *Ковалевская Е. Г.* История русского литературного языка. М., 1978.
18. *Мечковская Н. Б.* Ранние восточнославянские грамматики. Мн., 1984.
19. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней руси. XI – начало XII века. М., 1978. С.22 – 277.
20. Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны / Уклад. У. Кароткага. Мн., 1991.
21. *Скарына Ф.* Творы. Мн., 1990.
22. *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989.

23. Статут Вялікага княства літоўскага 1588. Мн., 1989.
24. Чаквін І.У. Да пытання аб этнічнай самасвядомасці беларусаў у часы Скарыны // Спадчына Скарыны / Уклад. А.І.Мальдзіс. Мн., 1989. С.39–49.
- С.41: Этнічная самасвядомасць грунтуецца на бінарнай апазіцыі “МЫ – ЯНЫ”, г.зн. на ўсведамленні народаў сябе як асобнай этнічнай адзінкі, якая адрозніваецца ад іншых народаў пэўнымі рысамі, прыкметамі, гістарычным лёсам, тэрыторыяй існавання. Сюды ўключаецца таксама ўяўленне аб адзінстве паходжання ўсіх, з каго складаецца асноўны масіў народа. У эпоху феадалізму летапісныя канцэпцыі адзінства паходжання розных народаў, плямён і нават асобных тэрытарыяльных, этнаграфічных, саслоўных груп грунтаваліся на міфалагічных уяўленнях аб іх паходжанні ад адзіных продкаў: радзімацаў – ад Радзіма, вяцічаў – ад Вятка, палякаў – ад Ляха, русіцаў (рускіх, украінцаў, беларусаў) – ад Руса, літоўцаў – ад рымскіх перасяленцаў на чале з Палямонам, шляхты – ад сарматаў і г. д. Акрамя агульнага этноніма і ўяўленняў аб адзіным паходжанні, якія дазвалялі сярэдневяковым аўтарам лічыць, што “люд літоўскі, рускі (украінскі. – І.Ч.) і маскоўскі – тая ж Русь, тое ж племя” (спас.: Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków, 1906. S.395), рускі, украінскі і беларускі народы радзіліся і іншымі элементамі самасвядомасці (напрыклад, канфесійнымі, этнагенетычнай спадчынай), а таксама мовай і культурай. Аднак розныя палітычная гісторыя 14 – 16 стст. і працэсы ўласнага этнаўтварэння ў рускіх, украінцаў і беларусаў (с.42) абумовілі іх пэўную дыферэнцыяцыю на ўзроўні самасвядомасці. Прадстаўнікі кожнага з этнасаў лічылі рускім толькі свой народ, а суседзяў вызначалі іншымі этнанімічнымі назвамі. Напрыклад, рускія і ўкраінцы называлі беларусаў „ліцвінамі”, а беларусы іх – наўгародцамі, пскавічамі, цверычамі, маскалямі, маскавітамі, вальнянамі, падалянамі, чаркасамі, казакамі, хахламі і вельмі рэдка – старажытным этнонімам „рускія” (спас.: Пашуто В. Т., Флора Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С.135–138; Литовская метрика: Книга записей. Т.1 // РИБ, 1910. Т.ХХVII. С.238, 255, 542, 546; ПСРЛ: Летописи белорусско-литовские. М., 1980. Т.35. С.110, 122, 126).
- С.44: /У рэктарскіх актах Кракаўскага універсітэта/ Скарына вызначаны як “Lithuanus” (спас.: Muczkowski J. Statuta nec non Liber Promotionum philosophorum ordinis in Universitate studiorum Jagellonica ab anno 1402 ad annum 1849. Cracoviae, 1849. P.144.). ... “Аз... наражэный вь руском языке», – пісаў пра (с.45) сябе Ф. Скарына, называючы гэты “язык” сваім “прироженным», родным.
- С.46: «Венцлав Вяжбіцкі... nationale Lithuanus, gente Polonus”.
- С.48: Паняцце “язык” (мова) ва ўсходнеславянскім арэале было, пачынаючы са старажытнарускіх летапісаў, сугучна, а часам і сінанімічна паняццю “народ”.
- /У актывых запісах Падуанскага універсітэта за 1512 год Скарына пазначаны як “русін” (зборнік, с.63–74).

В. О. Нечевский (Москва). О НЕМЕЦКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ВАРМИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Язык может не быть идентичным самому себе на всей территории своего распространения [Мартине 1963, 393]. Теория вариантности языка даёт возможность решить теоретические вопросы, возникающие при изучении междиалектных различий.

История значительной части современной территории Республики Польша (таких областей, как Силезия, часть Великопольши, Любушская земля, Поморье, Вармия, Мазуры) довольно продолжительное время была связана с Германией либо немецкоязычными государственными образованиями. Данный фактор не мог не повлиять на формирование у региональных вариантов польского языка определённых особенностей.

Влияние польского литературного языка на территории Вармии было ограниченным. Лишь в период с 1466 по 1772 гг. и после 1945 года эта историческая область входила в состав польского государства. Всё остальное время, т.е. до 1466 года и с 1772 по 1945 гг. Вармия принадлежала различным государственным образованиям, основным языком общения в которых был немецкий. Таким образом, на протяжении достаточно продолжительного времени польский язык в данном регионе испытывал на себе значительное влияние со стороны языка национального большинства, являвшегося, к тому же, языком государственным.

Там, где группы людей, говорящих на одном языке, разъединены, речь обособившихся объединений приобретает, в конце концов, свои характерные черты [Бах 1955, 112]. Как показывают наблюдения, такие характерные черты выделяются на всех уровнях языка. Интенсивный и повседневный контакт с другим языком вызывает изменения орфографических, фонетических и морфологических норм, синтаксических моделей, но главным образом сказывается на лексико-семантическом уровне, т.е. приводит к многочисленным заимствованиям слов, калькированию и т.п.

Варминский (или как его ещё называют – острудско-вармийский [Ананьева 1994, 101]) диалект польского языка относится к новым немазуракающим диалектам [Urbańczyk 1972, 72; Ананьева 1994, 99], хотя некоторые польские исследователи ввиду наличия многих общих фонетических и морфологических черт причисляют варминские (вармийские) говоры (наряду с мальборско-любавскими) к мазовецкому диалекту [Encyklopedia 1978, 63], отмечая при этом в качестве их основного отличия от всей мазовецкой группы говоров отсутствие мазурения.

Развиваясь во многом параллельно с литературным вариантом языка, варминский диалект приобрёл ряд тех же немецких заимствований, что и польский язык в целом [Cienkowski 1980, 118–120]: *dach* (варм.) – *dach* (лит.п.) – *das Dach* – *крыша*; *bziyrstyn* (варм.) – *bursztyn* (лит.п.) – *der Bernstein* – *янтарь*; *zinszowoć* (варм.) – *winszować* (лит.п.) – *wünschen* – *желать*, и т.п.

Особенности этнолингвокультурного окружения привели к тому, что многие немецкие лексические заимствования, известные и литературному варианту польского языка, в варминском диалекте приобрели несколько иные значения, например: *szwagierka* (варм. – *жена брата* [Szum. 23]) – *szwagierka* (лит.п. – *золовка, свояченица* [БПРС, Т. 2, 421]) – *die Schwägerin* (*золовка, свояченица, невестка (жена брата)* [НПС 755]); *szyber* (варм. – *засов в дверях* [Siatk. 71]) – *szyber* (лит.п. – *вьюшка (в печи)* [БПРС, Т. 2, 422]) – *der Schieber* (1. *заслонка, шибер, задвижка...* [НПС 731]); *klatka* (варм. – *защёлка, задвижка* [Siatk. 68]) – *klatka* (лит.п. – *дверная ручка* [БПРС, Т. 1, 320]) – *die Klinke* (1. *дверная ручка*; 2. *защёлка, собачка, стопор...* [НПС

510)) и т.п. Многозначность заимствованных из немецкого языка лексем привела также к тому, что ряд польских лексем под влиянием активного немецкоязычного окружения в варминьском диалекте приобрели иное, нежели в литературном варианте языка, значение. Так, например, слово *szklanka*, обозначающее *стакан* [БПРС, Т. 2, 413], в варминьском диалекте приобрело значение *стеклянная банка* [PPTG, 54]. Это произошло потому, что прямой немецкий эквивалент слова *szklanka* – *das Glas* имеет в немецком языке следующие значения: ...2. стакан, рюмка; 3. (стеклянная) банка;... [НРС 386]. Лексема *kolo*, обозначающая в литературном варианте польского языка различные округлые предметы (например, *круг, колесо, сфера* и т.п. [БПРС, Т 1, 332]), в варминьском диалекте приобрела ещё одно – *велосипед* [Cyfus]. Причиной этому послужило влияние немецкой лексемы *der Rad*, имеющей следующие значения: 1. *колесо*;... 3. *велосипед*;... [НРС 681].

Интенсивный и повседневный контакт с немецким языком привёл к образованию определённого числа языковых калек путём буквального перевода соответствующих лексических единиц, например, *ludowy deszcz* (варм. – *мелкий дождь* [Kupisz. 53]) – *der Landregen* (*обложный дождь* [НРС 546]); *Duży Niedźwiedź* (варм. – *Большая медведица* [Kupisz. 25]) – *der Grosse Bär* (*Большая медведица* [НРС 129]), и т.п. При этом способ словообразования иногда превалирует над сохранением исходного смысла. Так, например, слово *kopacz* (варм. *могильщик* [B-Biel. 36]) было образовано по немецкой словообразовательной модели от глагола *kopac* (*копать, рыть*): *graben* (1. *копать, рыть*,...) – *der Gräber*, хотя последнее и имеет в немецком языке несколько иное значение (землероющее животное [НРС 394]).

Наряду с кальками имеют место полукальки, например: *szwigermatka* (варм. *тёща, свекровь* [Szym. 23]) – *die Schwiegermutter* (*тёща, свекровь* [НРС 760]); *szwigerojciec* (варм. *тесть, свёкор* [Szym. 23]) – *der Schwiegervater* (*тесть, свёкор* [НРС 760]); *śluga* (варм. *Дед Мороз* [B-Biel. 47]) – *Knecht Ruprecht* (*Дед Мороз* [НРС 512]) и т.п.

Немало немецких лексических заимствований в варминьском диалекте было образовано путём прибавления к немецкой основе польского суффикса, например: *patek* (варм. *крёстный отец* [B-Biel. 32]) – *der Pate* (1. *крёстный отец*... [НРС 655]); *leliowu* (варм. *фиолетовый* [PPTG, 51]) – *lila* (1. *лиловый, сиреневый*;... [НРС 565]) и т.п. Во многих случаях суффиксации подвергаются двухосновные немецкие существительные, причём польский суффикс в новых образованиях принимает на себя ту функцию, которую выполняла вторая основа в сложных исходных лексемах, например: *grosek* (варм. *дед, дедушка* [Szym. 16]) – *der Grossvater* (1. *дед, дедушка* [НРС 400]); *tintorek* (варм. *чернильница* [Jur.Łap. 52]) – *das Tintenfass* (*чернильница* [НРС 842]); *leberka* (варм. *ливерная колбаса* [PPTG, 54]) – *das Leberwurst* (*ливерная колбаса* [НРС 556]) и т.п. Иногда суффиксальный способ словообразования сочетается

с префиксальным, например: *potsztrejowanie* (варм. *подстилка* [*Nitsch*. 325]) – *die Streu* (*подстилка (для скота)*) [НРС 819]).

Большинство немецких лексических заимствований было включено в польскую систему флексий, например: *gyszefi* – род. п. *gyszefiu* (варм. *магазин* [*Cyfus*]) – *das Geschäft* средн.р., род. п. *des Geschäftes* (...3. ...магазин [НРС 374]); *grycht* – род. п. *grychtu* (варм. *блюдо, кушанье* [*Barcz*. 100]) – *das Gericht* средн.р., род.п. *des Gerichtes* (*блюдо, кушанье* [НРС 371]); *puta* жен.р., род.п. *puty* (варм. *индейка, индюшка* [*Horod*. 60]) – *die Pute* жен.р., род. п. *der Pute* (индейка, индюшка [НРС 678]); *kuwerta* средн.р., род.п. *kuwerty* (варм. *конверт* [*Jur.Łap*. 45]) – *das Kuvert* – род. п. *des Kuverts* (1. конверт;... [НРС 546]); *wekier* – род. п. *wekiera* (варм. *будильник* [*Kupisz*. 44]) – *der Wecker*, муж.р., род. п. *des Weckers* (1. будильник;... [НРС 947]); *żark* – род. п. *żarku* (варм. *гроб* [*B-Biel*. 35]) – *der Sarg* муж.р. род. п. *des Sarges* (гроб [НРС 720]) и мн.др.

Несмотря на многочисленность и разнообразие немецких лексических заимствований в варминьском диалекте польского языка, большая часть из них относится к нерегулярно или редко употребляемым, что говорит об устойчивости варминьского диалекта к проникновению в него иноязычных элементов [Doroszewski 1956, 141].

Л и т е р а т у р а

- Ананьева Н. Е.* История и диалектология польского языка, М., 1994.
Бах А. Немецкая диалектология//Немецкая диалектография, под ред. проф. В. М. Жирмунского, М., 1955.
Мартине А. Основы общей лингвистики//Новое в лингвистике, вып. 3, М., 1963.
Сienkowski W. Język dla wszystkich. Warszawa, 1980.
Doroszewski W., Koneczna H., Pomianowska W. Gwary Warmii i Mazur // Konferencja Pomorska. Gdańsk, 1954. Prace językoznawcze, Warszawa, 1956.
Encyklopedia wiedzy o języku polskim, Wrocław, 1978.
Urbańczyk S. Zarys dialektologii polskiej, Warszawa, 1972.
Источники
БПРС: Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. В 2-х томах. Москва, Варшава, 1988.
НРС: Немецко-русский словарь (основной). М., 1992.
Barcz: Barczewski W. Kiermasy na Warmii i inne pisma wybrane. Olsztyn, 1977.
B-Biel: Bień-Bielska H. Wierzenia i obrzędy//Słownictwo Warmii i Mazur. 8. Wrocław, 1959.
Cyfus: Cyfus E. Po naszymu//Gazeta Olsztyńska, 7–6.08.1998.
Horod: Horodycka H. Hodowla// Słownictwo Warmii i Mazur. 3. Wrocław, 1958.
Jur.Łap: Jurkowski E., Łapiński I. Życie społeczne i zawody// Słownictwo Warmii i Mazur. 5. Wrocław, 1959.
Kupisz: Kupiszewski W., Węgielek-Januszewska Z. Astronomia ludowa, miary czasu i meteorologia // Słownictwo Warmii i Mazur. Wrocław, 1959.
Nitsch: Nitsch K. Wybór polskich tekstów gwarowych. Wyd. 3. Warszawa, 1960.
PPTG: Północno-polskie teksty gwarowe od Kaszuba po Mazur. Pod red. K. Nitscha. Kraków, 1955.
Siatk: Siatkowski J. Budownictwo i obróbka drewna // Słownictwo Warmii i Mazur. 1. Wrocław, 1958.
Szym: Szymczak M. Stopnie pokrewieństwa // Słownictwo Warmii i Mazur. 5. Wrocław, 1959.

А. С. Новикова (Москва). Из истории перевода с греческого первой славянской книги

Проблеме истории старославянского перевода Евангелия как первой славянской книги и его бытования в славянской языковой среде посвящено немало исследований. Однако до сих пор окончательно не решен вопрос об объеме и составе данного перевода. Практически отсутствует текстологическое исследование этого важнейшего памятника церковнославянской письменности.

Уверенность большинства палеославистов в том, что первоначально на славянский язык был переведен краткий апракос, сейчас подвергается сомнению в работах петербургских славистов: Евангелие от Иоанна в славянской традиции. Российское библейское общество. СПб., 1998; Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. По мнению авторов указанных монографий, в начале Моравской миссии свв. Кирилла и Мефодия было переведено служебное четверо-евангелие. С. Ю. Темчин, напротив, полагает, что первоначально были переведены апракосные чтения на каждый день от Вербного Воскресенья до Пятидесятницы, а также одиннадцать воскресных евангелий и некоторые чтения месяцеслова²⁸.

Проведенный нами лингво-текстологический анализ двух сакральных отрывков из Евангелия, Господней молитвы (**отъче нашъ**) и текста последней пасхальной Вечери (Тайной Вечери), извлеченных из 48 списков Евангелия разных редакций и изводов²⁹ и современного богослужебного текста, с привлечением языкового материала некоторых церковнославянских памятников других жанров, позволяет вплотную приблизиться к ответу на давно волнующий палеославистов вопрос о типе Евангелия первоначального славянского перевода.

В списках Евангелия тетр и полных апракосах текст молитвы **отъче нашъ** представлен у двух евангелистов: Матфея (6, 9–13) и Луки (11, 2–4), в кратких апракосах только в Евангелии от Матфея. Можно отметить десять основных разночтений, встречающихся в тексте этой молитвы у апостола Матфея: 1. **иже еси на небесьхъ** — **иже на небесьхъ**; 2. **да сватитъсѧ** — **свети се**; 3. **да бждеть** — **боуди**; 4.

²⁸ Темчин С.Ю. Дистрибуция глагольных разночтений в древнейших славянских списках Евангелия и объем первоначального перевода // Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола. М., 1991. С.9-41.

²⁹ Вслед за проф. Г.А. Воскресенским, впервые сформулировавшим понятие редакции по отношению к новозаветным спискам, и Л.П. Жуковской под редакцией нами понимаются не отдельные разночтения в текстах одного жанра, а прошедшее через весь богослужебный текст Евангелия, Апостола, Псалтыри исправление на всех языковых уровнях (лексика, морфология, словообразование, синтаксис) или новый перевод. Под изводом следует понимать совокупность языковых изменений (главным образом фонетических), привнесенных в текст в процессе его бытования в определенной языковой среде.

цѣсарство – цѣсарствик; 5. прилагательное, связанное с хлебом, – епноуѣси, насжцьныи, насжцини, сжцини, насоуѣцини, насжцьствьныи, насыцьныи, бытъныи, приджцини, граджцини, хлѣвъ достоинъ кствствоу, хлѣвъ наставъшаго дьне, хлѣвъ надньевънъ и др.; 6. остави – оставлѣ(ѡ)емъ – отъпоуѣсти – отъпоуѣцаемъ; 7. искоуѣшеник – искоуѣсть – напастъ; 8. длъжьникомъ – длъжьноуѣмоу; 9. отъ лжквакго – отъ неприѣ(ѡ)зни; 10. длъгы – грѣхы.

Лингво-текстологическое исследование указанных разночтений позволяет сделать вывод о *первичности* кирилло-мефодиевского перевода *краткого апракоса*. Появление большинства из представленных выше разночтений обусловлено не только редакционной правкой, проводившейся в различных центрах славянской книжности, но и неодинаковыми традициями перевода: ортодоксальной византийской, отраженной в кирилло-мефодиевском переводе краткого апракоса до Моравской миссии (древнейший список, восходящий к этому переводу, – Ассеманиево Евангелие) и латино-немецкой, отраженной в Мариинском Евангелии – охридском списке XI в. Евангелия тетр, ранний протограф которого был создан в Мораво-паннонской книжной школе.

Все четыре евангелиста повествуют о последней Тайной Вечери Иисуса Христа со своими учениками накануне его крестных страданий: Мф. 26, 17–29; Мк. 14, 12–25; Лк. 22, 7–30; Ин. 13, 1–30. В списках Евангелия тетр этот текст представлен у всех евангелистов, в полных апракосах у трех (Матфея, Марка и Луки), а в кратких апракосах только в Евангелии от Матфея.

Описание апостолом Матфеем последней пасхальной Вечери, на которой Господь заповедал тайнство Святой Евхаристии всем своим последователям (четверг Страстной литургии), несомненно, входило в состав первоначального перевода Евангелия). В ходе работы над старшими и младшими списками Евангелия было выявлено 88 разночтений в тексте Тайной Вечери у апостола Матфея, которые подразделяются на пять подгрупп: 1) лексические и словообразовательные различия; 2) лексико-синтаксические различия; 3) морфологические различия; 4) синтаксические различия; 5) текстологические различия.

Пользуясь ретроспективным методом исследования выявленных разночтений, мы пришли к следующему заключению: в дошедших до нас памятниках церковнославянской письменности не сохранился тот первоначальный перевод с греческого на славянский, который был сделан свв. Первоучителями еще до Моравской миссии на территории Византии. Ближе всего к нему находится текст Ассеманиева Евангелия, хотя и здесь имеются некоторые новообразования более позднего происхождения: кѣ иѣви вм. кѣ иѣоу (17 стих); опрѣснѣкы вм. опрѣснѣкъ (18 стих); кѣ динѣ вм. кѣ етероу (18 стих); снѣ члѣьскын наряду с снѣ члѣь (24 стих); въ солилѣ вм. въ солло (23 стих); оучителю вм. равъви (25 стих); црѣствѣи вм. црѣствѣ (29 стих).

Компилятивный характер современного богослужебного текста Тайной Вечери последовательно отражает эволюцию первоначального кирилло-мефодиевского перевода *краткого апракоса*. Отраднo сознaвать, что в целом этот текст близок к переводу Евангелия, выполненному свв. Братьями до Моравской миссии, и подвергся меньшей правке, чем тетровые части Евангелия. Некоторое поновление текста связано с кирилло-мефодиевской редакцией тетра при переводе комплекторных частей Евангелия в Великой Моравии (тип Марининского Евангелия), дальнейшей редакционной правкой четвероевангелия в Преславской книжной школе и включением в евангельский текст некоторых лексем Афонской редакции Евангелия и Тырновской книжной школы. Это текст древнерусского извода с акцентуацией, принятой в Елизаветинской Библии.

Лингво-текстологический анализ сакрального отрывка евангельского текста (Мф.26, 17–29) дает возможность не только проследить историю развития и функционирования данного перевода у православных славян, но и попытаться представить, как бы мог выглядеть этот текст до его редакционной правки в различных славянских школах письменности. В распоряжении автора имеется вариант реконструированного первоначального кирилло-мефодиевского перевода текста Тайной Вечери. При реконструкции отдавалось предпочтение некоторым древнейшим чтениям, сохранившимся в Ассеманиевом и Никольском Евангелиях, а также в Ватиканском палимпсесте.

* * *

таннага вечера (Мф. 26, 17–29)

17 въ пръвыи же днь опрѣснѣкъ. пристѣпиша оученици къ ѿсоу глѣшѣте. кѣде хощеши и оуготоваемъ тебѣ ѣсти пасхѣ. 18 онъ же рече идѣте въ градъ къ етероу. и рыцѣте емоу оучитель глѣтъ. время мое близъ естъ. оу тебе сътворишъ пасхѣ съ оученики мои. 19 и сътвориша оученици. ѣкоже повелѣ имъ ис и оуготоваша пасхѣ. 20 вечероу же вивѣшоу. възлеже ис съ обѣма на десатѣ оученикома. 21 и ѣджштемъ имъ рече. аминь глѣжъ вамъ. ѣко единъ отъ васъ прѣдастъ ма. 22 и скръбашѣ сѣло. начьса глати емоу единъ кѣждо ихъ. еда азъ есмь гї. 23 онъ же отъвѣштавъ рече. омочни съ мѣножъ въ солило ржж. тъ ма прѣдастъ. 24 снѣ же члчѣ идѣтъ. ѣкоже естъ писано о немъ. горе же члкоу томоу. имъже снѣ члчѣ преданъ вждѣтъ. добрѣ емоу би было аще би не родилъ са чакъ тѣ. 25 отъвѣштавъ же нюда прѣдаѣи его рече. еда азъ есмь равви. глѣ емоу ты рече. 26 ѣджштемъ же имъ. примѣ исъ хлѣвъ. влсшѣ прѣломль. и даѣше оученикомъ своимъ. и рече примѣте ѣдите. се естъ тѣло мое. 27 и примѣ чашѣ. Хвалѣ въздавѣ дастъ имъ глѣ пїите отъ неѣ вси. 28 се естъ крѣвь моѣ. новаго завѣта. проливаемаѣ за вы въ

оставление грѣхѡмъ. 29 глѣж же вамъ. ꙗко не имамъ пити ююже отъ сего плода лозьнаего. до того дьне. егда пиѣж съ вами новъ. въ црствѣ оца моего.

Современная наука пока не может дать окончательного ответа на вопрос об объеме и составе первоначального славянского перевода Евангелия, поскольку этот перевод не сохранился. Но на основании 1) известных исторических свидетельств, согласно которым создателями славянской письменности был переведен служебный евангельский текст³⁰; 2) положения о вторичности славянского полного апракоса³¹; 3) лингво-текстологического исследования двух сакральных отрывков евангельского текста можно предположить, что первой славянской книгой, переведенной с греческого, было *краткоапракосное* Евангелие.

И. Г. Овчинникова (Пермь). ОСВОЕНИЕ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛОВ VEDIET' / ЗНАТЬ СЛОВАЦКИМИ И РУССКИМИ ДЕТЬМИ

Освоение ребенком семантики глаголов, обозначающих интеллектуальные действия, чувства и процессы, происходит в несколько этапов. В отличие от глаголов других семантических групп, исследуемые глаголы практически не встречаются на начальных этапах речевого онтогенеза в формах инфинитива или императива. Они появляются в речи детей сравнительно поздно, на третьем году жизни; хотя, разумеется, время первого употребления глагола *vediet'/знать* существенно варьирует в зависимости от целого комплекса социальных и психологических факторов. Первоначально любой глагол «привязан» к ситуации: им обозначено конкретное наблюдаемое ребенком действие, он употребляется в формах настоящего актуального времени [Цейтлин 2000: 148]. Затем происходит освобождение глагола от конкретной ситуации. Глагол начинает употребляться в прошедшем, а затем и в будущем времени, однако его семантика по-прежнему ситуативна. Наконец, появляются высказывания, позволяющие определить семантические группировки глаголов в сознании ребенка: оппозиции каузативных и декаузативных (*а он как рассмеяется; не смеши меня, все равно не рассмеишься*), нюансы семантики возвратных (*мы с этой тетей еще помнимся*) (примеры см.: [Цейтлин 2000, 154]). Ситуативность значения глагола проявляется прежде всего в том, что для ребенка предикат не отделим от своих актантов, действие всегда совершается кем-либо, над чем-либо, при помощи чего-либо. При этом семантическая и синтаксическая валентности глагола в детской речи могут отличаться от описанных в нормативной грамматике

³⁰ Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1985. Т.1. С. 631-632.

³¹ См. Жуковская Л.П. О переводах Евангелия на славянский язык и о «древнерусской редакции» славянского Евангелия // Славянское языкознание: М., 1959. С. 94-95; Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием // Вопросы славянского языкознания. М., 1963. Вып. 7. С.79. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 121, 352.

национального языка (см. пример с глаголом *помниться*). Это обусловлено несовпадением партиципантов и актантов. Обусловленные ситуацией (и лексической семантикой глагола) партиципаны усваиваются ребенком и составляют когнитивную базу для понимания и построения актантной структуры высказывания. Естественно, первыми осваиваются когнитивно простые («прозрачные») ситуации. В детских высказываниях проявляются и нереализуемые валентности, отражающие актуального для ребенка партиципанта события (см. высказывание двухлетней девочки: *бежу своими ногами далеко-далеко*; трехлетней девочки: *у меня в голове мозг, я в нем все знаю*). Обычно актантная структура предложения с предикатом – глаголом мысли «нормализуется» к шести-семи годам, к началу систематического изучения родного языка в начальной школе, хотя и у школьницы встречаются высказывания с нереализуемыми валентностями. Очевидно, младший школьник еще не вполне владеет семантикой соответствующего глагола. Задача установления степени владения глагольной семантикой и сопоставления данных различных языков остается актуальной.

Цель нашего исследования – выявить этапы овладения семантикой и формирование иерархии валентностей глагола *vediet’/знать* в сознании словацкого и русского ребенка. Выбор языков обусловлен сходством морфологии глагола в русском и словацком языках, наличии разветвленной системы словообразования и словоизменения [Mistrík 1988]. Материалом анализа послужили ассоциативные реакции на стимулы *vediet’/знать*, полученные в письменном ассоциативном эксперименте от словацких [Maršálová 1982] и русских детей [Береснева, Дубровская, Овчинникова 1995]. Эксперимент проводился с учениками первых и пятых классов, т.е. в первые годы обучения в начальной и средней школе соответственно. Дети получали список из слов стимулов и самостоятельно писали пришедшие им в голову слова-реакции. С русскими детьми использовался тот же вариант теста, что и со словацкими. Каждый ребенок работал индивидуально, участие в эксперименте было воспринято с интересом и энтузиазмом.

Полученные ассоциации обрабатывались качественно и количественно. Использовалась типология ассоциативных реакций, предложенная Л. Маршаловой. Количественные данные приводятся в таблице 1.

Таблица 1

Количество ассоциативных реакций на стимулы *vediet’/знать*

Стимулы	Первоклассники			Пятиклассники		
	Общее кол-во RR(N)	Количество разных RR (m)	Индекс Хорвата (m/N)	Общее кол-во RR (N)	Количество разных RR (m)	Индекс Хорвата (m/N)
<i>vediet’</i>	131	56	0,43	147	63	0,43
<i>знать</i>	115	81	0,70	159	92	0,58

В строках таблицы приводятся количество ответов, количество разных ассоциаций (разных лексем среди ответов школьников) и индекс

гетерогенности ассоциативного поля (индекс Хорвата) для словацкого и русского глаголов. Индекс гетерогенности позволяет определить однородность ассоциативных реакций: чем больше его значение (чем ближе оно к 1), тем более разнообразные ассоциации получены от участников теста [Horvath 1968]. Индекс Хорвата у словацких школьников заметно ниже. Это означает, что словацкие девочки и мальчики достаточно однородно представляют себе связи глагола *vediet'* с другими лексемами. Русские школьники, напротив, дают много несовпадающих ассоциаций. При этом у младших детей разнообразие ассоциаций заметно выше, чем у старших. Для русских первоклассников лексические связи глагола *знать* весьма вариативны.

Охарактеризуем полученные ассоциации качественно. Первые пять частотных ответов словацких и русских школьников на заданные стимулы-глаголы приводятся в таблице 2.

Таблица 2

Частотные ассоциативные реакции русских и словацких школьников на стимулы *vediet'*/знать

Стимулы Ранг реакции	<i>vediet'</i>		<i>Знать</i>	
	Первоклассники	Пятиклассники	Первоклассники	Пятиклассники
1	čítat'(0,26)	nevediet'(0,17)	математику (0,09)	думать (0,11)
2	písať(0,15)	čítat', písať(0,08)	не знать, знаю (0,05)	знания, не знать (0,06)
3	učít'(0,05)	dobre (0,05)	буквы, знает, Незнайка, учить (0,04)	уметь, учить (0,05)
4	slovo (0,03)	úlohu (0,04)	все (0,03)	умный (0,04)
5	dobre, úlohu, učit' sa, neviem, všetko (0,02)	rozmyšľat', všetko (0,03)	задача, знак, хорошо (0,02)	много (0,03)

В строках таблицы приводятся упорядоченные по частотности ассоциации: самые частотные в первой строке, наименее частотные, но неслучайные, в последней строке. В скобках после ассоциативных реакций указана их относительная частотность. По относительной частотности можно судить о наличии статистически значимых, т.е. стандартных ассоциаций. Обычно считают статистически значимыми ассоциативные реакции, полученные не менее чем от 15% испытуемых. Оказывается, первые по частотности реакции словацких школьников (*čítat'*; *nevediet'*) обладают статистической значимостью, в то время как ни одна из ассоциаций русских школьников не является статистически значимой: первые по частотности реакции (*математику* и *думать*) достигают порога в 9% и 11% соответственно. Это означает, что в сознании словацкого ребенка обеих обследуемых возрастных групп представлено стандартное ядро семантических связей глагола *vediet'*; в сознании русского ребенка к одиннадцати годам еще не сформирова-

лось устойчивое ядро семантических связей глагола *znieť* с другими лексемами.

Для словацких первоклассников актуальным лексико-семантическим вариантом глагола *vediet'* оказывается «уметь»: первые по частотности реакции вызваны именно этим значением. Лексико-семантические варианты «иметь сведения», «иметь специальные познания в какой-либо области» проявляются лишь в четвертой по частотности реакции *slovo*. Среди первых пяти частотных ассоциаций обнаруживаем указание на агенс (форма первого лица единственного числа *neviem*), на пациенс (*úlohu, všetko*) и наиболее актуальную предикативную валентность – *čítať*'. Для словацких пятиклассников лексико-семантический вариант «уметь» по-прежнему актуален: ассоциации *čítať, písať* имеют второй ранг по частотности; не встретилось указаний на новые актаны. Самым существенным, на наш взгляд, оказывается появление ассоциации *rozmyšľat'*, отражающей актуализацию семантических связей в пределах группы глаголов интеллектуальной деятельности.

Л и т е р а т у р а

- Береснева Н. И., Дубровская Л. А., Овчинникова И. Г.* Ассоциации детей от шести до десяти лет. Пермь, 1995.
- Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., 2000.
- Horvath W.* A Stochastic Model for Word Association Test. Psychol. Review, 70, 1968.
- Maršálová L.* Psycho-Linguistická analýza vývinu lexiky (asociačné štruktúry v subjektívnom slovníku). Bratislava, 1982.
- Mistrík J.* Moderná slovenčina. Bratislava, 1988.

Е. В. Петрухина (Москва). ДАННЫЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

1. Картина мира, то есть «совокупность представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающее человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» (Кубрякова), отражает мир не зеркально, а представляет некоторую его интерпретацию, зависящую от исторического опыта и национально-культурных особенностей данного социума, поэтому обычно говорят о национальных картинах мира. Наиболее существенная и важная часть общей картины мира вербализована и представлена в языковой форме, причем границы между языковой моделью и концептуальной моделью мира нечетки. Языковая картина мира (ЯКМ) формируется в зависимости от семантико-деривационных возможностей языка, национальных стереотипов номинации и коммуникативных потребностей общества. Этноцентризм языковых картин мира обуславливает необходимость изучения не только членения, структуризации посредством языка экстралингвистического мира, но и ракурс

«портретирования» того или иного объекта или ситуации, особенности их восприятия в данной лингвокультурной общности людей, отраженные в языковых знаках.

2. Изучению особенностей восприятия тех или иных фрагментов действительности, отраженных в русской ЯКМ способствует сопоставление русского языка с близкородственными славянскими.

3. В докладе сопоставляются следующие фрагменты русской и чешской ЯКМ: эмоции и их номинация, а также особенности представления деятельности и ее результата.

4. Одно и то же с денотативной точки зрения эмоциональное переживание при помощи аффиксальных средств может быть выражено в русском и чешском языках различными способами, представляющими различную его интерпретацию, ср.: *Меня тревожит молчание брата – Я тревожусь из-за молчания брата – Я встревожена молчанием брата – Мне тревожно из-за молчания брата. Zneklidňuje (znepokojuje) mě bratrovo mlčení – Jsem zneklidněna (znepokojena) bratrovým mlčením– Zneklidněla jsem, protože bratr mlčí.*

5. Особенностью русского языка является представление эмоциональных переживаний человека при помощи глагольных лексем как **процессов**, которые характеризуются по ряду параметров, прежде всего фазисно-временных и интенсивно-оценочных, выражаемых словообразовательными средствами. Кроме того, среди эмотивных глаголов в русском языке широко представлена оппозиция прямопереходных и рефлексивных глаголов типа *волновать-волноваться, радовать-радоваться*, семантические отношения между которыми мы трактуем как конверсивные. Чешский язык в данной области проявляет как сходства с русским языком, так и различия.

6. Выражение временных границ эмоционального и психического переживания, его интенсивности при помощи словообразовательных средств по продуктивным моделям, характерным для глаголов деятельности и гомогенных динамических процессов, свидетельствует о процессуальном, динамическом представлении эмоций в русской ЯКМ. В чешской ЯКМ эмоциональное переживание, по данным комбинаторики эмотивных глаголов с фазисно-временными и оценочными префиксами, предстает более статически. Об этом говорят и другие языковые данные, прежде всего функциональные соотношения глаголов и именных конструкций, например: *Он сегодня нервничает – Je dnes nervózní; Я радовалась его письму – Měla jsem radost z jeho dopisu; Я восхищалась его успехом – Byla jsem nadšena jeho úspěchem/ Měla jsem z jeho úspěchu ohromnou radost. Меня восхитил его успех – Jeho úspěch mi udělal ohromnou radost. Вы меня воодушевляете. – Dodáváte mi odvahu; После этого разговора отец воодушевился. – Po tomto rozhovoru si otec dodal odvahu.*

Л. Л. Плыгавка (Вильнюс). БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК В ЛИТВЕ:
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В настоящее время в Литовской Республике белорусский язык, функционируя как язык белорусского национального меньшинства, оказывает определённое влияние на разных макро- и микроуровнях. Особенно выразительно это проявляется на территории Юго-Западной Литвы (Вильнюсский край), где исторически интерферируют польский, русский, литовский и белорусский языки.

Белорусский язык в этом регионе имеет глубокие исторические традиции использования ещё со времён Великого княжества Литовского, когда он выполнял функции государственного.

Стоит вспомнить также издательскую деятельность К. Калиновского под псевдонимом «Яська, гаспалар з-пад Вільні», вильнюсского поэта и адвоката Ф. Богушевича, белорусское национальное возрождение начала XX века, непосредственным образом связанное с Вильнюсом. В 20–30-е гг. в городе издавались десятки белорусских газет и журналов, действовали белорусские государственные учреждения, многочисленные политические и культурные организации, гимназия, музей.

Однако за последние 60 лет в результате неблагоприятных политических факторов установилась ситуация, при которой белорусы не имели возможности реализовать свои национальные и культурно-образовательные потребности через соответствующие структуры.

Практически утратив собственную интеллигенцию, школы и частные организационные учреждения, они попали под сильную языковую и культурную денационализацию.

В связи с процессами национально-духовного возрождения литовского народа и других этнических групп, живущих в Литве, после принятия Литовским государством независимости белорусы также стали активно строить свою культурную жизнь: появились общественные организации – белорусские газеты «Наша ніва» и «Рунь», программы на литовском радио и телевидении, кафедра белорусской филологии в педагогическом университете, воскресная школа, общеобразовательная школа им. Ф. Скорины, богослужения на белорусском языке и т. д.

В настоящее время сферу реализации белорусского языка можно определить трёхаспектно: 1) проявление влияния белорусского лингвистического элемента в речи представителей всех национальных групп Виленщины; 2) использование белорусского литературного языка в профессиональных культурно-образовательных институтах; 3) функционирование белорусского диалектного языка в районе белорусско-литовского пограничья.

Основные выводы, характеризующие данные положения, следующие.

1. Наиболее значительное белорусское лингвистическое влияние в языке информантов-небелорусов наблюдается на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, например: архаичная в современном белорусском языке, но регулярная для юго-западных белорусских говоров сложная форма прошедшего времени: *быў купіўшы, быў пайшоўшы, быў паехаўшы*, деепричастия в функции сказуемого: *муж умершы, ён пагібшы*; использование бытовых лексем: *бульба, бураки, цыбуля, аграст, затцрка, топлёнка, ботвинья*; синтаксические интерферентные конструкции при управлении предлогом: *удивляться с него – бел. здзіўляцца з яго*.

2. Если говорить о реализации белорусского литературного языка, то, в первую очередь, стоит отметить его использование в сфере образования: это не только преподавание большинства школьных предметов в белорусской школе и некоторых (история Беларуси, история культуры Беларуси) в педагогическом университете, но и частично делопроизводство, внеклассная воспитательная работа и другая педагогическая деятельность. Так как любой язык является средством восприятия действительности конкретным народом, то отдельно решаются задачи преподавания белорусского языка как родного или как иностранного в зависимости от контингента изучающих. Последнее касается высшей школы, поскольку для основного количества студентов – выпускников русских, польских и литовских школ – это язык не родной, который они не изучали в школе. Поэтому программы по белорусскому языку для общеобразовательной школы и белорусского отделения ВПУ учитывают такие факторы, как приоритет государственного языка и культуры, полилингвистические и поликультурные особенности региона, специфику преподавания в иноязычной среде.

Средства массовой коммуникации параллельно со школой – один из наиболее эффективных способов духовного и интеллектуального воздействия на личность, поэтому важно, чтобы конкретная национальная группа осуществляла это воздействие на родном языке. Белорусский язык актуализируется в Литве в печати, на радио, телевидении в объёмах, соответствующих количественному соотношению белорусов к остальным национальностям страны.

3. Белорусский диалектный язык имеет устойчивый ареал распространения в районах, примыкающих к Беларуси, и оказывает значительное влияние практически на всей территории Вильнюсского края, хотя часто воспринимается как диалект польского. В этом регионе он выступает в качестве средства коммуникации как родной, с большим перевесом или наравне с региональным польским языком и используется, в основном, в бытовых контактах.

Под влиянием костёла белорусский язык воспринимается как «простая» польская мова и называется часто нейтральными словами «местная», «тутэйшая», «простая».

Носители «простой мовы» в большинстве своём причисляют себя к полякам и язык свой – к диалекту польского, хоть при более подробном рассмотрении можно утверждать, что он соответствует диалекту белорусского языка западных районов Беларуси.

Таким образом, анализ и характеристика социокультурного пространства белорусского языка в Литве помогают понять, как белорусы оценивают свою национальную самобытность и определяют своё место среди других национальных групп.

*О. С. Плотникова (Москва). К ПРОБЛЕМЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО
ВАРЬИРОВАНИЯ В СЛОВЕНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVI ВЕКА*

Изучение особенностей словенского литературного языка XVI века имеет длительную традицию. В центре внимания исследователей были проблемы определения речевой основы текстов. При этом в первую очередь учитывались их фонетические особенности, в частности рефлексy о и ё как дифференциальные признаки двух центральных диалектов, гореньского и доленьского.

Грамматические особенности текстов словенских протестантов являются не только ценной информацией о состоянии морфологической системы словенского языка в этот период и о этапах формирования некоторых новых категорий, в частности модальных конструкций с *lahko* и предикативным прилагательным *gad*, но и могут служить дополнительным аргументом в пользу интердиалектного характера данной модели литературного языка. Особый интерес представляет исследование объема и причин морфологического варьирования с учетом дальнейшей судьбы вариантов как в истории литературного языка, так и в современных диалектах.

Наибольшее количество вариантов в текстах всех писателей XVI века отмечается в склонении существительных мужского и среднего рода и в грамматическом оформлении существительных женского рода на согласный. В рамках мужского и среднего рода варьируют флексии местного падежа единственного числа –*u* (результат выравнивания по основам на *–*ŭ*), и –*i* (результат выравнивания по мягкой разновидности основ на *–*ō*), –*eĭ* (дифтонгический доленьский рефлекс ё из твердой разновидности). Последняя флексия непродуктивна и используется в основном в окситонированных основах среднего рода *v tim srcej* (Trubar. *Ordninga*) и в некоторых односложных существительных, характеризующихся ударной флексией в родительном падеже единственного числа *v tim duhej* (Trubar. *Abecedarium*). Анализ дистрибуции флексий –*i*, –*u* свидетельствует о нарастающей активности –*u*, ср., напр., конкуренцию –*i* и –*u* у Приможя Трубара и Янжа Тулшчака *v tim imeni* (Trubar. *Abecedarium*), *v tim božjem imenu* (Trubar. *Ta novi testament*), *v moim Telleffu– sad v Telleffī* (Tulščak), *v Rimi – v Rimu*. Однако в тексте «Библии» Юрия Далматина значительно чаще

употребляется –i: na Svejti, v Nebi, v tem Verti. Современный диалектный материал демонстрирует большую ареальную распространенность флексии –i и ограниченность флексии –u преимущественно гореньскими диалектами.

Иной механизм варьирования демонстрируют примеры с заменой флексий –em (тв.п. ед.ч. и дат.п. мн.ч.), –ema (тв.п. ед.ч. и дат.п. дв.ч.), –ev (род.п. мн.ч.) флексиями –om (тв.п., ед.ч. и дат.п. мн.ч.), –oma (тв.п. ед.ч. и дат.п. дв.ч.), –ov (род.п. мн.ч.), мотивированной депалатализацией согласных.

В. Попова (Челябинск). ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД ПРИ ИЗУЧЕНИИ НАРЕЧИЙ ВРЕМЕНИ В ЧЕШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Полевый подход к структуре языковой системы оптимальным образом соответствует на современном этапе развития лингвистической теории и методологии, задачам освещения объекта изучения в его универсальных, идиоэтнических и конкретно-языковых характеристиках. Кроме того, полевый метод позволяет получить оптимальные результаты при анализе функционирования наречий времени в тексте.

В составе функционально-семантического поля темпоральности объединяются разные языковые средства, принадлежащие к разным лексическим и грамматическим классам: видо-временные формы глаголов обстоятельственные наречия времени, а также предложно-падежные конструкции и т.д. Функционально-семантическое поле темпоральности в своем составе имеет микрополя, элементы которых характеризуются наличием общих свойств и общих функций.

Система наречий со значением времени в каждом из рассматриваемых языков представляет собой важную составляющую часть функционально-семантического поля темпоральности. Единство этого поля подтверждается не только общими семантическими компонентами в составляющих его разноуровневых языковых единицах, но и постоянным взаимодействием этих языковых единиц в речи. Исследование конкретных проявлений четкого взаимодействия выявляет как общие так и специфические черты в каждом из рассматривавшихся славянских языков.

Наречия времени в чешском и русском языках передают семантику, сопоставимую с семантикой глагольных временных форм, однако в наречиях времени темпоральная семантика передается более детально. Темпоральные признаки рассматриваемых наречий в конкретных текстах не всегда оказываются доминантными, в результате чего акцентируются иные дифференциальные признаки.

Поскольку система наречий в времени в каждом из сопоставляемых языков имеет отчетливо выраженную иерархическую организацию, то на начальном этапе классификации противопоставляются четыре сегмента: в первом из них сосредоточены наречия со значением отнесенности действия к прошлому, настоящему и будущему, во втором – наречия со

значением одновременности и разновременности действия, в третьем – наречия со значением одноактности, длительности и краткости, в четвертом – наречия со значением ритмичности действия.

Анализ же функциональных свойств темпоральных наречий в чешском и русском языках показывает, что существуют определенные закономерности в сочетании рассматриваемых наречий с глаголами совершенного и несовершенного вида в формах настоящего, прошедшего и будущего времени. В то время как одни наречия используются только (или преимущественно) с глаголами совершенного или несовершенного вида в форме определенного времени, другие наречия относительно свободно сочетаются с различными видовременными формами. Показательно, что выделяются как закономерности общие для каждого из рассматриваемых славянских языков, так и особенности, проявляющиеся лишь в одном из этих языков.

Изучение системных отношений наречий времени с видовременными формами глагола позволяют выявить наиболее существенные индивидуальные свойства наречий, что помогло в свою очередь вывести структурно-семантическую классификацию наречий времени в чешском языке. Дифференциальные семантические признаки глагольных видовременных форм соотносятся с семантическими признаками наречий времени. Например, в лексическом значении наречия *pupí*, которое является многозначным наречием, можно выделить дифференциальный семантический признак «одновременность» (с моментом речи), который соотносительен, сходен с дифференциальным семантическим признаком глагольных форм настоящего времени – «одновременность»; в наречии *dávno* мы можем выделить семантический признак «предшествование», который соотносится с глагольным признаком «предшествование», свойственным глагольным формам прошедшего времени и т. п.

Такая соотносительность семантических признаков разноуровневых средств языка способствует их взаимодействию в речи, контексте. Если рассматривать наречие *dávno* в значении «много времени тому назад», то можно выделить семантический элемент «предшествование», и в этом значении наречие *dávno* может сочетаться с глагольными формами прошедшего времени, в данном случае в их сочетании проявляется «семантическое согласование» глагольной формы и наречия времени. Но если мы будем рассматривать наречие *dávno* в значении «действие происходит в течение долгого времени, с давних пор, вплоть до настоящего времени», то мы можем выделить два основных семантических признака «предшествование» и «одновременность», что позволяет этому наречию сочетаться в равной степени как с глагольными формами прошедшего, так и настоящего времени. Возможна замена одной временной формы глагола другой, но только при употреблении глаголов несовершенного вида. Это объясняется

наличием другой общей семы у глагольных форм и наречия – семы «длительности».

Например, возможна замена *dávno vědí* на *dávno věděli*.

При замене формы настоящего времени на форму прошедшего времени меняется и их частное значение: глагольные формы настоящего времени в сочетании с наречием *dávno* реализуют значение «настоящего расширенного», формы прошедшего времени несовершенного вида – «прошедшее имперфектное». С глагольными формами будущего времени (при выражении ими категориального значения следования) наречие *dávno* не сочетается из-за несовместимости семантических признаков: «следование» и «предшествование».

Исследование подобного плана позволяет не только сопоставить системные и функциональные свойства наречий времени в русском и чешском языках, но и прийти к выводу о возможности использования рассматриваемой методики при подготовке целостного описания темпоральных наречий в языках восточных, южных и западных славян, а также при создании типологического описания наречий времени в различных языках.

Е. А. Потехина (Минск – Ольштын). ОБУЧЕНИЕ БЕЛОРУССКОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ БЕЛОРУССКО-БЕЛОРУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ (ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ БЕЛОРУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ)

Изменения в политических, социальных и экономических отношениях, происходящие в последние десятилетия в нашем обществе, которое теперь все чаще называется *постсоветским*, сопровождаются активными процессами в белорусском языке. С одной стороны, язык, воспринимавшийся средним обывателем как язык деревни, вновь стал распространяться в деловой среде и среде управления. С другой стороны, появившаяся возможность гласного обсуждения общественных проблем привела к расколу в среде белорусскоязычной интеллигенции. Одна из таких проблем – проблема о кодификации и нормализации белорусского литературного языка.

Дискуссия началась с проблем орфографии. Академическая грамматика, правила белорусской орфографии, словари и изданные на их основе учебники белорусского языка критиковались как русификаторские. Современная система орфографии, утвержденная реформой 1933 года, проведенной после усиленных сталинских чисток и репрессий в среде белорусской интеллигенции, т. н. «наркомаўка», противопоставлялась «тарашкевице», правилам, зафиксированным в «Белорусской грамматике для школ» Б. Тарашкевича. В результате споров, которые не привели к компромиссу между лагерями «консерваторов» и «возрожденцев», в современном белорусском языке распространились две системы орфографических и грамматических норм (и не только). Знаменательны слова, прочитанные нами в газетной заметке о

литературном семинаре, проведенном совместно Полоцким филиалом Союза писателей Беларуси и Обществом вольных литераторов Полоцка: «Взаимопонимания между ними (объединениями – Е. П.) найти не удалось – о разных вещах говорили они и даже на разных языках». О каких двух языках идет речь? О двух литературных белорусских языках?

Печатные издания на белорусском языке печатаются или в академической «официальной» орфографии, или в модернизированной «тарашкевице» (газеты «Наша Нива», журнал «Архе»). Иностранец, изучающий белорусский язык, обязательно заинтересуется, в чем же разница между одним и другим способом изложения мыслей по-белорусски.

Обратим внимание на некоторые ключевые моменты.

1. Фонетика и орфография. Основные проблемы: употребление мягкого знака для обозначения ассимилятивной мягкости согласных и транслитерации иностранных слов.

1.1. Согласно академическим правилам, ассимилятивная мягкость согласных не обозначается: снег, песня. Согласно «тарашкевице» ассимилятивная мягкость согласных обозначается при помощи ь: сьнег, песня, паўстаньне.

1.2. Фонетический принцип орфографии действует, в основном, в области написания безударных гласных. Согласные пишутся, как правило, в соответствии с морфологическим принципом, в том числе на стыке морфем. В предлагаемых инновационных нормах расширяется сфера действия фонетического принципа: *прыяжджаць* вместо *прыязджаць*, *праскі* вместо *п्राжскі*.

1.2.1. В соответствии с нормами восточнославянской книжной традиции слоги [лo], [лa] в иностранных словах транслитерируются с твердым [л], поскольку в белорусском языке, как и в русском или украинском, [л'] встречается только перед гласными переднего ряда: *ліс*, *лес* и т.п. В виде исключения в полонизмах *лямпа* 'лампа', *лямант* 'плач, стенания', *лямец* 'фетр' сохраняется [л'a], в т.ч. в глаголе *лямантаваць* (в третьем предударном слоге). Современная литературная норма: *філалогія*, *філасофія*, *логіка* и *лагічны*. Инновационные нормы: *філялёгія*, *філязофія*, *лягічны*.

1.2.2. Согласно нормам литературного произношения в иноязычных словах перед гласными переднего ряда сохраняются твердые [d], [m]: *тэарэма*, *дыстанцыя*, в то время как [z], [c] произносятся мягко: *сістэма*, *прэзідэнт*. В «Словаре белорусского языка» с твердым [z] отмечается только полонизм *зэдаць*, *зэдлік* 'табурет'. Инновации: *сылюэт*, *прэзыдэнт*, *сытуацыя*, *фізычны* и т.д. Кроме произношения зубных перед гласными переднего ряда, изменения затрагивают и произношения губных, которые исторически затвердели на конце слов: *голуб*, *любоў*, *стэп*. Несмотря на то, что в белорусских диалектах не отмечено произношения твердых [n], [m], [b], а также [v] и [ɲ] перед [e],

[u], предлагается произносить *фэдэрацыя, пэйзаж, пэрыёдыка, інвэнтар, рэспэктабэльны, энцыкляпэдыя*, хотя *эўрапейскі* вместо ожидаемого *эўрапэйскі*.

1.3. Пересматриваются правила транслитерации грецизмов. Так, буква *β* передается как *б*, а *θ* как *т*, в соответствии с латинской книжной традицией: *сымбаль, па-барбарску, міт, бізантыйскі* и т.д. вместо *сімвал, па-варварску, міф, візантыйскі*.

2. Основной проблемой в области *лексикологии* являются заимствования. Наиболее сложно оценить заимствованный характер лексемы, если речь идет о заимствованиях из близкородственных языков. В этом случае недостаточно применения фонетического критерия, как, например, при оценке старославянизмов в русском языке, или критерия неизменяемости слова. Цель инноваций – освободить белорусских язык от русизмов.

2.1. Активизация заимствований из польского языка, не обязательно польской лексики: *амбасадар* вместо *пасол*, *чыннік* вместо *фактар*, *мапа* вместо *карта*, *кіроўца* вместо *вадзіцель*, *мурын* вместо *негр*, *дрэварыт* вместо *ксілаграфія*, *гравюра*; *марынарка* вместо *пінжак*.

2.2. В некоторых случаях пересматриваются и исконно белорусские лексемы, например, вместо *адбывацца* ‘происходить, иметь место’ используется лексема *тачыцца*, вместо *умова – варунак*, вместо *намаганні – высылкі* и т. д. Как русизм воспринимается наречие *именно*, заменяемое лексемой *менавіта* (обе являются кальками с немецого *nämlich*).

3. Морфемный состав славянских языков с точки зрения их фонетико-фонологического оформления в большой степени идентичен, происхождение лексемы не всегда можно установить без этимологического анализа.

3.1. Заимствование: *Куплю друкарку*. Ср. заимствованные ранее: русск. *принтер* и бел. *прынтер*.

3.2. Дискуссия о целесообразности употребления в белорусском языке словообразовательного форманта *-ір-* / *-ыр-* в глаголах с заимствованной основой: *фармаваць* (лит. *фарміраваць*), *санкцыянаваць* (лит. *санкцыяніраваць*), *замаскаваць* (лит. *замаскіраваць*) и т. д. Возникновение омонимии: *апанаваць* означает ‘овладеть’ и ‘оппонировать’.

3.3. Расширение модели безаффиксного словообразования существительных: *выступ* вместо *выступленне* ‘выступление’, *наступ* ‘наступление’, *спадзеў* ‘надежда, ожидание’.

4. Инновации в области *словоизменения* приводят к изменениям в системе declinации субстантивов (активная ликвидация грамматических чередований и специализация их как продолжение процесса унификации типов склонения по признаку рода). Имеют место окказиональные факты изменения парадигм отдельных лексем. Основа: переориентация норм литературного языка с центральной полосы на

западно-белорусские говоры, в меньшей степени русифицированные, т. е. «в большей степени белорусские». При этом не принимается во внимание фактор языковых контактов на пограничье.

4.1. Расширяется сфера употребления флексии **-аў** в Р.п. мн.ч.: *мова – моваў* вместо *моў*, *слова – словаў* вместо *слоў* и т. д. (ср. с аналогичными формами в русских диалектах), флексия **-ах** М.п. мн.ч. заменяется на **-ох**: *у лясох, палёх*. Тв.п. ед.ч. в парадигме 3-го скл. используется флексия 2-го, что приводит к исчезновению йотации и геминат (явления чисто белорусского!): *Беларусь – Беларускай* вместо *Беларуссю, пераконанасць* ‘убежденность’ – *з пераконанасцяй* вместо *з пераконанасцю, маці – з мацерай*. В формах Предл.п. ед.ч. 1-го скл. распространяется флексия **-у**: *у Фаўстусу, у ценю*. Изменяются принципы употребления флексий **-а / -у** в Р.п. ед.ч. 1-го скл. (аналогия с польским языком).

4.2. Окказионализмы: изменение лексемы *галава* по парадигме 3-го скл. *голаў* (только в такой форме встречается, например, в произведениях В. Быкова). Отсутствие полной парадигмы глагольных неологизмов: *распавядаць, апавядаць* (лит. *расказваць*).

4.3. Расширение употребления синтетической формы будущего времени: *рабіцьму, рабіцьмем* (особенность юго-западных говоров).

5. Предлагаемые изменения в области синтаксических норм не так многочисленны. В основном обсуждаются изменения в предложно-падежном управлении.

5.1. Изменение способа управления в конструкциях с предлогом **на** (па + Д./М.) на унифицированные (па + М.): лит. *размаўляць на тэлефоне / тэлефону*. Употребление форм дательного падежа недопустимо (русизм).

5.2. Как русизм оценивается конструкция предложения с посессивным значением: *У меня есть...* Инновационная модель предполагает употребление только конструкции с глаголом *мець*: *Я маю...*

Ученый-лингвист не должен находиться в постоянной готовности исправлять «языковые погрешности» в соответствии с политической конъюнктурой. Это означало бы возврат к сталинским методам управления наукой. Поэтому в преподавании белорусского языка на университетском уровне, как нам кажется, неправильно было бы ограничиться простым упоминанием о возможности двойных норм орфографии и грамматики. Студенты должны уметь разбираться в причинах появления вариантов, при этом не может быть речи о радикальном предпочтении одного варианта другому. Знаний, получаемых при изучении всего курса славистических дисциплин, должно быть достаточно для проведения анализа.

Овладение белорусским литературным языком в современных условиях требует от преподавателей и студентов применения знаний из области сравнительно-исторического языкознания, компаративистики, диалектологии, социолингвистики.

*И. А. Прокофьева, Е. В. Рахилина (Москва). ГЛАГОЛЫ КОЛЕБАТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ: ПОЛЬСКИЙ И РУССКИЙ*³²

Задача

В работе исследуется семантика польских и русских глаголов, обозначающих колебательные движения. Ставится задача выявить параметры, по которым реализуются системные противопоставления в этом семантическом поле для данных двух языков. Обсуждается когнитивная и типологическая релевантность этих параметров.

В практическом плане наше исследование опирается на данные словарей, как двуязычных, так и толковых, на материалы, полученные от информантов – носителей польского и русского языков на основе разработанной нами анкеты, а также данные корпусов русского и польского языка. Мы старались учесть и лингвистические описания, так или иначе касающиеся семантики колебательных глаголов – ср., например, Wojar 1979, Levin, Rappaport 1992 (специальных работ, тем более сопоставительных, насколько нам известно, на эту тему пока нет).

Это исследование является продолжением проекта проф. Р. Гжегорчиковой (ср., например, Grzegorzycykowa R. 1997) по лексической типологии (прежде всего, славянских) языков, хотя и выполняется на другом лексическом материале.

Материал

Семантическое поле колебательных движений представлено в русском языке глаголами качаться, шататься, колыхаться, а также в очень небольшой степени – глаголами кивать и колебаться. В польском это поле отражают глаголы *huśtać się, kołysać się, chwiać się, kiwać się, bujać się, chybotać (się)*. Легко заметить, что, в отличие, например, от глаголов вращения (см. Прокофьева, Рахилина 2002), колебательная зона для русского и польского практически не содержит **КОГНАТОВ**, т.е. этимологически родственных глаголов (ср. англ. термин *cognate*). Исключение составляют колыхаться – *kołysać się* и кивать – *kiwać się*. Таким образом, в поле колебательного движения языки разошлись значительно. Отметим, что и сама структура поля различается в русском и польском: в русском есть «главный» глагол качаться, «ответственный» за колебательные движения самых разных типов (см. Рахилина 2001), остальные же глаголы явно составляют периферию: для шататься и колебаться наиболее частотными стали переносные значения (ср. шататься как ‘бесцельно передвигаться’, ‘бродить’, и в еще большей степени – колебаться как ‘сомневаться’; кстати, и польское *kolebać* в современном языке практически потеряло собственно колебательное значение). В польском картина более однородная: каждый глагол достаточно употребителен в своей узкой семантической области.

---

³² Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 02-04-00303а).

*Результаты сопоставления*³³

(1) Русское **кивать** – каузативный глагол, имеющий специальную зону действия (только в значении кивать головой о человеке или животном); польское **kiwać się** некаузативно и шире по значению, оно вбирает «русские» контексты наряду с любыми ситуациями, в которых происходит колебание верхней части объекта независимо от нижней, так что объект перегибается.

(2) Пара когнатов **колыхаться** – **kołysać się** тоже имеет зону семантического пересечения: и в польском, и в русском колышутся «мягкие» горизонтальные поверхности (ср. пшеница, трава). Возможно, эта ситуация является прототипической для обоих языков. Однако в русском в сфере действия этого глагола попадают и вертикальные «мягкие» поверхности (занавески, флаги) – и на этом она исчерпывается. Значение же польского глагола, как и в группе (1), шире. Его семантической доминантой оказывается слабая амплитуда колебаний, и это существенно расширяет круг объектов, подпадающих под сферу данного глагола: в нее входит, в отличие от русского, во-первых, вода и метонимически – все предметы на ее поверхности (несильно колеблемые), а во-вторых, слабо движущиеся маятникообразные объекты (например, люстра от ветра). Зато мягкие вертикальные поверхности не описываются этим глаголом: их способ качания в польской картине мира «объединяется» с движением неустойчивых «жестких» объектов, см. группу (4).

(3) Релевантность признака амплитуды колебаний для польского обнаруживается и на примере семантики глагола **huścić się**, который описывает движение маятникообразных объектов и соотносится прежде всего с ситуациями, которые на русский можно было бы перевести с помощью глагола раскачиваться, т.е. колебаниями большой амплитуды. Для русского единственный способ описать движение маятника – это употребить «главный» глагол качаться, причем независимо от амплитуды колебаний.

Наши исследования показывают, что в русском при этом в фокус внимания говорящего попадает именно весь подвешенный объект, тогда как подвеска «видится» повторяющей его движения и не принимается во внимание (ср. ситуацию качания маятника). Случаи «мягкой» подвески, со своей собственной траекторией движения, которая «берет на себя» фокус внимания, выделяются русским языком в отдельный класс и описываются глаголом махать (поэтому можно: махать, но не *качать хвостом).

(4) В особый класс ситуаций оба языка выделяют колебания теряющих устойчивость вертикальных объектов, закрепленных снизу. В

---

³³ С сожалением, ввиду экономии объема текста, авторы вынуждены опустить практически весь собранный иллюстративный материал и ограничиться общим его описанием.

русском в этой зоне действует – параллельно с качаться – глагол шататься, применимый к заборам, столбам, зубам, а также нетвердо стоящим на ногах людям. Обратим внимание, что раскачиваемые ветром деревья качаются, но не шатаются: их корни не дают им потерять устойчивости.

В польском колебательные движения закрепленных снизу «стержней» передается глаголом **chwiać się** – тем же, что описывает колебание гибких вертикальных поверхностей, например, занавесок, см. группу (2). Однако в польском идея неустойчивости разработана значительно подробнее, чем в русском. Во-первых, тот же глагол «обслуживает» и потерявшие устойчивость горизонтальные поверхности, что для русского языка недопустимо, ср. ... *szczętemu pod nogami trwałe, pewny grunt który się nie chwieje* '... чувствуем под ногами твердый грунт, который <букв.> не шатается'. Обратим внимание, что перевод этого предложения с помощью качаться будет так же неудачен: в русском такая ситуация, скорее, игнорируется языком («следы» ее видны лишь в употреблении адъективного шаткий: шаткие мостки). Что же касается канонических употреблений качаться применительно к горизонтальным поверхностям типа: палуба качается, то они ориентируются прежде всего на ситуацию колебаний опоры (в данном случае – воды), а не потерю устойчивости ввиду деформации. Обратим внимание, что качаться практически не применимо к самой водной поверхности (при том, что в польском колебания воды описываются не одним глаголом – в разных случаях допустимы и *huścić się*, и *kołysać się*, и *chybotać (się)*, и *chwiać się*, и *bujać się*), но описывает колеблемые водой предметы, см. также группу (6).

(5) Параметр неустойчивости занимает особое место в польской лексической системе: он релевантен для семантики еще одного польского глагола, а именно, **chybotać (się)**. Этот глагол подразумевает колебательные движения (с небольшой амплитудой) одновременно всех частей объекта; сходная ситуация в русском описывается глаголом дрожать. Так ведет себя пламя свечи, веревочная лестница или тряская поверхность болота; интересно, что в тот же класс приемлемых для *chybotać (się)* объектов попадают и старые вещи, готовые вот-вот развалиться, рассыпаться (как если бы все их части потеряли устойчивость). Никакого аналога в русском этому предикату нет.

(6) Еще один тип колебательных движений, который специально выделяется в польском – это колебания предмета на опорной поверхности, причем либо на поверхности устойчивой и неподвижной (ср. движение кресла-качалки), либо на подвижной, за счет ее собственных колебаний (ср. пассажир в транспорте, чайник на плите и др.) Оба эти типа ситуаций охватываются в польском одним глаголом **bujać się**. В русском же они не объединяются: качаться покрывает только первый тип и игнорирует второй, «оставляя» его глаголам близкой, но все же другой семантической группы, ср. трястись.

Обратим внимание, что первое значение глагола *bujać się* – ‘летать, носиться в воздухе’, и это не случайно: в польской картине мира концепт движения в воздухе связан с идеей вертикального движения относительно опоры (именно так и нужно, видимо, описывать семантику второго, колебательного значения *bujać się*). Типологически такое совмещение данных концептов (в более широком контексте его можно описывать как ‘летать’/‘прыгать’) релевантно для многих языков (ср., например, армянский или корейский). Интересно в этой связи и то, что польское *latać* ‘летать’ легко переносится на «колебательную» ситуацию ‘вздрагивать <о губах>’.

Некоторые выводы

Семантика поля колебательных движений в русском и в польском определяется разными параметрами – они и обеспечивают различие в членении этого поля. Для русского релевантным является различие между движением «мягких» и «жестких» объектов (качаться vs. колыхаться); кроме того, в отдельный класс выделяется колебание потерявших устойчивость крепления снизу вертикальных объектов (качаться vs. шататься).

Для польского важны амплитуда колебаний (большая: *huścić się*; малая: *kołysać się*, *chwiać się*, *kiwać się*, *chybotać [się]*, *bujać się*) и параметр неустойчивости (ср. *chwiać się*, *chybotać (się)* и отчасти *bujać się*). Кроме того, польский, в отличие от русского, имеет возможность лексически противопоставить пять топологически различных типов колебательных ситуаций: движение маятника (*huścić się*), раскачивание закрепленного снизу вертикального объекта (*chwiać się*), колебательные движения вместе с опорной поверхностью (*bujać się*), колебания одной верхней части вертикального объекта (*kiwać się*) и мелкие колебания всех частей объекта, которые происходят одновременно и независимо друг от друга (*chybotać [się]*).

Л и т е р а т у р а

- Прокофьева И. А., Рахилина Е. В.* 2002. – Крутится, вертится шар голубой (типология глаголов вращения: польский и русский) // Доклады 3-ей зимней типологической школы. РГГУ. М., 2002.
- Рахилина Е. В.* 2001. – О природе бесконечного движения: качаться // *Prace Filologiczne*. T. XLVI. Warszawa, 2001. S. 493–502.
- Bojar B.* 1979. – *Opis semantyczny czasowników ruchu oraz pojęć związanych z ruchem*. Warszawa, 1979.
- Grzegorzyczkowa R.* 1997. – Projekt syntezy badań poró wnawczych w zakresie nazw wymiaró w // B. Nilsson; E. Teodorowicz-Hellman (eds.). *Nazwy barw i wymiaró w – Colour and measure terms*. Stockholm, 1997. P. 97–104.
- Levin B.; Rappaport Hovav, M.* 1992. – The lexical semantics of verbs of motion: the perspective from unacusativity // I. Roca (ed.), *Thematic structure: Its role in grammar*. Berlin. Foris, 1992. S. 247–269.

Гуральский (или подгальский) диалект относится к юго-западному ареалу малопольского наречия. Этот диалект отличается своеобразной лексикой, что обусловлено специфическими природными и социально-историческими условиями жизни местного населения, особенностями его давнего быта, связанного в первую очередь с горным пастушеством и скотоводством. У горцев Подгалья, живущих на пограничной территории, отмечаются элементы из контактирующих с польским славянских языков, а также большое число элементов, находящихся соответствия в венгерском и румынском языках. Последнее связано с проходившей через территорию Карпат в XIV–XVI вв. пастушеской колонизацией. Гуральская диалектная лексика находит отражение и в пословицах.

Материал для нашего исследования черпался главным образом из словаря пословиц Ю. Кшижановского, а также из словаря Б. Линде, диалектного словаря О. Карловича и других словарей.

При отдельных пословицах в словаре Ю. Кшижановского отсутствуют указания на их принадлежность к тому или иному диалекту, но в 4 томе приводит список диалектной лексики, встречающейся в пословицах. На его основе мы выявили корпус пословиц с диалектизмами.

Приведем перечень гуральских диалектизмов, которые встречаются в пословицах, отмеченных в словаре Кшижановского:

1. Названия этнографических реалий, т. е. лексика, связанная с описанием быта гуралей, хозяйственного обихода, одежды, условий труда.

1) Одежда, обувь.

bonda – лит. *burka*, *kożuch* ‘бурка, полушубок’

dziora – лит. *chustka* ‘платок, косынка’

2) Названия орудий труда

koraczka – лит. *motyka* ‘мотыга’

3) Названия природных явлений (элементов ландшафта, связанные со спецификой данной местности)

roztoka – лит. *miejsce w górach* ‘горная долина’

2. Диалектные названия общеизвестных реалий.

1) Названия еды

grule – лит. *ziemniaki* ‘картофель’

mułka – лит. *mąka* ‘мука’

warza – лит. *gotowane jadlo* ‘готовая еда’

2) Описание человека

– нейтральные названия

dziewula – лит. *dziewczyna* ‘девушка’

gazda – лит. *gospodarz* ‘хозяин’

juhaś – лит. *pasterz* ‘пастух овец’

suhaј – лит. *parobczak* ‘молодой батрак, парубок’

wideńka – *лит.* kobieta wysoka ‘высокая женщина’
 – пейоративные названия
 lula – *лит.* kołyska, głupiec ‘колыбель, глупец, дурак’
 palárz – *лит.* brudas ‘грязнуля’
 twórz – *лит.* tchórz ‘трус’
 4) Слова, выражающие эмоции, переживания
 banować – *лит.* tęsknić ‘тосковать, скучать’
 grzdeşzyć – *лит.* męścić ‘мучить, терзать, мучаться’
 sturdaj – *лит.* okrzyk radości ‘радостный возглас’
 5) Диалектные частицы и союзы
 hań – *лит.* tam ‘там, туда’
 haw – *лит.* tu ‘здесь’
 tamok – *лит.* tam ‘там, туда’
 wszędył – *лит.* wszędzie ‘везде, всюду’

В результате исследования было выявлено 72 лексических диалектизма, встречающихся в пословицах, и была дана их тематическая классификация.

Л и т е р а т у р а

1. *Ананьева Н. Е.* История и диалектология польского языка. М., 1994.
2. *Лер-Славинский Т.* Польский язык. М., 1954.
3. *Doroszewski W.* Słownik języka polskiego. Т. 1–11 Warszawa, 1958–1969.
4. *Dubisz S., Karas H., Kolis N.* Dialekty i gwary polskie. Warszawa, 1995.
5. *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Т. 1–6. Kraków, 1900–1911.
6. *Nitsch K.* Dialekty języka polskiego. Wrocław; Kraków, 1957.
7. *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich // Pod red. J. Krzyżanowskiego.* Т. 1–4. Warszawa, 1969–1978.
8. *Słownik gwar polskich // pod red. M. Karasia, J. Reichana.* Т. 1–3. Wrocław, 1977–1991.
9. *Urbańczyk Stanisław.* Zarys dialektologii polskiej. Warszawa, 1962.

О. А. Ржанникова (Москва). ВОПРОСЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ И СТИЛИСТИКИ В «ГРАММАТИКЕ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ВЛАДЕЮЩИХ РУССКИМ ЯЗЫКОМ» Н. В. КОВОЙ И М. ЯНАКИЕВА

В основу грамматического описания болгарского языка, представленного в «Грамматике болгарского языка для владеющих русским языком» Н. В. Ковой и М. Янакиева (2001) (далее – ГБР), положены принципы, коренным образом отличающие данный труд от существующих грамматик не только болгарского, но и других языков. По определению авторов ГБР, предлагаемое ими грамматическое описание, во-первых, последовательно и эксплицитно глоттометрично, то есть представляет явления языка исходя прежде всего из их частотности, во-вторых, это описание последовательно морфематично, то есть в качестве основной единицы предполагает именно морфему, в-третьих, данное описание демонстрирует последовательное разграничение

языковых феноменов, воспринимаемых зрением (письменная речь), и языковых феноменов, воспринимаемых слухом (устная речь).

Объектом всякого конкретного грамматического описания является определенный язык. Авторы ГБР считают для себя принципиально важным разъяснить, как в их труде трактуется объект исследования, а именно болгарский язык. Болгарский язык для Н. В. Котовой и М. Янакиева – это «совокупность всех текстов, созданных после XVI столетия н. э. усилиями людей, считавших себя пишущими по-болгарски, текстов, которые создаются и по сей день» (ГБР, 5). Кроме того, чрезвычайно важен тот факт, что в совокупность текстов, реализующих современный болгарский язык, по мнению авторов ГБР, входят не только письменные тексты, но и все тексты, зафиксированные с помощью звукозаписывающей аппаратуры, то есть устная болгарская речь. Н. В. Котова и М. Янакиев заявляют уже во Введении и постоянно подчеркивают в дальнейшем, что ими исследуется *«современная бг. языковая практика в целом»* (ГБР, 7; курсив наш – О. Р.).

При таком подходе к объекту описания чрезвычайно важным представляется разъяснение авторского видения современной языковой ситуации в стране исследуемого языка и, соответственно, авторского понимания статуса литературного языка как одной из составляющих национального языка. Вопрос о современном болгарском литературном языке в существующих грамматиках болгарского языка (Л. Андрейчин, Ст. Стоянов, Ю. С. Маслов, Академическая грамматика) рассматривается прежде всего в аспекте его соотношения с болгарскими диалектами. Авторы ГБР разделяют данный подход, справедливо подчеркнув при этом, что конкретных социолингвистических исследований, позволяющих определить, как представители разных слоев болгарского общества относятся к литературному болгарскому языку и довольно многочисленным и разнообразным диалектам, пока недостаточно. В ГБР литературный болгарский язык понимается как функциональная разновидность болгарского языка, рекомендуемая для (официального) общения интеллигентных людей с незнакомыми, но предположительно тоже интеллигентными людьми. При этом одним из важнейших феноменов болгарской языковой практики авторами ГБР называется использование в «официальной» письменной и устной речи очень заметных особенностей болгарских диалектов. Определив, как уже было подчеркнуто, в качестве основополагающего принципа своего исследования описание всей болгарской языковой практики в целом, авторы ГБР во всех разделах книги последовательно рассматривают не только так называемые литературные варианты выражений, но и варианты, которые расцениваются как диалектные.

Последовательно глоттометрический подход, провозглашенный авторами ГБР, лежит также в основе определения и классификации стилей современного болгарского литературного языка. Основным статистическим показателем, критерием выделения стилей, в ГБР

является количество личных глагольных форм в пробе определенного размера, или так называемая «глагольная температура» текста. Самой высокой глагольной температурой характеризуется разговорный стиль, который признается в ГБР эталонным. Ему противопоставляется документный стиль (с самой низкой глагольной температурой). Промежуточное положение занимает стиль литературно-художественных произведений. При этом в художественных произведениях выделяют стиль диалога, стиль повествования и стиль описания.

Именно признание разговорного стиля эталонным предопределило тот факт, что основным источником сведений о болгарском языке в ГБР послужил текстовый массив устной речи, дополненный выборками из разнообразных текстов (произведений беллетристики, поэзии, публицистики, научных сочинений, учебников для средней и высшей школы). Поскольку специфика стиля определяется его статистическими характеристиками, многообразие стилей болгарского языка представляется авторам ГБР весьма значительным. Поэтому о соответствующих стилистических различиях говорится во всех разделах грамматики: начиная от стиля типографских шрифтов и стиля оформления рукописей в разделе «Графемика» и произносительных стилей, описанных в разделе «Лалетика», до стиля диалога и монологического сообщения в разделе «Морфосинтактика».

Е. В. Розова (Донецк). Причины и условия появления инноваций в УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТЫМЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ – НАЗВАНИЙ ЛИЦ)

Язык развивается. И его развитие – процесс объективный, поскольку он обуславливается прогрессом всего общества. «Время изменяет всё, и нет никаких оснований считать, что на язык это универсальное положение не распространяется» [Сосюр Ф. де, 1998: 100]. Исследование динамики языковых процессов позволяет выдвинуть такие тезисы:

1. Постоянные изменения языка как такового порождены многими причинами: среди экстралингвистических это любые существенные изменения в обществе, языковое освоение действительности человеком, желание человека сделать своё сообщение более информативным, общая интеграция народов мира и обмен культурологическими, техническими и научными достижениями, опытом; в результате международных контактов в наш язык приходят слова, которые мы заимствуем для номинации новых реалий; среди внутрилингвистических факторов выделяется тенденция к экономии языковых средств и их унификации, стремление к системности на всех языковых уровнях, достижение эмоционально-экспрессивной выразительности, влияние аналогии и другие.

2. Наиболее интенсивно обогащение лексического состава языка происходит в эпохи больших социальных сдвигов. Общественные

изменения дают толчок огромным потенциальным силам, заложенным в языке (см. [Сербенська, Волощак, 2001: 109]). Украинское общество переживает именно такую эпоху – время работы над созданием и укреплением собственной государственности, стремления быстро догнать западный мир в сфере политики, науки, образования, техники. Характерной чертой нашего времени является усиление антропоцентризма. В связи со спецификой исследования нас главным образом будет интересовать процесс обновления языка на лексическом и словообразовательном уровнях, а именно: лексические инновации в сфере номинации – названий лиц в украинском языке и закономерности построения отыменных существительных. Новообразования – номинации лиц формируют значительный (как качественно, так и количественно) класс лексических единиц, а сама категория лица является одной из центральных во многих лингвистических и логических классификациях.

3. Базой для исследования послужила картотека, составленная по материалам украинской прессы (2000–2003), которая наиболее оперативно отражает появление новых явлений на всех языковых уровнях. Информационное пространство газетно-публицистического стиля конца XX – начала XXI вв. становится безусловным образцом для подражания, и сегодня динамика развития языка определяется именно сферой средств массовой информации. Это объясняется тем, что СМИ имеют значительно больше возможностей для отображения и нормирования процессов в живом языке.

4. Инновации отображают изменения в перечне, составе и особенностях предметов и явлений объективного мира, общественную деятельность человека и работу человеческого сознания. Сам термин “инновация” относительно недавно вошёл в широкое научное (лингвистическое) употребление для обозначения понятий, связанных с динамикой языковых процессов. Понятие инновации в лингвистике является родовым. Оно охватывает изменения на всех уровнях языковой системы, тенденции обновления системы в целом (изъятие определённых единиц, замену, появление конкурентных пар и рядов единиц и т. д.) На лексическом уровне понятие инновации объединяет не только собственно заимствования, но и новые слова, образованные из украинских элементов, новые значения уже известных слов, новые формы сочетаемости слов и т. д. Видовыми тут будут термины «неологизм», «новообразование», «окказионализм», «неосемантизм» и др.

5. Существует несколько путей появления новообразований в языке того или иного народа. Почти все исследователи выделяют внеязыковые и внутриязыковые факторы появления новых слов. Среди внеязыковых (экстралингвистических) называют такие: 1) ускоренное развитие науки и техники; 2) интеграция большинства стран мира, а значит, более тесные контакты между ними; 3) развитие средств

массовой коммуникации; 4) общее ускорение темпа жизни общества. В результате – возникает необходимость номинации новых реалий.

В целом внутриязыковые факторы появления новых слов объединяют:

- 1) тенденцию к экономии знаковых средств выражения. Это один из наиболее значительных языковых стимулов появления новых словарных элементов. Эту тенденцию ещё называют “языковой экономией” (Й. О. Х. Есперсен), “законом экономии языковых усилий” (А. Мартине), она состоит в том, что говорящие осуществляют отбор наиболее рациональных для цели общения языковых средств. Сюда можно отнести такие языковые явления, как замена словосочетания (устойчивая языковая номинация) однословным наименованием: *страховий агент – страховик*; аббревиация: *політичний технолог – політтехнолог, туристичний агент – турагент*; заимствование с целью более рационального наименования уже известных понятий: *слабкий спортсмен, який регулярно залишається без перемоги – аутсайдер, боковий напівзахисник на футбольному полі – інсайд*; семантические трансформации: *синяк – замерзлий безпритульний чоловік, мажор – забезпечена дитина багатих батьків, що не відрізняється моральними якостями*; универбация: *силовики (представники силових структур, відомств державного апарату)* и др.
- 2) значительная часть лексических инноваций, которые образовались для перенаименования уже известных понятий, является результатом действия порождающей функции языковой системы, которая делает возможным проявление (реализацию потенциальных единиц) тех или иных членов словообразовательного гнезда. До своего проявления такие инновации существовали как потенции, из-за чего какие-то реалии обозначались описательно: *кактусист, платник, бюджетник*;
- 3) как причину, которая обуславливает появление неологизмов, не обозначающих новых реалий, можно назвать унификацию знаковых средств выражения: *шоу-мен (ведучий будь-якої розважальної програми), стиліст (людина, яка працює над стилем – зачіски, одягу, мови тощо)*;
- 4) повышение потенциала выразительности, эстетических характеристик лексических единиц. Стремление к разнообразию, выразительности речи всегда связано с постоянным расширением в лексике круга синонимических средств, которые ещё и помогают детализировать какое-либо понятие, подчеркнуть его “какое-нибудь свойство и таким образом сделать речь выразительнее” [Волков, Сенько, 1983: 55];

- 5) перераспределение языковых средств в жанрах речи;
- 6) тенденция к дифференциации (в направлении “род → виды”). Эта тенденция отображает стремление к определённой иерархии в рамках смыслового поля: *дилер, арт-дилер, автодилер*;
- 7) одним из проявлений системности лексики, как подчёркивают исследователи, является антонимия, а антонимические отношения являются одной из причин, которая вызывает к жизни словообразовательный процесс [Габинская, 1978: 143]: *недотена – дотена*.

6. Соглашаясь с утверждением Н. З. Котеловой [1978: 6], отметим, что количественно более значимыми являются экстралингвистически обусловленные новообразования и заимствования. Об этом свидетельствует словарь новейшего времени, который отражает интенсивное развитие общественной жизни во всех сферах её проявления. Он включает новые названия наук, объектов наук, приборов, механизмов, техники, явлений политической жизни, течений искусства, видов спорта, деталей быта (*дайвинг, скотч, виндсерфинг, лобі, сквош, дотация, хостис, арт-дизайнер, дартс*). Конечно, новообразования, являющиеся результатом внутриязыковых процессов, также занимают значительное место, особенно образованные морфологическим способом словообразования (суффиксальным, сложением основ, префиксально-суффиксальным, безаффиксным и т.д.)

7. Можно выделить такие условия появления инноваций в украинском языке: 1) украинский язык, как и общество, сейчас открыт для контактов с другими странами (а значит, и с их языками); 2) наше общество утоляет собственный информационный голод, настроено на активное заимствование достижений других культур (этим объясняется не только «перетягивание» чужих слов, а также образование новых номинаций из собственно украинских элементов или с использованием иноязычных); 3) откровенная ориентация страны на западный мир (ср. [Крысин, 2000: 142–146]).

8. Исследование современного состояния языка является необходимым условием для определения тенденций его развития, прогнозирования дальнейших лингвистических изменений. Изучение процессов номинации отыменных существительных – названий лиц (заимствование, нормативное образование из собственных составляющих, окказиональное словообразование и т.д.) позволит раскрыть мировые тенденции выдвижения человека как основного общественного деятеля и творца на первую позицию в системе общечеловеческих ценностей.

Литература

1. Волков, Сенько 1983: *Волков С. С., Сенько Е. В.* Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития // Новые слова и словари новых слов. Л., 1983. С. 43–57.
2. Габинская 1978: *Габинская О. А.* Антонимия как одна из причин возникновения лексических новообразований // Инновации на разных языковых уровнях: Сб. науч. трудов. Рига, 1978. С.135–145.
3. Котелова 1978: *Котелова Н. З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов / Л., 1978. С.5–26.
4. Крысин 2000: *Крысин Л. П.* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык в конце XX столетия (1985–1995). 2 изд. М., 2000. 480 с. С. 142–161.
5. Сербенська, Волощак 2001: *Сербенська О. А., Волощак М. Й.* Актуальне інтерв'ю з мовознавцем: 140 запитань і відповідей. Київ, 2001. 204 с.
6. Сосюр 1998: *Сосюр Ф.де.* Курс загальної лінгвістики / Пер. з фр. А. Корнійчук, К. Тищенко. Київ, 1998. 324 с.

Н. Р. Рыболовлев (Москва). ОБРАЩЕНИЕ В ПОЛЬСКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ (ПОЛЬСКО-РУССКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ)

Центральной единицей речевого этикета (РЭ) отечественные лингвисты признают обращение. В связи с решительным поворотом лингвистики в сторону изучения функционирования языковых единиц в реальных коммуникативных актах можно утверждать, что «проблема обращения выдвигается в число важнейших»³⁴.

Материалы наблюдений за функционированием форм обращения в польском и русском языках позволяют сделать вывод о наличии ряда существенных расхождений в их реализации.

В современном польском языке продолжает функционировать звательная форма существительных (*wołacz*), выступающая при обращении к собеседнику. Эта форма регулярно образуется в единственном числе у всех существительных мужского и женского рода: *Tato! Mamo! Jasiu* (ср. русские разговорные звательные формы: *Пан! Мам! Ван, а Вань!*) Разница между сопоставляемыми языками состоит в том, что в русском употребление указанной формы ограничено. Во множественном числе в польском в случае необходимости используется форма именительного падежа, а в русском также может выступать подобная приведенным выше «усеченная» форма множ. числа (ср. в польском: *Chłopaki!* в русском: *Ребята!*) Следует, однако, различать формальную возможность образования звательной формы и частотность ее реального использования в общении.

В отечественной русистике основной оппозицией при обращении признается противопоставление форм на «ты» и на «Вы». Этикетное употребление в речи поляков местоимения 2-го л. множ. ч. «*wy*» весьма ограничено. До недавнего времени местоимение «*wy*» и форма глагола

³⁴ Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. – М., 1987. – С. 3.

2-го л. множ. ч. употреблялись 1) по отношению к группе лиц, с каждым из которых говорящий на «ты» (*Posłuchajcie, ludzie, mojej opowieści. Co ja wam tu powiem, w głowie się nie mieści. – Послушайте, люди, мой рассказ. То, что я вам расскажу, в голове не укладывается.*) 2) в подчеркнуто официальном обращении к одному собеседнику – между членами ПОРП (*Nie macie racji, towarzyszu. – Вы не правы, товарищ*), между военнослужащими, сотрудниками милиции (*A co wam, kapitanie, da sprawa kradzieży ikon? Nawet jeśli zdobędziecie dowody... – А что вам, капитан, даст дело о похищении икон? Даже если вы добудете доказательства...*), а также сотрудников правоохранительных органов к задержанным (*Obywatelu Kornacki! Podczas zeznań składanych w Szczecinie powiedzieliście, że macie dzieci? – Гражданин Корнацкий! Во время дачи показаний в Щецине вы сообщили, что у вас есть дети?*). Социальные преобразования последних лет отразились на языке таким образом, что наиболее активным осталось лишь первое из указанных употреблений, а также обращение по отношению к задержанному.

При официальном и полуофициальном обращении к одному собеседнику используется форма множ. ч. 3-го л. глагола в сочетании с существительным в именительном падеже в качестве субъекта высказывания: *pan* (при обращении к мужчине), *pani* (при обращении к женщине), например: *Pan mnie rozumie? Czy pani wysiada na następnym przystanku?* В русском языке этой форме обращения соответствуют формы 2-го л. множ. ч.: *Вы меня понимаете? Вы выходите на следующей остановке?* При обращении к молодой девушке употребляется слово *panna* в сочетании с именем: *Panno Kasiu, czy zostanie pani u nas na kolacji?* Вне сочетания с именем к девушке обращаются, употребляя слово *pani*. Позицию слов *pan* и *pani* могут занимать другие существительные, обозначающие адресата в социальном плане.

Особенностью польского речевого этикета в военной, научной, административной среде является «повышение рангом». Например, обращаясь к носителям званий *podporucznik*, *podpułkownik* принято использовать соответственно слова *porucznik*, *pulkownik*: *Panie pułkowniku, czy pan pułkownik pozwoli?* Не принято употреблять при обращении указатели *eks-*, *wice-*.

При обращении к нескольким собеседникам в сочетании с формой 3-го л. множ. ч. используются формы имен. п. множ. ч. указанных существительных: *panowie*, *panie* или же существительное *państwo* (при обращении к смешанному обществу). В сочетании с таким подлежащим глагол стоит в форме 3-го лица. Форма 2-го л. множ. ч. глагола (например, *Widzicie państwo?*) придает речи более непринужденный характер. Все эти сочетания должны передаваться по-русски глагольной формой 2-го л. множ. ч.

Наиболее принятой формулой привлечения внимания в польском языке являются: *Proszę pana!* (при обращении к мужчине), *Proszę pani!* (при обращении к женщине), *Proszę państwa!* (при обращении к

смешанной группе лиц). Эти выражения оформлены соответствующей интонацией и нейтральны в социальном отношении. Они не выражают никакой просьбы и отличаются от сходных форм выражения просьбы тем, что в обращении слова *pan, pani, państwo* стоят в родительном падеже, а в просьбе – в винительном (ср.: *Proszę pani!* и *Proszę panią Elżbietę o najszybszy powrót do domu.*).

Носители русского языка испытывают затруднения в выборе форм привлечения внимания. В повседневной речи, за неимением других сложившихся форм, употребляются зачастую *мужчина, женщина, девушка*. Сохранение слов *pan, pani* в переводе с польского на русский способствует созданию национального колорита.

Обращение на *ty* в польском языке в целом совпадает с русским. Заметим только, что в последнее время в польском языке наблюдается более активное употребление формул на *ty* при обращении телевизионных ведущих к участникам различных ток-шоу (*Milionerzy, Chwila prawdy*). По-видимому, выбирая эту форму, ведущие надеются разрядить обстановку, создать атмосферу доверительности. Это может быть также обычным копированием англо-американских форм обращения, поскольку сами упомянутые передачи сделаны по соответствующему образу и подобию.

Знание формул речевого этикета является необходимым условием успешного овладения польским языком.

С. А. Рылов (Нижний Новгород). СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СЛАВЯНСКАЯ СИНТАКТОЛОГИЯ: ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ-ВЫСКАЗЫВАНИЕ И АСПЕКТЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

1. Во второй половине XX века наблюдается интенсивное развитие сопоставительных исследований на материале современных славянских языков. Изучение конкретных языковых явлений наиболее широко проводилось на фонологическом и морфологическом уровнях, в гораздо меньшей степени сопоставительные исследования коснулись синтаксиса. В работах отечественных ученых (В. И. Борковский, Т. П. Ломтев, А. С. Мельничук, Т. А. Иванова), чешских (J. Bauer, K. Hořálek, M. Grepl, R. Zimek, S. Žaža), болгарских (В. Георгиев, И. Георгиев, Д. С. Станишева) и др. затрагивались в основном частные синтаксические явления в славянских языках. В 80–90-е годы XX в. появляются монографии системно-обобщающего и интегрального характера: Андерш Й. Ф. «Типологія простих дієслівних речень у чеській мові в зіставленні з українською». (Київ, 1987); Мразек Р. «Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения». (Врно, 1990); Чумак В. В. «Типология сказуемого в сербохорватском и восточнославянских языках». (Киев, 1985).

Так постепенно, с развитием структурного направления в лингвистике сравнительно-исторические трактовки славянского синтаксиса, господствовавшие в конце XIX – первой половине XX вв. (Ф. Миклошич, А. А. Потебня, В. Ягич, В. И. Борковский), вытесняются синхронно-сопоставительными исследованиями. Это позволяет говорить о том, что в конце XX в. выделяется **сопоставительная славянская синтактология**³⁵ – область сопоставительного (сравнительно-сопоставительного, или конфронтационного, по терминологии А. Г. Широковой) исследования синтаксических явлений современных славянских языков в их синхронном состоянии. Это новое направление формируется на основе теории синтаксиса, структурной лингвистики, сопоставительного языкознания и теории перевода. Зародившись в недрах сравнительно-исторического языкознания и развиваясь на основе идей структурализма, сопоставительная славянская синтактология стала автономной областью, обладающей своими задачами, принципами, приемами исследования.

Несмотря на определенные успехи в изучении синтаксиса славянских языков, сопоставительная славянская синтактология остается в настоящее время наименее разработанной областью славянского языкознания. Поэтому сопоставительное исследование славянского синтаксиса по-прежнему является одной из важных и актуальных задач славянского языкознания, так как открывает новые возможности более глубокого познания синтаксической системы каждого из славянских языков. Требуется дальнейшая разработка принципов сопоставительного анализа синтаксических явлений в славянских языках. Науке еще предстоит преодолеть сохраняющуюся фрагментарность сопоставительных исследований, систематизировать существующие методы и методики.

2. Центральным в сопоставительной славянской синтактологии должно быть, по нашему мнению, предложение как главная коммуникативная единица, обслуживающая общение и мышление. При этом сопоставительный анализ может касаться как простого, так и сложного предложения. Однако, учитывая, что сложное предложение строится так или иначе на базе монопредикативных единиц (простых предложений) и репрезентирует более высокий ярус организации синтаксической системы языка, детальное сопоставительное изучение простого предложения представляется правомерным и целесообразным.

С другой стороны, анализируя простое предложение, следует помнить о его двустороннем – языковом и речевом – характере. Двоякая обращенность предложения: к языку, с одной стороны, к речи, с другой, – делает его двухаспектной единицей, которую целесообразно обозначить термином «предложение-высказывание». Именно **простое** предложе-

---

³⁵ Термин «синтактология» достаточно широко и удачно используется чешскими лингвистами – см., например: [Мразек 1990].

ние-высказывание (ППВ) является исходным элементом синтаксической системы – как минимальная коммуникативная и конструктивная единица языка-речи. Единица эта многогранна, обладает рядом существенных свойств, взаимосвязанных и взаимообусловленных.

С точки зрения сопоставительного исследования простого предложения-высказывания в славянских языках наиболее важными представляются следующие взаимосвязанные аспекты: а) структурно-грамматический; б) функционально-стилевой; в) лингвостатистический.

3. *Структурно-грамматический* аспект предполагает анализ простого предложения-высказывания как грамматической структуры, выражающей то или иное абстрактное грамматическое значение. Следует отметить, что грамматической структурой обладает как предложение в языке, так и предложение в речи, причем грамматическая структура предложения в речи не совпадает с грамматической структурой предложения в языке.

Грамматическая структура простого предложения *в языке* представляет собой модель (формулу, схему) сцепления членов предложения, т.е. абстрактный образец, по которому может быть построено множество конкретных предложений в речи (высказываний). При этом синтаксическая формула не является бессодержательной схемой, а выражает абстрактное грамматическое значение, связанное прежде всего с категориями коммуникативности, модальности, предикативности.

Сопоставительное исследование с точки зрения грамматической организации предложения в языке представляет большой интерес, поскольку, как было показано Р. Мразеком, современные славянские языки имеют существенные различия по таким структурно-грамматическим параметрам, как степень асимметричности предикативной основы, выражение семантики обладания («esse-языки» и «havege-языки»), средства реализации модальности [Мразек 1990, с.34–35]. Заслуживает внимания и общая концепция Р. Мразека, основывающаяся на понятии синтаксической деривации и идее «изоморфизма между словообразованием, формообразованием и предложением-образованием» [Мразек 1990, с.18–19].

Вместе с тем, грамматическая структура предложения *в речи* характеризуется рядом важных признаков, отличающих ее от грамматической структуры предложения в языке: а) конкретной лексической наполняемостью используемой синтаксической формулы; б) линейной организацией; в) синтагматической формой. Существенная структурно-грамматическая характеристика ППВ – его **синтагматическая форма**, под которой нами понимается реальная речевая последовательность грамматических элементов (ГЭ), построенная на основе языковой синтаксической модели и по существующим в данном языке правилам сцепления ГЭ – для выражения конкретного содержания (информации). Исследование синтагматической формы ППВ предполагает разноаспектный анализ как ее внешней, так и внутренней стороны. Однако

простое предложение-высказывание в славянских языках с этой стороны совершенно не изучено, и проблема синтаксической синтагматики «требует всестороннего осмысления и решения на основе доказательных наблюдений» [Березин, Головин 1979, с.219].

4. *Функционально-стилевой* аспект состоит в том, что ППВ – это грамматическая структура, функционирующая в речи, но, вместе с тем, применяемая неодинаково в функционально-стилевых разновидностях речи и дифференцирующая стилевые «пласты» речи. Этот аспект необходимо предполагает учет стилевой дифференциации изучаемых родственных языков, соотношение литературного языка и других форм существования языка, границ употребления синтаксических единиц и категорий. Как подчеркивала А. Г. Широкова, «при сопоставительном описании генетически родственных языков изучение функционального плана совершенно необходимо, так как в этих случаях наибольшее число различий представлено именно на уровне функционирования» [Широкова 1998, с.20]. Наблюдения, проводимые нами на материале русских и чешских функционально-стилевых разновидностей речи (художественная проза, научный стиль, газетно-публицистический стиль), показывают, что сходные или соотносительные структурные типы ППВ (двусоставное неполное, односоставное определенно-личное, неопределенно-личное, безличное, инфинитивное) в русской и чешской речи используются далеко не одинаково.

5. Лингвистический аспект предусматривает анализ простых предложений-высказываний разных структурных типов с точки зрения их активности, употребительности в речи (текстах).

Количественные характеристики присущи синтаксическим единицам и категориям, в т.ч. ППВ, по самой внутренней природе языка-речи [Головин 1971, с.11–16]; они тесно связаны с качественными признаками строя данного языка, а также с функциональной стороной языка-речи. Исчерпывающее и полное сопоставительное исследование синтаксиса славянских языков, думается, невозможно без учета количественных признаков синтаксических единиц и категорий, без применения в сопоставительной славянской синтактологии вероятностно-статистического метода, широко распространившегося в лингвистике. С его помощью уже получены интересные данные о структуре и функционировании синтаксических единиц и категорий в современном русском языке [Головин и др. 1982], украинском [Стат. парам. 1967], чешском [Hošnová 1994; Těšitelová 1985]. Несмотря на это, лингвостатистического сопоставления синтаксических явлений в разных славянских языках на широком речевом материале еще не проводилось. Между тем данные, полученные в дипломных работах студентов-филологов, специализирующихся по кафедре истории русского языка и сравнительного славянского языкознания ННГУ, показывают плодотворность применения вероятностно-статистического метода в сопоставительной

славянской синтактологии, в частности при изучении грамматической структуры ППВ.

6. Сопоставительное исследование структуры ППВ в современных славянских языках – с учетом всех выделенных аспектов – представляется важным и актуальным. Это позволит установить характерные для отдельных славянских языков закономерности и отличительные особенности построения предложений-высказываний в реальной речевой последовательности, способы их организации в речевых разновидностях неодинаковой стилевой отнесенности, т.е. в реальных условиях функционирования славянских языков на современном синхронном срезе. Разумеется, необходимы конкретные синтаксические разьяснения на значительном фактическом материале по разным славянским языкам, что будет иметь большое значение как для теории, так и практики сопоставительных исследований.

Л и т е р а т у р а

- Березин, Головин 1979*: Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979.
Головин 1971: Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971.
Головин и др. 1982: Головин Б. Н., Грехнева Г. М., Карельская И. М., Лаврова Н. Н., Русова Н. Ю., Рылов С. А. и др. Стилевая дифференциация грамматической структуры русского языка. Горький, 1982. – Деп. в ИНИОН АН СССР 16.08.82; №10809.
Мразек 1990: Мразек Р. Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения. Врно, 1990.
Стат. парам. 1967: Статистичні параметри стилів. Київ, 1967.
Широкова 1998: Широкова А. Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. Под ред. А. Г. Широковой. М., 1998, с.10–99.
Hošnová 1994: Hošnová E. K vývoji české syntaxe (Ve vědeckých textech z poslední čtvrtiny 19. století). Praha, 1994.
Těšitelová 1985: Těšitelová M. Kvantitativní charakteristika současné češtiny. Praha, 1985.

А. В. Савченко (Санкт-Петербург). ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ЭКСПРЕССИВНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЧЕШСКОГО ПИСАТЕЛЯ Й. ШКВОРЕЦКОГО «ТАНКОВЫЙ БАТАЛЬОН»)

Для изучения проблемы возникновения интертекстуальных отношений, выявления и описания различных типов единиц интертекста (интертекстем), их реализации и особенностей функционирования в художественном тексте выбрано произведение чешского писателя Йозефа Шкворецкого «Танковый батальон». Роман Шкворецкого представил исследовательский интерес с нескольких точек зрения. Язык, которым написано произведение, характеризуется разнообразием и разнородностью используемых автором лексических, стилистических, образных средств. Во-первых, специфика языка романа обусловлена

местом действия – армия (одно из подразделений, где проходит службу герой романа Данни Смиржицкий). Вторым важным смыслообразующим компонентом, оказывающим своё влияние на язык, является историческая эпоха, в которую происходят события в романе, – период после февральских событий 1948 г. в Чехословакии, когда происходило изменение политического строя страны и последовавшая за этим зависимость от СССР в большинстве сфер жизни общества. Совокупность этих факторов во многом определяет многоплановость содержания и яркую образность произведения, которое, по сути, – прямая отсылка к Гашеку; герои Шкворецкого – во многом реминисценция Швейка и других действующих лиц романа Гашека.

Сатирический характер «Танкового батальона» выражен в постоянно возникающих смысловых и стилистических контрастах. Их возникновение достигается, главным образом, за счёт активного использования Шкворецким целого комплекса текстообразующих компонентов, имеющих интертекстуальную основу. Рассматриваемый комплекс интертекстовых компонентов анализируется в двух основных аспектах: в так называемом *армейском дискурсе*, т.е. совокупности главных языковых черт, особенностей коммуникации, сфер и контекстов использования средств языка, характерных для армии как особой социальной подсистемы. Вторым аспектом является рассмотрение вопроса о воздействии господствующей идеологии и языка страны-источника данной идеологии на язык «подчинённых» стран. Этот пласт условно назван *тоталитарный дискурс*. Контекстуальное сочетание интертекстовых единиц этих двух пластов, разнородных по своей лингвистической природе и разноплановых по содержанию и смысловой нагрузке, является главным приёмом, с помощью которого автор достигает различных эффектов: комизма, иронии, сарказма.

В рамках армейского дискурса рассматривается *официальный язык военного обихода*. Шкворецкий иронически называет этот язык *«řádovú otčenáš»* – «уставной Отче Наш». В повседневном языке армейского обихода этот «эталон» существенно преобразуется, взаимодействуя с народной речью. Можно отметить несколько типов такого воздействия, где элементы официального языка употребляются в виде своеобразных цитат. 1) цитация положений Устава 2) формулировки приказов, команд, рапорты и т.д. 3) выдержки из других военных документов (сводки, донесения, отчёты и т.п.). Автору романа удалось в полной мере использовать синтаксические, лексические и другие особенности стиля и содержания различных элементов официального военного языка для создания в повествовании атмосферы аутентичности. Вместе с тем, эти элементы являются средством тонкого, порой едва уловимого юмора, и, взаимодействуя с остальным контекстом, приобретают яркий оценочный характер.

Исследование так называемого "армейского творчества" проводится по двум направлениям: 1) Литературное творчество в армейском

быту: речь идёт о так называемом "официозном" ("агитпроповском") армейском творчестве, относящемся к области культурного досуга военнослужащих и являющемся одним из составных элементов службы в армии. Рассматриваются такие типы текстовых включений, как отрывки стихотворений и фрагменты песен, предназначенных для каких-либо официальных мероприятий. 2) "Неуставной" армейский фольклор. Тематически единицы армейского фольклора можно разделить на следующие группы:

- интертексты, отражающие общеармейские реалии, посвящённые армейскому быту, превратностям военной службы, взаимоотношениям между старослужащими и новобранцами, отношению солдат к гражданским лицам, ожиданию окончания срока службы и т.п. (*Už se to píše / plnicím perem: / Máme za pár! / Už se na to serem!*)
- интертексты, связанные с определённым местом прохождения службы. (*Ví to celá armáda a ví to každá četa: Kobylec je velká prdel světa!*)
- интертексты "военно-политической" направленности. (*Ať zhyne krvavý bolševismus!*)
- интертексты с эротическими сюжетами. (*Nechte si řády, dejte nám ženský!*)

Некоторые интертексты не принадлежат к какой-то определённой группе, а имеют разнородный характер.

Рассматривая разнородные и разноплановые элементы армейского дискурса в структуре художественного текста, можно сделать следующие выводы. Язык, свойственный данной социальной подсистеме, представляет собой достаточно сложную структуру с характерными лингвистическими и стилистическими чертами. Различные компоненты и составляющие этого языка должны рассматриваться не только обособленно, но и в более широких смысловых контекстах. Вслед за Гашеком, широко используя в тексте различные элементы армейского дискурса, Шкворецкий "депатетизирует" серьёзность, "официозность", свойственные этому дискурсу.

В рамках *тоталитарного дискурса* рассматриваются цитаты "из великих", а также русизмы и русскоязычные элементы в романе.

Цитаты "из великих" выполняют в романе роль важного сатирического приёма в изображении армейского быта в недавнем прошлом. Пуганица имён и цитат подчёркивает не образованность, а "образованщину" персонажей; появляется комический эффект, вызванный общей нелепостью ситуации, абсурдностью всего происходящего. Шкворецкий использует приём "упоминательной клавиатуры" (термин Ю. Левина), когда приведённая цитата или названное в тексте прецедентное имя вызывает в памяти читателя определённые исторические и культурные ассоциации, что является одним из главных свойств и функций интертекстем.

В романе Шкворецкого отражены типичные, характерные черты языка той эпохи, который впитал в себя все "политическо-лингвистические" черты существовавшего строя, в том числе и многочисленные советизмы, т.е. лексические единицы, отражавшие советские реалии.

Интертексты "русскоязычного" происхождения в зависимости от своей функции в тексте можно разделить на несколько основных типов:

1. Русизмы (в том числе советизмы)
2. Семантические клише и кальки
3. Фонетическая имитация русского языка

Таким образом, можно сделать вывод о том, что различные по типу и характеру интертексты способны значительно расширить смысловые границы текста, стать основой возникновения стилистических и смысловых контрастов. Интертексты имеют как текстообразующую, так и экспрессивно-смысловую роль, в зависимости от контекста и авторской установки. В то же время, помимо языковых, любой текст может впитывать в себя экстралингвистические особенности того исторического периода, в который он был создан.

С течением времени историческая ситуация меняется, меняются взгляды на ту или иную историческую эпоху, что способно приводить к актуализации одних и выходу из активного языкового обихода, переходу в разряд историзмов других типов интертекстом, размытию некоторых из них. Поэтому исследование текстов с точки зрения различных типов проявления интертекстуальных отношений должно стать не только сугубо научным филологическим или историческим исследованием, но и своеобразным комментарием к самому тексту, призванным помочь читателю *гесп.* переводчику понять особенности, глубже проникнуть в суть описываемого периода. Такой комментарий в определённой мере сможет донести до сознания читателя многие ушедшие реалии прошлого, дополнительно способствуя экстралингвистическому раскрытию смысла текста и сохраняя в культурном и историческом наследии человечества память о прошлом.

А. В. Семенова (Москва). К ВОПРОСУ О МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ СТАТЬИ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КАШУБСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)

В идеографическом словаре распределение материала осуществляется по семантическому принципу, то есть «по толкованию», а не в зависимости от лексического наполнения.

Кашубская фразеология характеризуется высокой идиоматичностью, что связано с наследованием архаичных структурно-семантических моделей и типов фразеологической гештальт-структуры. Идиоматичность ФЕ кашубского этнолекта также обусловлена ее ассимилятивными возможно-

стями, в которых проявляется и стремление к инновациям, например, в случаях включения в словарный состав польских и немецких ФЕ.

Противопоставление польской и кашубской фразеологии часто носит условный характер, так как многие общепольские фразеологические единицы (ФЕ) имеют диалектное происхождение, а кашубские фразеологизмы возникали на основе общепольских фразообразовательных моделей.

Предлагаемая классификация кашубских фразеологизмов построена на базе материала, извлеченного из Словаря кашубских говоров Б. Сыхты, используются и работы других авторов, занимавшихся теоретической разработкой или практическим созданием фразеологических словарей (В. Н. Телия, В. М. Мокиенко, С. Влахов, Ст. Скорупка, Е. Тредер, Г. Поповска-Таборска и др.). В данную классификацию включены и устойчивые сравнения (УС), так как они выполняют сходные с ФЕ функции, отличаясь лишь тем, что сравнение присутствует в ФЕ в «свернутом» виде, в то время как в УС оно является основой содержания.

Часто ФЕ обладают «диффузной» семантикой. Причиной этого является, помимо свойств языка в целом, семантическая неповторимость каждой конкретной ФЕ, вследствие этого ФЕ могут сочетать в себе семантику ФЕ двух или более выделяемых при классификации групп.

По ряду особенностей предлагаемая нами словарная статья отличается от представленных в других работах. Во-первых, в случае диффузности значения ФЕ, ее многозначности или омонимичности она снабжена перекрестными ссылками.

Во-вторых, в каждой словарной статье наряду со смысловым переводом или переводом с помощью аналогичной ФЕ русского языка дан буквальный (дословный, покомпонентный) перевод на русский язык. Покомпонентный перевод помогает понять внутреннюю форму ФЕ и выявить «фразообразовательное» значение.

Так, логико-семантическая группа «природные явления» включает ФЕ с разнообразными дополнительными значениями. В некоторых случаях эти значения почти равноправны с «основным».

Наибольшую трудность представляют ФЕ, в число фразеосемем которых входят те, что связаны с различного типа характеристикой объекта или процесса. В этом случае оценить степень самостоятельности и «удельный вес» данной семы в структуре значения ФЕ бывает сложно. Например, ФЕ

▪ *Jezoro płacki wēplakalē* (озеро плаксы выплакали) – 'о растущих над озером березах'

рассматривается в группе «явления природы» с отсылкой к группе «пространственная характеристика объекта», что следует из толкования значения ФЕ.

- Следующее УС *Wēs ro ċim jak ro psē dēši* (после чего-л. как после собачьей души) – 'что-л. бесследно прошло' обладает временной

семантикой, ибо обозначает, что ситуация, по отношению к которой используется это выражение, «перестает существовать», но это значение осложняется семой «отсутствие», а также оценочным компонентом, интенсификацией (то есть «прошло до конца, совсем ничего не осталось»).

Проект словарной статьи продемонстрируем на примере небольшого фрагмента логико-семантического класса «Человек в семье и в быту» (IV логико-семантический класс).

IV. Человек в семье и в быту

1. Семья

1) «быть пригодным или готовым к вступлению в брак»:

Открывается статья по общему плану именными ФЕ (в данной группе глагольные ФЕ отсутствуют). Факультативные члены ФЕ и члены, реализующие обязательные валентности, но не входящие непосредственно в состав значения ФЕ, даются в скобках.

Расположение ФЕ внутри группы алфавитное. В первой строке дается ФЕ, за ней в круглых скобках следует покомпонентный перевод на русский язык, далее – смысловой перевод и/или русский фразеологический эквивалент.

- (*Bēs*) *po slov'e* (быть после слова) – 'обручиться; дать слово (устар.)'.

После перевода помещена структурная схема ФЕ: $ro+N_{Loc}$. Далее, в случае необходимости, приводятся отсылки к логико-семантическим разделам, группам и подгруппам значений, с которыми семантически связана данная ФЕ: в данном случае VI. 2. 4) а), то есть раздел VI «Общество. Человек и общество», подкласс 2 «Социальное положение», группа 4) «семейное положение», подгруппа а) «брак».

- (*M'es*) *v karku žen'* (иметь на шее женитьбу) – 'собираться вступить в брак', ср. 'что-л. на носу, не за горами', соответствующее каш. 'v karku'. $v + N_{Loc} + N_{Acc}$; ср. II. 1) (раздел II «Количественно-временная... характеристика действия...», подкласс 1) «Время»).

V pólerše cen'e (в лучшей цене) – 'на выданье'. $v + Adj_{superl} + N_{Loc}$; семантика сравнения.

Ономастиологический подход позволяет соединить в одном словаре фразеологические единицы разных типов, показав одновременно их семантическое сходство и семантическое, а также синтаксическое различие. Синтаксические схемы фразеологизмов служат для прояснения структуры ФЕ.

Исследования фразеологической семантики в данном направлении наиболее эффективны при сопоставлении с другими языками. При этом они основаны на лингвистической теории знака и взаимосвязаны с исследованиями в области этнографии, этнопсихологии и этносоциологии.

Идеографическая классификация, организованная по предлагаемому принципу, позволяет выявить идиоэтнические черты фразеологизмов, обусловленные свойствами языковой системы и экстралингвистическими культурно-историческими факторами.

В частности, при таком подходе хорошо видны лакуны, которые сами по себе указывают на культурно значимые концепты и ситуации в одном языке и на отсутствие последних для конкретных концептов в другом. Словарь данного вида может также помочь в исследовании внутренней формы и, следовательно, образа, лежащего в основе фразеологизмов. При сопоставлении ФЕ разных языков наличие подобного описания очень ценно, так как дает наглядное представление о сходстве или различии образов, лежащих в основе ФЕ с близким или идентичным значением. В частности, фразеология, рассматриваемая в таком плане, может дать ценный материал истории народа – носителя языка.

Г. В. Ситар / А. В. Ситарь (Донецк). УКРАЇНСЬКІ СУБСТАНТИВНІ РЕЧЕННЯ З ПРЕДИКАТОМ ВІДНОШЕННЯ «ЦІЛЕ → ЧАСТИНИ»

Речення, які задають напрям відношення “ціле → частини”, втілюють позамовну ситуацію, за якої певний предмет або явище об’єктивної дійсності кваліфікується як ціле щодо відповідних частин. Обов’язковими компонентами ситуації виступають: 1) холонім [Никитин 1988, с. 94], або комплексив [Всеволодова 2000, с. 143] – денотативна роль на позначення цілого; 2) холо-партитивний предикат [Всеволодова 2000, с. 138; Никитин 1988, с. 93] на позначення відношення частини і цілого; 3) партитив [Никитин, 1988, с. 88; Polenz, 1985, с. 171], який відображає ідею частин цілого і конкретизує значення предиката, визначаючи його належність до поняття певної сфери дійсності. Факультативними для типової ситуації є 1) квалітативний компонент, який передає якісну характеристику цілого; 2) квантитативний – на позначення кількості частин, які входять до складу цілого.

Серед субстантивних речень із предикатами відношення “ціле → частини” диференціюємо три основні моделі. Під моделлю речення розуміємо “структуру (конфігурацію) пов’язаних відношеннями предикації синтаксем, що включає до свого складу значущі факультативні компоненти і має певне типове значення” [Всеволодова 2000, с. 234].

Модель 1. Власне холо-партитивні речення. Біномінативні речення з типовим значенням ‘характеристика реалії як цілого щодо його складників’ об’єднуюємо у модель 1. Висловлення цього типу становлять інтерпретацію певного цілого щодо його складу і не ускладнюються додатковими значеннями, напр.: *Білий – це синтез усіх кольорів, тому він є “ідеальним” кольором, “кольором мрії”* (Корніяка О. Мистецтво гречності. – К.: Либідь, 1995. – С. 86); *Суспільство – це*

система суспільних відносин людей у різноманітних підрозділах життєдіяльності (Філософія: Навчальний посібник / За ред. І.Ф.Надольного. – К.: Вікар, 1997. – С. 344) / далі (Філософія 1997)/. З-поміж загалу речень, які передбачають напрям відношення “ціле → частини”, модель 1 виявилась непродуктивною, очевидно, у силу малоінформативності конструкцій, які не деталізують тип відношення і не відображають його особливості.

Модель 2. Поліпропозитивні холо-характеризаційні біномінативні речення передають типову ситуацію ‘якісна характеристика цілого’. Поява у висловленні семантично обов’язкового атрибутивного поширювача призводить до нашарування холо-партитивного й характеристичного значень із невиразним домінуванням останнього, напр.: *Етносуспільне буття – саморегульована система* (Філософія 1997, с. 421). На відміну від партитивно-характеризаційних речень, в яких предикати із значенням частини виявляються семантично спустошеними і можуть бути опущеними без суттєвої зміни семантики речення, а роль інформативного центру висловлення виконує атрибут, у переважній більшості холо-характеризаційних біномінативних речень атрибутивний і предикатний компоненти постають значущими для інтерпретації мовцем позамовного стану речей. У наведеному реченні однаково важливим є і той факт, що *Етносуспільне буття становить систему* і те, що *Ця система є саморегульованою* (пор. партитивно-характеризаційне речення: *Як може бути щасливим чоловік, заплутаний сітками всяких приписів, заповідей, умовностей? Та це найбільше нещаслива частина нашого громадянства, ця паршива буржуазія!* (Володимир Винниченко. Божки)).

Речення моделі 2 характеризуються поліпропозитивністю (на семантичному рівні) і/або складністю (на формальному рівні). При цьому функцію характеристичної можуть виконувати: 1) атрибутивні поширювачі, які конкретизують значення лексеми, що перебуває у ролі холоніма. Вони можуть позначати: а) неподільність цілого, напр.: *Як бачимо, суверенітет взагалі, що поділяється на суверенітет нації і суверенітет особи, – не просто родове поняття щодо цих двох окремих видів суверенітету, а неподільна синкретична сукупність суверенітету нації і особи, коли і нація вільно самовизначається, і особа не боїться за життя і незалежність світогляду* (Філософія 1997, с. 485); б) самостійність множинності, напр.: *Етносуспільне буття – саморегульована система* (Там само, с. 421); в) рухливості цілого, можливості його зміни або розвитку, напр.: *Філософське бачення цієї [демографічної] системи сукупності відносин полягає у тому, що демографічна система, по-перше, внутрішньо спрямована на самозбереження, самовідтворення, і, по-друге, це – цілісність, динамічна система, яка змінюється з історичним розвитком суспільства* (Там само, с. 366); г) кількісні параметри множинності, напр.: *Великі соціальні групи, етнічні спільності (племена, народності,*

нації), вікові групи (молодь, пенсіонери), об'єднання за статтю (чоловіки, жінки) – це багаточисельні об'єднання людей (Там само, с. 409); 2) підрядні означальні, напр.: Етизм – це система, що найбільшою мірою виражає загальнолюдський зміст (Там само, с. 528). При всій своєрідності діяльність людини – це система, що входить до системи суспільних відносин (Там само, с. 339).

Модель 3. Речення визначення. Найбільш численну групу біномінативних речень із напрямом відношення “ціле → частини” становлять універсальні висловлення, які відображають ситуацію визначення мовцем певної реалії дійсності через його інтерпретацію як множинності відповідних компонентів і вказівку на її суттєві ознаки, напр.: ... Туристична індустрія – сукупність різних суб'єктів туристичної діяльності (готелі, туристичні комплекси, кемпінги, мотелі, пансіонати, підприємства харчування, транспорту, заклади культури, спорту тощо), які забезпечують прийом, обслуговування та перевезення туристів (Про туризм. Закон України від 15 вересня 1995 року № 324/95-ВР). Типове значення речень дефініції можна сформулювати так: ‘поняття і його визначення як множинності частин’.

Конструкції моделі 3 характеризуються високою інформативністю, яка забезпечується поліпропозитивністю: першу пропозицію, як правило, оформлює предикат на позначення цілого, а друга частина речення служить для тлумачення значення абстрактної предикатної лексеми першої пропозиції. Отже, речення визначення характеризуються поліпропозитивністю (на семантичному рівні) і/або складністю (на формальному рівні).

Функцію тлумачення найчастіше виконують: 1) підрядні означальні, напр.: Радіаційний контроль, або радіаційно-дозиметричний (у межах цього документа) – система вимірювань і розрахунків, які спрямовані на оцінку доз опромінення окремих осіб або груп людей, а також радіаційного стану промислової зони та навколишнього середовища, транспортних засобів та вантажів з метою виявлення їх можливого радіонуклідного забруднення й запобігання несанкціонованому поводженню з ДІВ [джерелами іонізуючого випромінювання] (Інструкція щодо проведення радіаційного контролю транспортних засобів і вантажів у пунктах пропуску через державний кордон та на митній території України. Затверджено наказом Міністерства екології та природних ресурсів України від 15 травня 2000 року № 27); 2) дієприкметникові звороти, напр.: ... Довідково-інформаційний фонд – це сукупність упорядкованих первинних документів і довідково-пошукового апарату, призначених для задоволення інформаційних потреб (Про науково-технічну інформацію. Закон України від 25 червня 1993 року № 3322-ХІІ).

Значно рідше дефініції можуть бути оформлені як прості поліпропозитивні речення, напр.: Суспільство – це система суспільних відносин людей у різноманітних підрозділах життєдіяльності

(Філософія 1997, С. 344). *Полілексемне спотворення – це ланцюжок літер у копії повідомлення (у межах усього повідомлення) стосовно його оригіналу від першої їх розбіжності до найближчого збігання* (Партико З. В. Загальне редагування: нормативні основи: Навчальний посібник. Л., 2001. С. 97).

Типовими поширювачами у реченнях визначення виступають атрибутивні компоненти, які на формальному рівні є узгодженими означеннями: 1) із значенням сутнісної характеристики цілого: ... *Інформаційні ресурси науково-технічної інформації – це систематизоване зібрання науково-технічної літератури і документації, зафіксовані на паперових чи інших носіях* (Про науково-технічну інформацію. Закон України від 25 червня 1993 року № 3322-ХІІ); *База даних – іменована сукупність даних, що відображає стан об'єктів та їх відношень у визначеній предметній області* (Про національну програму інформатизації. Закон України від 4 лютого 1998 року № 74/98-ВР); 2) із значенням оцінки цілого мовцем, напр.: *Громадянське суспільство – це унікальна система взаємодії суспільних індивідів, груп, верств, прошарків, що взаємозбалансовує вектори сил своїх складових, виявляючи рівнодіючу безлічі людських прагнень та сподівань* (Пасько І.Т., Пасько Я.І. Громадянське суспільство і національна ідея. – Донецьк: ЦГО НАН України, УКЦентр, 1999).

Факультативними у моделях 1–3 є компоненти на позначення кількості частин у складі цілого, напр.: *Смітсонівський Інститут (Smithsonian) створено 1846 року парламентом США й названо на честь Джеймса Смітсона (п. 1829), що передав усе своє майно Сполученим Штатам. Сьогодні це конгломерат 16 музеїв і установ, де зберігається 142 мільйони предметів і де ведуться дослідницькі програми* (Ігор Шевченко. Традиційні еліти на бічних рейках // Критика. 2001. № 9).

Отже, виступаючи організаційним і конститутивним центром речення, іменникові предикати на позначення цілого продукують в українській мові три основні реченнєві моделі, які у мовленні можуть зазнавати різноманітних граматичних, структурно-семантичних і комунікативних видозмін. У конкретному висловленні факультативні компоненти типової ситуації можуть набувати статусу обов'язкових і призводити до розмивання холо-партитивної семантики (див. модель 2), її ускладнення якісним або кількісним значенням.

Література

- Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000. 502 с.
Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. Учебное пособие. М., 1988.
Polenz P.von. Deutsche Satzsemantik. В.; N. Y., 1985.

С. С. Скорвид (Москва). ИСТОРИЯ И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ НЕКОТОРЫХ СУЩЕСТВЕННЫХ АСПЕКТОВ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА (НА ЧЕШСКО-РУССКОМ МАТЕРИАЛЕ)

Возобладавшая во второй половине XX в. практическая ориентация преподавания славянских языков подчас затмевает традиционный для данной отрасли знания историко-филологический подход, так что коллеги, ведущие курсы истории и диалектологии славянских языков, а также истории соответствующих славянских литератур до начала XX в. нередко задаются вопросом: актуальны ли ныне такие курсы вообще – или, иначе, как построить такие курсы, чтобы они были и ныне актуальны?

В плане практического преподавания языков, в том числе с точки зрения привития студентам навыков перевода текстов коммерческого характера, историко-языковая и историко-литературная информация оказывается и впрямь как будто избыточной.¹ Что же касается художественного перевода, с которым наши студенты так или иначе сталкиваются на языковых занятиях и при сдаче так наз. «домашнего чтения», а кроме того, в процессе опосредуемого переводами ознакомления со славянскими литературами и иногда на специальных переводческих семинарах (после чего многие продолжают свои первоначальные опыты уже и профессионально), то значение подобной информации здесь нельзя переоценить.

Первостепенную роль факты истории языка, а также литературы и культуры играют для перевода художественных произведений, относящихся к периоду до формирования современных славянских литературных языков. Без знакомства с историческим материалом невозможно – исходя только из современного языкового состояния – верно оценить и передать нюансы языка прошлых столетий, не говоря о прочих тонкостях общекультурного характера. Особую остроту этот вопрос приобретает в связи с переводом поэтических текстов, авторы которых чаще всего вообще опираются на подстрочник.

Известно, что первые произведения древнечешской литературы (как и некоторых других западнославянских) были стихотворными и даже в период возобладания прозы во второй половине XIV в. поэзия для чехов имела важное значение. Система стихосложения тогда была, естественно, силлабической. С этим связана проблема адекватности перевода таких текстов на русский язык. Некоторые исследователи – например, А. А. Илюшин в ряде своих работ² – выдвигают требование неукоснительного соблюдения при переводе формальных особенностей старого силлабического стиха. Попробуем применить это требование к переводу первой строфы одного из лучших образцов древнечешской поэзии XIV в. – стихотворения *Dřevo sě listem odievá*, восходящего к традициям провансальских трубадуров, которое и поныне считают едва ли не истоком чешской лирики³.

*Dřevo sě listem odievá,
slaviček v keřku zpievá.
Máji, žaluji tobě
a méčě srdce ve mdlobě.*

*Лист кроет древо зеленью,
куст соловья рад пенью.
Май, моей внемли вести,
как сердце бьется в горести.*

Разумеется, подобный перевод труден как, в первую очередь, для переводчика, так в конечном итоге и для перцептора. Отсюда возникает вопрос: адаптировать ли (и если да, то как и в какой степени) перевод к потребностям и возможностям восприятия текста современным читателем? Сравним адаптированный силлабо-тонический перевод первой строфы того же стихотворения из давней «Хрестоматии по зарубежной литературе средних веков» (слева, переводчик – А. Синович)⁴ и наш новый, также силлабо-тонический ее перевод (справа):

*Деревья покрылись листвою,
и в рощах поют соловьи.
О ласковый май, пред тобою
открою печали свои.*

*Деревья листвой одеваются,
в кустах соловей заливаются...
Май, смею тебе лишь довериться,
как бьется в тоске мое сердце.*

Автор перевода из «Хрестоматии...» ради приближения читателю данного произведения (смысл которого, впрочем, он понимает неточно, ср. ниже *Я сам отошел от любимой, / и сердце на муки обрек...* без какого-либо соответствия в источнике и в полном противоречии с его поэтикой), переходя от силлабического стиха к силлабо-тоническому, изменяет число слогов в строках и характер рифмовки – abab вместо aabb в оригинале, причем во 2-й и 4-й строках здесь и далее используются отсутствующие в чешском тексте мужские рифмы. Наш перевод также отстает от слоговой структуры источника: число слогов в первых трех строках возрастает до 10, а в последнем – до 9, что призвано компенсировать чередование восьми- и семисложных чешских стихов; при этом, однако, сохраняется характер рифмовки, включая дактилически-хореическую рифмовку *довериться / сердце*, как в чеш. *odievá / zpíeva* и, в обратном порядке, *tobě / ve mdlobě*.

Отдельный вопрос (не только для поэзии) – передача широко распространенных в литературном языке древнечешской эпохи германизмов и, с другой стороны, диалектизмов. Ср. в том же стихотворении: (1) *Ačť bych já ji zmenoval, / mnohýť by mé štráfoval* (примерный перевод без германизма, но с компенсирующим его иностранным словом *Назови ж я ее, многие / вердикт бы мне вынесли строгий*, перевод в «Хрестоматии...») *Она поделилась с другими / и выдала тайну свою [!]*; (2) *Přězdiec jemu «ruší nás», / vyscěřímež jeho pryč od nás* (примерный перевод с компенсацией североморавской формы просторечной русской лексемой *Прозвав его досадой нашей, / прогоним мы такого взашей*, перевод в «Хрестоматии...») *Коль станет болтлив ваш желанный, / гоните немедленно прочь [!]*).

Менее проблематичен, как это ни парадоксально, эквиритмичный перевод метрической (квантитативной) поэзии, возобладавшей у

- глава «Синдикат «Саламандра»» из романа «Война с саламандрами» К. Чапека или его же газетные заметки «Деньги», «Вокруг Рождества» и др.
2. См. особенно: Илюшин А. А. Проблемы перевода полоноязычных стихов Симеона Полоцкого // Научные доклады филологического факультета МГУ. Выпуск 3. М., 1998. С. 161–172.
  3. Один из виднейших чешских поэтов XX в. Фр. Грубин писал в одноименном стихотворении: *... но если бы тебе вздумалось выбросить из головы / наивное четверостишие, которому семьсот лет, / то это как если бы ты цинично отбросил / майский любви свет*. Образ мая с XIV в. пронизывает всю чешскую литературу: ср. поэму «Майский сон» Гинека Подебрадского (конец XV в.), поэму «Май» К. Г. Махи (1836) и др.
  4. Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков. Т. 2. М., 1953. С. 329.

Е. В. Тимонина (Москва). ПАРТИЦИПАЦИОННЫЕ МОРФЕМЫ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Причастиям в болгарском языке лингвисты уделяли не так много внимания, как, например, глагольному виду: о причастных формах написано, в общей сложности, немного. В лингвистической литературе можно найти четкие схемы образования причастий; об употреблении их говорится очень обще: почти все типы причастий были популярными, частыми, живыми формами в староболгарский период, но в современном болгарском языке роль причастий уменьшилась, наиболее активно употребляются действительные причастия прошедшего времени на –л, входящие в состав сложных глагольных форм, и страдательные причастия прошедшего времени на н/т в конструкциях с глаголом «съм». В отдельные периоды внимание исследователей привлекли действительные причастия настоящего времени на –м-: высказано предположение о возрождении в современном языке этих категорий. Исследование причастий в современном языке ведется, в основном, в двух направлениях: конструкции, в которых появляются причастия, и использование причастий различными стилями языка (разработка второго направления, как правило, ограничивается достаточно приблизительным противопоставлением публицистики и художественной литературы).

Описание причастной системы в диахроническом плане мы находим только в исторических грамматиках болгарского языка (например, Мирчева). Специального же исследования причастной системы болгарского языка в диахронии не проводилось.

Но причастия заслуживают большего внимания, поскольку их утрата болгарским языком связана с процессом перехода болгарского языка к аналитизму.

Можно надеяться, что подробное диахроническое исследование отдельных языковых единиц, например, причастных форм, поможет, в конце концов, сблизить так называемые «узкое» и «широкое» понимание одного и того же изменения – аналитизации. Но это программа-максимум. Программа-минимум же состоит в подробном

диахроническом исследовании причастной системы болгарского языка, установлении частоты употребления различных причастий в каждый определенный период истории болгарского языка, изучении темпа и характера изменений системы причастий, а так же использования причастий в различных стилях современного болгарского языка.

Важно отметить также, что объектом исследования являются не столько причастия в целом, сколько собственно материальные носители семантики «партиципальность» – морфемы.

В данной работе предпринята попытка проанализировать морфемы, а затем и полиморфемы (в понимании Н. Котовой и М. Янакиева, авторов «Грамматики болгарского языка для владеющих русским языком»), словоформы, в которых она появляется, т.е. сохранить последовательность образования значения целой словоформы.

Анализируя причастные морфемы, просто невозможно ограничиться только ими, совершенно необходимо дополнить анализ и исследованием соответствующих морфем в именах прилагательных. Для этого есть серьезные основания. Все лингвисты согласны с тем, что класс причастий имеет признаки как класса глаголов, так и класса имен прилагательных. Достаточно взглянуть на те определения, которые даются причастиям в грамматиках. Время от времени отдельные члены класса причастий они переходят в класс прилагательных. Такие перемещения, такая тесная взаимосвязь должны основываться на определенной общности морфем (или какой-то одной морфемы), существующих и в причастиях, и в прилагательных. И действительно, такая общность – общность происхождения – отмечалась индоевропейцами, например, Мейе: «Страдательное причастие прошедшего времени восходит к индоевропейскому прилагательному на *-to, *-po, связанному с корнем или с именной основой, но первоначально независимому от глагольной системы». Точно такая же морфема –в- в причастиях и прилагательных восходит к общему индоевропейскому суффиксу *-wo.

Поэтому собранный материал распределен и обработан с учетом существования этих двух групп.

В группе I («причастной») собраны собственно причастные формы, отглагольные существительные на –не, –ние, –ник (типа «ученик»), –тие, в которых существование причастной морфемы не подвергается сомнению. Учитывались также нулевые алломорфы (Ø) морфемы (например, «падь, сы»). Кроме того, учитывались случаи появления причастной морфемы в производных от причастий слова типа «необходимость», «сэщевременно» и т.п.

Состав группы II («прилагательной») также ясен: в эту группу вошли прилагательные, притяжательные местоимения, наречия и существительные, образованные от прилагательных, в суффиксах которых есть морфемы –н-, –в-, –т-, –л-.

Используются термины:

1) «причастная морфема» – для всех морфем I группы; «причастная морфема в собственно причастных формах» и «причастная морфема в отглагольных существительных» – при более подробном анализе словоформ, в которых появляются морфемы I группы; чтобы избежать повторов, вводится сокращенное название морфем I группы, например, «Н-I» (с соответствующими, если это необходимо, дополнениями);

2) «морфема в именах прилагательных» – для анализа всех морфем II группы (сокращенно, например, «Н-II»);

Материалом для настоящей работы послужили тексты староболгарского периода (Ассеманиево евангелие, Саввина книга, Супрасльская рукопись, Синайская псалтырь), среднеболгарского периода (Болонская псалтырь, Хлудов паримейник, Троянская притча, Манассиева хроника), дамаскинарского периода (Кырнинский дамаскин, Троянский дамаскин, Копривштенский дамаскин, Свиштовский дамаскин), современного периода (научные тексты, драма (как эквивалент разговорной речи), художественная проза, газетные тексты).

Для исследования из каждого текста взято по 15 проб, каждая из которых равна 1000 фон (1 килофоне) (монофона – отрезок текста, обозначенный одной буквой фонемной транскрипции – единица измерения, наиболее удобная для статистической обработки текста). Использованы статистические методы исследования.

Приводимые ниже данные показывают, как меняется средняя частота появлений исследованных морфем по мере развития языка. Совершенно очевидно, что ни одна из этих морфем не была совершенно стабильной, неизменной:

	<i>Староболг.</i>	<i>Среднеболг.</i>	<i>Дамаск.</i>	<i>Соврем.</i>
В-I	3,92	2,97	0,12	0
В-II	2,25	4,1	3,62	5,05
Н-I	4,38	4,28	3,78	7,27
Н-II	5,48	6,77	8,87	14,78
Т-I	0,167	0,2	0,617	1,183
Т-II	0,27	0,38	0,18	0,11
М	0,5	0,48	0,315	0,25
Щ	5,45	3,217	0,417	1,05
Л	0,88	0,98	2,2	2,22

Степень изменений в употреблении, время этих изменений для каждой морфемы различны.

Прежде всего отметим редкие во все периоды морфемы: Т-I, Т-II, М. Исторические изменения (для Т-I увеличение, для Т-II и М уменьшение средних частот) незначительны. Наметить четкую границу начала изменений трудно: процесс постепенный, равномерный. Важно, что проделанный анализ позволяет опровергнуть существовавшее некоторое время в современной болгарской лингвистике предположение о возрождении морфемы М.

Далее укажем морфемы, с уменьшающейся по мере развития языка средней частотой употребления: В-I и Щ. Для этих морфем переломный момент определяется достаточно точно: дамаскинарский период. Интересно, что исследование показало, действительно, некоторую активизацию морфемы Щ в современном языке.

Остаются морфемы с увеличивающейся по мере развития языка средней частотой употребления : В-II, Н-I, Н-II, Л. Для В-II яркую границу изменений обнаруживаем при сравнении староболгарского и среднеболгарского периодов (затем равномерное нарастание), для Н-I – два рывка (среднеболгарский период – дамаскинарский и дамаскинарский-современный), для Л – среднеболгарский-дамаскинарский периоды. Стилистическое расслоение современного болгарского литературного языка с точки зрения функционирования исследованных морфем выглядит следующим образом:

X ³⁶	>	X
В-II	драма	научные, газетные тексты и беллетристика
Н-I	научные, газетные тексты	драма, беллетристика
		(такое разделение отчетливо проявляется при анализе морфемы Н-I в собственно причастных формах и при анализе той же морфемы в отглагольных существительных, в то время как исследование морфемы независимо, без разделения на указанные словоформы, фиксирует промежуточное положение беллетристики)
Н-II	научные, газетные тексты	драма, беллетристика
М	научные, газетные тексты	драма, беллетристика (первая совокупность недостаточно едина, что можно объяснить очень малой х морфемы)
Щ	научные, газетные тексты	драма, беллетристика
Л	драма, беллетристика	научные, газетные тексты
		(текст исторического характера, правда, вызывает сближение исследованных научных текстов с драмой)

Л. И. Тимофеева (Йошкар-Ола). ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Как известно, многие различия между генетически родственными языками выявляются лишь при учете функциональных особенностей языковых элементов (Широква, 1998, с.20).

---

³⁶ X – величина, представляющая собой среднее арифметическое наблюдаемых во всем исследуемом тексте частот данного факта.

Функциональный подход является весьма эффективным при сопоставлении синтаксических структур родственных языков, поскольку позволяет установить сходства и различия в семантическом объеме, дистрибуции и употреблении сопоставляемых единиц “с учетом системных, нормативных, контекстуально-ситуативных и узально-стилистических параметров” (Siatkowski, 1986, s.282).

Ярким примером проявления функциональных сходств и различий могут служить субстантивные словосочетания (ССл) русского и польского языков (типа *безега реки / brzeg rzeki, маска из дерева / maska z drewna*). Анализ ССл, извлеченных из художественных произведений на русском и польском языках и их переводов, показал, что эти конструкции являются синтаксическим средством выражения различных семантических отношений, взаимодействуют с иными средствами выражения того или иного инвариантного значения в условиях стилистической адекватности контекстов. Сопоставительное исследование русских и польских ССл на основе принципов функциональной грамматики (Теория функциональной грамматики, 1987; Конюшкевич, 1993; Zmarzer, 1992 и др.) позволило выявить целый ряд их функционально-семантических особенностей, в числе которых необходимо отметить следующие:

– разная функциональная нагрузка русских и польских ССл одинаковой семантики и структуры.

Примером могут служить дестинативные ССл с зависимым компонентом на + $C_{\text{вин}}$ и на + $S_{\text{в}}$. В польском языке дестинатив с предлогом *na* широко употребляется в составе ССл с разными семантическими структурами: предмет как вместилище – для других предметов (*skrzynka na listy*), предмет как материал – для получения предмета (*materiał na ubranie*), вещество для предмета (*proszek na wątrobę*). В русском языке ССл с такой формальной структурой характеризуются ограниченным употреблением (*ткань на костюм, билет на концерт*). И наоборот, если в русском языке ССл с компонентом для + $C_{\text{род}}$ занимают центральное место среди дестинативных конструкций, то в польском ССл с предлогом *dla* находятся на периферии средств выражения дестинативного отношения;

– нейтрализация в контекстуальных условиях некоторых значений, например, партитивного и дестинативного (*szpilka od krawata – булавка для галстука*), комитативного и комплетивного (*beczka z cementem – бочка цемента*), что свидетельствует об общности функциональных зон ССл разной семантики и структуры;

– наличие семантических оппозиций в рамках некоторых ССл, например, партитивных и комитативных (*мужчина с усами / без усов, kosz z owocami / bez owoców*);

– разные возможности сопоставляемых языков в выражении семантических оттенков, наслаивающихся на основное значение ССл,

ср. *рукав костюма* – партитивное значение, *рукав у костюма* – то же значение с локативным оттенком, в польском только *rekaw kostiumu*.

– употребление в польском языке зависимых форм существительных в переносном значении, что не характерно для русского языка, ср. *dachy ze srebra* – серебряные крыши;

– изофункциональность рассматриваемых ССл с конструкциями типа Adj + S: *платье из ситца / ситцевое, нос без сна / безсна*, причем нередко это явление наблюдается и на межъязыковом уровне (*поезд из Бреста – pociąg brzeski*), особенно если нет соответствующих адъективных лексем в одном из сопоставляемых языков (ср. *морковный сок – sok z marchwi*) или употребление прилагательных имеет какие-либо ограничения в одном из языков (словообразовательные, семантические и др.).

Изучение функциональных особенностей ССл имеет немаловажное значение в практике преподавания сопоставляемых языков, так как дает возможность увидеть за внешним сходством структур многообразие семантических вариаций, нередко не замечаемых при внутриязыковом изучении данных словосочетаний.

Л и т е р а т у р а

1. *Конюшкевич М. И.* Один из возможных путей построения сопоставительной функциональной грамматики близкородственных языков // Исследования по семантике: Межвуз. науч. сб. Уфа, 1993.
2. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л, 1987.
3. *Широкова А. Г.* Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. Под ред. А. Г. Широковой. М., 1998.
4. *Siatkowski St.* Założenia językoznawstwa konfrontatywnego // Nauczanie języka rosyjskiego a językoznawstwo i psychologia. Warszawa, 1986.
5. *Zmarzer W.* Podstawy analizy konfrontatywnej języków pokrewnych (rosyjskiego i polskiego). Warszawa, 1992.

Н. А. Тузикова (Волгоград). ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (К ПРОБЛЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СТАРОПОЛЬСКИХ ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ В СОСТАВЕ АРХИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ)

Изучение сохранившихся архивных комплексов с лингвистической точки зрения является одной из важных задач, стоящих перед исследователями в области славянского языкознания, истории славянских языков. Обращение к новым, ранее не опубликованным источникам начала XVII века, содержащим сведения о событиях, затронувших судьбы народов России и Польши, не только открывает новые грани отношений восточных и западных славян, но и активизиру-

ет интерес к памятникам письменности периода, который Т. Лер-Сплавински называл «золотым веком» в развитии польского языка.

К текстам, написанным на польском языке и расширяющим представления об источниках истории польского языка, относятся подготовленные коллективом исследователей Волгоградского государственного университета (1) для опубликования на языке оригинала (с переводом на русский язык) документы, которые удалось обнаружить в библиотеках и архивах России, Польши, Украины и Швеции.

В литературе неоднократно высказывалось предположение, что некоторые коллекции подлинных документов начала XVII века являются остатками русского архива гетмана Яна Сапеги (2). В результате проведенного И. О. Тюменцевым, доктором исторических наук, профессором ВолГУ, специального исследования удалось выяснить судьбу интересующих нас материалов: после того, как солдатами гетмана архив был доставлен в Речь Посполитую, его разделили между родственниками Яна Сапеги; впоследствии данные коллекции подверглись дроблению, пока не отложились в библиотеках и архивах названных выше стран. Результатом многолетней работы по изучению и систематизации документов явился данный проект научного издания.

В первый том подготовленных материалов 1607–1611 гг. вошел текст Дневника Сапеги с разночтениями по всем известным обнаруженным спискам памятника; во втором томе готовятся к публикации выявленные авторами документы личного архива гетмана как одного из заметных деятелей Смутного времени – переписка с самозванцем и его окружением, представителями наемного войска, с духовными иерархами, инструкции, войсковые и др. бумаги, письма к королю Сигизмунду III, к другим известным политическим лицам Речи Посполитой и т.д.

Реконструкция архива гетмана показала, что из поля зрения археографов, историков, языковедов выпал важный пласт письменных свидетельств, которые в большинстве своем до последнего времени остаются неопубликованными. Предполагаемое издание дает возможность ввести в научный оборот значительный массив текстов, написанных по горячим следам событий, отражавших иные, нежели в русских документально-исторических источниках, оценки и взгляды. Это, в свою очередь, пополняет массив фактов, характеризующих культурно-языковые традиции славянских народов, обогащает наши знания о феномене славянской языковой личности (3).

Приемы составления официальных и частных документов складывались под воздействием общепольских тенденций в процессе постепенной замены латыни, ранее господствовавшей во всех сферах общественно-политической и культурной жизни Речи Посполитой, «польщизной». Обнаруженные архивные материалы представляют собой новое свидетельство жанрового разнообразия польского делового

языка, отражающего формирующиеся нормы общенародной наддиалектной письменной речи, основу которой составила общеславянская общеупотребительная лексика. В русле данной проблемы описание лексических языковых единиц, которые представлены в текстах определенного «синхронного среза» (культурно-исторического периода), является актуальным как в собственно лингвистическом аспекте, так и с точки зрения возможности выявить основные пути изменения лексико-семантической системы языка в тесной связи с историческими судьбами польского народа (4).

Будучи продуктом эпохи, рассматриваемые тексты опосредованно передают мировосприятие их составителей, авторов, осмысливавших современную им действительность; они являются источником информации о лицах – участниках описываемых событий и самих событиях, воспроизводимых с различной степенью точности. Анализ различных групп писем и документов «архива» (входящая и исходящая корреспонденция: переписка Сапеги с польским руководством, боярами Москвы, земским ополчением, с местными властями и жителями уездов Московской Руси, войсковые и др. документы) показывает, что в деловых бумагах чаще всего получают освещение вопросы, требующие безотлагательного решения (прием на службу, выплата жалованья, освещение военных действий, защита имущественных прав видных представителей польского войска и местного населения на территории Московского государства, распоряжения о выдаче продовольствия и нек. др.). Это находит выражение в употреблении лексических единиц с соответствующим терминологическим значением, устойчивых формул и сочетаний, этикетных фраз, выражений, свойственных как канцелярской, так и бытовой речи, в составе которых наблюдаются глаголы, называющие конкретные физические действия, перемещение, волеизъявление, бытие-существование в пространстве, наличие-отсутствие чего-либо и др. В то же время в регулярных дневниковых записях, которые вели секретари гетмана, функционально-семантическое своеобразие анализируемых глагольных единиц часто связано с избирательностью событий: пространность или сдержанность сообщений зависела от военных успехов или неудач войска под предводительством Яна Сапеги. Это определяет во многих случаях субъективный характер изложения делового содержания на польском языке (5).

Сопоставление документов «архива», в котором сохранилась в основном входящая корреспонденция и некоторые не отправленные по каким-либо причинам письма Сапеги, и «Дневника» гетмана, в котором почти ежедневно секретари отмечали ход военных действий, получение, отправку писем, вестей, посольств, прибытие гонцов, сведения перебежчиков, решения, выносимые на войсковых больших и малых собраниях и т. д., позволяет выяснить принципы отбора глагольной лексики как средства фиксации информации в зависимости от

назначения документа, степени исторической достоверности, официальности излагаемого, принадлежности текста к той или иной группе документов в жанровом отношении, тенденциозности содержащейся в нем индивидуальной оценки происходящих событий, политической обстановки, а также внимания самого Яна Сапеги к работе своих секретарей (исправлений и дополнений, вносимых гетманом).

Скорописные материалы и другие старопольские документы начала XVII столетия содержат уникальные сведения историко-лингвистического характера, свидетельствующие о расширении состава контекстов для передачи светского и делового содержания с использованием элементов «сырой» польской речи (З. Клеменевич) на основе взаимодействия различных по происхождению и функционально-семантической специфике лексических единиц и развития признака полифункциональности литературного языка.

Примечания

1. Изучение и подготовка материалов архива к изданию проводились авторским коллективом (в составе: Н. Е. Тюменцева, И. О. Тюменцев, Н. А. Тупикова) при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 00-01-00044а).
2. См.: Протоколы заседаний Археографической комиссии за 1835–1840 гг. СПб., 1885. Вып. 1; Флоря Б. Н. Два письма начала XVII в. из Троице-Сергиева монастыря // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982. С.319–321; и др.
3. Понятие «языковая личность» рассматривается нами в русле работ: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987; Лопушанская С. П. Языковая личность казака (по скорописным документам XVII века) // Вопросы краеведения. Вып. 2. Волгоград, 1993. С.164–167.
4. Ачаньева Н. Е. История и диалектология польского языка. М., 1994. С.268.
5. См.: Тупикова Н. А., Тюменцева Н. Е., Тюменцев И. О. Донесения иноземцев о ситуации в Замосковье и Поморье в 1608–1609 годы (из русского архива Яна Сапеги) // Россия XV–XVIII столетий: Сборник научных статей. Юбилейное издание. Волгоград – СПб., 2001. С. 235–266; Они же. Пять писем тушинского гетмана Романа Ружинского из русского архива Яна Сапеги 1608–1610 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Вып.6. Волгоград, 2001. С.24–33; Они же. Письма по церковным делам из русского архива Яна Сапеги 1607–1611 годов // Мир Православия: Сб. науч.ст. Вып.4. Волгоград, 2002. С. 167–180.

Г. П. Тыртова (Москва). К ВОПРОСУ О НОВЕЙШИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ

Слова иноязычного происхождения занимают значительное место в словарном составе сербского языка, являясь отражением межнациональных контактов и связей разных эпох (турцизмы, усвоенные в XV – XIX вв., германизмы, пришедшие во второй половине XIX и первой половине XX в., русизмы XVIII – первой половины XX вв., а также романизмы, мадьяризмы и др.). Во второй половине XX в. количество заимствований продолжало расти. Это было обусловлено определенными социально-политическими и экономическими обстоятельствами.

Покинув «социалистический лагерь», Югославия переориентировалась на Запад, активно участвовала в международной политике, играла заметную роль в Движении неприсоединившихся государств. В связи с этим укреплялись экономические, торговые, научные, культурные связи со странами за пределами «соцлагеря», создавалось значительное количество совместных югославско-иностранных предприятий, происходил массовый отток трудоспособного населения за рубеж (обычно на время).

Все эти процессы интенсифицировали коммуникативные контакты носителей сербского языка с носителями других языков, что обусловило приобщение югославян к различным интернациональным профессиональным «языкам» и новую волну заимствований, ведь чем «больше вовлечена та или иная сфера деятельности в международное сотрудничество, в более или менее длительные международные связи, тем более открыта лексика и терминология этой сферы иноязычным инновациям» [3, 144].

Число областей, в которых наряду с сербской лексикой используется иноязычная терминология, в новейший исторический период постоянно увеличивается (компьютерная деятельность, шоу-бизнес, коммерция, финансовая деятельность, спорт и т.д.). Значительное количество заимствований характеризует публицистический стиль сербского языка, «откуда они активно проникают и в повседневный язык общения, прежде всего интеллигенции» [2, 168], т.е. происходит увеличение доли иноязычной лексики в общелитературном языке.

При рассмотрении современных заимствований не актуален вопрос об их источнике, поскольку подавляющее большинство иностранных слов приходит сейчас во все языки из языка английского, в частности, из его американского варианта³⁷. Интересно отметить разницу в характере заимствований, функционирующих в языке-доноре, английском, и во всех остальных языках. Об этом писал, исследуя язык американской и советской прессы, А. Д. Швейцер, но, по нашим наблюдениям, его выводы могут быть экстраполированы и на другие языки, в том числе на сербский. Большинство заимствований, которыми располагает английский язык, «...связано с реалиями зарубежных стран, а их употребление часто мотивируется передачей местного колорита...», в то время как «...значительная часть заимствований в советской прессе отражает новые реалии и новые понятия и заполняет денотативные и сигнификативные лакуны» [4, 64].

Примерами такого заполнения лакун служат в сербском языке слова, пришедшие с новыми предметами быта, видами спорта, культурными реалиями: *хепенинг* – импровизированный драматический,

---

³⁷ О стремительном росте англицизмов в современном сербском языке говорит появление в 2001 г. словаря с красноречивым названием: «Du ju speak anglosrpski? Rečnik novijih anglicizama» (название приведено с соблюдением орфографии оригинала).

музыкальный спектакль, в котором могут участвовать и зрители; *бембиситер* – приходящая няня, остающаяся с ребенком во время непродолжительного отсутствия родителей; *фишбургер* – разновидность гамбургера, булочка с рыбной котлетой.

К аналогичным заимствованиям относятся также *файл*, *фризби*, *факс*, *холограм*, *хипхоп*, *рели* и др.

Значительное количество англицизмов усвоено и широко употребляется в современном сербском языке в результате действия тенденции к замене словосочетаний однословными наименованиями. «В этом случае происходит как бы заполнение пустой ячейки, которой соответствует определенный смысл, но означающее – в виде отдельного слова – отсутствует (вместо этого употребляется описательный оборот)» [3, 152]. Например, слово *гламур* заменяет словосочетание *лажни сјај*, а недавно вошедшее в оборот *флајер* употребляется вместо *рекламни летак*. Слово *хорор* полностью заменило многокомпонентное словосочетание *филм страве и ужаса*, а *џакузи* – словосочетание *хидромасажна када*. Аналогичные случаи: бар-код ← линијски код; фрилансер ← слободни новинар, слободни уметник; еркондишн ← систем за климатизацију; промоција ← рекламна кампања; хет-трик ← трострука победа и др.

Происходит, судя по примерам типа *промоција* и *хет-трик*, расширение значения и сферы употребления англицизмов.

Появление целого ряда заимствований обусловлено необходимостью разграничения понятий или их специализации. Так, слово *постер*, обозначающее «фотографию популярной личности или музыкальной группы, напечатанную на большом листе бумаги» обозначает новую разновидность *плаката* и существует наряду с последним словом, а *саспенс* значит не просто неизвестность (серб. *неизвесност*), а «напряженность и волнение в ожидании развязки романа, фильма и т.п.»

В связи с продолжающимся наплывом иноязычной лексики в язык граждан Сербии и Черногории следует особо отметить, что сербскому обществу чужд активный пуризм, т.е. настоятельное стремление заместить иноязычные лексические элементы искусственными новообразованиями. Характерен пример реформатора литературного языка Вука Караджича. Как писал академик П. Ивич, «позиция Вука по отношению к турецким словам была свободна от ненависти и от комплекса неполноценности. Таким образом великий реалист Вук открыл путь обогащению нашего литературного языка из обоих возможных источников: заимствованием из других языков и, в более ограниченном объеме, созданием неологизмов по наличествующим в языке образцам» [1, 243–244]. А в новое время, по авторитетному суждению того же П. Ивича, сербам свойственна «готовность принятием интернациональной лексики включаться в обширный культурный круг европейских народов» [1, 194–195.]

Л и т е р а т у р а

1. Ивић П. Српски народ и његов језик. Београд, 1971.
2. Попова Т. П. Сербско-хорватский язык. М., 1986.
3. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
4. Швейцер А. Д. Контрастивная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. М., 1993.
5. V. Vasić, T. Prčić, g. Neigebauer. Rečnik novijih anglicizama. Novi Sad, Zmaj, 2001.

Г. Г. Тяпко (Москва). ИМЕНА КАЧЕСТВА В «СЕРБСКОМ СЛОВАРЕ» ВУКА КАРАДЖИЧА

1. История развития письменной речи свидетельствует о том, что расширение словарного состава на всех этапах развития языков происходило прежде всего за счет отвлеченной лексики, одним из характерных разрядов которой являются имена отвлеченного качества, образованные от качественных (в большинстве своем) имен прилагательных. Несомненный интерес в связи с этим представляет история имен качества в сербском литературном языке (СЛЯ). Как известно, «Сербский словарь» созданный и дважды (в 1818 и 1852 гг.) опубликованный выдающимся деятелем сербской, и шире, южнославянской культуры, отражают стартовое состояние (особенно первое издание) нового литературного языка, в основу которого была положена живая диалектная речь современников, а не лексикон традиционной книжности. Словарь Вука содержал всего несколько десятков лексем, которые можно отнести к именам качества. В сравнении с этим состоянием поражает прирост и активность имен качества в современном литературном языке, в словарном составе которого наличествует многочисленный и постоянно пополняющийся разряд имен качества. Разработанность и простота процедуры их воспроизводства, широта словообразовательной базы, богатство лексической семантики, неограниченность в возможностях содержательной идентификации любого качественного признака, выделяемого человеческим восприятием, в значительной степени обеспечивают успешное функционирование современного СЛЯ, его важнейшие функции – познавательную, информационную, духовную, социальную, эстетическую и некоторые другие. Гигантские количественные и качественные изменения словарного состава СЛЯ в сфере отвлеченной лексики произошли менее чем за два столетия. Развитие СЛЯ в этом сегменте все еще мало изучено. В докладе мы намерены «перебросить мостик» от современного словарного состава СЛЯ к стартовому периоду функционирования нового литературного языка на диалектно-речевой основе и выяснить факторы столь стремительного роста имен качества: от нескольких десятков слов, зафиксированным В. С. Караджичем в первом (Р1) и втором (Р2) изданиях его словаря, до современного корпуса имен качества в несколько десятков тысяч единиц.

2. Некоторые из этих факторов ранее рассматривались исследователями. Точнее, рассматривались (в том числе и нами) некоторые причины пассивности и маргинальности категории отвлеченного качества в СЛЯ на ранней стадии его функционирования, отражавшей диалектное состояние языковой системы: дублетность многочисленных словообразовательных типов имен качества, неспециализированность их словообразовательных суффиксов, узость словообразовательной базы, опирающейся в основном на непроизводные основы, и некоторые другие. Примечательно, что дериваты с сверхпродуктивным в СЛЯ суффиксом *-ост*, представлены в Р1 только 35 лексемами. С развитием литературного языка этот суффикс оказался в «центре» словопроизводства имен качества в СЛЯ. Этому способствовала его «неприхотливость» в выборе производящих основ, благодаря чему в словопроизводство имен качества влилось много новых типов производящих основ – производных, композитных, смешанных. В Р1 и Р2 не нашло отражения вовлечение в словопроизводство сербских имен качества заимствованных словообразовательных средств и даже типов. Вопрос о пополнении категории имен качества в СЛЯ не прояснен в полном объеме. Недостаточно изучены семантические особенности самих производящих основ, реальных и потенциальных, представленных в Р1 и Р2, их мотивационная (а не только деривационная) соотносительность со своими производными. Этой проблематике и посвящен доклад.

3. Первое издание «Сербского словаря» является хранителем достоверной информации о диалектной речи сельского населения конца XVIII—начала XIX вв., в том числе и о статусе в ней «категории качества». Анализ имен качества и их производящих в Р1 показывает, что, *во-первых*, в актуализации качественного признака специализируются сами непроизводные производящие основы, в то время как суффиксальные средства такой специализации еще не имеют, нередко этому мешает семантическая перегруженность формантов (напр., суффикса *-ина*). В современном языке, напротив, специализированным средством, как правило, становится именно суффикс, а не производящая основа. *Во-вторых*, нередко формально сходные по составу пары производных имен качества и производящих основ, зафиксированные в Р1, обнаруживают семантическую разобщенность. Слабость и нерегулярность воспроизводства мотивационных связей в производных именах существительных свидетельствует о нерегулярности словообразовательных типов имен качества. *В-третьих*, в Р1 все прилагательные имеют только одну форму, в основном краткую (нечленную), и никакой дифференциации по этому признаку между качественными, относительными и притяжательными прилагательными в Р1 нет. Только фиксация компаратива является в Р1 грамматическим указателем качества признака, выражаемого прилагательным. Однако и этот показатель категории качества с точки зрения современного языка отмечен в Р1 непоследовательно, многие безусловно качественные

прилагательные в Р1 (и даже в Р2) представлены без сравнительной степени.

4. Смешение разных семантических групп прилагательных допускает и сам Караджич. Интересный материал дает анализ его грамматики, приложенной к Р1.

5. Динамизм, с которым СЛЯ развивался в последние два столетия, привел к глубоким количественным и качественным изменениям его словарного состава. Особым динамизмом отмечен ранний период истории СЛЯ. Интересные факты дает сравнение состава имен качества в Р1 и Р2. Второе издание «Сербского словаря» отличается от Р1 не только двукратным увеличением корпуса имен качества, но и более полным описанием грамматических особенностей качественных прилагательных: фиксацией полных (членных) форм, иногда и «качественного» наречия, увеличением числа прилагательных, у которых зафиксированы формы компаратива. Важно отметить, что в Р2 тождественностью лексического значения связано гораздо больше в сравнении с Р1 пар производящих и производных основ, выражающих значение отвлеченного признака.

6. Отсутствие четкой идентификации качественных прилагательных, являющихся основной словообразовательной базой имен качества, их смешение носителями языка с другими семантическими группами прилагательных связаны, как нам кажется, с размытостью границ нескольких грамматических категорий, затрагивающих функционирование сербских прилагательных и имеющих сходный «план выражения». Речь идет о двух, а, возможно, даже о трех категориях, затрагивающих грамматику сербского прилагательного одновременно: о категории определенности—неопределенности, о категории качественного—относительного признака и о категории одушевленности—неодушевленности. Этот изоморфизм, унаследованный из диалектного бытования штокавского идиома, со временем был отчасти преодолен «разведением» данных категорий. Импульс процессу «освобождения» категории качества в новом СЛЯ был дан в Р2, в подготовке которого участвовал, кроме В. С. Караджича, и Дж. Даничич. Именно этот фактор вывел штокавскую «категорию качества» из стагнации и в сочетании с другими факторами способствовал поразительным преобразованиям словарного состава СЛЯ.

Н. В. Убийвовк (Тирасполь). УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК В ПРИДНЕСТРОВЬЕ

С древнейших времен земля Приднестровья в составе больших территориальных образований была ареной значительных исторических событий. Днестр был важным рубежом, разделяющим цивилизации, культуры, этносы, которые развивались тут, сменяя друг друга. Славяне проживали тут издавна. Праславянское население – анты – известно тут с VI в., их главной рекой был Днестр. Позднее тут жили праславянские

племена тиверцев и уличей, которые вошли в состав Киевской Руси. Здесь, как и в регионах будущей Украины, формировались украинская народность и нация, развивался украинский язык. Следовательно, украинское население в Приднестровье является полностью автохронным.

В домонгольский период с X по XI в. данная территория входила в Киевскую Русь, в XII – в Галицкое княжество, позже – в Галицко-Волынское княжество. Монголо-татарское иго надвинулось на эти земли в первой половине XIII в. и удержалось до середины XIV в. в 1362 г. в битве при Синих Водах войско Великого княжества Литовского нанесли полное поражение монголо-татарам. В то время Приднестровье входило в состав Великого княжества Литовского. В XVII в. южная часть этой земли попала под власть Турции, а северная вошла в состав Речи Посполитой. В 1792 и 1793 годах обе части в результате русско-турецкой войны и раздела Речи Посполитой были присоединены к России.

В 1924 г. на этой земле, а также на территории, которая сейчас является частью Украины, была образована автономная Молдавская республика (МАССР) в составе Украины (УССР). Большая часть населения этой автономной республики – украинцы, что засвидетельствовано в Большой Советской энциклопедии на 1938 г.: молдаван – 30,1 %, украинцев 48,5 %, русских 8,5 %, евреев 8,6%, других национальностей 4,4 %.

Во время существования Молдавской автономной республики украинский язык в значительной степени выполнял функции государственного, было много украинских школ, особенно в регионах, где украинское население преобладало. Однако образования МССР в 1940 г. языковая ситуация кардинально изменилась: украинский язык полностью исключается из общественной жизни, украинские школы преобразуются в русские или в молдавские.

Сейчас в Приднестровье проживает свыше 600 тысяч человек разных национальностей, преобладают русские, украинцы и молдаване, которых примерно одинаковое количество.

В конце 90-х годов лаборатория «Лингва» при Приднестровском государственном университете проводила анкетирование жителей Тирасполя и Бендер – самых больших городов Приднестровья – с целью уточнить языковую ситуацию. Было проанализировано свыше 600 анкет, что позволило сделать определенные выводы. Среди постоянных жителей-украинцев Тирасполя и Бендер только третья часть понимает украинский язык, свободно владеют им единицы, преимущественно это те, кто учился на Украине. Знание молдавского языка редко, несмотря на то, что молдавский язык был обязательным предметом в школах МССР. В больших городах Приднестровья отмечен почти полный переход украинцев на русский язык, а среди молодежи его можно считать полным. В небольших городах и селах этот процесс менее

заметен, но тоже происходит. Хотя сельские жители, особенно старшего и среднего возраста еще владеют украинским языком, однако употребляют его в быту, в то время как в официальной ситуации пользуются русским языком. Таким образом функции двух языков разделились: украинский язык – бытовой, русский – официальный. В результате сложилась своеобразная ситуация диглоссии, что приводит к объединению украинского языка к недостаточно глубокому владению русским. Человек в таких обстоятельствах в совершенстве не владеет ни одним языком. Это отрицательно воздействует на его мировоззрение, мораль, культуру, поведение. Вместо желанного двуязычия возникает «полуязычие» – сужение языковых возможностей. Важно и то, какой язык признается родным. Больше половины украинцев считают украинский язык родным, хотя и не все владеют им, остальные признают родным русский язык. Среди украинской молодежи преобладающая тенденция считать родным языком русский.

На основе фактических различий русского и украинского языков была составлена анкета, на которую ответили студенты украинских групп филологического факультета. На основе этого анкетирования было установлено, что орфоэпические нормы украинского языка полностью не усвоены. Преобладающее большинство студентов, проживающих в городе, начали изучать украинский язык в школе. То есть для них родным языком является русский, а украинский существует как иностранный, усвоенный путем школьного обучения. Студенты из села лучше владеют украинским языком, но тоже нарушают литературные нормы, поскольку усвоили с детства его диалектно-русифицированную форму.

В последние десять лет сделаны шаги по возрождению украинского языка в Приднестровье. В 1993 г. был принят закон о языках, который провозгласил официальный статус трех равноправных языков: русского, молдавского и украинского. В 90-е годы создаются общества украинской культуры, Союз украинцев Приднестровья, украинский язык начинает звучать на республиканском радио и телевидении. В Тирасполе открылся украинский лицей, в Приднестровском университете образуется кафедра украинской филологии, которая готовит учителей украинского языка и литературы. В Рыбнице издается украинская газета, открывается украинская школа. Во многих школах преподается украинский язык, открыты украинские классы, группы в детских садах.

Однако, чтобы поднять украинский язык в Приднестровье на соответствующий уровень, всех этих усилий недостаточно, в силу того, что несколько поколений украинцев прожили тут без родного языка. Возрождение языка, национального сознания – дело чрезвычайно трудное, и успех зависит от многих факторов, среди которых немало важное значение имеет престиж украинского языка в республике и мире.

*Р. П. Усикова (Москва). НЕКОТОРЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ТИПОЛОГИИ
МАКЕДОНСКОГО И РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В АСПЕКТЕ
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ*

Македонский язык и русский язык – современные литературные славянские языки, между которыми много сходства и весьма много различий:

Македонский и русский противоположны по географическому распространению: небольшая территория македонского языка находится на крайнем юго-западе славянского языкового мира, территория русского языка – на обширной территории на северо-востоке славянского языкового мира, простирающейся до Тихого океана.

По численности носителей эти языки также противоположны: более 150 млн. носителей русского языка – примерно 2 млн. носителей македонского языка.

Противоположны и исторические условия существования и развития македонского и русского языков: русский язык был языком государства и письменной культуры сотни лет, современный литературный язык формировался длительное время на протяжении XVIII–XIX вв.. У македонцев до середины XX в. не было собственного государства, македонские славяне жили в различных государствах, где официальным языком был язык государствообразующего этноса (греческий, болгарский, сербский, затем почти 550 лет – турецкий язык в Османской империи; а в первой половине XX в. Вардарская Македония входила в королевскую Югославию, где официальным языком был сербохорватский язык). Становление македонской нации и кодификация литературного македонского языка (1945 г.) стали возможным с появлением македонской государственности в 1944 г., в составе федеративной Югославии.

Со времени поселения славян на Балканах (VI в.) произошли большие изменения в структуре всех балканских языков, повлиявшие также и на языковой менталитет их носителей. Предки современных южных славян оказались в многоязычной среде (романские племена, греки, албанцы, затем турки). Каждому из этих этносов приходилось овладевать в той или иной степени языками соседей. Языковые ситуации би- и полилингвизма привели к так называемой «балканизации» македонских, болгарских и частично сербских славянских говоров и к особому «балканскому» языковому менталитету, когда своё может становиться чужим, а чужое – своим. «Балканизация» языков (диалектов) различного происхождения выразилась в тенденции формирования сходной грамматической структуры при сохранении исконной лексики и формообразующих морфем.

В результате современный македонский язык по своей структуре – это язык преимущественно аналитического строя, в отличие от русского, относящегося к синтетическим языкам.

Попробуем конспективно провести сопоставительно-типологический анализ особенностей русского и македонского языков в парадигме «язык – словесность – культура – самосознание» (Н. И. Толстой)³⁸, что предполагает и рассмотрение историко-литературно-языковых ситуаций, в которых происходило развитие этих языков.

Современные национальные русский и македонский языки представлены одинаковой четырехчленной иерархической парадигмой стратов (идиомов): литературный (стандартный) язык – просторечие (субстандарт) – говоры – жаргоны. Но в русском языке эта парадигма возникла значительно раньше; в македонском же, например, субстандарт появился в конце 60-х – начале 70 гг. XX в., после того как кодифицированный «сверху» в 1945 г. литературный язык стал нормально функционировать в македонском обществе и развил функциональные стили.

Современная парадигма македонской и русской словесности также схожа: художественная литература – народно-городская литература – общенародный фольклор – социальный фольклор – литературное или фольклорное творчество индивида. Следует при этом подчеркнуть, что народный (главным образом крестьянский) фольклор на протяжении тысячелетия был главным достоянием культуры македонского этноса. При этом фольклорный язык постепенно получал некоторые наддиалектные особенности и сплачивал этот славянский этнос в культурологическом плане, а современная художественная македонская литература выросла на почве македонского фольклора.

Парадигма современной культуры (Н. И. Толстой) представлена пятью компонентами: элитарная культура – городская низовая («третья») культура – традиционная народная (диалектная) культура – культура идиолектная. Эта культурная парадигма в наше время полностью соответствует русской ситуации. В македонской общенациональной культуре тоже появилась элитарная культура (словесность, музыка, изобразительное искусство); «третья» культура, как и идиолектная, кажется, требует более детального исследования, а традиционная народная (фольклорная) культура по-прежнему развита и популярна.

И для македонского, и для русского высшего страта указанных парадигм – литературного языка, художественной литературы и элитарной культуры характерны эпитеты «общий» и «общенациональный», что означает их объединяющее начало, но не обязательно воспринятость, используемость, употребляемость всей нацией. Для литературного языка, литературы и культуры определяющими являются

---

³⁸ Н.И. Толстой. Избранные труды. Том II. Славянская литературно-языковая ситуация. М. 1998.

признаки нормированности, наддиалектности, открытости, стабильности в противоположность признакам ненормированности, диалектности, закрытости, нестабильности, характерных в той или иной степени для остальных стратов указанных парадигм.

Четвертый компонент рассматриваемой парадигмы – самосознание – имеет шесть стратов (Н. И. Толстой): 1. религиозное, 2. государственное, 3. общеплеменное, 4. общенародное (среднеплеменное), 5. частноплеменное (местное), 6. индивидуальное. Как указывал Н. И. Толстой, религиозная и государственная принадлежность являются неэтническими показателями, хотя и оказывают на этнос сильное воздействие. Русские особенности четвертого компонента языковой и культурной парадигмы во всех его стратах рассмотрены Толстым. Остановимся кратко на македонской парадигме самосознания. С конца IX в. македонские славяне становятся христианами и с тех пор входят в православный славянский мир. Именно на основе некоторых диалектов македонских славян была создана Константином-Кириллом и Мефодием в IX в. славянская письменность. При более чем пятисотлетнем господстве мусульманской цивилизации Османской империи верность православной религии и культуре помогла сохраниться славянскому этносу Македонии. Религия и язык, функционировавший в Македонии у всех этносов в виде диалектов, создавали частноплеменное (местное) и индивидуальное самосознание (5-й и 6-й страты видов самосознания по Толстому). Этническая принадлежность и идентичность выражалась племенными и местными понятиями «наш язык», «мы (я) из такого-то села (такой-то местности)» и общим понятием «мы христиане». В XIX в., некоторые представители немногочисленной македонской интеллигенции пытались создать общий для болгарских и македонских славян единый литературный болгарский язык на народной основе, нормируя его на базе своего родного, македонского, говора. Начало формирования собственно-македонского национального самосознания проявилось в последней четверти XIX в., а особенно ярко сто лет назад во время Ильинденского восстания и в творчестве К. П. Мисиркова, создавшего в 1903 г. литературный македонский язык на основе центральных западных македонских говоров. Отсутствие собственной государственности мешало дальнейшему развитию этого процесса. Лишь с 1945 г. было введено обучение на только что кодифицированном македонском литературном языке.

Типологически современный литературный македонский язык в синхронном плане характеризуется 1) близостью к единой диалектной базе, 2) близостью к языку фольклора, 3) отсутствием локальных вариантов, 4) стабильностью нормы, 5) функциональной поливалентностью (развитыми функциональными стилями), 6) отсутствием пуризма в области лексики и фразеологии. В диахроническом лингвистическом аспекте литературный македонский язык, в отличие от русского и болгарского, входит в так называемую группу литературных славянских

языков нового типа, вместе с сербохорватским, словацким и белорусским, так как характеризуется отрывом от церковнославянской книжной традиции и дистанцированием от соседних южнославянских литературных языков. Русский литературный язык типологически отличается от македонского тем, что опирается и на живой народно-разговорный язык, и на церковнославянские (южнославянские по происхождению) традиции.

Сопоставительное изучение македонского и русского литературных языков может обогатить теорию типологии славянских литературных языков.

В. Ушинскене (Вильнюс). О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСЬБЫ В РЕЧИ ПОЛЯКОВ-ЖИТЕЛЕЙ ВИЛЬНЮСА

В современном польском языке вежливое выражение просьбы предполагает использование нескольких типов конструкций, в которых могут выступать формы как сослагательного (*Czy nie mógłby pan mi pomóc?*), так и повелительного наклонения (*Niech mi pan pomoże, bardzo proszę!*). К последним современная грамматика относит также аналитические конструкции с инфинитивом типа *Proszę mi pomóc*, в которых слово *proszę* функционально соотносимо с частицей повелительного наклонения *niech* (1). Выбор конкретной формулировки определяется ситуацией и характером взаимоотношений между говорящими. (2)

Исследования речи поляков-жителей Вильнюса и его окрестностей выявили значительное отличие местных формулировок просьбы от принятых в Польше. Так, одним из наиболее распространенных выражений просьбы в Вильнюсе является употребление синтаксически независимого инфинитива без вспомогательной частицы *proszę*, т.е. эллиптических конструкций типа: *Pani, pomóż! Pożycz mi pieniądze! Pan, odkryj okno!* Другой тип эллиптических выражений, широко используемых в качестве вежливой просьбы при непосредственном обращении к собеседнику, представлен вопросительными предложениями (в сослагательном или изъявительном наклонении) с характерным для данного региона отсутствием эксплицитности адресата (так наз. *zero godnościowe* 'нулевая адресация'(3)) при сказуемом в форме 3 л. ед. ч.: *Mogłaby odkryć okna? Nie odkryje okna? Pomogłaby? Pożycz mi pieniądze?* Нормативное польское употребление предполагает использование в подобных конструкциях существительных *pan / pani / tata / babcia* и т.п., выполняющих в данном случае функцию особого местоимения 2 л. ед. ч.(4), а потому соответствующих при переводе вежливому русскому *Вы* (*Czy mogłaby pani otworzyć okno? Może babcia pożycz mi pieniądze?*). В отдельных случаях в речи вильнюсских поляков было отмечено использование по отношению к одному

человеку глагольных форм 3 л. мн. ч. в функции 2 л. ед. ч. типа *Pożyczyliby dla mnie pieniędzy?*

Упомянутые эллиптические формулировки просьбы превалировали в спонтанной речи респондентов всех возрастов, однако в официальных ситуациях (на работе, в радиопередачах, на собраниях и т.п.) представители среднего и младшего поколений, окончившие польские школы, старались использовать синтаксически полные конструкции, близкие к нормативным, хотя и с определенным включением местных языковых особенностей. В числе последних прежде всего следует отметить специфические формы обращений. В нормативной польской речи официальное обращение к старшему по возрасту или вышестоящему по положению лицу почти не допускает упоминание имени, а тем более фамилии собеседника рядом с обязательным *pan / pani*. В вильнюсском диалекте, напротив, подобные формулировки широко распространены, так что вместо нейтрального обращения *Proszę pana / pani* или официального *Pani magister! Panie doktorze!* часто можно услышать *Pani Krysia! Pan Mirek!* или даже *Pani Rutkowska! Pan Dawlewicz!* (формы вокатива в местном польском практически отсутствуют), ср. при непосредственном обращении студента к преподавателю: *Czy pan Dawlewicz* (вм. *pan doktor*) *może mnie zwolnić? Czy pani Geben* (вм. *pani magister*) *mogłaby pożyczyć mi książkę?* В общепольском языке такое построение фразы возможно только по отношению к 3-ему лицу. В Вильнюсе подобные конструкции характерны также при вежливом обращении “на ты”, ср.: *Czy Jola to zrobi?* вм. *Zrobisz to?; Mogłby Jurek mnie pomóc?* вм. *Możesz mi pomóc?*, причем многие респонденты отмечали, что использование имени (а в более официальных ситуациях – фамилии), с их точки зрения, подчеркивает вежливое отношение к знакомому собеседнику, в то время как обращение *pan / pani* без добавления имени скорее подразумевает отсутствие знакомства, ср. обращения к незнакомым в транспорте: *Pani, odkryć okna! Przebić bilet, pan!* В неофициальной обстановке важным критерием является возраст адресата просьбы: по отношению к молодым незнакомым людям обращение *pan / pani* в Вильнюсе обычно не употребляется: *Odkryj okna! Przebij bilet!* Иногда вместо них используются индивидуальные ласкательные обращения *dzietka, chłopczyk, dziewczynka* и т.п.: *Przebij, dzietka, bilet!*

Анализ частотности употребления всех синтаксических конструкций, допускаемых местным этикетом при выражении просьбы, выявил различия в их дистрибуции в зависимости от конкретной речевой ситуации, а также от характера отношений предполагаемого собеседника с респондентом (родственник / знакомый / незнакомый / старший / младший). Так, при контактах, требующих максимальной вежливости, т.е. при общении с людьми старшего возраста, с уважаемыми членами общества, преобладают конструкции с независимым инфинитивом: *Pani, przebić talon! Babcia, zobaczyć, co ja mam! Pan sędzia, popatrzeć do*

dokumentów! Panie Proboszczu, ochrzcić nam dziecko! Proszę nauczycielki, powiedzieć, jak on się uczy? По отношению к незнакомым людям среднего возраста частотность использования инфинитивных конструкций и вопросительных предложений с нулевой адресацией распределилась примерно одинаково с незначительным преобладанием последних: *Czy skasuje? Mogłby mnie skasować? Przebije może? Jeżeli nie ciężko, przebić, pani!* Подобные формулировки оказались вполне возможными и в отношении незнакомых молодых людей при параллельном использовании императива: *Może skasuje mnie? Mogłaby mnie przebić! Przebić pani! Przebij, dzieťka!* Совершенно иначе формулировались просьбы к знакомым людям среднего и младшего возраста: в них практически отсутствовали вышеупомянутые “вежливые” построения фразы, превалировали формы повелительного наклонения *Kaziuk, skasuj! Ania, przebij! Odkryj okno! Pomóż mnie!*, кроме того использовались замещающие их конструкции во 2 л. наст. вр.: *Może skasujesz talon? Możesz odkryć okno? Pomóżesz mnie?*

Примечания

1. См.: *Huszczka R.*, *Honoryfikatywność. Gramatyka – Pragmatyka – Typologia.* Warszawa, 1996, s. 197.
2. См. напр.: *Marcjanik M.* *Polska grzeczność językowa.* Kielce, 1997; *Ożóg K.* *Zwroty grzecznościowe współczesnej polszczyzny mówionej.* Kraków, 1990.
3. См.: *Janusz E.* *Orszewska W.* *Honoryfikatywność gramatyczna w polszczyźnie wileńskiej // Sytuacja językowa na Wileńszczyźnie, Red. Porayski-Pomsta J.* Warszawa, 1999, s.135.
4. О расширении в польском языке класса местоимений см.: *Huszczka R.*, *op. cit.*, s. 117.

Е. С. Федоскина (Москва). ОКТОИХ КЛИМЕНТА ОХРИДСКОГО: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Корпус оригинальных произведений Климента Охридского, ученика и сподвижника первоучителей Кирилла и Мефодия, за последние годы значительно расширился благодаря многочисленным находкам в области славянской гимнографии. Открытие нескольких циклов богослужебных канонов (и стихир), составленных Климентом для древнеславянского Октоиха³⁹, побуждает вновь обратиться к вопросу о времени создания «кирилло-мефодиевской» редакции Осмогласника, а также о более или менее известных науке фактах биографии свт. Климента.

³⁹ *Йовчева М.* Новоткрити химнографски произведения на Климент Охридски в Октоиха // *Palaeobulgarica.* 1999. №3. С. 3–30; *Крашенинникова О. А.* Три канона из Октоиха Климента Охридского (Неизвестные страницы древнеславянской гимнографии) // *Славяноведение.* 2000. № 2. С. 29–41; *Федоскина Е.С.* Покаянный канон Климента Охридского в составе древнеславянского Октоиха // *Вестник Московского Университета.* Сер.9. Филология. С. 75–83.

1. Анализируя содержание канонов Климента в Октоихе, О. Крашенинникова пришла к выводу, что обнаруженные ею осмогласные песнопения написаны в последние годы жизни древнеболгарского книжника. Однако по меньшей мере один канон был составлен гораздо раньше. Служба апостолам Петру и Павлу 8-го гласа⁴⁰ отличается от других последований и по содержанию (покаянно-исповедальные мотивы здесь практически отсутствуют, а главное место отдано воспоминаниям о деяниях апостолов и их верховной роли в распространении христианского учения), и по структуре (в составе канона есть редко встречающаяся 2-я песня, при этом сами песни состоят не из четырех, а из пяти тропарей, что объединяет данное песнопение не с другими канонами Осмогласника, а, скорее, с древнейшей службой св. Мефодию или с известной службой обоим славянским первоучителям).

Вероятнее всего, канон 8-го гласа из «петропавловского» цикла (может быть, и канон 6-го гласа тоже) был составлен Климентом еще во время моравской миссии солунских братьев, тем более что в этот период не раз возникал повод для написания такого песнопения: службы на славянском языке в римских церквях Петра и Павла, освящение храма первоверховным апостолам в Брно и др.⁴¹

2. Из двух циклов оригинальных славянских канонов св. Троице, предназначавшихся для воскресной полунощницы и обнаруженных М. Йовчевой исключительно в южнославянских (македонских) рукописях Октоиха⁴², один комплект песнопений принадлежит перу Климента. Все троичные каноны болгарского песнописца наполнены догматическим содержанием и похожи на поэтическое «исповедание веры». Вероятно, нижнюю границу времени их создания можно отнести к периоду напряженной борьбы Мефодия и его учеников с немецким духовенством в Моравии (недаром житие Мефодия начинается с христианского учения о Троице).

Но более интересно другое. Открытие данных канонов является еще одним косвенным доказательством того, что Климент действительно сопровождал Мефодия «с молодых ногтей»⁴³, провел вместе с ним ряд лет в одном из вифинских монастырей и был знаком с древнейшей иерусалимско-палестинской традицией монашеского богослужения – чином воскресного всенощного бдения⁴⁴. Для дальнейшего изучения истории Типикона (состава церковных служб в первых болгарских

⁴⁰ Государственный исторический музей. Собрание А.И. Хлудова, №135. Лл. 32–35.

⁴¹ *Мальшевский И. И.* Свв. Кирилл и Мефодий // Труды Киевской Духовной академии. 1885. № 9. С. 50–52; *Крашенинникова О.А.* Рукописные Октоихи XIII–XIV веков и проблема ранних славянских переводов гимнографических текстов // Филологические науки. 1993. № 4. С. 3–10.

⁴² Наиболее полно цикл канонов представлен в: Российская национальная библиотека. Собрание А.Ф. Гильфердинга, № 26.

⁴³ *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски. Живот и творчество. София, 1988. С. 27.

⁴⁴ *Успенский Н. Д.* Чин всенощного бдения (‘Н ’ΑΓΡΥΠΝΙΑ) на православном Востоке и в Русской Церкви // Богословские труды. Сб. 18. М., 1978. С. 5–117.

монастырях) чрезвычайно важен тот факт, что славянские просветители включили в седмичный круг богослужения последования, отсутствовавшие в монастырских уставах студийского (и афоно-студийского) типа, по крайней мере, до второй половины XI в. Это еще одно свидетельство неконстантинопольского происхождения того комплекса греческих богослужебных книг, который использовался в кирилло-мефодиевском кругу для первоначального славянского перевода⁴⁵.

3. Оценивая огромный труд Климента Охридского по составлению древнеславянского Октоиха, необходимо сравнить произведения болгарского гимнографа с греческими образцами – в первую очередь, с творчеством Иосифа Песнописца.

Хронологическая путаница в биографии плодovitейшего византийского гимнографа⁴⁶ всегда препятствовала простому сопоставлению известных исторических фактов. Во-первых, Иосиф Песнописец был современником славянских первоучителей (даты его рождения и смерти практически совпадают с датами жизни св. Мефодия). Во-вторых, с большой долей уверенности можно утверждать, что Кирилл и Мефодий, а с ними и Климент, во время своей поездки к хазарам должны были встретиться с Иосифом, сосланным, как и Митрофан Смирнский, в Херсон после низложения патриарха Игнатия. В любом случае написанный Иосифом сборник «умилительных» канонов, вошедших затем в греческий Параклит в качестве вторых седмичных памятей, мог восприниматься Климентом как собрание новых, только что созданных текстов, не освященных многолетней богослужебной практикой. Поэтому при переводе греческого Октоиха-Параклита на славянский язык болгарский книжник творчески подходил к решению многих задач: к выбору тематики седмичных служб (память апп. Петра и Павла в четверг), к выбору византийских образцов (каноны апостолам Иосифа Песнописца, а не Феодана Начертанного), к способу перевода (буквальный или парафрастический) и, наконец, к возможности написания оригинальных славянских песнопений на основе византийского гимнографического материала.

Близость творчества Климента Охридского и Иосифа Песнописца прослеживается не только на тематическом, но и на лексико-стилистическом уровне. Например, многие лексемы с корневыми морфемами **свѣт-**, **три-/трѣ-**, **зар-**, являющиеся характерной чертой поэтического языка Климента, встречаются и в песнопениях Иосифа.

---

⁴⁵ *Пентковский А., Йовчева М.* Праздничные и воскресные блаженны в византийском и славянском богослужении VIII–XIII вв. // *Palaeobulgarica*. 2001. № 3. С. 57.

⁴⁶ *Stiemon D.* La vie et l'œuvre de s. Joseph l'Hymnographe // *Revue des études byzantines*. 31(1973). P. 243-266.

К. Л. Цыганова (Саранск). КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ
ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ – ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И
НЕПОЛНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРБОХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА)

Для структур, содержащих добавочное высказывание и отделенных от базовой части точкой, в лингвистической литературе последнего времени более употребителен термин парцеллят, а для самого явления – парцелляция. Мы используем старый термин “присоединение”, поскольку считаем, что он более соответствует характеру структуры, ее семантике. Парцелляция представляется одним из формальных средств передачи присоединения, причем средством хоть и более ярким, выразительным, но не обязательным.

Много противоречий в толковании конструкций – членов предложения и конструкций – неполных предложений. Одни лингвисты считают присоединенный элемент типа *Onet se nasmeja. Мукло и кратко.* неполным предложением (М. Стеванович, Б. Остоич, Т. Г. Винокур, П. С. Дудик др.), другие – членом предложения (Ж. Станойич, Н. Н. Прокопович, Н. С. Валгина, А. Ф. Прияткина и др.).

Представляется правомерным определить присоединенный элемент как член базовой части в том случае, если он сохраняет тесную смысловую и грамматическую связь с одним из ее членов. Во всех случаях при этом сохраняется тип синтаксической связи (согласование, управление, примыкание, координация) и статическая (по терминологии В. А. Белошапковой) структура предложения. Изменяется структура динамическая (по терминологии этого же лингвиста), связанная с коммуникативными задачами. О присоединении члена основного высказывания, а не нового предложения правомерно говорить только тогда, когда присоединенное слово стоит именно в той грамматической форме, которой требует одно из слов основного высказывания. Ср.: *Синоћ дођох. Са Осмом бригадом (А. Вучо). Синоћ дођох са Осмом бригадом.*

Часто большое значение имеет и порядок слов. Так, присоединенные однородные подлежащие обычно располагаются контактно (они могут разделяться только поясняющими словами). В структуре с присоединением они, кроме того, помещаются только после сказуемого. Поэтому в следующем примере, на наш взгляд, присоединено неполное предложение. *Качамак из кашика пада на пепео огњишта. И сир (М. Дримколски).*

Таким образом, критерием отнесения присоединительной конструкции к неполным предложениям является прежде всего отсутствие признаков, указывающих на структурно-грамматическую и коммуникативную общность присоединенной части и основного высказывания, то есть говорящих о том, что перед нами трансформированное в речи единое простое предложение. При присоединении неполного предложе-

ния без изменения порядка слов, а часто и грамматической характеристики отдельных членов, невозможно воссоздать простое предложение. Но такие изменения указывают на возникновение иной, новой синтаксической структуры. Возьмем для сравнения два примера. В структуре *Ту запише њен дневник, и ломи се њен живот. За неколико месеци.* (И. Андрић.) присоединяющаяся часть входит в состав простого предложения (являющегося частью сложносочиненного) в качестве обстоятельственного распространителя: ... и ломи се њен живот за неколико месеци. Другой пример: *Ништа нисам рекао. Ни он* (М. Селимовић). *Ништа нисам рекао, ни он* – предложение сложносочиненное, то есть присоединено неполное предложение. Для создания простого необходимо изменить порядок слов и число глагола-сказуемого, ввести неназванное подлежащее основного высказывания, союз: *Ни он, ни ја ништа нисмо рекли.* Это общее положение. Назовем несколько частных критериев отнесения присоединительной конструкции к неполным предложениям (а не к членам предложения – основного высказывания).

1. Член предложения может присоединяться только к открытому синтаксическому ряду; неполное предложение – к закрытому. Так, в структуре *Волим Адама више од живота. И тебе.* (Д. Чосић.) присоединительная конструкция – неполное предложение. Для сравнения изменим основное высказывание так, чтобы для дополнения “Адама” синтаксический ряд был открытым: *Више от живота волим Адама. И тебе.* Модель такой структуры представляет собой простое предложение с однородными членами. Если же ретрансформировать предложение из романа Д. Чосича, получим сложносочиненное предложение: *Волим Адама више от живота, и тебе.* Снятие паузы, изменение структуры (*Волим Адама више от живот и тебе.*) исказило бы смысл высказывания.

2. При наличии закрытого синтаксического ряда еще и нарушение грамматической соотнесенности: *Врат ми постоје мршав и тврд. И моје руке.* (А. Вучо.).

3. Явная структурная несовместимость присоединенного компонента с основным высказыванием. Обычно это происходит, когда основное высказывание – безличное предложение, а в присоединительной конструкции подлежащее налицо: *Радости у њему није било. Само туга.* (В. Мариновић.)

4. Различное объективно-модальное значение основной и присоединенной части (в трактовке объективно-модального значения мы придерживаемся точки зрения В. Г. Адмони): *И нико на свету не би имао скрупула. Само Мића.* (О. Давићо.) Первая часть структуры – предложение общеотрицательное, второе – утвердительное.

Что касается субъективно-модальной иноплановости, которую М. Е. Шафиро тоже считает одним из признаков “функционирования присоединенного компонента минимальной лексической наполняемости

в качестве предложения”, думается, она не может быть критерием, так как возможно употребление в структуре одного простого предложения двух однородных членов разного субъективно-модального плана и так как это само по себе не нарушает формально-грамматической структуры предложения и не препятствует возможности трансформационного включения присоединенного компонента непосредственно в предыдущий состав.

5. Употребление сочинительного союза при отсутствии в основном высказывании члена, однородного присоединительной конструкции. Союз создает структуру, в которой соединиться или противопоставляться могут только два предложения: *Хтио бих те насликати још једанпут прије него одеш. **И то одмах** (Ј. Франичевић-Плочар). Били смо извор обавештења о доктору с његова хода по мукама. **Али за кога?** (М. Селимовић.)*

6. Употребление в основном высказывании обобщающего слова, отсутствие ряда однородных членов и наличие союза перед единственным членом предложения: *Сад ми све изгледа бесмислено. **И овај разговор** (М. Селимовић).*

7. Слова **исто** и **такође** в составе присоединительной конструкции. Они употребляются только при наличии двух предложений и подчеркивают идентичность их сказуемых: *Слобода – и она, разуме се, треба тек да буде. **И истина – исто** (О. Давичо). За истину се дакле боримо. **Такође** и за њу (О. Давичо).*

8. Интонационная разноплановость основного высказывания и присоединительной конструкции: *... то не сме да остане некажњено! **Али како?** (В. Мариновић.)*

9. Отделенность присоединительной конструкции от основного высказывания самостоятельным предложением: *... ено, штекећу љуто, чујем их. **Као вуци** (В. Калѐб).*

Как видно из приведенных примеров, чаще всего налицо совокупность критериев, позволяющих определить грамматический статус присоединительной конструкции.

*М. С. Хмелевский (Санкт-Петербург). К УНИВЕРСАЛИЯМ
ФОРМИРОВАНИЯ РАЗРЯДА НАРЕЧИЙ–ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКАХ*

Внутри класса наречий выделяется разряд слов, основной функцией которых является указание на высокую степень проявления признака или действия: интенсификаторы (рус.: *очень любить, страшно интересно, больно красивый, безумно много, жутко хотеть, чертовски интересный, неописуемо красивый, шибко грамотный* и т.п.). Эти наречия характеризуются общностью лексической семантики и, таким образом, составляют лексико-семантическую категорию, представленную в языке рядом синонимичных слов с различной стилистической и

экспрессивной окраской. Ядром этого ряда является стилистически нейтральный и широко употребляемый интенсификатор: рус. *очень*, укр. *дуже, вельми*, блр. *вельмі*, пол. *bardzo*, чеш. *velmi, velice*, слц. *velmi*, в.-луж. *jara*, блг. *много*, срб., хрв. *veoma, vrlo, jako*, слвн. *zelo*. Большую часть слов данного разряда составляют наречия, образованные от качественных прилагательных, которые в результате определенных семантических трансформаций развили признак, ставший толчком для формирования значения интенсификатора у производных наречий. Наблюдения показывают, что в славянских языках, равно как и в других, происходит постоянное, непрерывное расширение этой группы слов, причем развитие значения показателя высокой меры или степени протекает по определенным лексико-семантическим моделям, во многом параллельным для близких и неблизких языков.

Схема трансформации значения как у производящего прилагательного, так и у мотивированного наречия, в принципе универсальна для всех славянских языков.

Проследим этот процесс на примере русского интенсификатора *страшно*. На основе исконного значения прилагательного 'вызывающий чувство ужаса, жуткий' (*страшный сон, страшные картины войны*) у него развивается значение 'интенсивный, значительный по степени проявления'. В ряде контекстов это переносное значение накладывается на первичное, как, напр.: *страшный порыв ветра, страшная буря* – 'настолько сильный, что вызывает чувство ужаса'. Однако зачастую исконное значение полностью нейтрализуется: «*Любочка – страшная хохотунья*» (Островский). Подобный семантический сдвиг служит толчком для трансформации значения у однокоренного наречия. На базе исконного качественного значения наречия («*И страшно взор его сверкает*» – А. С. Пушкин) развивается признак показателя высокой степени или меры. В определенных употреблениях первичное значение восстановимо (*страшно болеть* – т.е. 'настолько сильно, что это вызывает чувство ужаса'), однако довольно часто наречие выступает в функции чистого интенсификатора с нейтрализованным качественным признаком: *Там, на севере, девушка тоже, На тебя она страшно похожа...* (С. Есенин); *Забывались всякие ссоры и обиды, и страшно скоро высохли слезы; Помню, что нас они (шуточные стихи – М. Х.) забавляли страшно* (И. Толстой, 'Мои воспоминания'), *страшно весело, страшно интересно, страшно добрый* и т.п. Таким образом, можно утверждать, что значительная часть современных наречий–интенсификаторов прошла описанный путь семантических трансформаций.

Подобная схема развития значения от качественного признака прилагательного в сторону развития значения усилителя признака либо действия может быть прослежена и на примерах из других славянских языков: укр. *дужі коні, схопити дужими руками* 'сильный' – *дуже тихо, дуже смішно*; чеш. *ohromný dub, ohromné zdi* 'большой' – *ohromně*

ti to sluší, ohromně důležitý; слц. *smrteľná choroba* – ‘относящийся к смерти’ – *brať niečo smrteľne vážne, smrteľne dôležitý*; пол. *jeden śmiały i okrutny herszt* ‘жестокий, свирепый’, *most z okrutnych kamieni* ‘большой, огромный’, *słowo to okrutnie jest bardzo w modzie, i tak mówią: ta dama okrutnie grzeczna, a druga okrutnie gruba, jednego okrutnie kocha, drugiego okrutnie lubi*; срб. *jak čovek, jak udarac* ‘сильный’ – *jako dugo, jako lepo, jako slabo*; хрв.: *grozni privedenja* – ‘ужасающий’ – *onaj kaže da je grozno lijep*; слвн. *hud pes* – ‘злой, страшный’ – *hudo potreben, hudo lepa Slovenka* – ‘интенсификатор’.

Объединяющим смысловым звеном большинства производящих качественных прилагательных является развитие ими переносных значений, послуживших толчком для формирования значения интенсификатора у однокоренных наречий. А именно, речь идет о таких семантических признаках, как: ‘значительный по размерам, огромный’, ‘интенсивный, значительный по степени своего проявления’, ‘превышающий норму, все представления о среднедопустимом, возможном’. Развитие семантики качественных прилагательных проходит через одно из трех этих значений – ‘посредников’ или их совокупность, которые являются производящими по отношению к значению интенсификатора у однокоренных адverbных слов. В принципе, выделенные семантические признаки близки друг к другу выражением превышения нормы, релевантной для начала трансформаций значения у наречия.

Базовые прилагательные представляют собой весьма пеструю в этимологическом отношении группу слов, однако все они объединены общими тенденциями преобразования своей семантической структуры и развития признака интенсификатора у однокоренного наречия. Однако при более подробном изучении славянских наречий меры и степени можно очертить весьма ограниченный ряд семантических признаков, внутри которых потенциально заложена возможность вышеописанных сдвигов, что связано с ассоцированием определенной семы с семой превышения нормы. Так, универсальными для всех славянских языков являются следующие лексико-семантические модели формирования разряда наречий – интенсификаторов, выделяемые на основе исконного качественного признака:

1) «большой по размерам»: чеш. *velmi* (от *velьjь), *velice, ohromně, náramně* (от *náramný* – ‘большой’), слц. *veľmi, ohromne, náramne*, пол. *wielce*, срб., хрв. *veoma, ogromno, veliko, golemo* (от *golem* – ‘большой’), *grdno* (от *grdan* – ‘большой’), слвн. *ogromno, veliko* и т.п.;

2) «действующий с большой силой»: русск. *сильно, крепко*, пол. *silnie, mocnie*, чеш. *silně, mocně, tuze, ukrutně*, слц. *silne/silno, mocne, tuho, ukrutne*, срб., хрв. *jako, silno*, слвн. *zelo* – (этимологически ‘сильно’), *krpko, silovito* и т.п.;

3) «вызывающий, наводящий чувство ужаса, страха»: рус. *ужасно, жутко, страшно*, пол. *okropnie* (от *okropny* – ‘страшный, суровый’), *strasznie*, чеш. *děsně* (от *děsný* – ‘жуткий’), *úžasně* (от *úžasný* – исконно

‘ужасный’), hrozně, strašně, слц. úžasne, strašne, срб., хрв. užasno, strašno, слвн. grozno, hudo и т.п.;

4) «необыкновенный, отличающийся от других»: чеш. neobyčejně, nezvykle, nevšedně, neobvykle, mimořádně, fantasticky, слц. neobvyčajne, nezvyčajne, mimoriadne, nevšedne, fantasticky, neobvykle, nezvykle, рус. необыкновенно, необычно, необычайно, уникально, особенно, чрезвычайно, фантастически, изрядно, исключительно, срб./хрв. iznimno, neobično, osobito, izvanredno, naročito, fantastično, izuzetno, neobično, слвн.: čudno, čudovito, nenavadno и т.п.;

5) ‘такой, каким должен быть, настоящий’, а также ‘хороший по качеству, красивый, приятный’ (положительный признак): рус. здорово, гораздо, чеш. hodně (от hodný – ‘хороший, добрый’), pořádně, potně (исконно ‘как по нотам’, переносное – ‘как следует, хорошо’ – ‘очень’), слц. poriadne, giadne, в.-луж. derje – ‘очень’ (этимологически возводится к *dobъгъ – ‘хороший’), срб., хрв. vrlo (от vro – ‘хороший, положительный’), слвн. prav, čisto, dobro (dobro dolgo – ‘очень’) и т.п.;

б) «крайний, предельный» в широком понимании: рус. смертельно, крайне, предельно, чеш. smrtelně, krajně, šíleně, zoufale, слц. smrteľne, krajne, срб., хрв.: smrtno ozbiljne situacije, smrtno zaljubljen, слвн. smrtno resno, krvavo potrebujem.

Сопоставительное лексикологическое изучение процесса формирования разряда слов – интенсификаторов, лежащих внутри категории количественности и оценки, позволяет установить закономерности формирования и функционирования группы слов, служащих для выражения большого количества, меры и степени проявления признака либо действия, что в мышлении человека неразрывно связывается с экспрессией.

А. А. Хрущёва (Москва). К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА РУССКОЙ РЕДАКЦИИ В СЕРБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII – XIX ВВ.

Во второй половине XVIII – первой половине XIX века у сербов было 4 типа литературного языка, отличавшихся сферой употребления: церковнославянский язык русской редакции (русскоцерковнославянский); смешанный славяносербский (как результат сербизации русского и церковнославянского языка, в котором выделялся язык досифеевского типа с сербской грамматикой и русской лексикой); русский литературный язык XVIII в. (так называемый «историографический слог») и язык, близкий к сербскому народному. Использование в сербской книжности славяносербского языка и языка, близкого к сербскому народному, подробно рассмотрено А. Младеновичем, П. Ивичем, И. Грицкат, А. Албияничем. Между тем мало изучено применение русского церковнославянского языка, вышедшего у сербов из рамок церковной литературы и распространившегося на светские произведения.

Насколько корректно пользовались данным языком писатели-сербы XVIII в. в своих произведениях? Соблюдали ли его нормы? Необходимо провести соответствующий анализ, который позволит выяснить, является ли язык того или иного произведения действительно церковнославянским языком русской редакции. Для этого мы обратились к изданию Г. Трлаича «Нума или Прозвещающий Рим». Данное сочинение ещё не рассматривалось под этим углом зрения. Книга серба Григория Трлаича, опубликованная в 1801 г. в Буде, являлась переложением сочинения Михаила Хераскова с одноимённым названием, написанного на «российском» языке (русском литературном языке XVIII в.) и напечатанного «при Императорском Московском университете» в 1768 году.

На рубеже XVIII–XIX вв. в сербской книжности всё более усиливающим свои позиции славяносербским и сербским народным языками церковнославянский язык русской редакции имел немногочисленных, но весьма авторитетных сторонников (С. Стратимировича, Л. Мушицкого, Г. Трлаича, А. Везилича). Желая ознакомить сербских читателей с произведением о справедливом правителе в духе просвещённого абсолютизма, Трлаич выбрал для этих целей русский церковнославянский, а не сербский народный или славяносербский язык, придав, таким образом, этому сочинению М. Хераскова определённую архаичность, усугублённую церковным кириллическим шрифтом будского издания (книга Хераскова была напечатана в Москве гражданским шрифтом). Трлаич назвал переработку книги Хераскова для сербов «преоблачением».

Что касается владения переводчиком русскоцерковнославянским языком, об этом известно следующее. Г. Трлаич был лучшим по классу грамматики в гимназии Буды, за что получал стипендию, позже служил секретарём у российского посла в Вене Д. М. Голицына, т.е. имел возможность в достаточной степени овладеть русским и церковнославянским языком, преподавание которого велось по единственному существовавшему тогда учебнику грамматики М. Смотрицкого, перепечатанному в Рымнике для нужд сербов в 1755 г. под изменённым названием.

В конце книги о Нуме Трлаич поместил небольшой словарь с пояснением некоторых церковнославянских слов, а также упомянул «Рѣководство к славянской грамматике» 1794 г. Аврама Мразовича – одно из двух существовавших тогда грамматических пособий по церковнославянскому языку русской редакции, созданное сербским автором (первым было «Рѣководство» Стефана Вуяновского 1793 г.). «Рѣководство» Мразовича было создано на основе «Грамматики» Мелетия Смотрицкого. Трлаич отмечал, что оно далеко не совершенно, но, тем не менее, признавал его важность из-за отсутствия у сербов других (кроме названных трёх) грамматик для изучения «праотеческого» языка. Поэтому, перелагая

сочинение М. Хераскова, Г. Трлаич мог опираться как на своё знание церковнославянского языка по «Грамматике» М. Смотрицкого, так и на упомянутое им «Ръководство» А. Мразовича, парадигмы которого в основном совпадают с материалом Смотрицкого.

Целью нашего исследования было определить, соответствуют ли парадигмы выбранных групп слов из книги Трлаича нормам «Ръководства к славянской грамматике» Аврама Мразовича. Были рассмотрены формы словоизменения существительных, местоимений и глаголов. Итогом подобных наблюдений стали следующие выводы.

Формы существительных всех склонений соответствуют нормам «Ръководства» Мразовича, за исключением некоторых расхождений, которые связаны, главным образом: 1) с выражением категории одушевлённости / неодушевлённости; 2) влиянием русского языка. Местоимения обнаруженных разрядов также в целом соответствуют нормам грамматики Мразовича.

Что касается глаголов, были проанализированы формы прошедших времен как наиболее яркое возможное свидетельство принадлежности к церковнославянскому языку. У Трлаича представлены формы аориста, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта. Все они соответствуют образцам пособия А. Мразовича. Таким образом, можно засвидетельствовать несомненную принадлежность текста Г. Трлаича к сочинениям на церковнославянском языке русской редакции.

Наряду с этим, ярким доказательством определения языка данного произведения как русскоцерковнославянского являются наличествующие формы двойственного числа, передача временных отношений при помощи «дательного самостоятельного», целевых конструкций «*м* + презентная форма глагола», условных – «*ице* + презентная форма глагола».

Таким образом, издание Г. Трлаича, представляющая собой перевод с русского языка на русскоцерковнославянский свидетельствует, что образованные сербы уверенно владели импортированным из России типом церковнославянского языка. Большой интерес представляет изучение лексики этого перевода («преоблачения»). Но это должно стать предметом специального исследования.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Т. Е. Аникина, М. Л. Бершадская (Санкт-Петербург). ПРОБЛЕМЫ ОСВЕЩЕНИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА В КУРСЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕШСКОЙ И СЛОВАЦКОЙ ЛИТЕРАТУР И ЛИТЕРАТУР ЮГОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ)

Интерес студенческой аудитории к литературе последних лет, зачастую воспринимаемой поверхностно и некритически, делает весьма актуальным изучение литературы постмодернизма.

В связи с этим возникает круг методических проблем, касающихся преподавания ряда дисциплин: курса славянских литератур, курсов славянского фольклора и страноведения, перевода с зарубежных славянских языков на русский, аналитического чтения, домашнего чтения, ряда языковедческих дисциплин (от курсов исторической и теоретической грамматики до стилистики), а также различных спецкурсов и спецсеминаров.

Учитывая сознательный художественный эклектизм постмодернизма, его стремление включить в свой арсенал опыт многих предшествовавших ему художественных направлений (чаще всего при помощи их иронического толкования и цитирования), в курсе славянских литератур и славянского фольклора следует обратить особое внимание на:

Принципиальную мифологизацию произведений, относящихся к постмодернизму (словацкая литература – Д. Митана, чешская – Я. Топол и т.д.).

При изучении славянского фольклора уместно обратить внимание аудитории на распространенные архетипичные образы, показать их индоевропейские истоки (волк, медведь, конь, туча, луна и т.п.).

Особенно тщательного изучения требует кирилло-мефодиевский период развития славянской письменности. Весьма желательным представляется знакомство с Прогласом, особой символикой глаголицы (концепция Л. Б. Карпенко).

Необычайно интенсивно используется в творчестве постмодернистов и художественный опыт барокко (сербские писатели М. Павич и Г. Петрович).

Вероятнее всего, эстетизация ужасного, безобразного восходит к эстетике натурализма.

С сюрреализмом (или постфрейдизмом?) постмодернистов объединяет интерес к снам, занимающим исключительное место в художественном пространстве современной литературы (словацкая

литература – Д. Митана, чешская – М. Кундера, Я. Топол и др., сербская – М. Павич).

Студентами могут быть подготовлены реферативные доклады по обозначенным проблемам, а также вопросам, связанным с теоретическими аспектами эстетики постмодернизма (напр., концепция «смерти автора» Барта, теория деконструкции и др.).

Особое внимание как на лекциях, так и на практических занятиях следует уделить одной из ключевых методологических проблем – проблеме интертекстуальности. Выбирая произведения художественной литературы для анализа и перевода на русский язык, имеет смысл отдать предпочтение небольшим по объему, но представляющим собой целостную структуру текстам писателей-постмодернистов. При их рассмотрении необходимо проводить тщательный филологический анализ, обращая внимание на проблему интертекстуальности, пространственно-временные смещения, отсутствие / множественность авторской позиции и т.д.

При изучении произведений постмодернистов следует уделить внимание и проблемам интермедиальности, также весьма значимым для искусства постмодернизма (напр., влияние кинематографа на творчество хорватского прозаика Ферича).

Отдельного рассмотрения требует и язык произведений писателей-постмодернистов (концепция Л. В. Зубовой – современная литература в контексте истории языка).

Изучение постмодернизма должно быть связано также с курсом страноведения. Не зная особенностей национального менталитета, национальных конфессий, устойчивых национальных аллюзий, невозможно понять постмодернистские тексты.

Только постоянно обращая внимание студентов, с одной стороны, на глубину и сложность, а, с другой стороны, на закономерность процессов, происходящих в современных литературах славянских стран Центральной и Юго-восточной Европы, можно добиться более или менее адекватного восприятия постмодернистских произведений русской студенческой аудиторией.

А. И. Баранов (Вильнюс). С. ПШИБЫШЕВСКИЙ: ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ. АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Станислав Пшибышевский (1868 – 1927) оставил оригинальный след в европейской литературе конца XIX – начала XX вв. «Вождь и родоначальник польского модернизма» (Е. Загорский), наиболее тонко анализировавший в литературе рубежа столетий «трагедию современного эмансипированного мозга» (О. Хансон), он воспринимался за рубежами Польши, в частности в Германии, как очередной после Достоевского, выразитель тайн славянской души. О Пшибышевском

восторженно отзывались многие современники, его творчество похвалили и скупой на оценки Болеслав Прус.

Однако время негативно сказалось на творческом наследии Пшибышевского, если иметь в виду критику XX века. Весьма точно заметила по этому поводу Г. Матушек: «До сегодняшнего дня не известно, что произошло между Пшибышевским и польской литературой. Литературное наследие автора «Confiteor» комплексно не исследовалось, его произведения давно не переиздавались, а клише и стереотипы занимают место обстоятельного анализа (1).

Пшибышевский не был графоманом, как его неоднократно называла критика конца прошлого столетия и более поздняя. Художественное наследие Пшибышевского должно обрести четкое место в литературе прошлого, а поиск «координат» необходимо вести не по линии количества обнаруживаемых шедевров. Автор «Детей Сатаны» оказал влияние на формирование польской прозы. Не вызывают сомнения его литературные заслуги в области языка и стиля, в развитии психологизма и в становлении европейского экспрессионизма.

Пшибышевский изучал психиатрию в Берлине, его первые научные труды в этой сфере по времени опередили исследования З. Фрейда. Психологический эксперимент в зондировании человеческой души он перенес из науки в искусство, однако «феномен Пшибышевского» в этом плане во всей полноте еще не раскрыт.

Представляется, что проза и драматургия Пшибышевского могут быть рассмотрены в аспекте компаративистики. При этом в орбиту исследования должны войти прежде всего следующие имена: Гофман, Э. По, Стриндберг, Метерлинк, Ибсен, Хансон, Гюисманс, философы Шопенгауэр и Ницше. Актуальное направление исследования – воздействие Пшибышевского на чешскую литературу.

Пшибышевский, ставший явлением польского культурного сознания, искушает исследователя-литературоведа, подчеркивал двадцать лет назад Т. Бурек (2). По-прежнему он искушает и сегодня как историка литературы, так и психоаналитика при исследовании его биографии.

Однако «исправить положение» не в последнюю очередь должен издатель произведений Пшибышевского. Планировавшееся семитомное (объемом в 2000 страниц) переиздание сочинений писателя так и осталось проектом, что создает явные сложности в изучении его творчества. Так, к примеру, текст, может быть, лучшего романа Пшибышевского «Крик», инспирированного известной картиной норвежского художника Э. Мунка, доступен лишь в одной из варшавских библиотек.

В российском литературоведении творчество Пшибышевского нуждается в реабилитации в целом. Произведения автора «Homo sapiens» неоднократно издавались в дореволюционной России, была предпринята и попытка монографического исследования его творчества (3). В современном литературоведении плодотворно изучается лишь

один его аспект – влияние Пшибышевского на русскую литературу (работы проф. Е. З. Цыбенко).

Необходимо переиздание сочинений Пшибышевского на русском языке с перспективой обстоятельного исследования его творчества на основе новейших филологических подходов. Не снимает остроты проблемы вышедший в свет в 2000 г. том его избранных произведений с предисловием профессора из Цюриха Г. Рица (4), куда вошла, правда, одна из лучших пьес драматурга – «Снег». И последнее: Пшибышевский должен найти себе и адекватное место в программах университетских курсов.

Л и т е р а т у р а

1. Matuszek H. Der geniale Pole? Niemcy o Stanisławie Przybyszewskim. Kraków, 1996. S. 8.
2. Burek T. Przybyszewski kusiciel // Stanisław Przybyszewski. W 50-lecie zgonu pisarza. Wrocław, 1982. S. 19.
3. Давыдов С. Жизнь одинокой души. О Станиславе Пшибышевском. М., 1911.
4. Пшибышевский Станислав. Заупокойная месса. М., 2002.

А. Бобраков-Тимошкин (Москва). К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЧЕШСКОЙ ПРОЗЫ 1910-Х ГОДОВ

В последнее время в литературоведческой богемистике возрос интерес к исследованию чешской литературы 1910-х годов. Это неудивительно: – именно в это трагическое для Европы десятилетие в чешской прозе, в период «рубежа веков» находившейся несколько в тени поэзии, начинают утверждаться принципы, характерные для творческого метода, получившего впоследствии название «модернизм».

В целом для чешской прозы 1910-х годов характерны произведения, в которых делается попытка выразить мироощущение человека новой эпохи: чувство тревоги, часто страха, ожидание неотвратимого распада и конца старого мира (которое, в конце концов, оправдалось с началом мировой войны). В произведениях этого периода часто отражается абсурдность окружающего мира и реакция на нее человека.

Естественно, в это время ведется интенсивный поиск новых художественных средств, арсенал которых существенно видоизменяется и дополняется.

Интересным в связи с этим представляется рассмотреть вопрос о месте, которое занимает в чешской литературе 1910-х годов творчество писателей, по своим художественным принципам наиболее близких к экспрессионизму. Это **Якуб Демл** (1877–1961), **Ладислав Клима** (1878–1928) и **Рихард Вайнер** (1884–1937).

Мы считаем поэтику названных авторов своего рода «квинтэссенцией», доведением до крайности творческих принципов, в той или иной мере характерных для многих прозаических произведений данного периода. Наше мнение опирается как на роль экспрессионизма в

рассматриваемый период в европейской литературе в целом, так и на новаторский характер творчества этих писателей, что является отражением стремления литературы 1910-х годов к нахождению новых тем и новых средств выражения. С течением времени произведения Демла, Климы и Вайнера стали оказывать все большее влияние на развитие чешской литературы⁴⁷.

Исследователи литературы до сих пор не пришли к единому мнению о том, к какому направлению относится творчество этих авторов. Подобная неопределенность в принципе характерна для интерпретации произведений чешских писателей 1910-х годов⁴⁸. Однако творчество Демла, Климы и Вайнера вообще с трудом поддается классификации: «несколько особняком... стоит творчество священника Якуба Демла...» (История 2001, 110), «ни в какие направления не укладывалось творчество Л. Климы и Р. Вайнера» (там же, 464).

Представляется обоснованным рассмотрение творчества этих писателей в контексте экспрессионизма, предопределившего в 1910-е годы развитие прежде всего немецкоязычной литературы. Экспрессионизм, выражающий «ужас перед хаосом» с точки зрения «интерпретирующего субъекта», его «потрясенность» (ЛЭС 1987), в наиболее выраженной форме отразил мироощущение человека, столкнувшегося лицом к лицу с безжалостностью современной цивилизации.

На общие черты поэтики Демла, Климы и Вайнера и творческих принципов таких писателей-экспрессионистов, как Ф. Кафка, Р. Музиль, Г. Майринк и др., обращалось внимание в чешском литературоведении неоднократно. В контексте же собственно экспрессионизма творчество этих трех авторов первым рассмотрел чешский исследователь Индржих Халупецкий (1991).

Следует отметить, что об экспрессионизме в чешской прозе 1910-х годов говорят и в связи с «Золотой Венерой» и «Мечтателями и убийцами» Ф. Лангера⁴⁹, и с «Распятием» К. Чапека) и ранними рассказами Й. Чапека. Наконец, тот же Халупецкий включил в контекст экспрессионизма некоторые произведения Я. Гашека.

---

⁴⁷ Например, Б. Грабал, отвечая в 1967 году на вопрос о своих любимых писателях, наряду с Ф.Кафкой и Я.Гашеком, назвал фамилии именно Демла, Климы и Вайнера (см. Rothová 1991, 38). Из современных чешских писателей поэтика этих авторов оказала существенное влияние на творчество М. Айваза.

⁴⁸ Так, в произведениях К.М. Чапека-Хода и А.М. Тильшовой можно найти черты как реализма, так и натурализма, в творчестве сатирика Я. Гашека чешские исследователи усматривают близость не только к экспрессионизму («Похождения бравого солдата Швейка...» как выражение абсурда и распада действительности – идея, высказанная К. Косиком и др.), но и к дадаизму. Легенду В. Дыка «Крысолов» (1915) характеризуют и как произведение неоклассицизма, и как неоромантический текст. Черты различных художественных направлений сочетаются и в творчестве других видных писателей этого периода, например Б. Бенешовой, К. и Й. Чапек.

⁴⁹ «Невозможность понять внешний мир, проявляющаяся чувствами печали, страха, боли – связывает эти рассказы Лангера с литературным экспрессионизмом и кубизмом» – считает М. Гавранкова (Navrátková 2000, 315).

Tertium comparationis для сопоставления творчества Демла (наиболее выдающимися из прозаических произведений которого в 1910-е годы являются «Крепость смерти» (1909 – 1912) и «Танец смерти» (1908–1914)), Климы (художественные тексты которого – «Большой роман», «Славная Немезида» и многочисленные рассказы – создавались с 1906 по 1919 год) и Вайнера (в 1910-е годы, в ранний период прозаического творчества, он издал книги рассказов «Валькирия», 1917 и «Оскал», 1919) Халупецкий находит в том, что все три писателя, которые пришли к сходным художественным принципам разными путями⁵⁰, исследуют в своем творчестве одну и ту же тему, для чего используют сходные художественные средства. Демл, Клима и Вайнер видели современную историю как приобретающую апокалиптические масштабы трагедию, результатом которой является «идейный распад личности, а значит, и всего мира» (Chalupecký 1991, 195), что, в свою очередь, представляет собой «ядро экспрессионистского опыта» (там же, 197). На этом основании Халупецкий относит всех трех писателей к экспрессионистам и заключает, что экспрессионизм не является феноменом лишь немецкой литературы, а имеет «центральноевропейский» характер.

Физический «распад» личности – то же самое, что смерть. Вполне логично, что именно смерть находится в центре художественного мира Демла, Климы и Вайнера.

Так, в «Крепости смерти» Демла герой оказывается в странной башне-лабиринте, в котором «одна-единственная... из лестниц ведет к спасению, все остальные – к неминуемой смерти» (Deml 1991, 59). «Танец смерти» составляют девять небольших прозаических фрагментов – записей снов, в каждом из которых герою угрожает смерть, принимающая разные облики – от играющего походный марш револьвера, который выстрелит герою в сердце «при одном из тактов» (Deml 1929, 125), до стаи орлов и белого медведя. Героя рассказа Климы «Как будет после смерти» (Klíma 1991, 118–132) неожиданно охватывает мистический ужас перед смертью, от которого он не может избавиться, а «Большой роман» этого же писателя изобилует смертями и убийствами, гротескными, «красивыми» и совершенно обычными. Вайнер, переживший ужасы войны, создает апокалиптическо-пророческую картину смерти детей, спущенных на телеге в бездонную пропасть на глазах у 40-тысячной колонны солдат, очевидно также идущих на неминуемую смерть («Телега», Weiner 1993, 43–47).

«Смерть» для писателей-экспрессионистов – это не стилизация и не символ, она вполне реальна и осязаема. Это смерть конкретного

---

⁵⁰ Демл – католический священник, ученик О. Бржезины и долгое время сотрудник консервативного мистика Й. Флориана; Л. Клима – в первую очередь философ, субъективный идеалист; на творческий путь Р. Вайнера огромное влияние оказало участие в Первой мировой войне, сам он принадлежал, скорее, к демократическому лагерю чешской культуры.

человека – а именно автора, того, от чьего лица ведется рассказ. Личное переживание, «выражение болезненной неуверенности... в игре решающих, часто иррациональных сил» (Dějiny 1995, 65, о Вайнере), невозможность осмыслить сознанием окружающий ужас, чувство бессилия и неотвратимости смерти лежат в основе многих произведений этих писателей.

Обычной средой, в которой разыгрывается сюжет произведений, является сон. Противопоставление сна и реальности, впрочем, снято – неясно, сон ли является реальностью или реальность – сном⁵¹. Если у Вайнера описывается явь, напоминающая страшный сон, то в «Танце смерти» Демла, напротив, при помощи мастерского использования деталей достигается эффект максимальной реальности событий, происходящих во сне, отчего они кажутся еще более ужасными. Как указывает Д. Годрова, в творчестве этих писателей формируется особый жанр – «проза-сон», для которого характерно «не только иное понимание реальности, но и иной тип композиции и сюжета» (Hodrová 2001, 509).

Если Демл пытается найти спасение от смерти в идее любви и христианской покорности (что выражается в других его произведениях рассматриваемого периода – «Мои друзья», «Мириам»), то для Климы и Вайнера единственный выход из абсурда бытия – столь же абсурдный юмор. Юмор в сочетании с ужасом вполне естественно порождает гротеск, непревзойденным мастером которого был именно Клима.

В произведениях Демла, Климы и Вайнера «фантазия подчинила эстетической функции и самые темные стороны человеческой души» (Zimr 1991, 31). Поэтический субъект (рассказчик, главный герой) во многих текстах этих писателей практически сливается с реальным автором текстов. Так, проза Демла, начиная с 1910-х годов («Лягушка», 1912, «Домой», 1913), часто строится по принципу дневника, в его произведениях фигурируют имена реальных лиц, фрагменты имевшей место в действительности переписки, газетные публикации и т.п. В том числе и этим Демл предвосхитил развитие литературы, главным жанром которой в 1990-е годы, по мнению М. Путны, стал именно «дневник»⁵².

Все перечисленные художественные особенности не только были характерны для произведений авторов, близких к экспрессионизму, и во

---

⁵¹ Й. Халупецкий в связи с ролью сна в творчестве Демла замечает: «Любой, самый мощный разум, бессилён по сравнению с познанием, которое даёт человеку сон. Сон – это нечто, что человек не может выдумать. В основе реальности лежит сон, однако этот сон представляет собой реальность» (Chalupecký 1992, 91).

⁵² «Все, что Демл вводит в чешскую литературу, остается литературой. Записи снов, дневники... сейчас относятся к совершенно обычным... явлениям литературы. В 90-х годах XX века они даже вытеснили из центра читательского внимания все традиционные жанры...» (Putna 1998, 448). Интересно и мнение М. Кубиновой, которая отметила наличие «множества общих черт», позволяющих сравнивать творчество Демла с «методом современного автора» Людвика Вацулика (Kubinová 1997, 176).

многим – для литературы 1910-х годов в целом, но предопределили дальнейшие пути развития модернизма в чешской литературе.

В завершение отметим, что проблематика чешской литературы 1910-х годов заслуживает самого тщательного исследования. Перед отечественной богемистикой стоит задача по-новому осветить роль модернистской поэтики в процессе развития чешской литературы начала 20-го века. При этом творчеству таких авторов, как Я. Демл, Л. Клима и Р. Вайнер, оказавших столь важное влияние на развитие чешской литературы, должно быть уделено надлежащее внимание.

Библиография

- Deml 1929 – Deml J. *Můj očistec*. Tasov, 1929.
Deml 1992 – Deml J. *Hrad smrti*. Praha, 1992.
Klíma 1991 – Klíma L. *Věřiny věčnosti*. Praha, 1991.
Weiner 1993 – Weiner R. *Škleb*. Praha, 1993.
История 2001 – История литератур западных и южных славян. Том 3. Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е годы – 1945 год). М., 2001.
ЛЭС 1987 – Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
Dějiny 1995 – *Dějiny české literatury*. Díl 4. Praha, 1995.
Havránková 2000 – Havránková M. *Ediční doslov*// Langer F. *Povídky* 1. Praha, 2000. S. 313–319.
Hodrová 2001 – Hodrová D. *Na okraji chaosu*. Praha, 2001.
Chalupecký 1992 – Chalupecký J. *Expresionisté*. Praha, 1992.
Kubínova 1997 – Kubínova M. *Prostory víry a transcendence*// *Poetika míst*. Praha, 1997. S. 125–176.
Putna 1998 – Putna M. *Česká katolická literatura 1848–1918*. Praha, 1998.
Rothová 1991 – Rothová S. *Bohumil Hrabal – a Kafka?* // *Kritický sborník* 1991. 3.
Zumr 1991 – Zumr J. *Filozof hrdé lidskosti*// Klíma 1991. S. 7–33.

А. Г. Бодрова (Санкт-Петербург). НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ИВАНА ЦАНКАРА

Величайший словенский писатель Иван Цанкар (1876–1918) оставил богатое творческое наследие, яркое и разноплановое по содержанию и разнообразное в жанровом отношении. О произведениях Цанкара создана огромная литература. Наименее изученной остается его автобиографическая проза.

Проблемы автобиографии привлекали внимание многих ученых. Однако в литературоведении до сих пор нет единого мнения по поводу этого жанра и его границ. Некоторые исследователи вообще отказываются от термина «автобиография» и, заменяя его прилагательным «автобиографический», используют его в сочетаниях типа: автобиографический дискурс, модус, акт, фигура, качество, активность. По нашему мнению, самым подходящим толкованием термина является определение французского исследователя Филиппа Лежена, уже четверть века занимающегося проблемами автобиографического жанра: «Автобиография является повествовательным текстом (*récit*) с ретроспективной

установкой, в котором реальная личность рассказывает о собственном бытии, акцентируя внимание на своей личной жизни, особенно на истории (*histoire*) становления своей личности»⁵³. Нам кажется необходимым разграничивать понятия автобиографии как литературного жанра и автобиографизма (или автобиографичности) как стилистического приема, своеобразного отголоска жанра. Использование автобиографических элементов встречается в литературных произведениях разнообразных жанров. Поэтому очень многие сочинения Цанкара можно назвать автобиографическими. Однако только произведение «Моя жизнь» (1914) можно считать с точки зрения жанровой структуры истинной автобиографией.

Некоторые исследователи полагают, что существуют универсальные особенности, характерные черты автобиографической прозы (Н. А. Николина) или же своеобразный автобиографический стиль (Жан Старобински). В изучении специфики автобиографической прозы Цанкара мы опирались на некоторые положения исследования Н. А. Николиной, посвященного структуре повествования в автобиографической прозе⁵⁴.

Безусловно, использование автобиографических элементов в ранних рассказах Цанкара, в романе «На улице бедняков» (1902), в цикле рассказов «У святой могилы» (1910–1913), в повестях «Оттакринг» (1914), «Моя жизнь» (1914), «Грешник Ленарт» (1915) и др. во многом определило специфику их художественной структуры.

По мнению М. М. Бахтина, «задачей» автобиографической прозы является «не только мир своего прошлого... в свете настоящего зрелого осознания и понимания, обогащенного временной перспективой, но и свое прошлое осознание и понимание этого мира... Оба эти сознания, разделенные десятилетиями, глядящие на один и тот же мир, не расчленены грубо и не отделены от объективного предмета изображения, они оживляют этот предмет, вносят в него своеобразную динамику, временное движение, окрашивают мир живой становящейся человечностью...»⁵⁵. Первая отличительная черта автобиографической прозы Цанкара – взаимодействие двух временных плоскостей: плана прошлого и плана настоящего и соответственно двух субъективных планов – плана зрелого повествователя в настоящем и плана его «Я» в прошлом: «Так говорила мать за месяц до своей смерти... Теперь, о мать, я слышу твои слова, теперь я их понимаю...»⁵⁶.

Во всех анализируемых автобиографических произведениях Цанкара сюжет развивается медленно и почти не выполняет связующей функции, например, между частями романа или повести. В связи с этим

⁵³ Lejeune Ph. *Le pacte autobiographique*. Paris, 1975. P.138.

⁵⁴ Николина Н.А. Структура повествования в автобиографической прозе // Русский язык в школе. 1986, № 4.

⁵⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.398.

⁵⁶ Цанкар И. Избранное: В 2 т. Т.1. М., 1981. С.398.

в автобиографической прозе не сюжет, а образ автора является объединяющим началом.

В произведениях Цанкара с ярко выраженным автобиографизмом (например, в цикле рассказов «У святой могилы») ситуация вспоминания становится фактически единственным и главным сюжетом произведения: именно движение мысли вспоминающего движет текст от одной картины прошлого к другой. Обращаясь к воспоминаниям, повествователь может восстанавливать события прошлого в строгой хронологической последовательности или свободно объединять их друг с другом. В цикле «У святой могилы» встречаются оба типа вспоминания: и логическое (рассказ «Чашечка кофе»), и ассоциативное (рассказ «На чужбине»).

В автобиографической прозе речь повествователя содержит особые слова-сигналы припоминания (типа: помню, припоминаю, вспоминаю, вижу и др.), вводящие описание какой-либо реалии, лица или ситуации в прошлом и свидетельствующие об избирательной работе памяти:

«Я уже не помню, какую рифму я подбирал к слову слива»⁵⁷.

«Я вспоминаю старый дом, раннюю молодость...»⁵⁸.

«В автобиографическом произведении наблюдается своеобразная эстетическая “игра”: с одной стороны, подчеркивается непоследовательный импульсивный, часто подсознательный характер процесса воспоминаний, основанного на потоке ассоциаций, с другой – строгий отбор элементов, отраженных и преобразованных словом, приобретающих, таким образом, эстетическую значимость»⁵⁹.

Н. А. Николина справедливо утверждает, что степень фрагментарности воспоминаний в автобиографических произведениях может быть различной и что в XX веке она увеличивается.

Помимо этого Николина считает, что автобиографический жанр в значительной степени является субъективным, поскольку самосознание автора искажает действительно происходившие события, что является следствием особой работы памяти. Однако нам, в свою очередь, хотелось бы добавить, что и степень субъективности в автобиографической прозе в разных произведениях может быть весьма различной.

Все вышеперечисленные особенности характерны для автобиографической прозы Цанкара. Однако в какой мере они являются следствием использования стилистического приема автобиографизма или же предопределены принадлежностью Цанкара к символизму?

Взяв образцы автобиографий, принадлежащих различным эпохам, мы увидим произведения с принципиально иным построением текста. Даже автобиографии, написанные почти одновременно и имеющие одно и то же название (например, «Моя жизнь» словенских писателей Янеза

⁵⁷ Cankar I. Zbrani spisi. D.17 Lj., 1934. S.215.

⁵⁸ Jbid. S.185.

⁵⁹ Николина Н.А. Структура повествования в автобиографической прозе // Русский язык в школе. 1986. № 4. С.57.

Трдины (1830–1905) и Ивана Цанкара) имеют совершенно различную структуру повествования.

Нам кажется, что Н. А. Николина, при всех несомненных достоинствах ее работы, не обратила должного внимания на всю сложность и противоречивость жанровой специфики автобиографии с ее индивидуальностью, разнообразием форм, гибкостью, открытостью всяким обновлениям и не учла, что каждое литературное течение порождает свой тип автобиографии. Вместе с тем автобиография в силу уникальности человеческого «я», как бы парадоксально это и звучало, является в некоторой степени индивидуальным жанром.

Е. А. Васильева (Москва). Эволюция поэтики Ладислава Мнячко

Творчество Ладислава Мнячко (1919–1994) – известного словацкого прозаика, публициста, поэта и драматурга – весьма богато и разнообразно.

Мировоззрение Мнячко претерпело большие изменения на протяжении его жизни под влиянием общественно-политических событий в стране. Будучи ярким сторонником коммунистического режима в 50-е, писатель постепенно разочаровывается в представителях власти в 60-е, а за тем приходит к полному отрицанию и самого социалистического строя в 70-е гг. По мере изменений взглядов писателя менялась идейно-эстетическая концепция его произведений. Поэтому правомерным представляется говорить об определенной эволюции поэтики Мнячко, которая прослеживается на примерах его романов «Смерть зовется Энгельхен» (1959 г.), «Вкус власти» (1968 г.) и «Товарищ Мюнхаузен» (1972 г.). Каждый из них знаменует собой новый этап в творческой биографии писателя.

Раннее творчество Мнячко, сторонником идей Коммунистической партии, свидетельствует о наличии в нем репортажно-публицистической тенденции, которая проявилась и во всех последующих произведениях (использование принципов автобиографичности, прямого включения автора в повествование, документальности, фрагментарности в изображении описываемых событий).

Эти приемы Мнячко обогащает в своем романе о войне – «Смерть зовется Энгельхен», где он значительно выходит за рамки метода соцреализма, преодолевает его схематизм, создает уникальное произведение. Книгу отличает интригующий сюжет, глубина проблематики и психологизм героев. Однако, будучи ярким приверженцем тогдашнего режима, автор особо выделяет ведущую роль в противостоянии словаков и фашистов русских офицеров, возглавлявших партизанские отряды. Тем не менее на первый план в романе выходит показ разрушающего воздействия войны на судьбы людей – независимо от их партийной принадлежности или национальности. Писатель изображает человека в пограничных ситуациях, на грани моральной и физической гибели. Мнячко в мельчайших подробностях открывает

перед читателем внутренний мир главного героя, используя прием «Я-формы». Однако, в отличие от ранних произведений, авторское «присутствие» в описываемых событиях выражается в слиянии образа рассказчика с образом главного героя. Таким образом, можно говорить о том, что писатель прошел значительный путь от прямого вмешательства в текст, свойственного его публицистике, до перевоплощения автора в героя произведения.

Благодаря постоянному чередованию двух повествовательных уровней – одного, посвященного прошлому, войне, другому – настоящему, мирному времени, – многочисленным хронологическим перестановкам, фрагментарности повествования, действие романа развивается скачкообразно, что усиливает эмоциональность текста.

Роман «Вкус власти» создавался во время первой эмиграции, в период разочарования Мнячко и деятельности в идеалах коммунистической партии, тогдашней власти. Своей избалованностью это произведение близко к так называемой «литературе прозрения» – направлению словацкой литературы 60–80-х гг. В творческой эволюции Мнячко роман «Вкус власти» ознаменовал резкий поворот писателя от простодушной веры в социалистические идеалы к разочарованию и вместе с тем – надежду на улучшение положения в стране. Доминанта книги – раздумья на тему власти как таковой, ее губительного влияния на личность человека.

Роман «Вкус власти» отличается сложной повествовательной структурой, чему способствовало усиление психологизма, использования приема потока сознания, прямое авторское включение в текст, фрагментарность повествовательной структуры, сложная система временных планов. Ко всем перечисленным выше приемам писатель обращается и в предыдущей книге, но здесь они усложняются, применяются для иных целей: критики представителей власти.

По строению системы персонажей книга сходна с романом «Смерть зовется Энгельхен». Здесь также представлен один персонаж, являющийся выразителем позиции автора. Однако он уже не просто представитель окружающего его общества, а беспощадный судья своего времени. Все происходящее, как и в предыдущем романе, мы видим через призму восприятия главного героя. Отличие же состоит в том, что в романе «Вкус власти» повествование ведется от третьего лица, притом все мысли и внутренние монологи главного героя даются от первого. Часто граница между его речью и речью повествователя отсутствует. Это говорит о том, что автор стремился дистанцироваться от изображаемого. Но проблематика, которую затрагивает писатель, для него настолько болезненна, что он как бы размышляет вместе со своим героем.

Здесь также представлено два повествовательных уровня: настоящее и прошлое. Оба плана повествования, как и прежде, противопоставляются друг другу на нескольких уровнях – временном, пространственном, сюжетном. План прошлого в романе «Вкус власти»

делится на пять временных подпланов, которые чередуются не только друг с другом, но и с уровнем настоящего, а события, происшедшие на этих уровнях, перемежаются. Благодаря подобному стяжению временных пластов создается эффект потока сознания, усиливается эмоциональная напряженность текста.

Следующий этап творчества Мнячко – 70-е гг., на которые приходится вторая эмиграция писателя. Роман «Товарищ Мюнхгаузен», написанный в это время, имеет иной, отличный от предшествующих книг характер. Мнячко полностью порывает с социалистической действительностью. Хотя в определенной степени это произведение является продолжением предыдущей книги, развивает многие намеченные в ней темы. Однако художественная структура его иная: автор уже критикует не только власть как таковую, а гневно восстает против социалистического режима в целом. На смену критике приходит «бичующая» сатира. В поле зрения писателя попадают все сферы социалистической действительности: политическая жизнь, экономика, человеческие взаимоотношения, проблемы воспитания молодого поколения и социального неравенства, отношение к традициям, спорту, искусству и т. п.

Повествование нередко обретает публицистический характер, что усиливает критику пороков социалистического строя, создает эффект правдоподобия. С другой стороны, произведение можно назвать и фантазией-гротеском, в основе которой лежит фантастическая посылка – визит в Словакию потомка барона Мюнхгаузена и гротесково преувеличенные реалии из жизни Словакии тех лет.

Повествование в романе ведется так же, как и в романе «Смерть зовется Энгельхен», от первого лица. Но теперь автор не скрывается за образом главного героя-рассказчика, наивного и легковверного путешественника Мюнхгаузена. Этот персонаж не является полноценным героем, подобно тем, которые представлены в предыдущих произведениях. Это символический, собирательный образ, являющийся орудием критики писателя.

Мнячко использует многие приемы, относящиеся к сатирическим жанрам, чтобы политический режим Словакии предстал в отрицательном свете. Этому служит и сюжет произведения, выстроенный по аналогии с жанром романа-путешествия, и композиция, имеющая форму «романа в романе», и построение системы персонажей, на которое оказал влияние жанр антиутопии, и язык книги, вобравший в себя элементы пародии и иносказания.

Таким образом, анализ романов «Смерть зовется Энгельхен», «Вкус власти» и «Товарищ Мюнхгаузен» показывает эволюцию поэтики Мнячко, которая отражает изменения в его мировоззрении, происшедших под воздействием общественно-политических событий в стране и мире.

3. И. Карцева (Москва). ХАЙКУ в БОЛГАРСКОЙ СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Осенью 2002 г. на болгарском сайте «Литературен клуб» в Интернете прошел очень интересный конкурс – на лучшие *хайку* в болгарской поэзии, причем – именно болгарской, поскольку в конкурсе участвовали не болгарские переводчики классических или новых японских *хайку*, а молодые болгарские поэты, авторы собственных *хайку*, написанных в духе и стиле этих японских миниатюр⁶⁰.

Как известно (специалистам), *хайку* (*хокку*) – это самая короткая поэтическая форма в мировой литературе. Она возникла в Японии XV века в качестве начальных строк, «зачина» – сначала у строгой, элитарно-академической поэмы *рэнга*, а с XVI века – и в виде начала поэмы *хайкай*, пародировавшей свою предшественницу *рэнга*. Сочинение поэтических произведений такого рода в средневековой Японии было изощренной литературной забавой, в которой принимали участие сразу несколько авторов, по очереди подключающихся к этой «игре в цепочку», дописывающих, продолжающих начатое другими и как бы вступающих в шуточные или серьезные диалоги – при этом с естественным перемещением «точки наблюдения». И в этой игре выбор начальных строк (*хокку*) был крайне важен – ведь от них зависело настроение всего произведения. Уже тогда в Японии устраивались конкурсы на лучшее начало, и со временем эта начальная часть (*хокку*) превратилась в самостоятельный жанр – трехстишие *хайку*.

Расцвет жанра *хайку* в Японии связан с именами Мацуо Басе (XVII в.), Ёса Бусон и Кабаяси Исса (XVIII в.), Масаока Сики (XIX в.). И сейчас *хайку* по-прежнему популярны в Японии (Такахама Киоши, Кои Нагата и др.), да и не только там. Во многих странах (от Америки до Хорватии и Новой Зеландии) существуют любители *хайку*, издаются специализированные журналы, возникают *хайку*-общества, *хайку*-движения, издаются *хайку*-антологии. Так, в 1996 г. вышла объемистая антология «Haiku World. An International Poetry Almanac», включающая более тысячи *хайку* на 25 языках мира, а также интереснейшая антология «One Hundred Frogs», в которой собрано около 100 переводов знаменитого трехстишия Мацуо Басе о лягушке, прыгающей в воду старого пруда⁶¹.

Своя школа любителей *хайку* существует и в России – это, в частности, электронный журнал «Лягушатник», издаваемый А. Андреевым в Рунете с 1997 года, в котором помещаются исследования об этом жанре, старые и новые переводы классических японских *хайку*, а также

---

⁶⁰ Не претендуя, естественно, на лавры первооткрывателя в «хайкологии», воспользуюсь уже известным – в частности, интереснейшими работами Алексея Андреева, большого знатока японской поэзии, автора статьи «Что такое хайку?» (www/haiku.ru/frog/def.htm) и доклада «Русские хайку» (www/haiku.ru/frog/doklad.htm)/

⁶¹ См. ст. Уильяма Хаггинсона о хайку-журналах//www.litclub.com/haiku/spisania.htm.

оригинальные *хайку* русских (рубрика «Нашего болота кулики») и иностранных поэтов.

Как видим, и в Болгарии появились свои любители этой поэзии, и сетевой конкурс 2002 года на лучшие болгарские *хайку* – яркое тому подтверждение. В мои задачи, разумеется, не входит теоретическое осмысление этого литературного феномена (*хайку*) вообще. Просто хотелось посмотреть, во-первых, чем же отличаются «неяпонские» *хайку*, написанные на болгарском языке и с учетом контекста именно болгарской культуры, болгарского менталитета и болгарских сегодняшних реалий. Во-вторых, нужно было выяснить, насколько удачно это сделано, и, наконец, попробовать сопоставить эту новую для Болгарии «сетературу» с тенденциями развития современного болгарского литературного процесса.

Прежде всего, *хайку* привлекательны чисто внешне – своей необычной формой, строгой заданностью, игровой, азартной условностью. Классические японские *хайку* традиционно состоят из трех строк (17 слогов) по 5–7–5 слогов соответственно (правда, могут встречаться двухстрочные и даже однострочные *хайку*), с цезурой после второго стиха – «разделительным словом», роль которого со временем стали выполнять всевозможные знаки препинания. Правда, при переводе на другие языки это правило (непрерывного наличия именно 17 слогов) утрачивает свою силу, т.к. слог в японском языке совсем не равен слогу, например, в английском, русском или болгарском (и по долготе и по информативности). Очевидно, поэтому «неяпонские» поэты и не стремятся всегда к заветной формуле «5–7–5», а просто *имитируют* трехстрочную композицию *хайку*, но уже по законам своего языка. И тогда в *хайку* может быть меньше или же (чаще) гораздо больше слогов.

Болгарские авторы, участники сетевого конкурса, также стараются сохранить внешние очертания классической японской формы. Таковы, в частности, *хайку* победительницы конкурса, молодой поэтессы Илияны Илиевой:

настъпих го	я наступила	седа отляво	я сижу слева
а той не изпука	а он и не хрустнул	на твоего ребро-	от твоего ребра –
истински орех	настоящий орех	на мястото си	на своем месте

К числу чисто внешних (возможных) отличий *хайку* можно отнести также: отсутствие рифмы; своеобразное графическое оформление трехстишия (строчные буквы, отсутствие знаков препинания, использование визуальных, каллиграфических эффектов, когда расположение строк и слов в *хайку* напоминает какую-то картинку или иероглиф); возможность ради имитации формы канонического *хайку* не очень строго соблюдать правила синтаксиса и грамматики своего языка).

Всё это – «внешнее» – довольно легко и забавно воспроизводить «неяпонским авторам» при переводе с японского или сочинении собственных трехстиший. Однако, когда дело касается передачи содержания, духа *хайку*, возникают серьезные трудности. Ведь каждое

хайку, по точному наблюдению А. Андреева, это «чувство-ощущение, запечатленное в небольшой словесной картинке-образе»⁶². Как при вспышке фотоаппарата, мы вдруг отчетливо видим какое-то маленькое, незамысловатое чудо природы – капельку росы на мохнатом тельце гусеницы, падающий желтый лист, мерцающий огонек светлячка. И это мгновение чувственного приближения к жизни, эта яркая картинка вызывают в нас реакцию приобщения, опирающуюся уже на наши собственные впечатления и воспоминания. И появляется улыбка, светлая и немного грустная, неожиданно возникает ощущение печали, грусти – состояние «саби» (Басе), «просветленное одиночество», позволяющее почувствовать внутреннюю красоту, «душу» предметов и явлений окружающего мира:

Роса ласкает траву прохладными ладонями. Миг счастья. (Явор Димитров)	Вот капелька дождя разбилась о стекло – и потекла слеза. (Детелина Тихолова)	Старое кладбище. Камни лежащие Отдыха просят.
--	---	---

Хайку не показывает, не объясняет чувство, а просто передает его через поэтическое сравнение (незавершенное). А. Андреев, например, сравнивает автора *хайку* с человеком, который собрался было о чем-то поведать нам, но передумал – и так все ясно, из самой картинки, из образа, из намека. Эту «технику намека» он называет «эффектом недостроенного моста», когда видишь лишь начало строительства – несколько опор на одном берегу и еще несколько – на другом. И хотя мост не закончен, всем ясно, откуда и куда он ведет, этот недостроенный мост. «Так работает настоящее *хайку*»⁶³.

Хайку – поэзия предельно сконцентрированной образности. В ней отсутствуют эпитеты, названия чувств и ощущений. Она не показывает их. Зато отчетливо просматриваются метафоры, сконцентрированные почти до знака; ассоциации и сравнения, сопологающие, сопрягающие несравнимое (большое/маленькое, старое/новое и т.д.). Они-то и есть уже готовые, заданные автором опоры – сваи «недостроенного моста». С помощью самых простых и ясных по значению слов, буквально несколькими штрихами набрасывается контур картинке, пойманное на лету мгновение жизни, вызывающее у читателя реакцию приобщения, сопричастия:

одинокое дерево сторожит пашню зима (Детелина Тихолова)	Снаружи холод свирепый ветер. И стало грустно. (Явор Димитров)	бумажный кораблик на гребне волны – в лужу ступил ребенок (Илиана Илиева)	персик плотно облегающий бархат
--	---	--	---------------------------------------

В *хайку*, как правило, совсем не видно автора. Здесь он не демиург, не субъект, а, как все вокруг, – объект, один из элементов рисуемой картинке. Если же он все-таки просматривается, то, скорее, в роли

⁶² www.haiku.ru/frog/def.htm.

⁶³ www.haiku.frog/doklad.htm.

фотографа, «со стороны» запечатлевшего трогательную или забавную картинку, отсылающую нас к Вечному, Высокому.

Интересно, однако, что в произведениях современных авторов все меньше таких «отсылок». Они становятся как бы более приземленными, бытовизированными, прозаичными. Поэты уже не рисуют пейзажи, не включают в текст *хайку* «сезонные слова» (*киго*), бывшие непременным атрибутом классических *хайку* с их природным фоном, прямым или косвенным намеком на сезон года, погоду, явление природы. *Киго* превращается сейчас не в «слово о сезоне», а в «слово об окружающей среде», а сами *хайку* – в маленькие эскизы современной (преимущественно – городской) жизни с ее приметами и проблемами:

из моего автобуса билет	муха целую неделю	Я выношу мусор.
подарок тебе	выдержала	Смогу ли выбросить с ним
целых полбатона	кондиционер	и плохие мысли.
(Илияна Илиева)		(Петр Пламенов)

Лучшие *хайку* молодых болгарских авторов, призеров сетевого конкурса осенью 2002 года, были опубликованы в печатном варианте на страницах газеты «Литературен вестник» в феврале 2003 года, получив, таким образом, пропуск и в «большую литературу». И уже, вероятно, можно говорить об этой поэзии всерьез.

Первое впечатление – очень экзотично, увлекательно (с формальной точки зрения). Есть и достаточно тонко, грамотно, профессионально «сделанные» миниатюры, вполне, кстати, отвечающие тенденции современной болгарской литературы к минимализму (поэтические миниатюры Петра Чухова, мини-притчи, фельетоны и анекдоты Станислава Стратиева, миниатюры-эссе Благи Димитровой и пр.). Но почему именно *хайку*? Чем этот совсем неболгарский жанр привлекает поэтическую молодежь? Экзотикой? Литературной игрой? В какой-то мере – да, ведь постмодернистская увлеченность формой, игрой соответствует духу нашего времени. Но есть и другое. Лично мне болгарская *хайку*-поэзия представляется своеобразным интеллигентским «отшельничеством», уходом в скит, в новый исихазм – теорию и практику личного спасения в сумасшедшем мире, где никому нет до тебя дела. А поэт, фиксируя в *хайку* мгновение, осколочек жизни, сопоставляет, сопрягает ее красоту и незащищенность – с Вечностью, своими мечтами о добре и справедливости... и своим разочарованием. Сконцентрированная до знака, до руны поэзия *хайку* с ее компрессией на всех уровнях (от метафоры до грамматики и синтаксиса), говоря о Человеке, его надеждах, боли и страхе, в сущности, отражает наше непростое Время, она *современна* в полной мере – а потому и интересна для молодых творцов.

В начале XX века существенно изменилась модель европейской и мировой литературы, способ литературного мышления. Проза XX столетия совершенно не похожа на то, что было раньше. Изменения коснулись всех поэтико-эстетических категорий многих жанров прозы, что было связано прежде всего с перестройкой художественного и философского сознания писателей. Политические, психические и интеллектуальные потрясения рубежа XIX – начала XX века оставили свой след в их сознании. Серьезные социально-политические причины и переворот во многих областях науки вызвали ощущение заката определенного типа культуры. Искусство и литература в частности реагировали на эти перемены особым образом: они перестали интересоваться тем, что было связано с так называемым внешним, объективным миром. А точнее не хотели больше регистрировать этот мир по канонам искусства XIX века, не веря уже иллюзиям такой литературы. Художники не хотели показывать действительность, которую им навязывал мир через свои формы. Теперь они стремились рассказать об этой действительности, исходя из собственного понимания мира, по-своему «деформировали» ее, пропуская через фильтр собственной личности, воображения, фантазии, что приводило к расшатыванию системы оценки, к отказу от общепринятых средств художественной экспрессии. Литература порывала с реализмом как его понимал XIX век. Разумеется, это не означало, что она полностью отвергла предметное, объективное описание (это было бы невозможно), но она его существенно преобразовала. Преобразовала благодаря использованию параболы, приему «исторического костюма», гротеска, в связи с чем объективная действительность теряла свои конкретные черты и должна восприниматься иначе, более широко.

Тенденции, характерные для видоизменения прозы XX века в Европе и в мире, оказали влияние на эволюцию польского романа в межвоенном двадцатилетии.

Гротеск в польской прозе имеет давние традиции. В отличие от других зарубежных литератур это явление в польской словесности более распространено и пользуется неизменной популярностью у читателей. Оно не только связано с определенным художественным приемом, но и с конкретной идейной позицией по отношению к действительности. Увеличение гротескных произведений в искусстве приходится на периоды резких перемен в жизни и культуре общества, когда наступал кризис нравственных и художественных ценностей. Гротескное искусство обычно сопутствовало катастрофическому представлению о конце цивилизации, художественным течениям, создатели которых отвергали гармонию нормативных эстетик, и полному отрицанию классических веристических принципов творчест-

ва. Гротеск появлялся тогда, когда художник сталкивался с проблемами, тревожащими его, и в то же время мог дистанцироваться от них, представляя их в комической перспективе. Гротеск выступал и как реакция на банальные, устаревшие художественные традиции в литературе.

В польской литературе искусство гротеска свое интенсивное развитие получило только в конечной фазе модернизма.

В 20–30-х гг. XX столетия многие писатели видели в гротеске своеобразную форму философского выражения видения мира, воспринимали действительность как неразрешимые нагромождения взаимоисключающих качеств. Среди них особое место занимает творчество Ст. Грабиньского (1887–1936), продолжившего линию развития фантастического гротеска, создавшего в своих произведениях атмосферу необычного, таинственного и страшного – типичной для гротескного искусства XIX века, представленного именами Э. По и Э. Т. А. Гофмана. Характерной чертой прозы Ст. Грабиньского, его особого воображения были размышления над антиномиями человеческой психики в ситуации столкновения разных типов культуры, над многозначностью мнимо однозначных фактов. В опусах писателя гротескная фантастика объединяла философские мотивировки с эмпирическим психологическим анализом и выявляла удивительность и странность обыденных проблем.

К серьезным достижениям в развитии искусства гротеска в межвоенный период принадлежат произведения еще одного «младопольского» писателя – Р. Яворского (1883–1944). Работы Р. Яворского так же, как сочинения Ст. Грабиньского, были связующим звеном, соединяющим искусство гротеска эпохи модернизма с гротеском в литературе межвоенного периода. Главным произведением Р. Яворского был роман «Свадьба графа Оргаза» (1925), в котором рисуется метафорическая картина распада европейской культуры и ее мифов после первой мировой войны. В романе Р. Яворского показывается, что ход истории изменить нельзя. Гибель старой культуры неизбежна, и она в сущности уже произошла. Фарсово-сатирические элементы гротеска служат осмеянию культурных мифов: от поиска спасения в состоянии созерцания до использования «сильной жестокости».

В литературе 1920–1930-х годов творчество Ст. И. Виткевича (1885–1939) отличается наиболее последовательным использованием гротеска как основной формой художественного высказывания. Отличительная черта гротеска Виткевича – катастрофическое видение происходящих исторических событий и развитие человеческой личности. Виткевич – создатель интеллектуального, философского романа, представляющего психологическое исследование человека, стоящего перед лицом тотального уничтожения современного мира.

Представленный в произведениях Виткевича мир гротескно деформирован. Для писательской манеры этого художника слова

характерно использование резких контрастов, гиперболизация деталей, демонизация персонажей, выступающих в абсурдных ситуациях, стилистическая неоднородность. Писатель отказывается от лиризма и эмоциональности, их место занимает сухой интеллектуализм. Язык прозаических произведений полон гротескных смещений примитивных вульгаризмов с изысканной научной терминологией, каламбуров, неологизмов, причудливых оксюморонов, пренебрегающих всеми правилами, принятыми в литературе.

Оригинальную версию гротеска создал Б. Шульц (1892–1942). В своих поэтических новеллах из сборников «Коричные лавки» (1933) и «Санаторий под клепсидрой» (1936) писатель из обрывков воспоминаний героя о детских годах жизни, построенных в форме сна, пытается создать мифоподобную историю семьи, природы, вселенной. Представленная Б. Шульцом действительность приобретает фантастический характер благодаря гротескной деформации, благодаря сгущению одних элементов и явлений при одновременном уменьшении роли других, в результате чего возникает очень субъективизированное видение мира. Писатель взламывал застывшие, схематические способы изъяснения, искал новые языковые формы. Его богатая метафорика отражает гротескное смещение различных сфер бытия, персонификацию мертвых предметов и абстрактных понятий.

Особое место в истории польского гротеска занимает творчество В. Гомбровича (1904–1969). Гротеск автора романа «Фердидурке» можно рассматривать как определенную философию и эстетику. Философский аспект гротескных произведений писателя был связан с категорией «формы», с тем, что посредничает между человеком и ним самим как предметом саморефлексии, а также между ним и другими людьми и окружающим миром. «Форма» у Гомбровича – своеобразная «маска». В его представлении, она выражает отношение индивидуума к жизни и миру, она проявляется в его манере себя держать, в жестах, в предпринимаемых усилиях.

Эта сторона существования человека: условность форм и неестественность поведения, наличие социальных и культурных стереотипов, игра человеком роли, навязанной окружением и обычаями, угасание человеческой индивидуальности – нашла формальное выражение во всех произведениях В. Гомбровича 1930-х годов. Для писателя важно было показать через гротесковость форм и поведения человека руководящую жизнью неестественность, «искусственность». Оригинальность гомбровичевского гротеска просматривается на всех уровнях и элементах произведений, а также в их языке (особое словотворчество, смещение различных разговорных стилей, словесная игра и т.п.).

Е. Н. Ковтун (Москва). ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ КУРСА «ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУР ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН» ДЛЯ РУСИСТОВ

На филологическом факультете МГУ в весеннем семестре 2003 г. начато чтение спецкурса «История литератур западных и южных славян» для студентов-русистов, специализирующихся в области литературоведения. Курс рассчитан на два семестра (68 часов) и носит обзорно-ознакомительный характер. Его задача состоит в том, чтобы заполнить неизбежно возникающую в умах студентов из-за специфики традиционной подготовки русистов «лакуну» между знанием отечественной и «мировой» (а точнее – преимущественно изучаемой в курсе зарубежной литературы западноевропейской и североамериканской) истории, культуры и художественной словесности.

С учетом того, что аудитория, с одной стороны, была частично подготовлена к слушанию спецкурса дисциплинами, как «Введение в славянскую филологию», «Старославянский язык», «Русский фольклор» и рядом других, однако, с другой стороны, не владела современными инославянскими языками и могла знакомиться с художественными текстами лишь в переводах, курс не мог быть повторением, пусть и сокращенным, ни лекций по истории литератур отдельных славянских стран, читающихся для полонистов, богемистов, болгаристов и т.п., ни общего курса истории литератур западных и южных славян для студентов-славистов.

В виду обобщающего характера курса в каждой лекции рассматривались широкие исторические периоды, а материал излагался по принципу, намеченному некогда еще В. И. Григоровичем в работе «Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах» (1843). История литератур южных и западных славян разделена нами на следующие периоды: средневековая литература на старославянском, латинском, немецком и национальных языках (IX – начало XV в.); литература эпох гуманизма и барокко (XV – середина XVIII в.); эпоха Просвещения и национального возрождения славянских народов, романтизм (конец XVIII – первая половина XIX в.); формирование и основные этапы развития реализма (вторая половина XIX в.); взаимодействие реализма и модернизма в славянских литературах на рубеже XIX–XX вв.; многообразие художественных течений в межвоенный период (1920–1930-е гг.) и литература военных лет; южные и западные славянские литературы социалистического периода (конец 1940-х – 1980-е гг.); современное состояние и основные тенденции развития славянских литератур. В весеннем семестре 2003 г. изложение удалось довести до 1850–1860-х гг., т.е. до становления реализма в славянских литературах.

В рамках каждого периода изложение велось по единому плану. Вначале сообщались основные сведения о славянских народах и государствах в данную эпоху – по отдельным регионам (северо-восток и

восток Европы – Польша, Белоруссия, Украина; Центральная Европа – чехи, словаки, лужицкие сербы, словенцы и т. п.) с выделением доминирующих культур (лидирующее среди балканских славян развитие болгарской письменности и культуры в X–XII вв.; возвышение чешских земель в XIV столетии; полнота польской культурной и литературной парадигмы в XVI–XVIII вв. и т. п.). Наибольшее внимание при этом уделялось узловым моментам культурного развития, таким как обретение западными и южными славянами письменности и судьба старославянской письменной традиции в отдельных странах, специфика литературного процесса в славянских землях, вошедших в сферу влияния католической и православной культуры; средневековые ереси (богомильство) и протестантские учения у славян (начиная с движения сторонников Я. Гуса в Чехии); культурные последствия иноземных завоеваний; специфика развития в славянских литературах европейских художественных течений (классицизм, романтизм, реализм и др.).

Историко-культурная информация становилась основой для обобщающей характеристики литературного процесса соответствующей эпохи. Так, например, в литературе периода ренессанса и барокко выделялись различные парадигмы. Для католического мира, в частности, подчеркивалось формирование новой литературной системы, от которой по прямой линии ведет свою родословную современная литература. При этом отмечались две типологические линии, для первой из которых (хорваты – Венецианская Далмация и Дубровник; поляки) характерны аналогии и связи с развитием литератур романских народов – стран, где католичество сохранило свои позиции, а для второй (чехи, словаки, лужицкие сербы и словенцы) – связи с немецкоязычной литературой и значительная степень влияния на словесное творчество религиозной борьбы, идей протестантизма. Данная специфика, как и при изложении других тем, иллюстрировалась ссылками на творчество наиболее крупных славянских авторов и их наиболее известные произведения.

Наконец, последний блок приводимой в лекциях информации составлял краткий обзор литературного процесса рассматриваемой эпохи в отдельных славянских странах. При этом подробность обзора для разных литератур в разные периоды существенно различалась. Так, например, более подробно излагались средневековая болгарская и сербская литературы, письменность эпохи ренессанса у чехов, словаков, словенцев, лужицких сербов, в Далмации и Дубровнике; польская литература XVI–XVIII вв. и т. п. Особое внимание уделялось межславянским и русско-славянским культурным и литературным связям, влиянию одних славянских литератур на другие, общеславянскому значению творчества ведущих писателей.

Мы стремились к тому, чтобы художественные тексты и сведения о письменных памятниках древних эпох как можно более тесно

связывались у студентов с культурными и историческими реалиями. Поэтому в курсе сообщались сведения о почитаемых славянами святых (св. Войчех и св. Станислав у поляков, св. Вацлав и св. Прокоп у чехов, св. Савва у сербов и т. д.), о важнейших монастырях как центрах духовной культуры, о государственных и общественных деятелях, создававших публицистические и художественные сочинения, об авторах хроник, летописных сводов, важнейших научных концепций и трудов.

Кроме того, учитывая специфический, не только узко литературоведческий, но и общеинформационный (общеславистический) характер курса, в него был введен дополнительный материал географического, этнографического и историографического характера. Открыла спецкурс лекция, рассказывающая о современных славянских народах, местах их расселения (включая типы ландшафтов, наиболее известные реки и горы, местности и населенные пункты), численности, языках и религии. Здесь же была дана общая оценка роли славян в европейской истории и их вклада в мировую культуру.

Начало изложения истории литератур южных и западных славян предварялось общей характеристикой их содержательной и художественной специфики (неравномерность развития, многоязычие, особая проблематика в отдельные периоды). Далее был кратко обрисован дописьменный период развития культуры славян и славянская мифология. Отдельная лекция посвящалась славянскому фольклору. Эти темы излагались отнюдь не детально, но обзорно, с учетом имеющихся у студентов знаний, например, о русском фольклоре. Сообщалось о специфике тех или иных обрядов у различных славянских народов, о наиболее интересных с содержательной и художественной точки зрения фольклорных жанрах (например, о героическом эпосе у сербов).

Реализуемая концепция курса «История литератур западных и южных славян» не является, разумеется, бесспорной и единственно верной. К содержанию курса и его наполнению литературным материалом возможны и совершенно иные подходы. Мы лишь стремились сделать изложение как можно более комплексным и одновременно компактным, старались заинтересовать студентов судьбами славянских народов, наиболее значимыми фактами их истории и культуры, яркими примерами художественного творчества представителей славянских народов.

Е. В. Кузьмук (Москва). СТАНОВЛЕНИЕ УКРАИНСКОГО РОМАНА И РОМАННОЕ ТВОРЧЕСТВО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Становление жанра романа в украинской литературе приходится на последнюю треть XIX – начало XX века. В это время украинскими писателями было создано значительное количество как романов, так и прозаических произведений, тяготеющих к романному жанру.

История развития жанра романа в украинской литературе получила отражение в некоторых работах украинских ученых, но в связи с возвращением в литературный и научный обиход произведений некоторых писателей, ранее запрещенных к публикации в СССР (В. Винниченко, М. Хвилевой, В. Домонтович), а также замалчивавшихся произведений почитаемых и при советской власти писателей (И. Франко, Ю. Яновский), проблема развития жанра романа в изучаемой литературе требует нового осмысления.

Говоря о литературном процессе в украинской литературе последней трети XIX – рубежа XIX–XX веков, необходимо отметить в первую очередь борьбу двух идеологий – народнической и модернистской, которая самым активным образом отразилась на прозаических произведениях.

Первая по времени проявления и по своему значению тенденция развития романного жанра связана с формированием социально-бытового и социально-психологического романа в духе идеологии народничества (Анатолий Свидницкий – «Люборацкие», Нечуй-Левицкий «Тучи», «Кайдашева семья», Панас Мирный «Ревут ли волы, когда их ясла полны?» и «Гулящая»). При этом произведения первых двух авторов несут на себе отпечаток ученичества, характеризуются несовершенством формы (растянутость описаний, недостоверность диалогов, немотивированность поступков, динамики развития характеров персонажей). Поэтому в истории становления жанра они могут рассматриваться лишь как подготовительный этап для последующего развития романа.

Романы Панаса Мирного гораздо более совершенны, гармоничны, хотя им и присуща некоторая мировоззренческая упрощенность, дающая о себе знать в идеологической направленности этих произведений (основная мысль этих романов заключается в том, что трагизм человеческого существования обусловлен лишь несправедливым социальным устройством жизни). Уже в этих романах прослеживаются определенные аналогии с творчеством Ф. М. Достоевского.

Прежде всего – это внимание к «вечным проблемам человеческого бытия», к человеку, стоящему на краю бездны, совершающему преступление и несущему незримую миру кару за него. Далее – это схожесть композиции романа «Ревут ли волы, когда их ясла полны?» со структурой романов Достоевского, о чем свидетельствует тот факт, что все события как бы нанизываются на один стержень, являются надстройками или пристройками к одной основе. Такая композиция позволяет в довольно сжатый по времени сюжет вместить максимальное количество событий как внешней, так и внутренней жизни, показывает неограниченность развития человека, его принципиальную незавершенность. И наконец – это особое отношение к книге Иова, о пристальном онтологическом внимании к которой Достоевского неоднократно

писали исследователи и цитата из которой стала заглавием романа «Ревут ли волы, когда их ясла полны?» Панаса Мирного и Билыка.

Творчество одного из наиболее известных украинских писателей Ивана Франко можно рассматривать как переходное от образцов народнического социально-бытового художественного творчества в духе Нечуя-Левицкого и Панаса Мирного к более современным образцам психологической прозы, типа Стефаника, Коцюбинского, Леси Украинки, Винниченко и др., поскольку в своем творчестве Франко идет дальше своих предшественников: он психологически обогащает образы, придает большее разнообразие способам передачи глубоких, сложных процессов человеческой психики, старается коснуться наиболее тонких движений человеческой души.

О связях своего творчества с творчеством Ф. М. Достоевского писал и сам И. Франко (в ответ на статью Ефремова, в которой впервые прозвучал тезис о сопоставлении творческого наследия Достоевского и Франко): «Удивительно, как вы догадались...ведь я никогда об этом не писал. Достоевского я люблю, может, больше всех других писателей. Русские сами не знают, каким сокровищем владеют в лице этого гениального сердцеведа, не понимают и не ценят его как следует...».¹

Действительно, романное творчество обоих авторов имеет некоторые сходные черты:

- источниками романов являются реальные судебные дела (например, «Бесы» Достоевского и «Для домашнего очага», «Столпы общества» Франко);
- оба писателя публиковали свои романы в периодических изданиях и писали их в процессе публикации, что явно влияло на художественный строй произведений;
- композиция произведений отличается наличием приключенческого, детективного начала, сохранением нераскрытой интриги практически до конца повествования, большим количеством глав, вставных эпизодов, ретроспекций, что безусловно связано с особыми условиями создания романов (см. предыдущий пункт);
- романы обоих писателей были остро актуальны, современны;
- близость тематики: изображение жизни «униженных и оскорбленных», пристальное внимание к человеку на пороге совершения преступления, само преступление;
- наличие отдельных сходных мотивов: мотив очищения через страдания, мотив неприятия детских страданий, мотив внутреннего рая, мотив роковой любви, страсти, мотив наслаждения страданиями ближнего и желания провоцировать эти мучения;
- психологизм: обращение к «подпольному», потаенному в душе человека, внимание к раздвоенности человеческого сознания, внутренним конфликтам, отображение иррационального пласта

человеческой психики, психических патологий или просто болезненных проявлений, изображение психологии масс;

- отдельные художественные приемы: использование снов-фантазий, вещих снов, смешение пластов реального и нереального, прошлого и настоящего, изображение детей в качестве символов;
- драматургичность романов обоих писателей.

Однако романное творчество Франко еще нельзя назвать образцом романного жанра в украинской литературе: недостаточная напряженность действия, растянутость описаний, излишние экскурсы в прошлое героев, незаконченность многих романов (отсутствие финала) и т. д. Быстро меняющаяся и по-новому осмысляемая действительность требовала уже несколько иного литературного воплощения.

Как нельзя лучше дух эпохи отразили произведения В. К. Винниченко. Его романы «Записки курносого Мефистофеля» и «Честность с собой» неоднократно признавались украинскими литературоведами вершиной романного жанра в украинской литературе.

О связях творчества В. Винниченко и Ф. Достоевского неоднократно писали многие литературоведы – настолько эти связи очевидны. Нам же хотелось бы выделить черты общности, которые присущи именно романному творчеству:

- в первую очередь, это стремление к творческому эксперименту: оба писателя постоянно ставят своих героев в ситуации выбора, принципиального решения, нестандартных жизненных ситуаций, таким образом экспериментируя с их сознанием;
- идейно-тематическая общность романов: изображение идей-страстей, которые имеют необыкновенную силу над человеком, пристальное внимание к поискам человеком смысла жизни, обращение к вопросу о цели и средствах (описание «идейного» преступления);
- актуальность, современность романов;
- наличие сходных мотивов: любви – роковой страсти, сила которой губительна, изображение разрушительной силы города;
- типологическая общность некоторых героев (Настасья Филипповна и Нина из «Честности с собой», Раскольников и Мирон); генетическая общность образов революционеров;
- общность некоторых художественных особенностей: полифония, морально-психологический, а не социальный характер конфликта;
- драматургичность;
- психологизм: появление в романах Винниченко, в отличие от романов других украинских писателей, психологических портретов, диалогов и полилогов с усложненной структурой, внима-

ние к вопросам сексуальности, психологии «подпольности», отверженности.

Таким образом, можно говорить о том, что если Франко в своем романном творчестве только еще пытается экспериментировать с жанром, то Винниченко доводит эти эксперименты до совершенства, чувствует себя как писатель в жанре романа свободно.

Жанр романа в украинской литературе (конец XIX – начало XX века) формировался под влиянием романного творчества именно Достоевского в большей степени, чем любого другого писателя (хотя и Толстой, и Тургенев, и Гоголь, и Ницше, и Золя и многие другие писатели тем или иным образом повлияли на его становление), поскольку Достоевский «угадал дух времени» (в этом отношении интересно внимание к творчеству Достоевского и в русской литературе 20-х годов XX в.), был современен как для последней трети XIX века, рубежа веков, так и для всего XX века.

Г. М. Лесная (Москва). СИМВОЛИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ В УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Публикация на рубеже 1980–1990-х гг. художественного наследия многих украинских писателей, восполнив «белые пятна» в истории украинской литературы, поставила перед литературоведением сложную задачу: не просто описать и проанализировать ранее неизвестные явления, а создать целостную картину истории украинской литературы.

Сложность этой задачи в отношении украинской литературы XX в. обусловлена не только необходимостью восполнения, пересмотра и переосмысления многих фактов художественной культуры, но и необходимостью учитывать внелитературные факторы:

1) литературный процесс развивался в условиях разделенности писателей в рамках одной национальной литературы (вначале – галицкая, поднепровская и закарпатская украинская литература, далее – западноукраинская и украинская советская литература, а также литература украинской диаспоры);

2) непосредственное и опосредованное влияние на литературный процесс оказывали общественные потрясения XX в. – мировые войны и революции.

Именно начало XX в. в украинской литературе отмечено большой пестротой и сложностью: возникающие и распадающиеся группы писателей, противоречащие друг другу манифесты и практика художественного творчества.

В настоящее время, несмотря на ряд значительных исследований этого периода, вывод о том, что «место символизма в украинской литературе, в частности поэзии, нельзя еще считать достаточно изученным и объективно оцененным», по-прежнему остается актуальным. И дело не только в том, что «поэтическое наследие многих символистов до сих пор

еще не собрано [...]. Творческие декларации символистов (как и других групп), критико-теоретические выступления, разбросанные в малодоступных либо утраченных изданиях, изучены мало».

Над литературоведением, с одной стороны, все еще довлеет устаревшее представление о преобладании реализма в украинской литературе начала XX века – хотя бы и «реализма нового типа», сочетающего реалистические и нереалистические тенденции, но обусловленного прежде всего событиями общественно-политического характера.

С другой стороны, исследуемые процессы настолько сложны и многогранны, что часто происходит параллельное употребление понятий «направление», «течение» (а в отношении символизма – и «стилистическое течение»), «философский символизм», «музыкальный кларнетизм» и даже «красный символизм».

В особенно сложных ситуациях говорится о сочетании всех или многих направлений начала XX века в произведениях писателя, например, при анализе творчества В. Винниченко. Л. Мороз считает, что в творчестве В. Винниченко имеются «ингредиенты символизма». При этом он уточняет, что «речь идет не о символизме или экспрессионизме как более или менее целостном направлении, а о наличии присущих им художественных приемов».

В этой пестроте наименований ведущим остается одно – определение начала XX века как периода, связанного с понятием «модернизм». Такая констатация сближает современное украинское литературоведение с польским, в котором анализ литературных процессов рубежа XIX–XX вв. соотносится с понятием «Молодая Польша». Однако сформировавшиеся исторически и сам термин, и выработанные критерии анализа дают возможность польскому литературоведению рассматривать «Молодую Польшу» «как проблему и модель культуры». В украинском же литературоведении такие критерии пока не выработаны.

Представляется, что результатом исследования украинского символизма должно стать решение следующих задач:

- определение временных рамок украинского символизма;
  - описание основных стадий его развития;
  - сопоставление манифестов символистов с практикой художественного творчества;
  - выделение основных творческих фигур;
  - сравнение их творчества с западноевропейским символизмом;
- а для этого – выделение произведений, являющихся доминантными в восприятии творчества украинских символистов.

Все это позволит изучить специфику художественного мышления украинских символистов и образные формы его проявления в контексте развития мировой литературы.

В. Марчок (Братислава). КОНЕЦ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ?

Мы находимся в фазе третьего методологического переворота в литературоведении: на стадии деконструктивистской переориентации интереса с онтологической трактовки текста на неконтролируемые интертекстуальные игры в бесконечном просторе Текста, или же скорее – в хаосе глобальной текстуализации. У нас на глазах выросли два (?), три (?) поколения молодых людей, которые вопреки всем нашим стараниям уже внутренне не чувствуют – в рамках гуманитарных дисциплин – необходимость систематизации. Можно говорить о всеобщем неприятии той точности, к которой с таким усердием и надеждой стремились поколения первых двух третей прошлого столетия. Наступило время нового разграничения и, следовательно, переоценки прошлых успехов и иллюзий, а также размышлений о будущем. О состоянии нашей исторической поэтики нам придется рассуждать как минимум в двух направлениях: с перспективы сейчас везде провозглашаемого «конца больших нарративов» и с точки зрения конкретного состояния этой дисциплины у нас и в контексте успехов / неуспехов исследователей, занимающихся исторической поэтикой за границей.

По нашему мнению, историческая поэтика должна перейти от неисторического (то есть методологически самого актуального) изучения морфологии текста к реконструкции функционирования его смысла в исторически определенном контексте понимания «литературности» и семиоза. Одной из возможностей «приблизиться к осуществлению живой литературности» в конкретной литературной эпохе является воссоздание в ней режимов авторства – текстуальности – перцепции. Такой подход позволяет привести к функциональному соответствию эстетическо-поэтические и прагматические аспекты возникновения функционирования и понимания литературы, контекстов, литературности, смысла, поэтики и т. п., которые в традиционном анализе исторической поэтики между собой не соотносятся. Стихийный процесс создания текстов, дискурсов и семиоза вообще, как его раскрывают постструктуралистические подходы, требуют вместо структуралистически насильно выстроенной методики, методику более гибкую и открытую для свободной импровизации. К этой гибкости и открытости способна, по всей видимости, только историческая поэтика, которая обладает иным темпераментом, менее систематична, но зато симулянтно динамична на всех уровнях.

В настоящее время все более стремительно развивается описание развития форм поэзии. Постмодернистское поэтическое творчество поставило перед классической метрикой и теорией стиха неразрешимые, в плане их методологии, проблемы. С точки зрения исторической необходимости и более глубокого изучения феномена поэтического творчества нам не хватает, например, систематического описания

развития стихотворных форм отдельных жанров и жанровых формаций в эпоху до классицизма, (например, «поэзия по случаю»), не говоря уже об отдельных мотивах и особенно об изучении «дометрических» стихотворных систем, основанных на фразовой интонации и риторической фигурации ответа. Кроме того появление прозы нового типа потребовало нового подхода к ее анализу.

В рамках типологического изучения отдельных аспектов истории литературы ситуация выглядит следующим образом:

А) Типология литературной эпохи и литературного процесса

Словацкий исследователь М. Бакош первый попытался проложить путь от позитивистского, то есть исторически и политически детерминированного подхода к развитию литературы, к изучению ее имманентных процессов. Однако М. Бакош приступил к структурному моделированию эпох и периодизации без учета необходимых структурных исследований литературы в отдельных фазах ее развития. Поэтому он допустил эвидентные теоретические и литературно-исторические упрощения. Попытки М. Бакоша вновь сделать эту проблему актуальной успехом не увенчались. В 60-ые годы, по инициативе Бакоша, другой словацкий ученый О. Чепан наметил возможность структурно-имманентного типологического моделирования литературы эпохи романтизма и реализма в исследовании «К типологии литературных направлений». Фрагментарной была и наша попытка реконструировать изменения в прозе 1780–1840 годов на основе классицистической и предромантической модуляции «эстетической концепции человека и мира» и им соответствующих трансформаций эпической структуры. Стремление О. Чепана применить в книге «Контур натуризма» типологический подход к реконструкции изменений так называемой лиризованной прозы межвоенного периода, было воспринято как «излишне педантичное», лишенное логики в хронологическом отношении, несмотря на заслуживающие внимания теоретически находки.

То, как аспект исторической поэтики прижился в практике литературной историографии, можно проследить на примере истории деятельности словацкого ученого С. Шматлака. В первом издании «Истории словацкой литературы» (1989) позитивно приветствовалось стремление автора типологически как можно точнее определить так называемые стилевые эпохи в истории древней литературы и литературы эпохи Просвещения. Стратификация С. Шматлака этой исторической периодизации до сих пор считается основополагающей и новейшие специальные исследования фактически только уточняют ее. При характеристиках развития литературы до 1945 года он уже не был столь успешным, поскольку лишь воспроизводил классификацию, разработанную академической наукой. Если при описании литературы «межвоенного периода» ученый только, в сущности, соглашался с

литературно-критическим разделением на отдельные направления и тенденции, то при характеристике состояния литературы после 1945 года он представил ситуацию таким образом, что в эпоху «вечного» социалистического реализма существовала лишь бесконечная серия его фаз и модификаций. Однако в новом двухтомном издании (1999), в котором С. Шматлак закончил свое исследование 1945 годом, у него при прочтении произведений «межвоенной эпохи», исчезла даже та типологическая основа, которая в предшествующем издании (под давлением идеологии?) была очерчена достаточно неясно и невыразительно.

Таким образом, мы являемся свидетелями парадоксальной картины: вопреки тому, что литература в своей авангардной фазе (первая половина 20 века) имела тенденцию к дифференциации и разграничению программ, ее исторической реконструкции присущ распад типологического подхода. Сегодня историки литературы отказываются не только от типологического подхода, но и от написания истории вообще. Мне кажется, что этот кризис историзма при интересе к литературе в целом является следствием не только необычайного нарастания литературных фактов, но и следствием того, что историки литературы еще не научились видеть качественные изменения в литературном процессе. Они постоянно пишут о формах развития, установленных позитивистами.

В своих исследованиях при описании истории словацкой литературы я более или менее интуитивно обозначил семь концептуально различных типов литературной эпохи. Однако до теоретического осознания этого явления дело еще не дошло. Отчасти это можно объяснить тем, что в словацком литературном сознании еще ощущается склонность к так называемому «литературоцентризму» или переоценке значения «высокой» или «официальной» литературы, что приводит к недооценке отношений художественной литературы и остальных культурных текстов.

В) Отношения литературы и фольклора

Под влиянием длительного диктата «литературоцентризма» была выработана программа нового отношения к фольклору. Литература в рамках поиска более аутентичных форм оральности открыла для отношений литературы и фольклора другие возможности – горизонт отмеченных еще Бахтиным и прагматической лингвистикой «речевых жанров» или «речевых актов». Этот новый горизонт предоставляет новое, до того не изученное, поле для исследований.

С) Отношения «официальной» – «высокой» – литературы к запрещенной литературе и паралитературе

Данная сфера включает в себя интересные объекты для исследования, так же, как при подходе к прошлому как к настоящему. В корпусе

так называемой старой литературы ждут своих исследователей такие феномены, как литература по случаю, дидактическая, документальная, произведения и жанры христианской традиции (Библия, псалмы, жития святых и т. п.), а также жанры ежедневного ритуала (не только молитва, но и диалог, максима, ритуальная формула, медитация, мистическая визия и т. п.; тематический и жанровый синкретизм произведений старой литературы, поэтика рукописных кодексов и сборников, жанровое членение исторических песен и т. д.).

В настоящее время также ощущается влияние дискурсов радио, фильмов, телевидения, рекламы; заметно уже воздействие интернета на логоцентрически сосредоточенные дискурсы литературы.

Д) Отношение к эпохальным нелитературным текстам

Постепенно происходящий распад ауры художественной литературы в 20 веке также стал объектом изучения литературы. Речь идет об изучении современной так наз. «текстородовой» гибридации, т.е. того ответвления, которое произрастает из прагматического подхода к литературе. Это направление принадлежит скорее к исторической социологии культуры, так как литературный текст рассматривается в контексте иных текстов эпохи, как фундаментально соотнесенный со всеми остальными дискурсами. В центре внимания – включенность литературного текста в окружающие его культурно-исторические тексты, его интеракция с ними в отношениях «обмена» и «диалога». Такой прагматический подход к литературному тексту переносит акцент с условной поэтики произведения в большей степени на трансформацию тематологических конструкций в различных дискурсах.

Что же касается исторической поэтики, то вопреки тому, что у нас еще недостаточно опыта с институционализацией индивидуальных инициатив, заслуживающих внимания, остается только надеяться, что что-то подобное удастся исследователям в дальнейшем.

(перевод со словацкого А. Ф. Петрухиной)

С. Н. Мещеряков (Москва). РОМАН-ПАРАБОЛА С ИСТОРИЧЕСКИМ СЮЖЕТОМ В СЕРБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1970-Х ГОДОВ

Высшие достижения романа-притчи или романа-параболы, где автор обращается к историческому прошлому, приходится в сербской литературе на 60-е годы прошлого века, когда в свет выходят «Вторая книга “Переселении”» М. Црнянского (1962) и «Дервиш и смерть» М. Селимовича (1966). Однако и в 70-е годы роман-притча подобного типа сохраняет важные позиции в сербской прозе, либо прямо продолжая традиции предшествующего десятилетия (М. Селимович, Ч. Сиярич), либо существенно трансформируясь (Д. Ненадич), либо вступая в жанровый синтез (М. Марков). В 80–90-е годы XX века экзистенциальная проблематика в исторической прозе отстает на

второй план, однако, обращения к аллегории, символу, сопоставление в рамках одного произведения различных временных планов продолжают сохраняться (М. Павич, Г. Петрович). Традиции философского осмысления судьбы человека и человечества на историческом материале, заложенные И. Андричем М. Црнянским в 20-е годы прошлого столетия, доказывают свою жизнеспособность. Можно утверждать, что собственно исторический роман в традиционном понимании, ставящий перед собой в качестве одной из важнейших целей знакомство читателя с историческим прошлым, или же роман вальтер-скоттовского типа оказались в тени, несмотря на плодovitость отдельных писателей (Д. Баранин). Вероятно, что устойчивый интерес к притче мог быть обусловлен как сближением Сербии в XX веке с европейской культурой, так и собственным стремлением сербских писателей осознать причины трагизма национальной судьбы и судьбы человечества в целом.

Обостренно драматическое видение действительности присуще как героям «Крепости» М. Селимовича (1970) – произведению, написанному, по словам самого писателя, в pendant «Дервишу и смерти» (1966), так и персонажам романа Ч. Сиярича «Царево войско» (1976). Их устремленности к решению философских и моральных задач подчинены и отказ авторов от конкретизации исторической картины, и подчеркнутая функциональность сюжета, и некоторая заданность самих образов. Однако сосредоточенность писателей на выявлении философских аспектов бытия парадоксальным образом сочетается с изображением жизни во всей ее сложности, а «модельная ситуация» оборачивается глубоким постижением национального боснийского характера. При этом у Селимовича в полной мере проявляется лирическое начало, а у Сиярича – ирония и гротескный отсвет.

Соединение этих противоположностей – яркая отличительная черта романа Д. Ненадича «Доротей» (1977), признанном в Сербии, по мнению читателей Народной библиотеки в Белграде, лучшей книгой года. Сохраняя традиционные жанровые признаки романа-параболы (подчеркнутый интерес к нравственно-философской проблематике, обуславливающий и определенный тип удаленного от жизни героя, и функциональность сюжета, и особый тип психологизма), «Доротей» Ненадича в то же время воспринимался как собственно любовный роман, опиравшийся в какой-то мере на традиции национальной исторической «романтической повести» (термин Й. Деретича). Не поднявшись, безусловно, до высот «Переселений» и «Дервиша и смерти», «Доротей» тем не менее удачно соединил в себе достоинства «высокой» и «тривиальной» литературы, что принесло произведению заслуженный успех у читателей и критики.

Жанровый синтез, одно из наиболее заметных отличий сербского исторического романа 1970-х годов, в полной мере проявился в двухтомном романе М. Маркова «Смутное время» (1976–1978), повествующем об

исторических событиях после победы турок при Мохаче в 1526 году. Этот крупномасштабный роман с чертами параболы и эпопеи, включающий в себя элементы мифа и легенды фольклорного происхождения, свидетельствовал о соединении объективного и субъективного начал, традиций И. Андрича и М. Селимовича. Фольклорная тенденция, присущая сербской литературе, помогла М. Маркову, с одной стороны, передать дух времени и показать своеобразие национального характера, с другой же стороны, обращение к мифу означало и обращение к глубинам человеческого «я», столь важное для романа-параболы.

Усиление эпического начала, отменное в романе М. Маркова, нашло свое отражение и в произведениях Б. Петровича «Певец» (1–П, 1979) и Э. Коша «По следам Мессии» (1–Ш, 1978). В 1970-е годы рождается и сербский роман-эпопея («Время смерти» Д. Чосича).

В 1980-е годы в сербскую литературу приходит М. Павич и постмодернизм.

Г. И. Нефагина (Минск). «НЕОКОНЧЕННЫЙ СТИХ О ВЕСНЕ...» (СУДЬБА ФЕДОРА ИЛЬЯШЕВИЧА)

Имя Федора Ильяшевича вошло в читательское сознание в 80-е годы XX века. Как и о других эмигрантах, о нем долго не упоминали в официальном литературоведении. А между тем его метафорическая поэзия, наполненная раздумьями о судьбе Беларуси, выраженными в новых, не свойственных классической белорусской поэзии формах, представляет собой заметное явление в истории белорусской литературы. Его судьба вместила в себя все события, которые происходили в Беларуси, его недолгая жизнь может быть сюжетом для большого романа.

Федор Ильяшевич родился в Вильне 17 марта 1910 года. Родители-белорусы из Пружан в годы Первой мировой войны были беженцами, нашедшими пристанище недалеко от Рязани. Здесь семья пережила революцию и гражданскую войну. Когда в 1919 году Ильяшевичи вернулись в Вильню, западная часть Беларуси оказалась под властью Польши. Несмотря на политику ополячивания, уничтожения всего белорусского, детей – Федора, брата Колю и сестру Нину – отдали в белорусскую гимназию – средоточие идей национального возрождения. Именно в Виленской гимназии учились будущие поэты Наталья Арсеньева, Алесь Сологуб, здесь преподавали Максим Горький, Аркадий Смолич. Здесь начинается поэтический путь Ильяшевича, с 1925 года публиковавшегося в журналах «Студэнцкая думка», «Беларуская нива», «Калосьсе», «Крыница». Национально ориентированный юноша принимал участие в распространении литературы возрожденческого характера, проводил беседы с крестьянами. За антипольскую деятельность в 1927 году он был посажен в Лукишки – печально известную тюрьму для политзаключенных.

Первый сборник «Веснопесни» вышел в 1929 году. Его стихи написаны в русле оптимистичной русской пролетарской поэзии с той же верой в силы молодости, с той же космичностью, с тем же жизнеутверждающим пафосом и напористостью.

Мы маладыя, мы ўдалыя,
Мы брацьця волі, сонца і дня!
Хай льюцца песьні аб шчасці і долі —
І болей сьмеху, больш жыцця!

После гимназии Федор Ильяшевич продолжал учебу на историческом факультете Виленского университета. Национально-возрожденческая идея формировала его общественные и научные интересы. В 1936 году Ильяшевич защитил магистерскую диссертацию на тему «Типография дома Мамониной в Вильне (1575 – 1622 годы)» (первая белорусская типография, благодаря которой вышли в свет и стали известными произведения белорусских писателей и общественных деятелей). Незадолго до этого он женился на невесте своего брата Николая, умершего от туберкулеза в 1934 году.

С 1936 года Ильяшевич работал преподавателем белорусского языка, литературы и истории в Виленской гимназии. Развивается его поэтическая деятельность – выходят сборники «Зорным шляхам» и «Захварбаваныя вершы», научное исследование о белорусском писателе Ш. Ядвигине.

В поэзии Ильяшевича 30-х годов возрожденческая идея по-прежнему доминирует. Хотя юношеский оптимизм еще не угас, еще сильна вера в обретение Беларусью самостоятельности и государственности, но все настойчивее начинают звучать в стихах элегические мотивы купаловской «Жалейки». Неоправдывающиеся надежды на освобождение Беларуси, далеко не счастливая жизнь под Польшей вызывали тоскливое настроение, повышенную рефлексию, обуславливали философскую направленность поэзии, попытку осмыслить роль поэта в жизни родины, его связь с корнями, драматизм положения национальной интеллигенции.

Я ня знаю – чаму я павінен
Сэрца ў вершах паліць без адчаю.
Адно цешыць мяне, што ў Краіне
Я ня першы ў песьнях згараю...

На место декларативной пафосности приходит лиризм, искренность, импрессионизм. Вероятно, ощущение некоторой скованности формой стиха привело Ильяшевича к прозе. В конце 30-х годов он пишет рассказы и повести «Песьні жыцця», «Сыпаліся вішнёвыя краскі», «Шопат зямлі», которые можно определить как стихи в прозе благодаря их лиричности, исповедальной интонации, непосредственному обращению к читателю.

В 1939 году с началом Второй мировой войны Западную Беларусь присоединяют к БССР. Многие поэты, сторонники национального возрождения, были репрессированы. Трагично сложились судьбы В. Жилки, Ф. Алехновича, А. Сологуба, были арестованы Н. Арсеньева, Н. Кравцов, Г. Ширма. Ильяшевич избежал ареста. Он не хотел служить ни советскому, ни немецкому режимам, искал возможность третьего пути в обретении белорусами свободы и самостоятельности. Он переехал с семьей в Белосток (тогда белорусский город), где при немцах возглавил Белорусское объединение, стал редактором газеты «Новая дарога». Объективно получалось, что он сотрудничал с оккупантами, хотя все его усилия были направлены на осуществление белорусского возрождения. В первой половине 40-х годов заботы редактора по изданию газеты вытеснили творчество. Поэт почти не писал вплоть до выезда на Запад в 1944 году.

Следующий этап жизни Ильяшевича связан с лагерем для перемещенных лиц Ватенштат, в котором жили белорусы. Именно здесь в удручающе трудных условиях возрождалась национальная культурная деятельность. Белорусы продолжали усилия по сохранению национальных культурных традиций, созданию белорусских литературно-художественных альманахов, развитию белорусской литературы. Здесь была белорусская школа и гимназия, церковь, медпункт, белорусский комендант и своя полиция. В лагере Ф. Ильяшевич проводил огромную организационную, культурную и воспитательную работу. Он преподавал родной язык и литературу, много сделал для создания скаутского движения, редактировал выходившие газеты и журналы «Шляхам жыцця», «Беларускі скаут», «Скаут», «Юнак». У него даже было прозвище Старый Скаут. Бывший комендант лагеря С. Ковш в воспоминаниях писал, что Ф. Ильяшевич был духовным отцом скаутов, «он формулировал идеологию белорусского скаутского движения, умел согласовать теорию скаутинга с лагерной практикой, не позволял отклоняться от цели – Бог и Отечество».

В лагере праздновались национальные и религиозные праздники, для которых Ильяшевич писал сценарии, пьесы для самодеятельного театра («Ночью», «Новогоднее приглашение», «В купальскую ночь»). Человек открытой души, предельной искренности, Ильяшевич с благоговением относился к другим поэтам и писателям, о чем говорят его статьи о Н. Арсеньевой, М. Богдановиче, Э. Тетке, М. Седневе.

Ф. Ильяшевич был членом литературного объединения «Шыпшына», организованного в лагере Регенсбург Юркой Витьбичем. На страницах одноименного альманаха он постоянно печатался под разными псевдонимами – С. Залужный, М. Дальний, Старик, Старый Скаут, Л. Искра.

Семья Ильяшевича осталась в Польше, где и сейчас живет его дочь Марыля Марлич. Поэт испытывал тоску, одиночество, ностальгию. В

письме к Ольге Тополе – поэтессе, прозаику, женщине, несколько экзальтированной, но любившей Ильяшевича, он признавался: «Сейчас на сердце пусто, нудно! И потому я временами пью, как-то по-есенински, до болезненного бреда. У мяне никого нет здесь. Я один, один...» В это время Ильяшевич записывал в тетрадь в черной обложке стихи, рассказы, просто размышления. Эта тетрадь только недавно была найдена в архиве Юрки Витьбича и еще не стала в полной мере достоянием литературоведов.

Основное настроение, которое господствует в Черной тетради, – это «жизненная слякоть», бездорожье, тучи-тени. Ильяшевич – лирик, способный передать тончайшие оттенки чувств, выразить мгновенное впечатление.

Отношения Ольги и Ильяшевича – сюжет трагического романа. Встретились два одиночества, но так и не смогли обрести свое счастье. И дело не только в их личных чувствах, но и в положении изгнанников, неприкаянных скитальцев, не видевших будущего. Ольга, убедившись в том, что Ильяшевич не разделяет ее чувства, решила вернуться на Беларусь. Ее последнее письмо Ильяшевичу поражает искренностью и драматизмом: «Федор! Дорогой, самый лучший! Итак – окончено. Мы даже не друзья, как сказали Вы... Какая сумасшедшая боль... Ничего нет, кроме этой боли..И я иду, Федор... Иду туда.. Что бы ни ожидало меня. Прощайте! ...Мое сердце разрывается от боли... Федор, я хотела Вам быть лучшим, искреннейшим, преданнейшим другом.. Я люблю Вас больше, чем можно любить... Вы – моя жизнь!» Ольга летом 1948 года вернулась в Белоруссию, где была арестована, и дальше следы ее потерялись. Федор Ильяшевич осенью этого же года погиб в автомобильной аварии. Предчувствие скорой и ранней смерти проскальзывало в его стихах, драматизм которых был обусловлен невозможностью счастья на чужбине, ощущением невозможности возвращения.

Мо таму абарваўся напеў,
і журбою туманяцца вочы...
Недакончаны верш аб вясне
недасьнёныя сны апаўночы...

В. И. Оцхели (Кутаиси). Достижения и перспективы изучения творчества Владислава Станислава Реймонта

В. С. Реймонт (1867–1925) – один из тех польских писателей, кто в значительной степени способствовал европейской известности и мировой славе польской литературы. О жизни и творчестве этого лауреата Нобелевской премии (1924), накоплен богатый и многообразный материал биографического, мемуарного и научного характера.

Изучение биографии Реймонта осложняется отсутствием полного архива писателя, который сгорел во время войны. О варшавских и

парижских встречах с Реймонтом, о последних днях его жизни оставили свои воспоминания А. Высоцкий, Г. Дзендзель, Я. Лорентович и др.¹

Первая попытка составить общее представление о творчестве Реймонта была предпринята еще при жизни писателя. Во второй половине 20-х годов появились первые опыты монографического изучения художественного наследия писателя – книги К. Буковского и З. Фальковского². Автором первого капитального монографического труда о Реймонте был корифей польской литературно-критической мысли Ю. Кшижановский³. В его книге освещены специфические особенности эпического дарования Реймонта, его умение отразить психологию толпы, индивидуальные черты героев. Одной из последних работ, посвященных творчеству Реймонта в целом, является смелая и новаторская монография Ю. Руравского «Владислав Реймонт»⁴. В книге Руравского дан глубокий анализ раннего творчества Реймонта, показана рост художественного мастерства в его прозе, развитие творческого метода – от натурализма к реализму.

Особое место в работах о Реймонте занимает самое значительное, вершинное его произведение – роман «Мужики». Первое фундаментальное монографическое исследование «Мужиков» принадлежит М. Жеуской⁵. Исследовательница тщательно анализирует тексты всех изданий романа, его творческую историю, исследует приемы создания образов, акцентирует внимание на способности Реймонта в раскрытии психологии польского крестьянина, говорит о богатстве фольклорных мотивов, особенностях стиля и языка. В монографии К. Выки выделено несколько линий внутреннего развития в романе: ритм людского труда, неразрывно связанный с природой; ритм обрядово-бытовой – литургический; ритм экзистенциальный – жизнь и смерть⁶. Одно из последних монографических исследований романа принадлежит С. Лиханьскому⁷. Большое внимание автор уделяет анализу структуры «Мужиков». Его деление на четыре части, соответствующее четырем временам года, позволяет, по мнению автора, показать все многообразие жизни деревни – личной, хозяйственной, религиозной, обрядовой и одновременно – связь человека с природой, дает возможность подняться над личными драмами одиночек и показать жизнь коллектива. Лиханьский подчеркивает особую роль природы в романе.

Среди других произведений Реймонта значительный интерес литературоведов вызвал роман «Обетованная земля», который был важным этапом в творчестве писателя и определил его место в литературе. Еще в 1937 году М. Романкувна опубликовала первый литературно-критический материал о романе⁸. Главная цель Реймонта, по мнению Романкувны, – проникнуть в психологию города, познать душу коллектива совершенно чуждой ему среды. В 1990 вышла монография Б. Коцувны «Обетованная земля» Реймонта⁹. Антиурбанистическую позицию Реймонта Коцувна противопоставляет взглядам Э. Золя. В творчестве Золя современный город вырастает на руинах старого, в чем

исследовательница видит триумф мысли и человеческого труда. У Реймонта город появляется на руинах исчезнувшей деревни, как символ мрачного враждебного молоха, чуждого людям и земле.

Одной из центральных для реймонтоведения является проблема творческого метода писателя. Неоднозначность подхода ученых к решению этого вопроса видна на примере определения метода романа «Обетованная земля». К. Выка, например, считает его произведением реалистическим, Я. Кульчицкая-Салони – натуралистическим, что, по ее мнению, проявилось не только в плане психологическом, но и в способе расположения литературного материала, а Ю. Кшижановский предпочитает обойти этот вопрос. Характеризуя «Мужиков», Л. Будрецкий отмечает влияние на автора поэтики модернизма, но тут же отступает от своего вывода, убеждая, что это нисколько не мешает реализму¹⁰. Ю. Руравский связывает определение художественного метода Реймонта с тематикой произведений писателя. Так, изображение крестьянской жизни, главным образом в ранних рассказах, отвечает, по мнению Руравского, требованиям натурализма, в рассказах городского цикла он видит реалистичность тематики в сочетании с натуралистической техникой, в описании актерской среды – влияние литературы модернизма. Проблема творческого метода писателя интересует и российских полонистов. В 1975 году в Институте славяноведения и балканистики АН СССР была защищена кандидатская диссертация О. Лапатухиной «Проблема реализма Реймонта».

Наименее исследованы взаимоотношения Реймонта с творчеством тех писателей, чей художественный опыт проявляется в его произведениях. Восторженное отношение А. Гжималы-Седлецкого к Реймонту, выдвижение им тезиса об абсолютной самобытности его таланта порой вело к субъективной оценке художественного наследия писателя. Гжимала категорически отрицал наличие какой-либо связи творчества его кумира с кем бы то ни было из предшественников или современников¹¹. Иной подход к восприятию художественного наследия Реймонта был предложен Ю. Кшижановским. В рассказах Реймонта он видит сопряжение различных литературных тенденций – от лирических, идущих от Пшибышевского и Тетмайера, до жестких, идущих от популярных в то время российских писателей, в первую очередь М. Горького¹².

По поводу влияния романа Э. Золя «Земля» на эпопею «Мужики» полемизировали В. Фельдман и Я. Маньковская,¹³ а Ю. Руравский выдвинул гипотезу о связи романа «Обетованная земля» с творчеством Бальзака и Мопассана¹⁴. Шведский литературовед Ф. Буук высказывает мнение о близости отдельных идей и образов романа «Мужики» русской литературе¹⁵. В. Оцхели проводит параллель между романом «Мечтатель» и повестью М. Горького «Трое»¹⁶, а в одном из мотивов романа «Мужики» видит определенную близость «модели», созданной В. Шекспиром в трагедии «Король лир»¹⁷.

Не претендуя на охват всех трудов о Реймонте, можно констатировать определенные достижения в изучении его творчества, хотя еще многие вопросы нуждаются в освещении. Кроме обозначенных выше, перспективным представляется также исследование малоизученных романов – исторической трилогии, «Мечтателя», «Вампира», произведений последнего периода.

Примечания

1. Wysocki A. Trzy spotkania z Reymontem // *Twórczość*. 1947. № 7–8. Dzendzel H. O Reymontcie. Wspomnienia. Warszawa, 1972; Lorentowicz J. Wspomnienia o Reymontcie // *Prace Polonistyczne*. 1968. XXIV.
2. Bukowski K. Wł. St. Reymont. Próba charakterystyki. Lwów-Warszawa-Kraków, 1927; Falkowski Z. Wł. Reymont. Człowiek i twórczość. Poznań, 1929.
3. Krzyżanowski J. Władysław St. Reymont. Twórca i dzieło. Lwów, 1937.
4. Rurawski J. Władysław Reymont. Warszawa, 1988.
5. Rzeuska M. Chłopi Reymonta. Warszawa, 1950.
6. Wyka K. Reymont, czyli ucieczka do życia. Warszawa, 1979.
7. Lichański S. «Chłopi» Wł. St. Reymonta. Warszawa, 1987.
8. Romankówna M. «Ziemia obiecana» Reymonta a rzeczywistość // *Prace Polonistyczne*, 1937.
9. Kocówna B. O «Ziemi obiecanej» Reymonta. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990.
10. Budrecki L. Przedmowa Wł. St. Reymont. *Dzieła wybrane*. T.1 Kraków, 1957. S. 15, 28.
11. Grzymała-Siedlecki A. Wstęp. *Pisma*. Wydanie zbiorowe zupełne. T.1. Warszawa. S. 17, 71.
12. Krzyżanowski J. Władysław Reymont. S. 79, 159.
13. Feldman W. *Współczesna literatura polska 1864–1918*. T.1. Kraków, 1985. S. 220; Mańkowska I. «Chłopi» Reymonta // *Rocznik Literacki*. 1917. S. 280.
14. Rurawski J. Władysław Reymont. S. 234.
15. Bóók F. «Chłopi» Reymonta w Szwecji // *Reymont. Z dziejów recepcji twórczości*. Warszawa, 1975. S. 296.
16. Occheli W. «Marzyciel» Reymonta – z problematyki genezy // *Przegląd Humanistyczny*. 2000, № 4.
17. Оцхели В. Роман В. С. Реймонта «Мужики» в контексте западноевропейской литературы // *Славянские литературы в контексте истории мировой литературы*. Тезисы. М., 2002.

А. Ю. Пескова (Москва). ГРОТЕСК В СЛОВАЦКОЙ И В ВЕНГЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ 50–70-Х ГОДОВ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ ПЕТЕРА КАРВАША И ИШТВАНА ЭРКЕНЯ)

Гротеск, издавна существующий в мировом искусстве, в XX веке стал весьма распространенной формой художественной практики: к нему обращались многие выдающиеся писатели и художники. Опыт мировой литературы показывает, что гротеск – одно из наиболее эффективных средств художественного обобщения действительности, способное обнажить глубинные противоречия жизни.

Обращаясь к европейской литературе XX века, можно выделить два периода расцвета гротесковой литературы: 20–30-е и 50–60-е гг. Каждый из этих «всплесков» приходился на сложные периоды

европейской истории. Так, в 20–30-е годы Европа после тяжелого экономического кризиса оказалась перед угрозой фашизма и тоталитаризма. В своих тех произведениях лет писатели пытались иронизировать, и насмехаться над миром, в связи с чем они часто обращались к нереалистической поэтике, к гротеску, пародии, фарсу, но за этим смехом, как правило, всегда стояло горькое разочарование и крушение надежд. В 50–60-е годы людям, увидевшим реальные последствия мировой войны, фашизма и тоталитаризма, а затем ставшим свидетелями быстро меняющейся политической ситуации, начало казаться, что все привычные причинно-следственные отношения и логические связи в мире нарушены. Такое восприятие окружающей действительности объясняет то, что в произведениях ряда европейских писателей второй половины XX века мир представляется абсурдным, а происходящее часто не поддается никакому логическому объяснению. По мере того как абсурд осознавался признаком реального мира, гротеск воспринимался как способ интерпретации реальности, познания сути бытия.

В литературах Словакии и Венгрии обращение к поэтике гротеска было характерной чертой творчества некоторых писателей еще XIX – начала XX века. Но в связи с их произведениями приходится говорить только об элементах гротеска, об использовании этого приема при создании лишь отдельных образов и ситуаций. В 20–30-е годы прошлого столетия гротескно-сатирическое направление формируется во многих литературах стран Восточной Европы, однако словацкие и венгерские писатели межвоенного периода практически не используют гротеск в своих произведениях. Направление литературы абсурда и гротеска начинает формироваться как в Венгрии, так и в Словакии только в середине века, когда появляются произведения П. Карваша (1920–1999, сборники рассказов «Черт не дремлет», 1954; «Рисовать черта на стене», 1957; «Чертово копытце», 1970; «Книга отдыха», 1970; и др.) и И. Эркеня (1912–1979, сборники «Царевна иерусалимская», 1966; «Молодожены на липучке», 1967; и др.).

Основываясь на определении гротеска как вида художественной образности (или средства создания образов), обобщающего и заостряющего жизненные отношения посредством причудливого и контрастного сочетания разнородных элементов в единое целое, а также разделяя мнение многих исследователей литературы о том, что фантастика не является обязательным признаком гротеска, а порой выполняя лишь служебную функцию, при анализе гротесковых произведений Карваша и Эркеня можно выделить следующие разновидности гротеска: гротеск фантастический, используемый для создания гротескных образов и ситуаций; гротеск без включения фантастики, ни также основе гротескных образов, ситуаций; а кроме того, языковые приемы гротеска и гротескную литературную пародию.

Характерной чертой произведений обоих писателей является то, что помимо выражения метафизической абсурдности они также

направлены на описание абсурдности и гротесковости жизни в социалистическом обществе 50–70-х годов. В этом творчество Карваша и Эркена сближается с творчеством других восточноевропейских писателей-абсурдистов середины – второй половины XX века, и в то же время в этом проявляется их отличие от западноевропейской литературы абсурда и преемственность по отношению к творчеству многих писателей Восточной Европы первого периода расцвета гротесковой литературы (20–30-ые годы). Кроме этого, часто в гротесковом творчестве Эркена на первый план выходят темы войны и фашизма, а Карваш использует в жанре литературного апокрифа прием гротеска, разрушая его с помощью различные историко-культурные мифы.

Интересная особенность творчества П. Карваша и И. Эркена состоит в том, что оба писателя для изображения абсурдного мира избирают малые литературные жанры (рассказ, фельетон, небольшая повесть, а также изобретенный самим И. Эркеном жанр короткого рассказа-минутки, иногда вмещающегося в несколько строк), в которых каждая деталь и каждое слово играют в создании гротескных образов и ситуаций исключительно важную роль. В результате их произведения иногда походят на математические формулы (пользуясь выражением Эркена), в которых сконцентрированы абсурд, парадокс, гротеск и которые построены по одной из двух композиционных схем: резкий поворот сюжета в конце или постепенное нагнетание парадокса.

Сходство в использовании гротеска словацким и венгерским писателем состоит в том, что фантастика не всегда необходима им для создания гротесковых образов и ситуаций и фантастический гротеск не очень характерен для их произведений. Однако в тех рассказах и повестях П. Карваша и И. Эркена, которые основаны на фантастических гротескных образах (рассказы «Власть поэзии» и «Профессиональная гордость» Эркена, «Поучительная история об одной старой машине...» и «Барометр» Карваша) и фантастических гротескных ситуациях (рассказы-минутки Эркена «Молодожены на липучке» и «Новостей нет»), писатели, нарушая границы правдоподобия и сочетая реальное с фантастическим, демонстрируют алогичность и противоречивость самой жизни.

Большинству же гротесковых произведений П. Карваша и И. Эркена присущ гротеск нефантастический, то есть основанный на реальных мотивировках, чаще всего на парадоксальной логике и на неожиданном поступке персонажа. Самые яркие гротескные образы, созданные без помощи фантастики, мы обнаруживаем в повести «Семья Тотов», причем каждому из гротесковых персонажей Эркена присуща какая-либо определяющая черта (подогнутые колени Тота, маленький рост майора Варро, стремление к симметрии папаши Дюри), которая становится символом этого героя. Гротескные образы характерны и для ряда рассказов-минуток Эркена.

В отличие от венгерского писателя, у Карваша подобные гротескные образы встречаются не так часто, в большей степени для его произведений характерны гротескные нефантастические ситуации, обычно основанные на причудливой и парадоксальной логике в рассуждениях персонажей или на изображении в гротескном виде какого-либо явления окружающей действительности.

Наконец, заслуживают внимания случаи языкового гротеска у Эркеня в рассказах-минутках «И Вы еще спрашиваете?!» и «Чешско-венгерский словарь», где можно говорить о языковой игре, основанной на гротеске, а также в рассказах «Молодожены на липучке» и «Зачастую мы достигаем взаимопонимания...» и в повести «Семья Тотов», где гротескные фразы являются отражением сюжетной гротескной ситуации. Кроме того, в произведениях словацкого и венгерского писателей мы обнаруживаем и примеры гротескных литературных пародий. В большей степени это характерно для Карваша, создавшей несколько гротескных пародий на сказку («Сказка о капризной принцессе», «Сказка о раскритикованном дрозде», «Несказка»), в которых переплетаются элементы сказочного повествования и реалии словацкой действительности середины века (предметные, фактические и языковые).

Все это позволяет сделать вывод о том, что произведения Карваша и Эркеня 50–70-х годов являются примерами использования самых разнообразных видов гротеска, причем круг тем и проблем, которые затрагивают в своих гротесковых рассказах и повестях словацкий и венгерский писатели, необыкновенно широк.

С точки зрения сравнительного литературоведения (компаративистики) тот факт, что в словацкой, венгерской, а также во многих других литературах приблизительно в одно и то же время возникает и становится популярным сатирическо-гротесковое направление, причем наблюдается близость произведений, основу которых составляет гротесковое изображение действительности, не только на уровне используемых выразительных средств, но и на уровне тематики и проблематики, можно объяснить так называемыми *общественно-типологическими схождениями* (пользуясь терминологией словацкого исследователя Диониза Дюришина), то есть причинами подобных совпадений являются социальные и идейные факторы. В данном случае, если говорить о Европе и о мире в целом, то Вторая мировая война повлекла за собой существенную перестройку сознания, обострила онтологические проблемы, общие проблемы бытия, и все это привело очень многих мыслящих людей к ощущению абсурдности мира и его тотального распада. Помимо всего этого страны восточноевропейского региона после войны объединяет и общность социалистической системы, а следовательно, писателей, принадлежащих к разным национальным литературам, часто начинают волновать схожие проблемы.

Вклад П. Карваша и И. Эркена в процесс формирования современных словацкой и венгерской литератур весьма значителен. Их новаторство в области жанра (перенесение Карвашем жанров short story и литературного апокрифа на словацкую почву; изобретение Эркеном жанра рассказа-минутки) и особенно в использовании приема гротеска оказали большое влияние на последующее развитие этих литератур. Гротесково-сатирическое направление стало довольно значимым явлением в литературах Словакии и Венгрии второй половины XX века, а традиции гротесковой литературы, заложенные Карвашем и Эркеном, нашли свое продолжение в творчестве многих современных словацких и венгерских писателей.

В. Д. Петрова (Чебоксары). ВНЕШНОСТЬ СВЯТОГО В СЛАВЯНСКОЙ АГИОГРАФИИ XIV В.

Библейская традиция, в отличие от античной, для которой характерен образ «внешнего человека», культивирует образ «человека внутреннего»: «это тело не созерцаемо извне, но восчувствовано изнутри, и его образ слагается не из впечатлений глаза, а из вибраций человеческого нутра» (Аверинцев, 1977, с. 62). В христианской традиции «уже у апостола Павла можно увидеть синтез этих образов и развитие концепции «тела=плоти – тела душевного – тела духовного» (Лекомцева, 19, с.49), что и получит развитие в славянской агиографии.

«Видимый телесный образ» был необходим агиографам для передачи «невидимого духа и его состояний» (Булгаков, 1998, с. 285). В «Житии Стефана Дечанского» Григория Цамблака описание внешности святого во многом определяется целями и задачами агиографа. Цамблак пишет житие канонизированного святого*, но его работа осложнялась тем, что «Житие» должно было преодолеть негативные впечатления от первого (доцамблаковского) жития и утвердить культ сербского короля. Первое житие не только не способствовало этому, но и содержало пассажи, вызывающие сомнения в его святости. Поэтому «пред Григорий Цамблак е стояла задачата не само да отхвърли това отношение, но и така да изгради образа на сръбския крал, че той да бъде по-убедителен и по-действен, отколкото в първото житие» (Данчев, 1983, с. 20). Цамблак должен был создать образ святого, обладающего всеми качествами, присущими святым (что неоднократно им подчеркивается; описывая действия или состояние Стефана, агиограф замечает: **таковы бо съть светы; таково бо есть лице чистнихъ сръдцемь**). Описание внешности Стефана Дечанского подчинено этой задаче, оно соотнесено с внутренними качествами святого, важнейшие из которых, по Цамблаку, кротость и смирение.

При описании внешности Стефана агиограф обращается к иконописным приемам. Для Стефана характерна торжественность поз и жестов, отличающая древние иконы; движения его величавы и

неспешны: въ царскихъ хождааше благоговѣннѣ оубо и благо_чиннѣ, радостнь къ всѣмъ показѣ обычан естественны (С. 70), даже в самые драматичные минуты жизни он остается внешне спокойным: онъ же не нѣкое нѣлепо того благородны доуше съдѣа, не прострът роуцѣ къ власам главнимъ не испусти гласъ неключимъ, не некое непользное провѣща, не слъзы тѣкмо довольны попоуствѣ естествоу, неодоуны бо соутъ къ оудръжанню (С. 88). Иконописный прием – «фигуры более важные изображаются в покое» (Успенский, 1995, с. 287) – реализуется Цамблаком последовательно.

Агиограф дает своего героя в полный рост, в торжественной позе – с воздетыми руками, – и эта поза неподвижна, как на иконе: Онъ же въставъ и роуцѣ на высотѣ въздѣавъ, помоли се (с. 84). Это самая часто описываемая поза – неподвижное стояние во весь рост в течение долгого времени: единъ стоешѣ молашѣ се, непорочны роуки въздѣвъ къ Богоу и того призывашѣ на помощь. И тако въсоу ноуцъ стое съвршии (С. 108); стое до съвршениа пѣнню неподвижно и ако дивити сего того бодрости и тѣцанию (С. 60). Цамблак описывает позы и жесты своего героя в строгом соответствии с традиционными канонами иконописания: «Семантически более важная фигура изображена обычно в иконе относительно более неподвижно, фигуры же менее важные – могут даваться в движении» (Успенский, 1995, с. 281) (резкие, стремительные движения присущи отрицательным персонажам «Жития», например, Юнцу: рыкнѣвъ оубо ако звѣрь, иже томоу подобнии и от съна възсочивъ, прѣнемагаашѣ на мнозѣ стение крепчашѣ (С. 132).

Внешняя неподвижность в древних иконах связана с состоянием духа. Как указывает Е. Трубецкой, «неподвижность в древних иконах... усвоена не человеческому облику вообще, а только его определенным состоянием: он неподвижен, когда он преисполняется сверхчеловеческим, Божественным содержанием, когда он так или иначе вводится в неподвижный покой Божественной жизни. Наоборот, человек в состоянии безблагодатном или доблагодатном... часто изображается в иконах чрезвычайно подвижным» (Трубецкой, 1993, с. 205). Для Цамблака чрезвычайно важно постоянно подчеркивать святость Стефана. Агиограф стремится к тому, чтобы перед глазами слушателей (читателей) стоял образ святого, облик которого безупречен. Иконописные приемы должны были способствовать этому, поэтому Цамблак прибегает к такому способу изображения – святого он чаще всего дает в состоянии покоя.

Абстрактный психологизм и повышенная эмоциональность и экспрессивность, свойственные агиографии XIV–XV вв., отразились (в определенной мере) и в живописи этой эпохи: «человеческие фигуры охвачены сильным движением, лишены прежней торжественности и

«корпусности»; они изображены во всевозможных ракурсах, их одежды развеваются, их жесты широки, резки, они охвачены овладевшими их чувствами (Лихачев, 1986, С. 136). Этот динамизм движений, стремительность и резкость как отражение внутренних переживаний почти не передаются Цамблаком (некоторый динамизм можно усмотреть в эпизоде возвращения зрения Стефану и достаточно динамично описание некоторых эпизодов посмертных чудес, где Стефан охвачен яростью и негодованием, и эти негативные эмоции находят соответствующее внешнее выражение в резких движениях святого: **и оудари его по лицѣ и пьрсѣх ламбадоу, да яко ламбаде крепким оударениемъ прѣломити се мнеше и поль еѣ отпасти** (С. 132); **срѣтае аростию и казне** (С. 132).

В соответствии с иконописной традицией, лицо – семантически более важный элемент (по сравнению с телом). Все внимание Цамблака сосредоточено на верхней части тела. С одной стороны, это достаточно традиционно для древних славянских житий (Демин), но у Цамблака сдвиг вверх исключителен – из остальных частей тела он называет только **пьрси, колѣнѣ, нозѣ** и стопы (причем по одному, реже – два раза), а руки у Цамблака следует отнести к верху, поскольку, как правило, они воздеты в молитвенном жесте. Облик святого Стефана рисуется повторением слов **очи, слъзы, лице и роуцѣ**. Лицо и глаза – наиболее часто упоминаемые части тела, это знаки духовного, они связаны с сиянием: **исходитъ свѣтлость на лицѣ имѣа** (С. 109), **свѣтлѣиши же очима** (С. 94) **благодать же нѣкаа на лицѣ моужоу снаше** (С. 82). **«Мысленные (оумные) очи»** – характерный образ Цамблака, источник света: **Великъ моужъ въ розоумѣ великъ и оумныма паче многозрителнѣиши очима аще и тѣлесные затвори** (с. 82); **таково во есть лице чистихъ срьдьцем, яко Бога зрещихъ мысленыма очима и радости неизреченыѣ испльнати се и отсюду лицѣ свѣтлости лобче прѣподавати** (С. 82). Плотское тело для Цамблака – знак тела духовного. В христианской традиции дух связан со светом. Св. Стефан в описании Цамблака не просто светел лицом и глазами, он весь озарен светом и сам озаряет всех. Любимое сравнение Цамблака – сравнение Стефана с солнцем: **благонарочити же Стефан якоже нѣкоторое слънце снаше, ради блистающее се житиа его добродѣтели** (С. 100); **якоже нѣкоторое слънце под землю зашьд** (С. 118); **паче слънца свѣтлѣе просѣаши** (С. 186).

Эмоционально-экспрессивный стиль славянской агиографии XIV–XV вв. отличается абстрактным психологизмом в изображении человека, вниманием к его внутреннему миру, попытками отразить внутреннее состояние человека. «Житие Стефана Дечанского» – один из ярких образцов этого стиля, отражающий его характерные особенности. Как и всем произведениям этого стиля, «Житию» присуща повышенная эмоциональность, но динамизм и экспрессивность в описании внешности

героя отсутствуют. Эмоциональную реакцию на происходящее Цамблак, как правило, выражает в авторских риторических восклицаниях, тогда как герой остается внешне спокойным, а для передачи его внутренних переживаний агиограф использует традиционные формулы: **из глубины дошвенные въздыхае и молениа творе срьдца съкръшениемь** (С. 86).

Душевные переживания эксплицируют этикетные обильные слезы, въздыхания из глубины души и моления. Внешний облик Стефана не определяется теми страданиями, которые выпали на долю сербского короля. Агиограф сознательно выстраивает образ Стефана Дечанского как образ на иконе. Лаконизм жестов и величавость и торжественность поз, характерные для иконы, переносятся Цамблаком на изображение святого в его житии. Цамблак создает икону, сознательно избегая экспрессии и динамизма в описании внешности и движений героя [так, в эпизоде посмертного чуда, когда Стефан наказывает Юнца, он описан таким, как описывается святой в иконописных подлинниках: **царскими одеждами оукрашень, брадою долгою и просвѣдою аже и написань есть** (С. 132).

По Дионисию Ареопажиту, «икона есть видимое невидимого». Описание «плотского тела» Стефана дано Цамблаком в той мере, в какой оно отражает» тело духовное.

Л и т е р а т у р а

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
2. Булгаков С. Икона, ее содержание и границы // *Философия русского религиозного искусства*. М., 1993. С. 281–291.
3. Григорий Цамблак. Житие на Стефан Дечански // *Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак*. София, 1983. С. 64–136.
4. Данчев Г. Григорий Цамблак в Сърбия и Житието му за Стефан Дечански // *Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак*. София, 1983. С. 7–25.
5. Демин А. С. Внешность человека в древнейших славянских житиях // Демин А. С. О художественности древнерусской литературы. Очерки древнерусского мировидения от ПВЛ до Аввакума. М., 1998. С. 56–73.
6. Лекомцева М. И. Образ тела или gradatio в «Похвальном слова Кирилу-Философу» Климента Охридского. М., 1985.
7. Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X–XVII веков. Избранные работы. Т.1. М., 1987. С. 24–260.
8. Трубецкой Е. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи // *Философия религиозного искусства*. М., 1993. С. 195–219.
9. Успенский Б. А. Семиотика иконы // Успенский Б. А. Семиотика искусства. М., 1995. С. 64–136.

А. Ф. Петрухина (Москва). ОСОБЕННОСТИ ПОСТМОДЕРНИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ПАВЛА ВИЛИКОВСКОГО

Спорная дефиниция понятия “постмодернизм”, дискуссионность его эстетики, а также традиционная установка восприятия словацкой литературы как отсталой и “догоняющей” ставят вопрос о правомерно-

сти разговора о данном художественном направлении на словацком литературном материале. Однако смена культурных парадигм и, как следствие, появление в Словакии в период с конца 60-х годов и до сегодняшнего дня текстов нового типа (у Я. Йоганидеса, П. Груза, П. Виликовского, Р. Слободы, П. Пиштянека), которые характеризуют такие категории, как плюрализм, децентризм, неопределенность, фрагментарность, изменчивость и контекстуальность подтверждают не только состоятельность подобного утверждения, но и возможность рассуждения о национальной специфике постмодернизма и особенностях этого художественного метода в творчестве его отдельно взятого представителя.

Павел Виликовский (р. 1941) – известный словацкий прозаик – является автором новеллы «Больше, чем когда-либо» (1961), сборника рассказов «Воспитание чувств в марте» (1965), повестей «Первая фраза сна» (1983), «Эскалация чувства», «Конь на лестнице, слепой во Врablyах» и романа «Вечнозелен...» (1989), а также трех рассказов- посланий, объединенных общим названием «Словацкий Казанова» (1991), новеллы «Пешая история» (1992), сборника рассказов «Жесткий машинист» (1996) и романа «Последний конь Помпеи» (2000). Писатель этот вполне правомерно считается одним из основоположников словацкого постмодернизма. Причем философская доктрина и принципы изображения данного направления воплотились в его творчестве особым образом.

Следует отметить, что все без исключения тексты автора в той или иной мере отражают особую модель мышления, свойственную философской доктрине исследуемого художественного метода. К примеру, одной из центральных проблем, рассматриваемых на страницах книг П. Виликовского, является вопрос о возможностях человеческой речи и адекватной коммуникации. Практически во всех произведениях утверждается несостоятельность вербального выражения какой-либо идеи. Задача общения в них сводится к расшифровке знаков и символов в чужой речи, при этом действительность приобретает исключительно семиотический характер. Типично постмодернистская установка понимания мира как текста реализуется у него следующим образом: дискурс получает свойство определять бытие, становится единственной формой его познания и призмой восприятия. Устройство мира сравнивается то с порядком слов в предложении (повесть «Первая фраза сна»), то с «сюжетом» (роман «Вечнозелен...»). При этом реальность в произведениях писателя отнюдь не упорядочена, «текст бытия» превращается в «пустословие» и неструктурированную «болтовню» (именно такая метафора вводится в «Вечнозелен...»), где господствует условное наклонение в виде формулы «если не если» (рассказ «Все, что я знаю о среднеевропействе»). Примечательно, что в подобном хаосе как самоидентификация, так и формирование оценочной позиции по отношению к другим объектам возможны лишь

при помощи языка. Субъект повествования, по мысли художника, должен лишь реализовать заложенное в языке задание. Подобное утверждение тотальности знака, игры с ним поднимает в проанализированных произведениях понимания мира-шутки Бога. Всевышний превращается как бы в описательную конструкцию, абстрактное понятие, метафору и даже, как в «Последнем коне Помпеи», – в телевизор. Таким образом, функции творца переносятся на субъекта, использующего язык в качестве системы означающих и создающего свой мир. Особое значение приобретает в этом смысле тема литературы и творчества как процесса. Поэтому, возможно, нередко Виликовский пользуется повествовательной маской литератора, журналиста, писателя или же литературного критика.

Особым образом следует отметить необычное разрешение вопроса национального самосознания в текстах художника. Дело в том, что оппозиция «Свое – Чужое», как правило, нивелируется и трансформируется в понятие «среднеевропейства», определяющее ментальность. Подчеркивает это и полиязычие книг литератора, обилие иностранных (английских, венгерских, немецких, латинских) фраз и слов.

В художественном мире произведений Виликовского все приобретает вероятностные характеристики, выходит из рамок привычной нормы. Единственным подтверждением подлинности становится тело, то есть некая материальная субстанция. При этом трактовка плоти как антитезы духовного начала основана не на изображении, но на ощущении. Поэтому для писателя столь важны описания убийств, физических увечий (драк, изнасилований, избиений), физиологических процессов, половых актов. Типично постмодернистское обращение к эстетике «безобразного» и реабилитация темы секса и сексуальных извращений способствует разработке противопоставления тела и духа, что подчеркивается и обилием лексики из тематического пласта «эротика». Интересную трактовку приобретает и «смерть», символизирующая освобождение от «бремени» физического бытия и движение по духовной лестнице вверх.

Волнует литератора и проблема содержания истории, в первую очередь – с точки зрения отрицания какого-либо канона, стереотипа и системы.

Такой подход разрушения и «десакрализации» всевозможных мифов предопределяет и особенности фабульной реализации тем в произведениях. Имеется в виду травестированное изображение известных сюжетов.

Стремление к «децентрализации» выражается у писателя и в «разомкнутости» жанровой и повествовательной структур, а также принципе игре с читателем на всех уровнях как основном методе построения. Так, детектив превращается в исследование мотивации совершения преступления, в котором нахождение преступника не является конечной целью, письмо – интимно-личностный жанр –

сводится к перечню официальных политических слоганов и фраз, роман-интервью становится монологом героя. Нередко Виликовский создает пародии на те или иные жанровые формы (средневековые хроники, шпионскую литературу, «радио-спектакль»). Кроме того, одним из основных принципов построения повествования является «игра в книжную реальность», художник создает симулякр Книги, соединяет несколько дискурсов, вводя образ имплицитного читателя и переворачивая штампы формального плана. Кроме того, произведения Виликовского отличает принципиальная нелинейность организации, фрагментарность и монтажность композиции. В эпическое описание часто «вклиниваются» копии газетных статей, путеводных заметок, технических инструкций, записок и писем героев. Надо сказать, что интертекстуальность понимается художником очень широко. Межтекстовые связи подразумевают не только цитирование (прямое или с перифразом), соотнесение с «чужим» словом, опору на общественный и культурный контекст, но и отсылки к «своим» работам.

Такой типично постмодернистский «гул текстов» становится стилизованной доминантой произведений. При этом соединение языка официальной идеологии, науки, псевдо-поэзии, элегантно-пустословия, особенности построения диалогов (разрозненные, не связанные по смыслу реплики героев), языковые игры на уровне лексики и фонетики знаменуют потерю дискурса и отражают кризис современной языковой ситуации.

Очень важную роль у Виликовского играет и визуальное оформление произведений. Его книги с самой первой страницы должны восприниматься как постмодернистский артефакт. Имеются в виду и посвящения на обложке и иллюстрации, и сама графика (использование различных шрифтов, курсива, больших букв, определенное расположение отрывков, при помощи которого создается подобие той или иной формы – в «Вечнозелен...», к примеру, словаря).

Получается, что постмодернистский взгляд на мир как текст и его хаотическое устройство, отношение к читателю как со-творцу, особые концепции пространства, времени, человека, истории, общества и культуры, а также своеобразный способ их воплощения в книгах писателя позволяют, с одной стороны, причислять Виликовского к постмодернистам, а с другой, – благодаря специфике данных черт именно в его творчестве, выделять художника на общем фоне представителей современной литературы.

Д. Подмакова (Братислава). КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗАИМОСВЯЗЕЙ СЛОВАЦКОЙ И РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ И СЛОВАЦКОГО И РУССКОГО ТЕАТРА

I. «И какой же русский не любит быстрой езды,» – говорил Николай Васильевич Гоголь в «Тройке». Именно так оказался у нас, в Словакии, его «Ревизор». Уже 7 мая 1871 г. любительский театр подготовил премьеру

этой пьесы в переводе Микулаша Фериевича под названием «Комиссар, или Нечего на зеркало пенять, коли рот кривой». Фериевич не только перевел пьесу на словацкий язык, но даже перенес действие из России в Словакию, в Турчанский Святой Мартин, и дал другие имена персонажам: Хлестаков стал Александром Курином, Осип получил имя Мишко.

II. Словацкий профессиональный театр возник относительно недавно (Словацкий национальный театр был основан в 1920 г.), однако он опирался на разностороннюю деятельность любительского театра. 14–17 октября 1921 г. на сцене СНТ выступала находившаяся на гастролях труппа МХАТа под руководством Качалова. Спектакли «Три сестры», «Дядя Ваня», «На дне» и «На всякого мудреца довольно простоты» произвели настолько сильное впечатление на режиссера Янко Бородача, что он отправился в Москву и затем уже проявлял систематический интерес к русскому театру. Только в СНТ до 1945 г. было поставлено около 50 пьес и инсценировок. Другие режиссеры приезжали в Москву посмотреть работы Мейерхольда, Вахтангова и Таирова. В 1936–39 гг. на философском факультете Университета Коменского в Братиславе лекции по фольклору читал Петр Григорьевич Богатырев, оказавший большое влияние на молодое поколение ученых. В 1937 г. вышла его работа по этнографии «Функции национального костюма в Моравской Словакии», а позже – монография «Чешский и словацкий народный театр» (1973).

III. В 1962 г. состоялись гастроли драматической труппы СНТ в Москве, во время которых были показаны спектакли «Иркутская история» и «Иванов» в постановке известнейшего словацкого режиссера Йозефа Будского, работавшего также и в Москве. В это же время появились многие интересные спектакли, например «Баня» Маяковского (режиссер – Магда Локвенцова-Гусакова, театр «Новая сцена», Братислава, 1963). В 1969 г. известный режиссер Милош Пиетор поставил в «Театре на Корзе» «Женитьбу» Гоголя. Особенностью постановки стала точная работа режиссера с ритмом и динамикой психофизического актерского исполнения, а также последовательное контрапунктное варьирование поведения актера и примарного значения текста. Через год этот же режиссер показал две сценические миниатюры Чехова «Юбилей» и «Свадьба», которые он расценил как идеальный материал для дальнейшего развития принципов соединения мимики и жеста с текстом. Любомир Водичка в 1979 г. на сцене Театра Словацкого Национального Восстания в Мартине создал наиболее интересные постановки русских пьес. «Вишневый сад» был представлен как пародия на трагедию, изображающая тонущих в собственных слезах людей, у которых отсутствует какая бы то ни было цель в жизни. Это был вызов, брошенный потребителю отношению к жизни. В спектакле «Лес» (1982) все персонажи, кроме Счастливецца и Несчастливецца, в барочных традициях передвигались лицом к зрителям, подражая театру марионеток. В последней картине актеры играли уже непосредственно на фоне большого театра марионеток и

изображали своих героев куклами, среди которых были Петр и Аксюша. Круг замкнулся, из искусственных кулис уходят только два бедных странствующих актера.

IV. После 1971 г. наступил так называемый период нормализации, когда на действительный интерес к русской драме накладывалась официальная политика. В это время существовали «рекомендуемые» и негласно (некоторые и публично) «не рекомендуемые» к постановке пьесы русских авторов. Художник, однако, всегда может найти способ зашифровать крик души, обращенный к обществу, поместить его в контекст, между строк, написанных драматургами-классиками. Часто казалось, что самые резкие слова в спектаклях добавлены постановщиками, и лишь дома выяснялось, что все это уже было высказано в литературе, что драматурги и раньше ощущали такое же напряжение, а люди в 70–80-е гг. испытывали такой же прессинг.

V. С русской литературой и драматургией неразрывно связано творчество наиболее значительной фигуры словацкого альтернативного театра Благослава Углара. После собственной инсценировки повести Евгения Носова «Незнайка в Солнечном городе» (Театр для детей и юношества, Трнава, 1975) он обратился к противоречивой поэзии Александра Блока, поставив в Словакии шедшую тогда в Театре на Таганке пьесу Штейна «Версия» (под названием «Тема А. Блок», 1977). Затем последовала своеобразная интерпретация пьес А. С. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» (1981) и «Процесс» (1983), где Углар балансировал на грани драматургии и театра абсурда. Кульминацией литературной и театральной импровизации стало создание авторского театра «Стока», в котором актеры выступают также в качестве авторов и соавторов диалогов и даже целых пьес.

VI. Изучать язык и культуру другого народа сквозь призму собственной культуры невозможно без изучения их взаимосвязей. Нередко тонкости иностранного языка мы лучше постигаем, обращаясь к литературе и искусству. В школе закладывается, а в университете возводится каркас здания. Кроме хороших учебников и увлеченных педагогов, однако, необходимо читать книги, смотреть фильмы, ходить в театр, знакомиться с изобразительным искусством, бывать в стране. В начале моего пути, например, это было пособие по русскому языку для студентов театрального факультета (до сих пор я не забуду, что такое люк-трап). Но без краткосрочных поездок в Россию я вряд ли бы поняла, например, работы Любимова конца 60-х – начала 70-х гг. или постановки Додина в Малом драматическом театре в Петербурге. Я уверена, что студенты, изучающие словакистику в Москве, также будут хорошо знать нашу страну благодаря рассказам своих педагогов, чтению книг и поездкам в Словакию.

VII. Как только вы упомянете Словакию в присутствии театрального мага Анатолия Васильева, перед вами откроются двери в волшебные миры Школы драматического искусства. Мало кто знает, что именно

Анатолий Васильев был режиссером-стажером знаменитой постановки во МХАТе пьесы Освальда Заградника «Соло для часов с боем», которая знаменовала собой не только возвращение на сцену легендарного поколения актеров театра, но также возвращение эмоционально-социальной темы, чрезвычайно близкой этому театру и его зрителю. Появление другой пьесы Заградника «Политическое убежище» под названием «Долетим до Милана» в репертуаре московского Театра им. Н. В. Гоголя (2000) свидетельствует как об успехе словацкой драматургии, так и о том, что Москва поверила словацким слезам, вероятно, раньше, чем Братислава. Заградник окончательно занял свое место в русском театре, стал близким русскому зрителю, как когда-то Гоголь словацкому.

Библиография

- PODMAKOVÁ Dagmar: Список постановок русских пьес в профессиональных драматических театрах Словакии с 1920 года. Bratislava, 1995.
JABORNÍK Ján, MISTRÍK Miloš (Ed): Divadlo na korze (1968–1971). Bratislava, 1994.
PODMAKOVÁ Dagmar: Hľadanie a nachádzanie človeka. [Anatolij Vasiliev] // Slovenské divadlo, roč. 44, 1966, č. 3. S. 360–367.
PODMAKOVÁ Dagmar: Postlúdiu v dur. // ČERVENĀK, Andrej, PODMAKOVÁ Dagmar (Ed.): Život a dielo Osvalda Zahradníka. Nitra, 2000. S. 13–35.
PODMAKOVÁ, Dagmar: Divadlo dobroty a nádeje. Zahradníkova hra Azyl na moskovskom javisku // Slovenské divadlo, roč. 48, 2000, č. 4. S. 282–291.
(перевод со словацкого К. В. Лифанова)

Е. Ю. Рожкова (Москва). К ПРОБЛЕМЕ СЛОВАЦКО-ВЕНГЕРСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

По воле истории словаки и венгры в течение длительного времени были объединены границами единого государства, что обусловило существование общего культурного и литературного контекста. В связи с этим правомерно говорить о литературной коммуникации этих двух народов. Однако вследствие особенностей исторической судьбы словаков и венгров их литературные взаимоотношения, по сути, изучены недостаточно. Только в 1960–1970 годы словацкие и венгерские литературоведы (М. Пишут, А. Мраз, Я. В. Ормис, Р. Хмель; Л. Сиклаи, И. Чукаш, Ш. Чанда, Р. Салатнаи) начали обращаться к проблеме литературных отношений двух народов. Однако большинство работ носило спорадический характер и не отражало целостной картины данной проблематики. Предложенный мною краткий обзор дает лишь очень общее представление о словацко-венгерских литературных связях и не может охватить все стороны данной проблемы.

В 902 году военные отряды кочевых мажарских племен приняли участие в ликвидации самостоятельности Великоморавского княжества (833–907), которое долгое время было очагом старославянской культуры. Этническая территория словаков вошла во владения сначала

предводителей мадьярского союза племен, а с XI века – королевства Венгрии. Так было основано Венгерское королевство, с этого времени и начинаются словацко-венгерские контакты.

В средневековой словацкой литературе шло лишь приобщение словаков к западноевропейской латиноязычной письменной традиции в более общем контексте литературного процесса в Венгерском государстве. Здесь еще нельзя говорить о каких-либо литературных влияниях и контактах, ибо речь идет о едином литературном процессе, который носит синкретичный характер. Большинство текстов создано на латыни авторами, которые осознавали себя прежде всего жителями Венгерского королевства. Но интересно то, что уже в это время славяне (словаки) пишут о венграх, а венгерские авторы – о славянском населении. Эти сведения встречаются в агиографическом, житийном жанре («Легенда о святом Свраде (Андрее) и Бенедикте») и в хрониках (например, в венгерской Хронике Анонима).

О словацко-венгерских литературных связях более правомерно говорить, начиная с эпохи Ренессанса (XVI–сер.XVII). Словаки и венгры того времени объединились в борьбе против турецких войск и в антигабсбургских выступлениях. Эта тематика нашла свое отражение в жанре исторической песни. Хотя песни написаны на разных языках, в них много общего (в тематике, проблематике, образности, структуре стихосложения), что позволяет говорить об определенных литературных контактах. Часто эти песни были анонимны, однако сохранилось несколько имен создателей исторических песен: Бошняк и Комодицкий в словацкой литературе; Себастьян Тиходи – в венгерской.

В эпоху Ренессанса в связи с широким распространением латинского языка сейчас уже трудно определить, к какой культуре относится тот или иной литературный деятель, речь может идти лишь о том, что он принадлежал культурам и литературам двух народов. Среди них выделяются такие деятели культуры, как Петер Пазмани (1570–1637) и Матей Бел (1684–1749), оставившие после себя религиозные и исторические труды на латинском языке.

Одним из интереснейших авторов эпохи словацкого Барокко (1650–1780) был Петер Беницкий (1603–1664), которого по праву можно считать как словацким, так и венгерским поэтом. В данном случае мы сталкиваемся с явлением билингвизма. Беницкий был автором сборника «Словацкие стихи» (1652). В 1664 году он написал по-венгерски сборник «Венгерские ритмы». Несмотря на то, что в них много общего и в идейно-тематической направленности, и в проблематике, и в построении стиха, тем не менее «Словацкие стихи» и «Венгерские ритмы» нельзя считать переводом с одного языка на другой: это два самостоятельных произведения. Так, две литературы объединились в творчестве одного писателя, словака по происхождению.

Ярко и интересно словацко-венгерские связи проявились в эпоху словацкого национального Возрождения (1780–1870). Однако именно в

это время в отношениях обоих народов при общих исходных социально-политических устремлениях начали выявляться противоречия на почве национального антагонизма.

Эпоха Просвещения в истории двух народов (в Словакии: 1780–1836; в Венгрии: 1772–1825) совпала с интенсивным формированием национального литературного языка. Эта тема нашла отражение в творчестве словацкого драматурга Я. Халупки (1791–1871) и венгерского писателя К. Кишфалуди (1788–1830). В их комедиях много общего, что обусловлено не только типологическими схождениями, но и контактными связями между творчеством этих двух авторов.

В 20–30-е годы XIX века центром патриотической деятельности словацкой интеллигенции становятся Пешт и Буда, где в то время жили и работали два выдающихся представителя словацкой культуры: евангелист Ян Коллар (1793–1852) и католик Мартин Гамульяк (1789–1859). Они хорошо были знакомы с венгерской культурой и литературой, что не могло не найти своего отражения в их творчестве и общественной деятельности, которая, на мой взгляд, может представлять большой интерес для изучения словацко-венгерских культурных и литературных связей.

В 40-е годы XIX века в Венгрии назревают национально-революционные настроения, вызванные реакцией на самодержавную политику Вены. Борьба венгров за политические права обернулась ущемлением прав других народов. Все это привело к ухудшению политической ситуации и в Словакии. Революционные настроения вылились в события 1848–1849 годов. Однако цели венгров и словаков в этой борьбе оказались разными.

Тема национально-освободительной борьбы не могла не отразиться в романтической поэзии того времени. Идеино-политические взгляды поколения словацких романтиков во многом совпадали с позицией таких венгерских поэтов, как Ш. Петёфи, Я. Арань, М. Томпа, М. Йокаи.

Интересные параллели можно провести между творчеством Ш. Петёфи (1823–1849) и словацкого поэта Я. Краля (1822–1876). В марте 1848 года Краль пишет «Национальную песню», в которой подхватывает клич венгерской революции, оно перекликается с «Национальной песней» Ш. Петёфи.

Идеалами венгерской революции был воодушевлен и словацкий поэт Я. Ботто (1829–1881), который в 1848 году написал стихотворение «Марш» с пометкой: «по мотивам Петёфи». В нем автор стремился переадресовать революционные призывы венгерского поэта словакам.

Своего рода полемика с революционной поэзией Ш. Петёфи появляется в стихотворениях словацкого поэта А. Сладковича (1820–1872). Она отражает историческую ситуацию, связанную с тем, что надежды словаков на обретение свободы в ходе венгерской революции не оправдались.

Не только в поэтических жанрах, но и в прозе эпохи словацкого романтизма можно обнаружить связи с венгерской литературой. Особенно ярко они проявились в словацкой исторической прозе у таких авторов, как Я. Калинчак, Й. Заборский, Л. Кубани.

Во второй половине XIX века словацко-венгерские контакты приобретают новый характер. 60–70-е годы XIX века – это время усиления политики мадьяризации, ущемления прав словаков во всех сферах жизни. Многие писатели начинают искать поддержку в России, нередко доходя в своей русофильской ориентации до крайностей. Прямые связи с венгерской литературой в этот период ослабевают.

Венгерская литература в целом оказала значительное влияние на великого словацкого поэта-реалиста Павола Орсига-Гвездослава (1849–1921), который начал писать на венгерском языке, под впечатлением от творчества великих поэтов Венгрии. Однако впоследствии П. О. Гвездослав осознал себя словаком, ощутил свое истинное предназначение: создавать для словацкого народа на сладкозвучном славянском языке. Подобное национальное самоопределение в эпоху усиленной мадьяризации было по сути шагом героическим.

После 1918 года исторические судьбы двух народов разошлись, однако словацко-венгерские связи не прервались. В Словакии в 20–30-е годы особой популярностью пользуются произведения К. Миксата, Ж. Морица, Д. Костолани, Д. Юхаса. Но самым известным и любимым венгерским литератором был и остается Эндре Ади (1877–1919).

Золотой век поэзии Ади в Словакии наступил уже после смерти поэта. В это время появляются многочисленные переводы стихов венгерского поэта, критики пишут статьи о нем. Однако первый сборник стихов Ади на словацком языке вышел только в 1934 году. Сборник носил информативный, ознакомительный характер. В 50-е годы XX столетия выходит полное собрание сочинений Ади в переводе Я. Смерка. Поэзия Э. Ади оказала значительное влияние на творчество многих словацких литераторов.

Несмотря на различные пути развития двух культур во второй половине XX века, словацкие писатели проявляют интерес к таким современным венгерским литераторам, как И. Эркенъ, Д. Иеш, Ф. Шанта, А. Кертеc и др. Вряд ли можно обнаружить какие-либо прямые влияния их произведений на словацких авторов. Здесь проявляются лишь типологические схождения между двумя литературами. Однако в проблеме словацко-венгерских литературных связей XX века остается еще очень много неизученного.

Таким образом, в своем обзоре я затронула наиболее важные, с моей точки зрения, моменты в литературных взаимоотношениях двух народов и наметила возможные перспективы разработки этой темы.

М. В. Смирнова (Москва). ВОЗМОЖНОСТИ МЕТОДА СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЖАНРООБРАЗУЮЩЕЙ РОЛИ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ БОГОМИЛА РАЙНОВА

Художественная проза Б. Райнова характеризуется определенным единством составляющих: устойчивостью проблематики, темы, интересом к определенному типу главного героя (прототипом которого является отец писателя), стремлением показать этого единого персонажа в разных ситуациях, на разных уровнях бытия (что определяет цикличность его прозы), и в итоге – в разных жанрах.

Сложность, многокомпонентность исследуемого объекта, необходимость обособить взаимосвязи между концепцией личности (постоянным, стабильным элементом) и процессом жанрообразования (фактором реализации многообразия) потребовала привлечения такого инструмента исследования, как системный анализ в сопоставлении с традиционными категориями литературоведения.

Системный анализ применим к целостным системам (в отличие от аддитивных) – сложным образованиям, создающим в результате своего функционирования новое интегративное качество, которым не обладают его отдельные разнородные составные части. Обычно при исследовании объектов, принадлежащих к гуманитарной области (в данном случае применительно к понятию «жанр»), рассматриваются шесть основных аспектов системного подхода: 1) целостность и интегративное качество; 2) компоненты системы; 3) структура и функции; 4) система и окружающая среда; 5) историзм и системность; 6) управление системой и информация. Все эти аспекты присущи категории жанра, причем в каждом конкретном жанре между ними будут возникать взаимосвязи различных типов. Рассмотрим некоторые из них на конкретных примерах.

Например, применительно к исследованию роли концепции личности в творчестве Б. Райнова, для исследования жанра необходимо понятие структуры как элемента системного анализа, поскольку именно она определяет свойства целостной системы (есть такие целостные системы, у которых состав компонентов один и тот же, а свойства, в силу несходства структур, различны). Суть жанровой дифференциации заключается именно в структуре, в отношениях между формой и содержанием, развивающихся по типу координации и субординации. Исследование структуры художественного произведения вносит ясность в разграничение повести и некоторых типов романа (например, подтверждает, вопреки мнению некоторой части болгарской критики, принадлежность книги Б. Райнова «Пути в никуда» к жанру повести). Этот аспект является одним из наиболее важных для исследования творчества Б. Райнова, поскольку именно соответствие типа структуры и концепции личности определяет успех повестей писателя, а несоответствие – недостатки его поздних романов.

Чтобы выявить причины неудач талантливого писателя в жанре романа, следует обратиться к рассмотрению еще одного компонента системной методологии, включающего информацию и управление. Жанр как целостная система с точки зрения информационного аспекта является способом организации информации, зависящим от ее количества. Определенный объем информации требует соответствующей организации, структуры (жанра). Чем масштабнее авторская задача, тем, как правило, больше фактологии привлекает писатель, тем большее число персонажей задействовано в повествовании, тем сложнее организация, структура произведения, способ перекодировки реального мира в «образ мира».

В этой связи следует отметить необычную форму реализации концепции личности в последних произведениях Б. Райнова. В новом для него жанре социально-психологического романа автор, интуитивно ощущая необходимость перехода к иному качеству, распределяет устоявшийся набор составляющих концепции личности между образом главного героя и дополнительными персонажами («Только для мужчин» – Антон Павлов, его отец, друг Антона Петко; «Не смей меня» – Боян, его отчим, фотограф-наставник и т. д.), что увеличивает информационную насыщенность произведений, но ощутимо ослабляет централизующую управленческую функцию основного системообразующего компонента. Очевидно, именно этот прием и стал одной из главных причин неуспеха Б. Райнова в жанре романа.

Существенным для творчества писателя является и аспект окружающей среды. В этом плане для следует отметить влияние на Б. Райнова французской классической литературы (на раннюю новеллистику), американского детектива (на цикл политических детективов). Представляется очевидным, что именно влияние окружающей среды вызвало одно из интереснейших явлений современного художественного процесса – циклизацию, которая характерна как для «парижской» прозы Б. Райнова (циклизация малых форм), так и для других периодов его творчества (детективный цикл, цикл автобиографических романов-эссе).

Очевидно, что использование системной методологии позволяет находить новые закономерности, выявлять устойчивые связи между разнородными, но сопрягаемыми объектами. Если можно доказать, что исследуемый объект является целостной системой, то многие неочевидные его свойства оказываются присущими ему «по определению». Учитывая возможности, предоставляемые системным анализом, представляется целесообразным использовать его при исследовании многокомпонентных объектов особой сложности, таких, например, как целостное творчество автора, видоизменение жанра в широких хронологических рамках, периодизация развития национальной литературы и т.п.

Н. Н. Старикова (Москва). ПОСТМОДЕРНИЗМ В СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ (ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Несмотря на то, что в нынешнем XXI столетии постмодернизм уже несколько утратил эффект новизны, его позиции во многих современных литературах еще прочны, постмодернистские тексты до сих пор становятся предметом дискуссий и вызывают живую и весьма неоднозначную реакцию как со стороны читателей, так и со стороны критики.

В литературах западных, южных и восточных славян в силу специфики их развития постмодернизм появился позже, чем в других европейских литературах, и не без их прямого воздействия. Однако именно переживаемый славянскими странами исторический перелом – канун и смена в них общественных систем и политических режимов, а в некоторых и государственного устройства – наложили свой отпечаток на характер восприятия, формирования и ассимиляции данного явления на национальной почве. Это касается как теории, так и практики постмодернизма, который «на рубеже 70–80-х годов стал восприниматься как наиболее адекватное духу времени выражение и интеллектуального, и эмоционального восприятия эпохи».

Каждое литературное направление ищет новые аспекты реальности и на их основе формирует свое видение картины мира. Многозначный и подвижный (в зависимости от исторического и социального контекстов) комплекс философских и эстетических представлений, именуемый в современной науке постмодернизмом, выступает прежде всего как способ мировосприятия. основополагающим его свойством можно назвать содержательно-аксиологическое дистанцирование как от классической, так и от неоклассической традиции. Феномен его возникновения связан с кризисным состоянием современной цивилизации в целом и общественного сознания в частности и с общим изменением социокультурной ситуации, в которой под воздействием масс-медиа начали формироваться новые стереотипы массового сознания. Стремление избежать тотальности, однозначности, передать многоликость истины и множественность интерпретации ее смыслов – одна из главных причин обращения современных авторов, в том числе славянских, к эстетике постмодернизма. И хотя последствия этого влечения не везде оказались одинаковыми, в последней трети XX века именно постмодернизм стал в славянских литературах местом столкновения творческих сил, тем самым «парадоксом в действии», который придал мировому литературному процессу импульс художественного обновления.

Массовое «открытие» постмодернизма в славянских литературах связано с разрушением в новых общественно-политических условиях культурных границ и открытием пространства мировой литературы как для ускоренного восприятия, так и для во многом неминуемого

«подстраивания» под определенные образцы, в первую очередь в сфере языка и стилистики. Явления постмодернизма в польской, чешской, словацкой, болгарской, македонской, сербской, словенской, хорватской, белорусской, русской, украинской литературах имеют особый характер, ибо в современных условиях эти литературы активно «подключались» к уже сложившемуся ранее постмодернистскому видению мира через его понятийный язык и пытались в его стилистике описать собственный опыт, по существу своему и природе совершенно иной. В этих литературах постмодернизм имел свои, особые корни. Если в Америке и на Западе он оказался естественным порождением постиндустриального общества, был тесно привязан к постструктуралистской теории и использовал весь арсенал западной масс-культуры, то в славянских странах одной из причин его возникновения стала реакция литературы на стремление государства унифицировать традиционные художественные формы, подавить развитие новых, в том числе и постмодернистских литературных концепций. Последовавший крах социализма обнаружил в постсоциалистическом обществе едва ли не больше абсурда, чем на Западе, и тоже стал питательной средой для постмодернистского эксперимента. В поисках нового онтологического статуса, стремясь приобщиться к идеологическому и эстетическому плюрализму, славянские литературы нашли опору во многих ключевых позициях философии постмодернизма: в ощущении тотального кризиса цивилизации и восприятия мира как лишённого всякого смысла хаоса, в представлении об исчерпанности старых взглядов на историю и в обесценивании «вечных» ценностей, в том числе кажущихся незыблемыми канонов красоты. В то же время как раз плюралистичность интерпретации и восприятия и интертекстуальность как выражение духовной интеграции, присущие постмодернистской поэтике, оказались в новых условиях востребованными. И постмодернизм, несмотря на заложенное в нем деструктивное начало, в новых общественно-политических условиях, разрушив культурные границы, стал в славянских литературах своеобразным катализатором процессов универсализации, высвобождая национальное художественное сознание от комплексов и стереотипов, способствуя преодолению эстетического консерватизма и снятию табу, избавляя литературу от ложно понятой зависимости от национальных художественных авторитетов. При этом он существует здесь в атмосфере взаимодействия с элементами других художественных направлений, с традицией национальной и зарубежной классики. Это влечет за собой сочетание самых разных художественных стилей, включая соединение в невиданных ранее масштабах форм «низкой» массовой и «высокой» элитарной культур.

В славянских литературах постмодернизм проявляет себя по-разному. Он может быть опытным «полигоном» для писателей-филологов, как случилось в литературе Чехии и Болгарии, или формой философского и эстетического освобождения от инерции многовековой национальной самозащиты, что характерно для словенской и словацкой литератур, или

демонстрацией крайнего экспериментаторского радикализма, наблюдающегося, например, в литературах восточных славян. У поляков его художественная миссия ассоциируется с политическими переменами и отходом от романтического дискурса, а для литературы Македонии – это отвечающий национальной специфике молодой литературы XX века способ эстетического познания реальности. Однако практически везде постмодернизм стимулирует ироническое отношение к национальным музам и национальной классике и дает славянским авторам дополнительную свободу маневра среди разных художественных школ и направлений прошлого и настоящего, способствуя художественному обогащению литератур. При этом одной из его «славянских» особенностей стал «мерцательный» характер постмодернистских явлений, обилие художественных текстов, которые можно назвать «произведениями с элементами постмодернизма», где классическая повествовательная традиция «вбирает» приемы иного художественного опыта.

И. В. Уваров (Москва). ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИФОЛОГИЗМА И СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Проблема художественного мифологизма и, в частности, мифологизации литературы XX века – одна из наиболее актуальных в современном литературоведении.

Известно, что художественное творчество, выделившееся из фольклора, сохраняет с ним глубокую внутреннюю связь, особенно на данном этапе своей истории (а опосредованно через фольклор, и связь литературы с мифом). Развитие авторской художественной словесности закономерно идет по пути ее демифологизации. Эта общая тенденция, в целом определяющая ход развития литературы, в свою очередь не исключает наличия противоположного процесса, заключающегося в том, что авторское художественное творчество на разных этапах своей эволюции обращается к использованию отдельных мотивов, сюжетов мифологии или вбирает в себя в той или иной степени архетипы мифотворческого мышления.

Вопрос о связи и взаимодействии между литературой и мифологией перерастает в литературоведении в проблему художественного мифологизма, напрямую связанную с понятием архетипа. Так, в настоящее время в науке принята точка зрения, согласно которой мифологизм художественных произведений проявляет себя не только в использовании тех или иных мифологических имен и сюжетов, а рассматривается в целом как структура, как наличие признаков мифологического мышления в литературном тексте. Подобными признаками становятся мотивы, выдающую свою глубинную связь с архетипами мифотворческого мышления.

Необходимо подчеркнуть при этом, что основное отличие неомифологических тенденций в литературе XX века состоит не столько в

более частом обращении художников к тем или иным мифологическим мотивам, темам и сюжетам, но и выражается прежде всего в более свободном, нередко подчеркнуто игровом использовании данных мотивов и сюжетов, в усилении роли мифа и архетипов мифотворческого сознания в структуре повествования и в воплощении авторских мировоззренческих установок. Кроме того, особенностью литературы XX века является то, что именно в этот период тенденция мифологизации отчетливо проявила себя в прозаических жанрах, прежде всего в романе (что в основном не было характерно для литературы прошлого), в то время как мифологическое начало в поэзии и драме нередко присутствовало и на более ранних стадиях развития словесного искусства.

Заметное проявление неомифологических тенденций в литературе XX столетия – явление общемировое, не ограниченное западноевропейским ареалом, а в той или иной степени затронувшее самые разные регионы. Не исключением в этом смысле стали и литературы народов Восточной Европы – в том числе и славянских стран, давшие миру немало выдающихся писателей, обращавшихся к мифу.

Несмотря на сложное многообразие и неоднородность данного феномена, в современном отечественном литературоведении принято выделять ряд типов художественного мифологизма в литературе XX столетия – использование писателями мифологических сюжетов, претерпевающих в их произведениях определенную трансформацию; обращение к фольклорно-мифологической основе национальной культуры; воспроизведение архетипических констант человеческого существования и др. Излишне говорить при этом, что, как правило, наблюдается синтез тех или иных типов художественного мифологизма, выделяемых с достаточной долей условности. Существуют, кроме того, и общие региональные особенности, присущие тем или иным литературам и непосредственно влияющие на характер художественного мифологизма в них. Так, для западноевропейской и отчасти североамериканской литературы XX века характерно «интеллектуалистское», нередко игровое свободное использование мифа, а в латиноамериканском и афро-азиатском ареалах складывается иная тенденция, которую принято обозначать как «магический реализм».

Более прочная по сравнению с западноевропейскими литературами связь славянских литератур с мифо-фольклорной национальной почвой в значительной степени влияет на характер художественного мифологизма в них, делая его во многом типологически соотносимым с «магическим реализмом» в литературах латиноамериканских и афро-азиатских народов. Данное типологическое сходство, разумеется, не отменяет существования значительных различий между литературами тех или иных народов или же творчеством тех или иных писателей, самобытный талант которых делает каждое произведение глубоко индивидуальным.

«Неомифологическая волна» в польской литературе второй половины XX столетия представлена, в частности, такими яркими именами, как Т. Конвицкий, Т. Новак и Ю. Кавалец. Творчество Т. Новака и Ю. Кавальца принято относить к так называемой «деревенской прозе», играющей особенно заметную роль в литературном процессе 60–70-х годов. Необходимо отметить в связи с этим, что именно в русле данного направления в славянских литературах второй половины XX века зачастую и осуществляется обращение к мифо-фольклорным основам национальной культуры, в конечном итоге способствующее мифологизации повествования. Эта тенденция проявляется, в частности, и в творчестве данных писателей. Так, в своих романах «Черти» (1971) и «Во все горло» (1982) Т. Новак осуществляет художественную реконструкцию и актуализацию мифов, прибегая к фольклорно-мифологической стилизации, воспроизводя мифы, легенды, сказания, бытующие в крестьянском народном сознании. В определенной степени черты художественного мифологизма можно обнаружить также в произведениях Ю. Кавальца и ряда других польских авторов, разрабатывающих «деревенскую» тему. В произведениях Т. Конвицкого мифологизируется Виленщина – литовско-белорусское пограничье, являющееся малой родиной самого писателя. Своего рода итогом мифологизации этого края, проявляющей себя во многих его произведениях, становится роман «Бохинь» (1987), в котором художественный мифологизм сочетается с игровым началом.

«Неомифологическая» линия в значительной степени присуща словацкой литературе второй половины XX века – в частности произведениям таких писателей, как П. Ярош, к вершинам творчества которого принадлежит роман «Тысячелетняя пчела» (1979).

Наличие неомифологических тенденций в драматургическом творчестве в целом характерно для литератур народов Югославии второй половины XX столетия. Так, в словенской литературе художественный мифологизм находит выражение в произведениях В. Тауфера. Жанр историко-мифологической драмы разрабатывает в этот период такой хорватский драматург, как М. Маткович.

Процесс мифологизации повествования в значительной степени затрагивает сербскую литературу второй половины XX века. Рассматриваемый нами феномен можно обнаружить в произведениях таких писателей, как И. Андрич, Б. Пекич, М. Селимович, Д. Ковачевич, М. Павич и др. Так, творчество выдающегося сербского писателя И. Андрича представляет собой яркий синтез фольклорно-мифологического начала и интеллектуализма западноевропейского образца. Наиболее яркими произведениями писателя в этом смысле являются новелла «Путь Алии Джерзелеза» (1919), романы «Мост на Дрине» (1945) и «Травницкая хроника» (1945), повесть «Проклятый двор» (1954). Многие произведения другого крупного писателя, Б. Пекича, творчество которого принято относить к так называемой «книжной», интеллектуальной линии сербской литературы,

также проникнуты мифологием (например, романный цикл «Золотое руно», 1978–1985, и роман «Бешенство», 1983). Художественный мифологизм в произведениях этого писателя носит в большей степени интеллектуалистский игровой, чем национально-самобытный характер. Особым феноменом и для сербской, и для мировой литературы явилось творчество М. Павича, служащее примером уникального сочетания фольклорно-самобытного и игрового начал, осуществленного на благодатной почве постмодернистского романа, открытого для любых самых причудливых соединений («Хазарский словарь», 1984). К архаическим элементам национально-самобытного сознания апеллирует в своих трагикомедиях и сербский драматург Д. Ковачевич, ярко воплощающих неомифологические тенденции в драматическом искусстве.

Мифо-фольклорная линия в драматургии заметна и в современной македонской литературе – прежде всего в пьесах Г. Стефановского, этих развернутых метафорах человеческих судеб и содержащих фольклорно-метафорические образы (например, «Дикое мясо», «Полет на месте», «Черная дыра» и др.). Неомифологические тенденции, в целом характерные для македонской литературы, проявились также и в прозе – в частности, в творчестве С. Яневского («кукулиновский цикл»), Й. Стрезовского (романы «Святая и проклятая», 1978, и «Зарок», 1981), Петре М. Андреевского (роман «Пырей», 1980).

Художественный мифологизм в болгарской литературе второй половины XX столетия в той или иной степени присущ творчеству таких выдающихся писателей, как Э. Станев («Легенда о Сибине, преславском князе», 1968, «Антихрист», 1970), Г. Стоев (роман «Циклоп», 1973), Г. Алексиев (трилогия, состоящая из романов «Перекресток облаков», 1973, «Духи Цибрицы», 1976, и «Знойные дни», 1978), Д. Фучеджиев («Река», 1974, «Зеленая трава пустыни», 1978), Г. Марковски (роман «Хитрый Петр», 1978) и др. При этом к наиболее ярким примерам мифологизации в болгарской литературе принадлежит творчество Й. Радичкова, которого некоторые критики называют «Балканским Маркесом». На основе использования фольклорных и этнически самобытных пластов национального бытия и сознания Й. Радичкову в своих произведениях (сборники рассказов «Свирепое настроение», 1965, «Водолей», 1967 и др.; романы «Все и никто», 1975, «Праца», 1977; многочисленные новеллы, пьесы и т. д.) удается синтезировать различные типы художественного мифологизма.

Таким образом, обращение к мифу, архетипам мифотворческого сознания, национальному фольклору и мифологии, в целом характерное для литературы XX столетия (в частности, его второй половины), оказалось исключительно плодотворным для развития не только американских, западноевропейских, но и славянских литератур.

О. И. Цивкач (Ивано-Франковск). Из истории переписки Станислава Винценца и украинской писательницы Ольги Дучиминской

Станислав Винценз (1888–1971) вошел в историю польской литературы своей эпопеей «На высокой полонине» и многочисленными эссе. Эта сторона его литературной деятельности неоднократно привлекала внимание исследователей. В меньшей мере известно его эпистолярное наследие. Корреспонденция Винценца огромна, он писал и получал письма от друзей, деятелей литературы и искусства на нескольких европейских языках. И, если когда-нибудь мы получим полное научное издание писем Винценца, то, несомненно, оно будет восприниматься не только как важный документ к биографии писателя, но и как часть его литературного наследия, которое поможет нам лучше понять его не только как человека, но и как самобытного художника слова.

Как известно, Станислав Винценз родился и долгие годы жил со своей семьёй в Западной Украине, которая до 1939 года входила в состав Польши. Он поддерживал дружественные отношения не только с известными деятелями польской, но и украинской литературы. Именно там, в гуцульском селе Криворивня, где жил его дед, он познакомился с украинской писательницей Ольгой Дучиминской (1883–1988) и очень высоко ценил ее творчество. В 2003 году исполняется 120 лет со дня рождения этой необыкновенной женщины, талантливого прозаика и поэтессы, которая прожила долгую, наполненную событиями жизнь. Особое место в этой жизни занимала ее дружба и переписка со Станиславом и Ирэнной Винценз.

Впервые несколько писем из этой удивительной переписки опубликовал в 1985 году сын писателя, Анджей Винценз, в польском журнале «Znak» (некоторые места из писем пропущены, запрещенные тогдашней польской цензурой – *О. Ц.*) [1]. Он подчеркнул в предисловии к публикации, что познакомились Станислав Винценз и Ольга Дучиминская еще в 20-е годы минувшего века, война разорвала их контакты и до 60-х годов друзья не знали даже, что пережили войну. На долю Ольги Дучиминской выпало многое, особенно трудным для нее стало послевоенное время, когда её, тогда сотрудницу львовского Музея Этнографии, беспочвенно обвинили в содействии убийству украинского писателя-коммуниста Ярослава Галана. 23 ноября 1949 года её арестовали, и Дучиминская, которой в то время уже исполнилось 66 лет, была осуждена на двадцать пять лет лагерей, правда, после пересмотра дела приговор был уменьшен до одиннадцати лет, которые она провела в Сибири. Вернувшись во Львов, она узнала, что ее квартира конфискована и ей запрещено жить в крупных городах бывшего Советского Союза, особенно Украины. С тех пор Дучиминская, не имевшая своего угла, жила то у знакомых, то у родственников в Самборе, в Черновцах, в Снятыне, а последние годы своей жизни – в Ивано-Франковске у своей

подруги Мирославы Антонович. Она умерла в 105 лет и похоронена в Ивано-Франковске.

В 1960 году, Ольга Дучиминская, вернувшись из ссылки, у своего давнего знакомого, Ивана Прокопива, который жил около Львова в маленьком городке Самборе, увидела письмо от Станислава Винценца. Невероятно обрадовавшись, она сразу же пишет Винцензу: «Долгие годы искала Вас и Вашу семью! В конце концов судьба помогла мне». [2]. Но активная переписка началась только с 1966 года и длилась до смерти Станислава Винценца, а позже Дучиминская переписывалась с женой и единомышленницей писателя – Ирэнной Винценз.

Все письма Ольги Дучиминской, адресованные Станиславу и Ирэнне Винценз, написаны по-польски, от руки, очень аккуратно и красиво оформлены, часто первую страницу письма украшал высушенный цветок или, например, лист папоротника, а под ним подпись «я из Криворивни» (гуцульское село, в котором родился Винценз – О. Ц.). Цветы и листья не случайно появлялись в письмах, это было как бы живое воспоминание о Гуцульщине:

«Любимый, Дорогой, Многоуважаемый Пан Доктор, была недавно в Косове... [...] Горы такие величественные, такие любимые, такие чудесные! А какой воздух! Я пошла в лес, чтобы, может быть, найти какой-то цветочек, чтобы выслать Вам. Только все уже спало зимним сном. Только под ветками нашла ещё кусочек зеленого папоротника – такую позднюю порою. И посылаю. Пусть припомнит он Вам добрых, сердечных приятелей, которые мыслями всегда в Вашем доме. Эта веточка принесет запахи любимых гор, шум потоков, шепот пихт и смерек (разновидность ели – О. Ц.), которые кружевом покрывают вершины!»[3].

Дучиминская трепетно относилась к письмам, которые играли большую роль в ее кочевой жизни и стали для неё особой формой общения. «Что такое письмо, – писала она профессору Прикарпатского университета В. Полеку, – это человек в своем духовном облике приходит ко мне, делится своими мыслями, чувствами, переживаниями. Я письмо встречаю как гостя. Есть письма, какие я не читаю сразу же. Необходима подготовка, “духовный туалет”, как я называю. Как дорогого гостя я принимаю в соответственной обстановке, так и письмо у меня достойный гость»[4]. Такими дорогими гостями были для неё письма из Франции, от Винценца.

Письма Дучиминской к Винцензу часто обширны, иногда в них пять-шесть страниц. Корреспондентка старалась заполнить каждую строчку, не оставить в письме пустого пространства. Она говорила, что не любит, «когда люди, умеющие писать хорошие письма, присылают чистую бумагу. Неужели для письма может когда-нибудь не хватить темы! Интересные люди умеют даже неинтересные темы сделать интересными»[5]. Некоторые письма написаны, можно сказать, в два или в три приема. Декабрьское письмо за 1966 год состоит из трёх

частей и написано на протяжении девятого, одиннадцатого и двенадцатого декабря, а письмо за ноябрь 1966 года также «распадается» на три части и «создавалось» с первого по двадцать седьмое ноября. Интересно, что Дучиминская одну половину письма пишет как бы для Станислава Винценза, а вторую – для Ирэны. И, собственно, эти строки были наиболее лирическими, проникновенными, поэтичными. Она часто обращается к далекой подруге со словами: «Пани Ирэнка, любимая Добрая, Золотая, Сестричка моя духовная!» [6]

Первые письма с обеих сторон были очень эмоциональными, тут царствует радость встречи давних друзей и чувствуется, что они получают невыразимое удовольствие от общения. Адресаты как бы заново переживают те далекие годы, свою молодость, открыленную смелыми мечтами и духовными поисками. Станислав Винценз, отвечая на письмо с Украины, пишет в феврале 1966 года: «Милейшая Пани Ольга! Сегодня счастливый день [...] Письмо после “нормального” часа, уже радость, а что говорить про такое письмо и от Вас!» [7]

Некоторые части писем Дучиминской, особенно обращенные к пани Ирэне, которая хорошо знала гуцульский диалект, написаны с его использованием, что придает им неповторимое звучание: «Павичко злота та стрібна – та декую, що ми такого файного листа пустила! Такі слова ясні, як дьвізди на небі, та щирі, як ранні роси блискучі, падають в душу, аж мі в серцю скобочи... Таким Чьилідинко Божа погладила своїм словом, ек сонце гладит полонини, та груні материнсков руков.[...] Цьомкаю Тибе Чьилідинко Божа і най ті Матко Божа в пазусі носить!»[8]. Со времени последней встречи друзей прошло более чем четверть века, но в памяти Дучиминской сохранились удивительно яркие картины прошлого: «Орлиное Гнездо» (дом Винценза – О. Ц.) под Марышевской.(название горы – О. Ц) Помню те чудесные симпозиумы в Вашем доме. Где швейцарская певица, с которой познакомилась у вас? Где Доктор, который писал «Technik und Geisteskultur? Посылаю им через Вас свои приветы! Таких людей, как Вы и Ваши друзья забыть невозможно! Вы всегда живете в моей памяти!»[9]. Именно эти воспоминания и согревали душу опальной писательницы в ссылке и помогали выжить: «Очень хорошо помню пани Ирэну... Детей... как часто, даже в далеких краях, Вы приходили ко мне и согревали мою грустную душу воспоминаниями... Есть на свете люди, даже воспоминание о которых согревает и оживляет душу, дает почувствовать, что бывают в жизни моменты, ради которых стоило жить! К тем моментам отношу свое знакомство с Вашим многоуважаемым, высоко культурным Домом!»[10]

После долгих лет неизвестности друзья спешат поделиться новостями, правда, больше о своей семье рассказывает Винценз, пани Ольга пишет мало и в общих чертах, вероятно, опасаясь «нескромных глаз», да и написанного ею вполне хватает, чтобы понять ту ситуацию, в которой оказалась эта пожилая и одинокая женщина (муж после войны

остался в Праге, а дочь в США. – *О. Ц.*: «Любимая, Добрая пани Ирэнка – спрашиваете о моей теперешней жизни. Пострадала невинно! Потеряла всё. Теперь живу как кукушка, потому, что не могу свить гнезда, там, где когда-то жила (во Львове. – *О. Ц.*). Живу как на ветвях...» [11].

Но не жалобы были главными темами их переписки. Письма с обеих сторон наполнены творческими планами, мечтами о совместной работе. Друзья обмениваются мнениями о прочитанных книгах, вспоминают общих знакомых, свои встречи в Криворивне и Быстреце. Винценз часто пишет о том, как продвигается его работа над второй и третьей книгами романа «На высокой Полонине», о новых переводах его произведений на иностранные языки. Отвечая на вопросы Дучиминской, рассказывает о некоторых малоизвестных фактах своей биографии, предоставляет ей исключительное право перевода его романа на украинский язык. Из переписки мы узнаем историю написания воспоминаний Станислава Винценза об Иване Франко и события, связанные с созданием памятника этому украинскому писателю в Криворивне в 1936 году, лучше понимаем, какой важной вехой в духовном развитии Дучиминской были эти давние встречи с Винцензом.

Уже в первых письмах Дучиминская приглашает Винценза приехать на Гуцульщину, эта тема обговаривается в кругу самых близких приятелей польского писателя. Он предлагает своему давнему другу, известному польскому эссеисту, который также эмигрировал в Швейцарию, Ежи Стемповскому, совершить это совместное путешествие, но тот посчитал эти приглашения с украинской стороны очень подозрительными. Правда, поездка и самого Винценза не состоялась из-за плохого состояния его здоровья [12].

Из переписки мы узнаем, что иногда Дучиминской удавалось выслать Винцензу некоторые украинские книжки, которые его очень интересовали. В свою очередь и Винцензы также выслали ей книги и журналы, некоторые до сих пор сохраняются в частных библиотеках Ивано-Франковска. Но, если для Винценза письма с Украины были желанными весточками и приносили необыкновенную радость в дом писателя-эмигранта, то для Дучиминской, насильственно оторванной от активной общественно-литературной жизни, переписка стала и своеобразной формой интеллектуальной беседы с культурными, по-европейски образованными адресатами, которые к тому же так же любили Гуцульщину, как и она сама: «Хотела бы, чтобы мое слово дошло до Вас... я разломала переживания моего сердца, как кусок хлеба и делюсь с Друзьями!» [13]. А письма из Франции были для неё не только разговором с приятелями, но и источником жизненных сил, «совместным духовным свиданием», встречей с далекой молодостью, о чем она и расскажет в своем щемящем стихотворении, написанном на украинском языке и обращенном к Винцензу в день его рождения [14].

Существует мнение, что переписка в сравнении с другими жанрами в творчестве многих писателей бывает невысокого качества, что писатель не должен писать писем, так как они «антилитературны», потому что нередко представляют собой лишь «случайный текст», а после своей публикации часто могут компроментировать адресатов, показывая их низость, цинизм, слабость, беспомощность. Но переписка Станислава Винценца и Ольги Дучиминской добавляет необходимые штрихи к их творческой биографии, показывает их зрелую мудрость и невероятную жизненную силу.

Примечания

1. Gałązka z dalekich Polonin. Olga Duczyńska – Irena i Stanisław Vincenzowie: Z dziejów przyjaźni // *Znak*, 1985, nr.6. S.102–15.
2. Письмо О. Дучиминской от 6 апреля 1960 г. – Фонд 17 619/II. Тут и далее все письма, кроме опубликованных ранее, цитируются по материалам Отдела Рукописей Национального Института им. Оссолинских во Вроцлаве, где хранится более тридцати писем и двадцати открыток Дучиминской, адресованных Винцензу (перевод мой. – *О. Ц.*).
3. Письмо О. Дучиминской от 21 ноября 1969 г. – Фонд 17 619/II.
4. Письмо О. Дучиминской от 19 января 1961 г. – Фонд профессора В. Полека. Архив научной библиотеки Прикарпатского университета им. В. Стефаника.
5. Там же.
6. Письмо О. Дучиминской от декабря 1966 г. – Фонд 17 619/II.
7. Письмо С. Винценца от 28 февраля 1966 г. // *Gałązka z dalekich Polonin. Olga Duczyńska – Irena i Stanisław Vincenzowie: Z dziejów przyjaźni*. // *Znak*, 1985, nr. 6. S. 104.
8. Письмо О. Дучиминской от 8 июня 1966. – Фонд 17 672/II.
9. Письмо О. Дучиминской от 6 апреля 1966 г. – Фонд 17 619/II.
10. Там же.
11. Письмо О. Дучиминской от 8 июня 1966 г. – Фонд 17 672/II.
12. См. письмо С. Винценца от 4 августа 1966 г. – Фонд 17 658/II.
13. Письмо О. Дучиминской от декабря 1966 г. – Фонд 17 619/II.
14. Письмо О. Дучиминской от ноября 1967 г. – Фонд 17 672/II.

Н. В. Шведова (Москва). СЛОВАЦКИЙ НАДРЕАЛИЗМ: КОНТУРЫ ИЗУЧЕНИЯ

Словацкому сюрреализму (надреализму), долгое время считавшемуся экспериментальным нереалистическим течением, в отечественной научной и педагогической деятельности уделялось недостаточное внимание. В монографии Л. Г. Андреева «Сюрреализм» (1972) рассматриваются сербский и чешский сюрреализм, но словацкого нет. В III томе «Истории литератур западных и южных славян» (2001) Ю. В. Богданов осветил вопрос основательно, но кратко. Более подробно материал изложен в учебнике по словацкой литературе XX в. (в печати). Раскрыть перед студентами прихотливую красоту надреализма во всех оттенках – задача будущих спецкурсов.

Есть разные периодизации надреализма. И. Вашко выделяет предысторию (1925–1934) – проникновение в Словакию сведений о французском и чешском сюрреализме, фазу 1935–1938 г. – первые опыты поэтов-сюрреалистов, а также теоретико-литературное обоснование сюрреализма, и фазу 1939–1946 г. – возникновение довольно многочисленного движения надреалистов (название

появилось в 1939 г.). В группу надреалистов вошли Р. Фабри, В. Райсел, Ш. Жари, Ю. Ленко, П. Бунчак, Я. Брезина, Я. Рак, из литературоведов – М. Бакош, М. Поважан и др. В год, когда В. Незвал распускает сюрреалистическую группу (1938), словацкие сюрреалисты издают первый альманах «Да и нет», провозглашая «да» прогрессивному в традиции, «нет» культурной реакции и фашизму. Отличительными чертами надреализма стали его поэтическая литературность (по сравнению с Францией и Чехией) и органическая преемственность по отношению к национальной традиции (подчеркнутая апелляция к романтизму, Я. Кралу).

Книгой, открывшей собственную историю надреализма, стал сборник Рудольфа Фабри (1915 – 1982) «Отрубленные руки» (1935). Книга примечательна своим революционным «прорывом». В Словакии был силен «шлейф» символизма. Переломить засилье символистской традиции и был призван сборник Фабри. Собственно сюрреалистической стала часть «Прорыв» с подзаголовком «Автоматические тексты». В книге немало «несерьезных», эпатажирующих стихов, разрушавших привычное представление словаков о поэзии как деле едва ли не сакральном. Сборник Фабри вызвал немало откликов, в том числе возмущенных, однако у молодого поэта нашлись единомышленники. В 1938 г. выходит второй сборник Фабри – «Водяные часы часы песочные», – уже более весомый в прямом и переносном смысле, перешедший от дерзкого отрицания к утверждению ценностей поэзии и жизни. Мы хотели бы подробнее рассмотреть эту книгу, которую С. Шматлак фактически относит к зрелой фазе надреализма (1939 – 1946). В книге, в частности, можно выделить экзистенциальную тему смерти, навеянную войной прошедшей и войной надвигающейся.

Помимо индивидуальных публикаций, надреалисты выпустили еще несколько коллективных сборников: «Мечта и действительность» (1940), «Днем и ночью» (1941), «Приветствие» (1942). Поэты активно публиковались в военные годы, «непонятность» их стихов была препятствием для цензуры. После войны надреализм, пережив всплеск, затухает: новые общественные отношения требовали более однозначной и «ясной» поэзии.

С надреализмом так или иначе связано творчество П. Горова, И. Купца, А. Маренчина. Сюрреалистическая тенденция проявляется в 60-е годы у М. Валека.

Словацкий надреализм должен занять подобающее ему место в университетских курсах по литературе. Он показывает включенность словацкой поэзии в контекст мирового литературного процесса. Надреализм интересен и в сопоставительном плане, прежде всего славистическом.

В. М. Шевцова (Могилёв). «Три встречи» И. С. Тургенева и «Последняя встреча» Я. Брыля (жанрово-видовая специфика)

Закономерен постоянный интерес литературоведов к И. С. Тургеневу и Я. Брылю как признанным писателям-психологам, близким по природе художественного таланта, обладающим сходством жанрового мышления, что позволяет рассматривать их творчество в сравнительно-типологическом плане.

В сфере творческих интересов Я. Брыля постоянно находилось художественное наследие И. С. Тургенева. Побывав однажды на родине писателя в Спасском-Лутовинове, Я. Брыль отметил всемирную значимость «неповторимо <...> чудесного слова Тургенева» [1, с. 329]. «Великолепный Тургенев», – сказал он о таких его произведениях, как «Стук... Стук... Стук!», «После смерти», «Вешние воды» и др. [2, с. 225]. Эти слова свидетельствуют не только об уважении к творчеству прославленного писателя, но и о высокой оценке опыта И. С. Тургенева в жанре повести. Следует отметить, что И. С. Тургенев и Я. Брыль довольно часто обращались к этому жанру, для их творчества характерны малые и средние формы эпической прозы.

«Три встречи» (1852) И. С. Тургенева и «Последняя встреча» (1859) Я. Брыля – это жанровые модификации лирической повести, типологическая общность которых обусловлена господством лирической тенденции в стиле русского и белорусского прозаиков.

В «Трех встречах» И. С. Тургенева, ориентированных на романтическую традицию повестей 30-х годов XIX в., наблюдается расширение романтического плана повествования. Лирико-романтическое начало в «Трех встречах» и связанная с ним форма повествования от первого лица являются характерными признаками повести. Романтическое мировидение и дало мощный импульс для появления в творчестве И. С. Тургенева лирической повести. Герой-рассказчик определяет жанровую доминанту повести, он организует его сюжетно-композиционную структуру. Рассказчик и героиня – это личности духовно богатые, утонченные, «выключенные» из социальной практики. И хотя в «Трех встречах» ситуация порой доминирует над изображением характеров, в центре внимания писателя всегда были поиски героя времени, воплощающего в себе черты русского национального характера.

В центре повести две определяющие сюжетные линии: любовь прекрасной женщины и незнакомца и раскрытие тайны этой любви. Внесюжетные элементы: диалоги с Лукьянычем и глиным старостой Василием, общение с сестрами Анной Шлыкковой и Пелагеей Бадаевой – представляют отдельную композиционную линию, моделирующую жизнь в обыденных проявлениях. Контраст между счастливой ослепительной любовью и обыденностью является определяющим

стилевым принципом не только в «Трех встречах» И. С. Тургенева, но и в «Последней встрече» Я. Брыля.

В «Трех встречах» автор акцентирует внимание на любовной истории, что придает драматический характер конфликту. Мотив странного случая, трижды сталкивающего героя-рассказчика с незнакомкой, вводит нас в сферу иррационального, но таинственное имеет вполне реалистическую основу – оно трактуется автором как превратность судьбы. Реализация авторской мысли о трагическом противоречии между мечтой героев о счастье и волей провидения определяет поэтику повести. При этом внутренний психологический конфликт становится устойчивым и неразрешимым – идеал цельности и гармонии в жизни и чувствах героев является недостижимым. В «Трех встречах», в сравнении с такими повестями, как «Два приятеля», «Затишье», «Фауст», «Ася», более отчетливо проявляются жанровые признаки новеллы, но тургеневская новеллистичность «погашается <...> подчеркнутым сосредоточием на описательной стилистике в ущерб действию» [3, с. 238], что во многом способствует лиризации тургеневской прозы (эмоционально-выразительные картины природы, символические сны рассказчика и т.д.).

«Три встречи» И. С. Тургенева можно отнести к жанру лирико-психологической повести с вторичными признаками новеллы.

Важно иметь в виду, что в центре обеих повестей, поскольку это лирическая проза, находятся в первую очередь субъекты повествования, а во вторую среда и обстановка внешнего мира. Поэтому для авторов главными объектами наблюдения становится психологическая жизнь героев. Но если в «Трех встречах» И. С. Тургенева психологизм носит «тайный» характер, так как мы узнаем о вершинных моментах жизни рассказчика, то в «Последней встрече» Я. Брыля раскрываются тончайшие движения души главного героя, полно воссоздается его интимный мир, и этот психологизм как существенный видовой признак повести можно определить как «явный». Средства же косвенного психологизма в обрисовке Чеси недостаточно раскрывают сложность ее психологического облика. На героиню мы смотрим преимущественно глазами Лени Живеня, честного и порядочного человека. Но неоднозначная политическая ориентация главных героев, острота классово-политической борьбы не позволяют ему осознать трагедийность судьбы Чеси. Как и тургеневские персонажи, герои Я. Брыля пытаются обрести свой идеал в сфере высшей нравственности, но поиск жизненной правды оказывается сложен и противоречив.

В отличие от тургеневских персонажей, характеры брылевских героев более социальные и историчны. Это во многом связано в повести с усилением общественного пафоса, что порой противоречит жизненным ориентирам главных героев. Не случайно Л. Живень свои чувства подчиняет логическим категориям. Этот упрощенный социологический подход к некогда любимой женщине станет непреодолимой преградой к взаимопониманию героев. После разлуки с ней жизнь его, несмотря на

сложные духовные переживания, вновь возвратится в старое русло. Но вместе с Чесей уйдет потребность в высокой любви. Их встреча окажется последней.

Однако открытый тип финала брылевской повести, который характерен для жанровых черт лирической повести, в том числе тургеневской, обращает читателя к философской мысли о неисчерпаемости жизни и ее высотах.

В результате анализа речевой, пространственно-временной сферы мы определяем жанрово-видовую специфику «Последней встречи» как лирико-психологическую, в которой эпическая и драматическая тенденции подчиняются лирической (субъективной). В повести наблюдаются и другие жанровые признаки, осложняющие психологизм: в ней отчетливее выражена сюжетность, повествовательные элементы получают большее значение в структуре произведения.

В отличие от «Трех встреч», жанровой доминантой в «Последней встрече» является образ автора.

Безусловно, жанровая природа тургеневской и брылевской повестей многообразна. Даже в рамках одного вида – лирико-психологической повести – можно отметить как существенные отличительные особенности, так и типологическую общность.

Л и т е р а т у р а

1. Брыль Я. Сбор твораў: . Минск, 1981, У 5 т. Т. 4.
2. Брыль Я. Сёння і памяць: Апавяданні, мініацюры, эсе. Минск, 1985.
3. Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. М., 1980.

А. Г. Шешкен (Москва). МАКЕДОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1990-Х ГОДОВ И ЕЕ МЕСТО В КУРСЕ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1991 год стал этапным в судьбе македонского народа и его культуры: было создано первое в истории самостоятельное государство – Республика Македония. Радикальные изменения в жизни страны, курс, взятый на построение гражданского общества с ориентацией на свободный рынок и предпринимательство, оказали значительное воздействие на развитие литературы. Представляется целесообразным при построении курса истории национальной литературы уделить последнему десятилетию XX века особое внимание. Это необходимо, прежде всего, с точки зрения ознакомления студентов с современным литературным процессом и теми его сложными и противоречивыми явлениями, которые требуют специального рассмотрения. Кроме того, новейший этап художественного творчества должен быть осмыслен и под углом зрения проблемы традиции и новаторства.

Культура Македонии и литература, как ее неотъемлемая часть, в 1990-е годы, несмотря на объективные трудности, представляет собой яркое, динамично развивающееся явление. Возросло внимание

писателей к актуальным национально и социально значимым проблемам. Они ощутили потребность оценить достижения и ошибки эпохи социализма, понять, какие изменения в сознании современного человека вызвали многочисленные политические катаклизмы XX века. Новые интересные произведения были созданы и в прозе, и в поэзии, и в драматургии. Литература наполнилась злободневными мотивами. Протест против насилия, призыв к гуманизму стали основным пафосом македонской литературы на рубеже третьего тысячелетия. В то же время все более продуктивным становится постмодернизм.

Жанровая система новейшей македонской литературы приобрела заметное типологическое сходство с жанровой системой других славянских и европейских литератур. Интенсивному развитию романного жанра способствовал повысившийся в последние десятилетия интерес македонских писателей к национальной истории, осмыслению ее трагических периодов, жизнестойкости характера македонца, его национальным типам.

На новый уровень вышла драма, которая обратилась к современным общественным и политическим проблемам. Многие пьесы переводились на другие языки и приобрели известность за пределами страны. Заслуга в этом принадлежит прежде всего Г. Стефановскому (р. 1952), Й. Плевнешу (р. 1953), В. Андоновскому (р. 1964) и др. Для современной политической драмы характерно широкое использование постмодернистских приемов. Всевозможные реминисценции и аллюзии с произведениями национальной и мировой литературы рассчитаны на образованного и подготовленного зрителя, способного оценить остроумие новой интерпретации известных сюжетов. Наиболее часто используемыми приемами становятся гротеск и “театр в театре”.

Поэзия 1990-х годов представлена именами признанных поэтов, известных и за пределами страны: Б. Конеского (умер в 1993 г.), Г. Тодоровского, М. Матевского, В. Урошевича, П. Андреевского, М. Ренджова, Е. Клетникова, К. Кюлавковой и др. Все увереннее звучит лира молодых – З. Анчевского, С. Димоского, Я. Нинова, С. Гигова-Гиша.

Н. В. Штакельберг (Санкт-Петербург). НЕКОТОРЫЕ СТРУКТУРНО–КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА Я. ТОПОЛА «СЕСТРА»

Яхим Топол – один из самых известных современных чешских писателей – родился в 1962 г. Свою творческую деятельность он начал как представитель пражского поэтического андеграунда. В частности, стоял у истоков известного подпольного издания “Револьвер Ревю”.

Топол – автор, проявивший себя во многих литературных жанрах. После двух удачных поэтических сборников он пишет прозу. Именно как прозаик он стал наиболее известен. Перу Я. Топола принадлежат романы *Sestra* «Сестра», *Anděl* «Ангел», а также повести *Noční práce* «Ночная работа», *Výlet k nádražní hale* «Путешествие в зал ожидания».

Особую популярность Я. Тополу принесла публикация его самого значительного произведения – романа «Сестра» (1994), вызвавшего огромный резонанс среди чешских читателей и литературной критики. Его автор был удостоен литературной премии Эгона Гостовского. В этом объемном произведении (455 страниц) описывается Прага после «бархатной» революции глазами главного героя – Потока. Роман написан в «iCh-форме» и содержит две основные сюжетные линии: рассказ об образовании, расцвете и распаде некоего общества, членом которого являлся главный герой, и историю его индивидуальных исканий (поиск мистической возлюбленной – «Сестры», ее обретение и утрата).

Обращает на себя внимание сложная сюжетно-композиционная структура романа, которая была отмечена некоторыми исследователями современной чешской литературы (Гертруда Занд, Мартин Ц. Путна, Любомир Махала и др.). Л. Махала, в частности, писал: “Чрезвычайно важен сам способ написания романа. С одной стороны, в плане выбора лексических средств и их использования, с другой – с точки зрения выстраивания макро- и микрокомпозиционных частей, а также трансформации действительности в непосредственном действии, видениях и образах романа”. И без того непростая структура произведения осложнена также наличием своеобразных перебоев, микрокомпозиционных элементов, нарушающих ход основного повествования. В частности, к ним относятся «сны», своеобразные «вставные» новеллы, рассказанные персонажами, романа, стихи, написанные главным героем. Помимо этих включений архитектура романа осложнена паратекстуальными элементами: речь идет об эпитафиях, предпосланных второй и третьей частям и описательным названиям глав. Выделение этих текстов представляется правомерным, так как все они не относятся непосредственно к основному повествованию, а некоторые даже не входят в состав основного «корпуса» романа; (все они так или иначе выделены автором).

Анализ данных текстов проливает свет на одну из ключевых проблем произведения: идет ли речь о завершеном событии или повествование развивается одновременно с событиями. Анализ романа показывает, что такие тексты структурируют основное повествование. Они содержат большое количество образов-символов, которые могут служить ключом для интерпретации.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГРАММА	3
МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ	11
В. П. Гудков (Москва). <i>Кафедра славянской филологии МГУ: 60 лет педагогического и научного творчества</i>	11
А. Г. Машкова (Москва). <i>Основные аспекты научной деятельности литературоведов кафедры славянской филологии МГУ</i>	13
М. Ю. Котова (Санкт-Петербург). <i>Деятельность и научно-исследовательская работа кафедры славянской филологии СПбГУ в 1998–2003 г.г.</i>	15
Н. К. Жакова (Санкт-Петербург). <i>Основные направления литературоведческих исследований на кафедре славянской филологии СПбГУ</i>	19
Г. Ф. Ковалев (Воронеж). <i>Изучение славянских языков на кафедре славянской филологии Воронежского университета</i>	21
Б. Ю. Норман, Н. В. Супрунчук (Минск). <i>Проблемы грамматики славянских языков в исследованиях кафедры теоретического и славянского языкознания Белгосуниверситета</i>	28
Н. Д. Григораш (Львов). <i>Научные объединения в перспективе славистических исследований (из опыта деятельности объединения-семинара «Проблемы художественного времени, пространства, ритма»)</i>	32
ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ	35
Н. Е. Ананьева (Москва). <i>Изучение польской хремотонимии как составная часть культурологического и страноведческого образования полонистов</i>	35
Т. Е. Аникина, М. Б. Шулин (Санкт-Петербург). <i>Двуязычная писательская лексикография в ряду филологических дисциплин</i>	37
А. Р. Багдасаров (Москва). <i>Вариантность слова и некоторые проблемы стандартизации в современном хорватском языке (на лексикографическом материале)</i>	39
Л. И. Байкова (Краснодар). <i>Чешско-русская межкультурная коммуникация: лингвострановедческий аспект</i>	42
Е. А. Балашова (Пермь). <i>Русские и словенцы: сопоставительный аспект обыденного восприятия лексических единиц</i>	46
М. В. Балко. <i>Структура цілісних словосполучень сучасної української мови: проблема визначення оптимального методу опису структурних особливостей синтаксично зв'язаних словосполучень</i> ..	49
Н. В. Боронникова (Пермь). <i>К вопросу о статусе лексемы «один» в болгарском и македонском языках</i>	53
Е. Е. Бразговская (Пермь). <i>Проблемы знака и именованя в поэтической онтологии Чеслава Милоша</i>	56
В. М. Вагнер (Москва). <i>Изучение близкородственного языка русистами – цели и задачи (на примере чешского языка)</i>	60

Ж. Ж. Варбот (Москва). <i>О возможности реконструкции славянского этимологического гнезда с корнем *gud- 'сгибать, хватать, сжимать' (к проблеме полисемии/омонимии этимологических гнезд)</i>	62
Е. И. Варюхина (Санкт-Петербург). <i>Славянская мифология и христианская традиция: о семантике библеизмов в народной речи</i>	64
Л. М. Васильев (Уфа). <i>Грамматические категории славянского глагола (время и вид)</i>	67
В. Ф. Васильева (Москва). <i>Языковая объективация мыслительного содержания в ракурсе межъязыковой функциональной словообразовательной и морфологической асимметрии (на материале русского и западнославянских языков)</i>	69
Л. П. Васильева (Львов). <i>Выявление различий в языковых фактах итославянской системы в стандартах сербского и хорватского языков в учебных целях</i>	71
М. Вуйтович (Познань). <i>Проблемы реконструкции первоначального состава древнейшего славянского алфавита</i>	73
А. А. Горбачевский, Ч. А. Горбачевский (Челябинск). <i>Поэтический перевод и адаптация</i>	76
Э. М. Гукасова (Краснодар). <i>Национальное и интернациональное в славянской фразеологии</i>	79
Й. Дапчева (Болгария). <i>Пересказывательные формы глагольных времен в современных болгарских газетах (функциональный аспект)</i>	82
Л. В. Дюсупова (Оренбург). <i>Лингвоэтнические связи польского и русского языков и их отражение в поэзии А. Мицкевича и ее переводах</i>	85
Е. Ю. Иванова (Санкт-Петербург). <i>Логико-синтаксические типы предложений в болгарском и русском языке: проблемы и возможности сопоставительного анализа</i>	86
А. И. Изотов (Москва). <i>Аналитический императив в современном чешском языке</i>	88
М. Ю. Кагушева (Пермь). <i>К вопросу о переводимости причастий с чешского языка на русский и с русского языка на чешский</i>	90
S. Kadić (Zagreb). <i>Kajkavski govor Zagreba te narječja hrvatskoga jezika i nastavi hrvatskih dijalekata</i>	92
Ю. А. Каменькова (Москва). <i>Абстрактные имена эмоционального и чувственного восприятия в ракурсе глагольной метафоризации (на материале чешского языка)</i>	94
А. И. Ковалев (Ростов). <i>СЕМАНТИКА КАУЗАЛЬНЫХ ДЕТЕРМИНАНТОВ В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ</i>	97
Г. Ф. Ковалев (Воронеж). <i>Чацкий и ... Польша</i>	99

Н. С. Ковалев (Волгоград). <i>Сербский информативный текст на электронной странице: грамматические и коммуникативные характеристики</i>	102
В. Короткий (Минск). <i>Контрреформация и Контрправославие: к вопросу о терминологической дефиниции в истории литературных эпох</i>	105
М. Ю. Котова (Санкт-Петербург). <i>К понятию нормы в паремииологии (на материале славянских языков)</i>	108
О. Кровицкая. <i>Украинская историческая лексикография в социокультурном пространстве</i>	111
И. В. Кузьмин (Нижний Новгород). <i>Фразеологизмы с соматонимами как “культуроспецифичные” показатели (на материале русской и польской фразеосистем)</i>	113
Г. В. Кутняя (Львов). <i>Семантические особенности предикатных свойств динамичности и фазовости (на примере предикатов процесса в современном украинском языке)</i>	115
Л. А. Лебедева (Краснодар). <i>Компаративные антропохарактеристики в чешском языке</i>	119
Лешкова О. О. (Москва). <i>К вопросу о метафорической сочетаемости лексем (на материале польского языка)</i>	122
Г. А. Лилич (Санкт-Петербург). <i>И. И. Срезневский и проблема поддельных глосс в средневековом словаре Mater verborum</i>	126
К. В. Лифанов (Москва). <i>Восточнословацкий диалект в публикациях конца XIX – начала XX вв. в США</i>	130
Е. Н. Лучинская (Краснодар). <i>Новейшие лексические заимствования в современном болгарском языке</i>	132
В. М. Ляшук (Минск). <i>Беларускі фальклорны тэкст у параўнальным аспекце</i>	134
И. Д. Макарова (Москва). <i>Словенская языковая ситуация: литературный стандарт и вариативность разговорной речи (на материале разговорной речи Любляны)</i>	138
В. А. Минасова (Ростов-на-Дону). <i>Место слов общего рода среди именных категорий польского и русского языков</i>	140
В. Е. Моисеенко (Львов). <i>О коричневом цвете в русском и других славянских языках</i>	143
Кодзи Морита (Варшава – Киото). <i>Обучение славянским языкам в японском высшем учебном заведении: современное состояние, проблемы и перспективы</i>	147
Ж. Некрашевич-Короткая (Минск). <i>Лингвонимы восточнославянского культурного региона (исторический обзор)</i>	150
В. О. Нечаевский (Москва). <i>О немецких лексических заимствованиях в варминьском диалекте польского языка</i>	153
А. С. Новикова (Москва). <i>Из истории перевода с греческого первой славянской книги</i>	157

И. Г. Овчинникова (Пермь). Освоение семантики глаголов <i>vedieť</i> / <i>знать</i> словацкими и русскими детьми	160
Е. В. Петрухина (Москва). Данные славянских языков для изучения русской языковой картины мира	163
Л. Л. Плыгавка (Вильнюс). Белорусский язык в Литве: социолингвистический аспект	165
О. С. Плотникова (Москва). К проблеме морфологического варьирования в словенском литературном языке XVI века	167
В. Попова (Челябинск). Функционально-семантический подход при изучении наречий времени в чешском и русском языках.....	168
Е. А. Потехина (Минск – Олыштын). Обучение белорусскому языку в условиях белорусско-белорусского двуязычия (проблемы обучения белорусскому языку как иностранному)	170
И. А. Прокофьева, Е. В. Рахилина (Москва). Глаголы колебательного движения: польский и русский	174
О. В. Раина (Санкт-Петербург). Тематическая классификация гуральских лексических диалектизмов в польских пословицах	178
О. А. Ржанникова (Москва). Вопросы социолингвистики и стилистики в «Грамматике болгарского языка для владеющих русским языком» Н. В. Котовой и М. Янакиева.....	179
Е. В. Розова (Донецк). Причины и условия появления инноваций в украинском языке конца XX – начала XXI веков (на материале отыменных существительных – названий лиц)	181
Н. Р. Рыболовлев (Москва). Обращение в польском речевом этикете (польско-русское сопоставление)	185
С. А. Рылов (Нижний Новгород). Сопоставительная славянская синтактология: простое предложение-высказывание и аспекты его изучения.....	187
А. В. Савченко (Санкт-Петербург). Интертекстуальные элементы в структуре художественного произведения как экспрессивно-выразительное средство (на материале романа чешского писателя Й. Шкворецкого «Танковый батальон»).....	191
А. В. Семенова (Москва). К вопросу о модели построения статьи идеографического фразеологического словаря (на материале кашубской фразеологии).....	194
Г. В. Ситар / А. В. Ситарь (Донецк). Українські субстантивні речення з предикатом відношення «ціле → частини».....	197
С. С. Скорвид (Москва). История и диалектология славянских языков в свете некоторых существенных аспектов художественного перевода (на чешско-русском материале)	201
Е. В. Тимонина (Москва). Партиципальные морфемы в болгарском языке	204
Л. И. Тимофеева (Йошкар-Ола). Функционально-семантические особенности субстантивных словосочетаний в русском и польском языках	207

Н. А. Тупикова (Волгоград). <i>Функционально-семантическая характеристика глагольной лексики в культурно-историческом аспекте (к проблеме лингвистического описания старопольских деловых текстов в составе архивных комплексов)</i>	209
Г. П. Тыртова (Москва). <i>К вопросу о новейших заимствованиях в сербском языке</i>	212
Г. Г. Тяпко (Москва). <i>Имена качества в «Сербском словаре» Вука Караджича</i>	215
Н. В. Убийвовк (Тирасполь). <i>Украинский язык в Приднестровье</i>	217
Р. П. Усикова (Москва). <i>Некоторые сопоставления типологии македонского и русского литературных языков в аспекте историко-литературно-языковых ситуаций</i>	220
В. Ушинскене (Вильнюс). <i>О некоторых особенностях выражения просьбы в речи поляков-жителей Вильнюса</i>	223
Е. С. Федоскина (Москва). <i>Октоих Климента Охридского: историко-биографический аспект</i>	225
К. Л. Цыганова (Саранск). <i>Критерии разграничения присоединительных конструкций – членов предложения и неполных предложений (на материале сербохорватского языка)</i>	228
М. С. Хмелевский (Санкт-Петербург). <i>К универсалиям формирования разряда наречий–интенсификаторов в славянских языках</i>	230
А. А. Хрущёва (Москва). <i>К вопросу о применении церковнославянского языка русской редакции в сербской литературе XVIII–XIX вв.</i>	233
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	236
Т. Е. Аникина, М. Л. Бершадская (Санкт-Петербург). <i>Проблемы освещения постмодернизма в курсе зарубежных славянских литератур (на материале чешской и словацкой литератур и литератур югославянских народов)</i>	236
А. И. Баранов (Вильнюс). <i>С. Пишбышевский: творческое наследие. Актуальные аспекты изучения</i>	237
А. Бобраков-Тимошкин (Москва). <i>К вопросу о художественных особенностях чешской прозы 1910-х годов</i>	239
А. Г. Бодрова (Санкт-Петербург). <i>Некоторые особенности автобиографической прозы Ивана Цанкара</i>	243
Е. А. Васильева (Москва). <i>Эволюция поэтики Ладислава Мнячко</i>	246
З. И. Карцева (Москва). <i>ХАЙКУ в болгарской сетевой литературе</i>	249
С. В. Клементьев (Москва). <i>Гротеск в польской прозе 20–30-х годов XX века</i>	253
Е. Н. Ковтун (Москва). <i>Опыт реализации курса «история литератур западных и южных славян» для русистов</i>	256
Е. В. Кузьмук (Москва). <i>Становление украинского романа и романное творчество Ф. М. Достоевского</i>	258
Г. М. Лесная (Москва). <i>Символизм как направление в украинской литературе начала XX века: к постановке вопроса</i>	262
В. Марчок (Братислава). <i>Конец исторической поэтики?</i>	264

С. Н. Мещеряков (Москва). <i>Роман-парабола с историческим сюжетом в сербской литературе 1970-х годов</i>	267
Г. И. Нефагина (Минск). <i>«Неоконченный стих о весне...» (судьба Федора Ильичевича)</i>	269
В. И. Оцхели (Кутанси). <i>Достижения и перспективы изучения творчества Владислава Станислава Реймонта</i>	272
А. Ю. Пескова (Москва). <i>Гротеск в словацкой и в венгерской литературах 50–70-х годов XX века (на примере прозы Петера Карваши и Иштвана Эркеня)</i>	275
В. Д. Петрова (Чебоксары). <i>Внешность святого в славянской агиографии XIV в.</i>	279
А. Ф. Петрухина (Москва). <i>Особенности постмодернизма в творчестве Павла Вилковскогo</i>	282
Д. Подмакова (Братислава). <i>Краткая характеристика взаимосвязей словацкой и русской драматургии и словацкого и русского театра</i>	285
Е. Ю. Рожкова (Москва). <i>К проблеме словацко-венгерских литературных связей</i>	288
М. В. Смирнова (Москва). <i>Возможности метода системного анализа при исследовании жанрообразующей роли концепции личности в художественной прозе Богомила Райнова</i>	292
Н. Н. Старикова (Москва). <i>Постмодернизм в славянских литературах (опыт комплексного исследования)</i>	294
И. В. Уваров (Москва). <i>Проблема художественного мифологизма и славянские литературы второй половины XX века</i>	296
О. И. Цивкач (Ивано-Франковск). <i>Из истории переписки Станислава Винченца и украинской писательницы Ольги Дучиминской</i>	300
Н. В. Шведова (Москва). <i>Словацкий надреализм: контуры изучения</i> ..	304
В. М. Шевцова (Могилёв). <i>«Три встречи» И. С. Тургенева и «Последняя встреча» Я. Брыля (жанрово-видовая специфика)</i>	306
А. Г. Шешкен (Москва). <i>Македонская литература 1990-х годов и ее место в курсе истории национальной литературы</i>	308
Н. В. Штакельберг (Санкт-Петербург). <i>Некоторые структурно – композиционные особенности романа Я. Топола «Сестра»</i>	309

Научное издание

**Исследование
славянских языков и литератур в высшей школе:
достижения и перспективы**

Информационные материалы и тезисы докладов
международной научной конференции

Под редакцией В. П. Гудкова, А. Г. Машковой, С. С. Скорвида

Зав. редакционно-издательским отделом
филологического факультета МГУ *Е. Г. Домогацкая*
edit@philol.msu.ru

Компьютерная верстка: *А. И. Изотов*

Подписано в печать 06.10.03. Формат 60 x 90 1/16.
Бумага офс. № 1. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 16,5. Тираж 250 экз.
Заказ

Типография ордена «Знак Почета»
издательства Московского университета.
119992, Москва, ул. Академика Хохлова, 11.